МИТРОПОЛИТЪ АНТОНІЙ.

Ф. М. ДОСТОЕВСКІЙ, КАКЪ ПРОПОВѢДНИКЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ

"Высшая общественная сила есть сила внутренняго возрожденія"

Митрополитъ Антоній.

Посмертное изданіе подъ редакціей и съ предисловіемъ Архіепископа Никона (Рклицкаго)

* * *

Изданіе Сѣверо-Американской и Канадской епархіи

1965 г.

МИТРОПОЛИТЪ АНТОНІЙ.

Ф. М. ДОСТОЕВСКІЙ, КАКЪ ПРОПОВѢДНИКЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

МИТРОПОЛИТЪ АНТОНІЙ.

Ф. М. ДОСТОЕВСКІЙ, КАКЪ ПРОПОВѢДНИКЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ

"Высшая общественная сила есть сила внутренняго возрожденія"

Митрополитъ Антоній.

Посмертное изданіе подъ редакціей и съ предисловіемъ Архіепископа Никона (Рклицкаго)

* * *

Изданіе Сѣверо-Американской и Канадской епархіи

1965 г.

"DOSTOYEVSKY AS A PREACHER OF REBIRTH"

by Metropolitan ANTONY.

Printed by „Monastery Press" 8601 Bloomfield Ave. Montreal. Que. Canada.
Наборъ и тисненіе типографіи Братства Преп. Іова Почаевскаго въ Монреалѣ, Канада

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Освобожденіе Россіи отъ безбожнаго коммунистическаго плѣна и возрожденіе ея къ обновленной христіанской жизни зависитъ отъ того, найдутся ли въ русскомъ народѣ и въ русскомъ обществѣ духовныя силы, которыя приведутъ русскихъ людей къ отказу отъ жизни грѣха и служенія страстямъ — и къ жизни по заповѣдямъ Божіимъ и велѣніямъ совѣсти, распространяя это возрожденіе, какъ на личную и семейную жизнь, такъ и на жизнь общественную и государственную.

Конечно, такой переворотъ русской жизни зависитъ отъ многихъ факторовъ, главнымъ изъ которыхъ является Евангельская проповѣдь, осуществляемая Церковью Христовой. Однако, проповѣдь Евангелія не должна ограничиваться однимъ только храмомъ, въ которомъ теперь собирается не такъ много людей, но призывъ этотъ долженъ распространяться на всѣ стороны жизни и проникать въ самую глубину человѣческихъ сердецъ. Однимъ изъ видовъ такого пророческаго служенія въ наше время является литературное творчество великаго русскаго писателя Феодора Михайловича Достоевскаго, голосъ котораго звучитъ не только во всемъ мірѣ, но и въ самой плѣненной Россіи, гдѣ издаются его сочиненія, правда съ комментаріями, стремящимися обезличить и обезвредить для революціи его творчество. Тѣмъ не менѣе Достоевскій все болѣе и болѣе признается самымъ великимъ писателемъ міра, творенія его все шире распространяются среди народовъ міра, изслѣдуются и изучаются и онъ признается геніемъ изъ геніевъ.

Однако, Достоевскій чисто мірской писатель, описывающій обычную человѣческую жизнь, онъ не былъ ни богословомъ, ни священнослужите-

лемъ, и его пророческое и нравственно-учительное значеніе должно быть раскрыто какимъ-либо духовнымъ авторитетомъ. Вотъ на эту сторону литературнаго творчества Достоевскаго и обратилъ вниманіе такой великій богословъ и служитель Церкви, какъ нашъ приснопамятный владыка Антоній, который и истолковалъ въ указанномъ смыслѣ творчество Достоевскаго въ своихъ статьяхъ, собранныхъ въ этой книгѣ.

Въ дополненіе къ составленному нами «Жизнеописанію Блаженнѣйшаго Антонія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго» *), и изданному нами сборнику статей Митрополита Антонія: «Нравственныя идеи важнѣйшихъ христіанскихъ православныхъ догматовъ» **), мы издаемъ настоящую книгу съ цѣлью, съ одной стороны, напомнить русскому обществу призывъ Достоевскаго къ возрожденію, а съ другой стороны, дополнить и «Жизнеописаніе» владыки Антонія собраніемъ въ одну книгу его статей о Достоевскомъ, котораго онъ особенно любилъ, будучи самъ, въ своей сферѣ, проповѣдникомъ и служителемъ возрожденія.

Владыка Антоній былъ младшимъ современникомъ Достоевскаго. Когда Достоевскій скончался, въ концѣ января 1881 года, владыкѣ Антонію было 18 лѣтъ, онъ тогда заканчивалъ свое среднее образованіе и былъ восторженнымъ слушателемъ Достоевскаго на литературныхъ вечерахъ въ С.-Петербургѣ, хотя лично съ Достоевскимъ никогда не встрѣчался и съ нимъ не говорилъ. Среди родственниковъ владыки Антонія и ихъ друзей было распространено мнѣніе, что будто бы Достоевскій написалъ своего Алешу Карамазова съ Алеши Храповицкаго, т. е. съ владыки Антонія въ его юношескіе годы. Самъ владыка Антоній возможность этого отрицалъ, указывая на то, что Достоевскій лично его не зналъ. Карамазовская же семья, конечно, не имѣла ничего общаго съ семьей Храповицкихъ, отличавшейся христіанскимъ благочестіемъ. Однако, самая возможность такихъ предположеній, что будто бы Достоевскій въ своемъ Алешѣ описывалъ Алешу Храповицкаго, характеризуетъ его отроческіе годы, основное настроеніе которыхъ сохранилось у него навсегда. Это, между прочимъ, отмѣтилъ одинъ изъ гимназическихъ товарищей владыки Антонія, В. А. Барминскій. Онъ не видѣлся съ владыкой по окончаніи гимназіи и черезъ много лѣтъ, пріѣхавъ однажды въ Житоміръ, и, обнявъ Волынскаго Архіепископа Антонія, воскликнулъ: «Все тотъ же Алеша!» Этотъ юношескій идеализмъ, обогащенный наукой и церковнымъ опытомъ, владыка Антоній сохранялъ до послѣдняго дня своей жизни; въ немъ и разгадка его любви къ Достоевскому. Слѣдуетъ отмѣтить, что су-

---

*) Архіепископъ Никонъ (Рклицкій) "Жизнеописаніе Блаженнѣйшаго Антонія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго" I-X т.т. 1956-1962 г.г. Нью Іоркъ.

**) Митрополитъ Антоній: "Нравственныя идеи важнѣйшихъ христіанскихъ православныхъ догматовъ" 1963 г. Нью Іоркъ.

ществуетъ и другое предположеніе, что будто бы прототипомъ Алеши Карамазова былъ В. С. Соловьевъ, съ которымъ Достоевскій былъ хорошо знакомъ и вмѣстѣ съ которымъ онъ однажды посѣтилъ Святителя Тихона Задонскаго. Однако, при сочиненіи «Бр. Карамазовыхъ» В. С. Соловьеву было уже около 30 лѣтъ и вообще его отроческіе годы врядъ ли подходятъ къ Алешѣ Карамазову.

Въ этой книгѣ мы собрали всѣ статьи, которыя владыка Антоній написалъ о Достоевскомъ. Первая изъ нихъ, «Въ день памяти Достоевскаго», была написана владыкой Антоніемъ въ бытность его доцентомъ С.-Петербургской Духовной Академіи въ январѣ мѣсяцѣ 1888 года, когда отмѣчалась семилѣтняя годовщина смерти Достоевскаго. Вторая большая статья: «Пастырское изученіе людей и жизни по сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго» является внѣкласснымъ чтеніемъ владыки Антонія студентамъ академіи въ 1893 году при его преподаваніи въ Московской Духовной Академіи «Пастырскаго Богословія». Затѣмъ владыкой Антоніемъ, при его заключеніи въ Галиціи въ уніатскомъ монастырѣ въ Бучачѣ, была написана книга: «Словарь къ твореніямъ Достоевскаго», изданная въ 1921 году въ Болгаріи и, наконецъ, 13 статей о Ф. М. Достоевскомъ были написаны владыкой Антоніемъ въ эмиграціи въ періодъ времени между 1929-мъ и 1934-мъ годами. Эти статьи были или продиктованы намъ владыкой или были нами записаны во время его докладовъ. Въ концѣ этой книги мы помѣщаемъ статью владыки Антонія: «Какъ относится служеніе общественному благу къ заботѣ о спасеніи своей собственной души?» Статья эта, написанная въ 1892 году въ Москвѣ, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ Достоевскому, но въ ней разсматривается тотъ же вопросъ, которому посвящена и эта книга — вопросъ возрожденія. Владыка заканчиваетъ эту статью такими словами: «Итакъ, высшая общественная сила есть сила внутренняго возрожденія. Эту истину раскрываютъ два русскихъ писателя въ своихъ трактатахъ и повѣстяхъ. Но у одного (Л. Н. Толстой — А. Н.) истина затемнена пантеистической мглой и даетъ примѣры лишь отдѣльныхъ порывовъ, но не постоянныхъ жизненныхъ устоевъ. За другого (Ф. М. Достоевский — А. Н.), напротивъ, стоитъ вся исторія Христіанства. Идеи этихъ писателей потрясаютъ сердца и умы цѣлой Европы». Вотъ эти слова вполнѣ объясняютъ, почему мы нашли необходимымъ присоединить и эту статью къ книгѣ о Достоевскомъ, служителѣ возрожденія.

Мы издаемъ эту книгу для того, чтобы обратить вниманіе нашего общества на то, что давно было сказано, но на что не было тогда обращено должнаго вниманія. Мы, конечно, понимаемъ, что идеи Достоевскаго могутъ быть распространяемы не столько среди широкихъ массъ народа, сколько среди нашей интеллигенціи, которая, однако, нуждается въ ду-

ховномъ просвѣщеніи больше самого народа. Народъ, послѣ всего пережитаго подъ властью большевиковъ, имѣетъ своимъ главнымъ учителемъ суровую жизнь, онъ давно уже, вѣроятно, прозрѣлъ и укрѣпилъ въ себѣ то религіозное чувство, которое всегда было въ немъ живо. Онъ лишь ждетъ своихъ новыхъ руководителей, просвѣщенныхъ и обновленныхъ христіанскимъ духомъ. Вотъ созданію и воспитанію такихъ руководителей русской жизни и можетъ послужить великій Достоевскій, истолковываемый не менѣе великимъ Митрополитомъ Антоніемъ, а нашъ трудъ по изданію этой книги является посильнымъ содѣйствіемъ сему Божьему дѣлу. Въ этомъ смыслѣ изложенное въ этой книгѣ «старое слово», написанное 75 и 50 лѣтъ тому назадъ является какъ бы нѣкіимъ «новымъ словомъ».

Архіепископъ Никонъ.

КРАТКІЯ БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМЪ.

—o—

Родъ Достоевскихъ принадлежитъ къ древнимъ дворянскимъ родамъ Литовскаго происхожденія. Въ Минской губерніи, въ раіонѣ Пинскихъ болотъ, находится имѣніе шляхетской фамиліи Достоевскихъ «Dostojewo» или «Dostojew». Въ управленіи этой фамиліи въ XVII вѣкѣ находился одинъ изъ православныхъ монастырей на Литвѣ. Акиндій Достоевскій былъ іеромонахомъ Кіево-Печерскаго монастыря. Въ XVII вѣкѣ Стефанъ Достоевскій поступилъ въ монастырь и достигъ епископскаго сана. Дѣдъ писателя, Андрей Михайловичъ Достоевскій, былъ протоіереемъ г. Брацлава Подольской епархіи. Въ 1790 году въ «Богогласникѣ» Почаевской Лавры помѣщена «Пѣснь покаянная. Творецъ Андрей Достоевскій». Вѣроятно, это былъ дѣдъ писателя.

Дѣдъ писателя, протоіерей Андрей Достоевскій, желалъ, чтобы его сынъ Михаилъ — отецъ писателя — былъ бы также священникомъ, и онъ отдалъ его на ученіе въ Подольскую Духовную Семинарію, въ которой онъ пробылъ два года. Однако, достигнувъ 15 лѣтъ, онъ самовольно оставилъ семинарію и ушелъ изъ родительскаго дома съ Украины въ Москву, разойдясь со своими родителями. Въ Москвѣ ему удалось поступить въ число воспитанниковъ Московскаго отдѣленія Императорской Медико-Хирургической Академіи. По окончаніи академіи онъ служилъ на военно-медицинской службѣ, а затѣмъ ушелъ въ отставку и получилъ мѣсто врача въ больницѣ для бѣдныхъ при отдѣленіи для приходящихъ больныхъ Императорскаго Московскаго Воспитательнаго дома.

X.

Феодоръ Михайловичъ Достоевскій родился 30 октября 1821 года въ правомъ флигелѣ больницы для бѣдныхъ, въ которой его отецъ былъ врачемъ. Въ семьѣ было восемь душъ дѣтей. Въ 1833 г. онъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Михаиломъ, былъ отданъ въ Москвѣ въ полупансіонъ съ гимназическимъ курсомъ Н. И. Драшусова, а съ 1834 года братья были переведены въ Московскій частный пансіонъ Л. И. Чермака.

Мать писателя Марія Феодоровна, урожденная Нечаева, была купеческаго происхожденія, скончалась она 27 февраля 1837 года на 37-мъ году жизни. На ея могилѣ была сдѣлана надпись братьями Михаиломъ и Феодоромъ: «Покойся милый прахъ до радостнаго утра!»

Смерть Пушкина, 29 января 1837 года, произвела на 16-лѣтняго Достоевскаго сильное впечатлѣніе.

Въ 1838 году Достоевскій поступилъ въ Инженерное Училище въ С.-Петербургѣ. 11 августа 1842 года онъ былъ произведенъ по экзамену въ подпоручики. Въ его кондуитномъ спискѣ ему была дана такая характеристика. «Усерденъ ли по службѣ? — Весьма усерденъ. Каковыхъ способностей ума? Хорошихъ. Въ какихъ наукахъ имѣетъ знаніе? Въ Законѣ Божіемъ, въ русскомъ языкѣ, во всей чистой математикѣ со включеніемъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій, начертательной геометріи, статикѣ, геодезіи, полевой и долговременной фортификаціи и минномъ искусствѣ, артиллеріи, военно-строительномъ искусствѣ, архитектурѣ, физикѣ, тактикѣ, исторіи, географіи, рисованіи, ситуаціи и черченіи плановъ. Какіе знаетъ иностранные языки? Французскій и нѣмецкій. Каковъ въ нравственности? Хорошъ. Каковъ въ хозяйствѣ? Хорошъ». 12 августа 1843 года Достоевскій окончилъ полный курсъ наукъ въ верхнемъ офицерскомъ классѣ и былъ зачисленъ въ инженерный корпусъ при С.-Петербургской Инженерной командѣ «съ употребленіемъ для чертежнаго инженернаго департамента» со званіемъ полевого инженеръ-подпоручика.

Первые литературные труды Достоевскаго начинаются съ переводовъ литературныхъ произведеній съ французскаго языка. 19 октября 1844 года Достоевскій увольняется съ военной службы, по прошенію, въ отставку съ производствомъ въ поручики.

Съ 1845 года Достоевскій начинаетъ работать надъ своей повѣстью «Бѣдные люди», которая выходитъ въ свѣтъ въ 1846

году и сразу доставляетъ ему извѣстность, какъ восходящей звѣздѣ въ литературномъ мірѣ. Затѣмъ онъ пишетъ свои небольшіе разсказы: «Двойникъ», «Неточка Незванова», «Хозяйка», «Господинъ Прохарчикъ» и др. Наблюденія надъ бѣдными людьми въ дѣтствѣ, въ больницѣ, въ которой онъ родился и жилъ, даютъ ему обширный матеріалъ для его литературныхъ произведеній.

Въ 1847 г. происходитъ знакомство Достоевскаго съ Петрашевскимъ, который увлекаетъ его въ революціонный кружокъ. Въ томъ же году съ нимъ происходитъ около Исаакіевской площади въ С.-Петербургѣ первый сильный припадокъ эпилепсіи, отъ которой онъ потомъ страдалъ всю жизнь.

22 апрѣля 1849 года въ 4 часа утра Достоевскій за свою революціонную работу въ кружкѣ Петрашевскаго былъ арестованъ и вмѣстѣ съ 34 членами кружка былъ заключенъ въ тюрьму. Военнымъ Судомъ 16 ноября 1849 года онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая по повелѣнію Императора Николая I была замѣнена ссылкой на 4 года на каторжныя работы съ зачисленіемъ, послѣ ихъ отбытія, рядовымъ.

Съ 1850 по 1854 годъ Достоевскій провелъ на каторгѣ въ Омской тюрьмѣ. Послѣ отбытія каторги, Достоевскій былъ зачисленъ рядовымъ въ 7-ой линейный баталіонъ, стоявшій въ Семипалатинскѣ. На военной службѣ онъ пробылъ пять съ лишнимъ лѣтъ и въ 1859 году былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ чинъ прапорщика и затѣмъ былъ награжденъ слѣдующимъ чиномъ подпоручика. Въ 1857 году Достоевскій, въ 34-лѣтнемъ возрастѣ, женился на вдовѣ М. Д Исаевой и ему было возвращено дворянское достоинство. Въ этотъ періодъ времени онъ написалъ «Село Степанчиково». Послѣ Семипалатинска Достоевскому было разрѣшено жить сначала въ Твери, а затѣмъ и въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, но онъ находился подъ негласнымъ наблюденіемъ полиціи.

Съ 1860 по 1865-ый годъ Достоевскій работалъ въ С.-Петербургѣ въ различныхъ журналахъ и здѣсь начались печататься его «Записки изъ Мертваго Дома». Въ этотъ періодъ времени въ Москвѣ вышло его двухтомное собраніе сочиненій, состоявшее изъ небольшихъ разсказовъ и повѣстей.

Въ 1861 году началось печатаніе романа Достоевскаго «Униженные и оскорбленные» въ журналѣ «Время», который

онъ издавалъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Михаиломъ.

Въ 1862-мъ году Достоевскій совершилъ поѣздку заграницу, гдѣ онъ встрѣтился съ Герценомъ, который отозвался о немъ такъ: «Вчера былъ Достоевскій. Онъ наивный, не совсѣмъ ясный, но очень милый человѣкъ. Вѣритъ съ энтузіазмомъ въ русскій народъ». (Герценъ. Соч. XV, 354).

26 мая 1863 года журналъ «Время», по распоряженію правительства, былъ закрытъ за статью по Польскому вопросу «Роковой вопросъ», которая расходилась съ правительственной политикой.

15 апрѣля 1864 года умерла жена Достоевскаго Марія Димитріевна, бракъ съ которой не былъ удачнымъ.

Въ 1864-65 г.г. Достоевскій издавалъ журналъ «Эпоха».

Въ 1865-67 году Достоевскій печаталъ въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» М. Каткова, «Преступленіе и Наказаніе».

15 февраля 1867 г. Достоевскій вступилъ во второй бракъ съ Анной Григорьевной Сниткиной, стенографисткой, записывавшей «Преступленіе и Наказаніе». Анна Григорьевна явилась для Достоевскаго какъ бы его Ангеломъ Хранителемъ.

Съ 1867 по 1871 г. Достоевскій съ женой находился заграницей. Въ 1870-мъ году Достоевскій въ Дрезденѣ началъ писать свое пророческое произведеніе «Бѣсы».

Въ 1868 году — «Идіотъ».

Съ 1873-1874 г.г. Достоевскій редактировалъ журналъ «Гражданинъ» и въ немъ печаталъ свой «Дневникъ Писателя».

Въ 1874-1875 г.г. Достоевскій написалъ романъ «Подростокъ».

Въ 1878-1880 г.г. — «Братья Карамазовы».

Въ началѣ 1881 года Достоевскій заболѣлъ. 28 января, въ среду утромъ, Достоевскій, раскрывъ Евангеліе и прочитавъ нѣсколько словъ, сказалъ своей женѣ, что, вѣроятно, онъ умретъ въ этотъ день. Въ 7 часовъ вечера призвалъ къ себѣ дѣтей. Онъ попросилъ передать свое Евангеліе, съ которымъ онъ, повидимому, не разставался съ каторги, сыну Феодору. Въ 8 час. 38 м. вечера 28 января 1881 года, на 60-мъ году своей жизни, Достоевскій скончался. Начавшаяся при его жизни его міровая слава непрерывно растетъ, возведя его въ міровые геніи.

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО

Съ 1846 по 1848 г.г.

«Бѣдные люди», — романъ
«Двойникъ», — Петербургская поэма
Романъ въ девяти письмахъ
«Господинъ Прохарчикъ», — разсказъ
«Хозяйка», — повѣсть
«Ползунковъ»
«Слабое сердце», — повѣсть
«Честный воръ», — изъ записокъ неизвѣстнаго
«Елка и свадьба», — изъ записокъ неизвѣстнаго
«Чужая жена и мужъ подъ кроватью».

Съ 1848 по 1859 г.г. :

«Бѣлыя ночи», — сентиментальный романъ
«Неточка Незванова»
«Маленькій герой»
«Дядюшкинъ сонъ»
«Село Степанчиково и его обитатели»

1861 г. :

«Униженные и оскорбленные»
«Записки изъ мертваго дома»

Съ 1862 по 1869 г.г. :

«Скверный анекдотъ», — разсказъ
«Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ»
«Записки изъ подполья», — повѣсть
«Крокодилъ, необыкновенное событіе или пассажъ въ Пассажѣ»
«Игрокъ», — романъ
«Вѣчный мужъ», — разсказъ

XIV.

Съ 1865 по 1867 г.г.:

«Преступленіе и наказаніе», — романъ

1868 г.:

«Идіотъ», — романъ

1871 - 1873 г.г.:

«Бѣсы», — романъ въ 3-хъ частяхъ

1874 - 1875 г.г.:

«Подростокъ», — романъ въ 3-хъ частяхъ

1879 - 1880 г.г.:

«Братья Карамазовы», — романъ въ 4-хъ частяхъ съ эпилогомъ.

Кромѣ того Достоевскій издавалъ журналъ «Дневникъ Писателя» въ 1873, 1876, 1877 и 1881 г.г.

I

ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКАГО *)

(Январь 1888 года)

*) Въ первый разъ была напечатана въ жунал̀ѣ "Русское Дѣло" январь 1888 г. и затѣмъ въ Полномъ Собраніи Сочиненій, т. 3-ій, стр. 369, изд. И. Л. Тузова. С. Петербургъ 1911 г.

I.

ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКАГО.

(Январь, 1888 года).

Семь лѣтъ тому назадъ послѣдніе дни перваго годового мѣсяца потрясли до самой глубины души наше столичное и отчасти провинціальное общество, а учащуюся молодежь, по преимуществу. Когда разнеслась вѣсть о томъ, что умеръ Достоевскій, то каждый непосредственно почуялъ въ своемъ горько опечаленномъ сердцѣ, что умершій былъ для него гораздо ближе, чѣмъ онъ предполагалъ прежде. Всѣ весьма многочисленныя сужденія, картины и вопросы, которые онъ встрѣтилъ въ трудахъ почившаго, въ этотъ горестный день слились въ нѣчто цѣлое, въ нѣкую единую истину, великую для сознанія и притомъ самоочевидную. Евангеліе, вѣчная жизнь, самоотверженіе и любовь — вотъ тѣ идеи, которыя вмѣстѣ со смертію своего провозвѣстника, какъ-то особенно ярко начертались сами собой на сердцахъ, ясно возвѣщая о своемъ безсмертіи, о своей продолжительности въ сознаніи того, кто носилъ и исповѣдывалъ ихъ, о безсмертіи своего проповѣдника.

Въ тѣ, воистину священные дни, стали вѣрующими христіанами многіе изъ всегдашнихъ отрицателей: многочисленная толпа студентовъ, курсистокъ, юнкеровъ, гимназистокъ и другихъ учащихся пѣли «Святый Боже», тогда еще не освященное обычаемъ; пѣли и тѣ, которые никогда не молились прежде; подобные же люди были между читавшими

надъ гробомъ псалтирь, не прекращавшими чтеніе даже ночью. Смерть такого человѣка какъ-то вдругъ раскрыла имъ глаза и воззвала къ жизни для Бога. Произошло нѣчто, подобное Голгофѣ: воскресли мертвые духомъ, били себя въ перси, исповѣдуя божественное достоинство дотолѣ отвергаемаго ими Христа, о Которомъ училъ умершій... Да, эпитафія съ заглавія «Братьевъ Карамазовыхъ», перенесенная на памятникъ Достоевскаго, въ день смерти его осуществилась явно. **«Истинно, истинно говорю вамъ, если пшеничное зерно, упавши на землю, не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода».** И мы тогда видѣли и свидѣтельствуемъ, что не стадное увлеченіе толпы, а ясное пробужденіе совѣсти отражалось на лицахъ, они плакали и молились.

Объяснить эти явленія, скажемъ, эти событія по существу, значитъ — покушаться на самую характеристику писателя. Обратимъ вниманіе только на главную причину, по которой эта смерть была для каждаго чѣмъ-то своимъ, какимъ-то переворотомъ во внутренней жизни.

Достоевскій — геній, христіанинъ, славянофилъ, народникъ, психологъ, философъ, — все это такъ; но этими свойствами обладали и другіе писатели; почему же только онъ такъ близокъ душѣ каждаго человѣка, не лишеннаго идеаловъ? Къ счастію, мы имѣемъ его собственное опредѣленіе сущности его генія; вотъ оно: «при полномъ реализмѣ найти въ человѣкѣ человѣка... я изображаю всѣ глубины души человѣческой»... (Т. I, стр. 373).

Каждый человѣкъ, при всемъ разнообразіи характера и положеній, имѣетъ образъ Божій, который, облекшись въ свойства его индивидуальной природы, долженъ создать индивидуальный, но въ то же время и идеальный характеръ. Однако, осуществленіе этого идеала, или накопленіе и уничтоженіе его, зависитъ отъ самого человѣка. Достоевскій прозрѣвалъ въ каждомъ этотъ его идеальный образъ и умѣлъ полюбить его; это такъ называемая «любовь человѣка въ Богѣ», — любовь христіанская въ отличіе отъ мірской, которая относится къ наличному состоянію человѣческаго духа. Послѣдняя выражается въ простомъ стремленіи къ любимому существу, а первая — въ стремленіи возсоздать въ немъ его идеалъ; она есть любовь воспитывающая.

Эта-то любовь не только научила Достоевскаго найти искру добра во всякомъ заблуждающемся, во всякомъ злодѣѣ, но она возвышала его анализъ надъ твореніями даже тѣхъ талантовъ европейской и американской литературы, которые поставили себѣ цѣлью описывать святыя чувства въ самыхъ безсердечныхъ типахъ. Дѣло въ томъ, что Достоевскій при такомъ (конечно, уже само по себѣ великомъ) проникновеніи начертывалъ, кромѣ того, путь, по которому это присущее всякому доброе начало можетъ развиваться все сильнѣе и сильнѣе до борьбы съ подавившими было его страстями, до побѣды надъ ними, до полнаго отожествленія съ собою всего человѣка. Но что еще замѣчательнѣе, это реализмъ Достоевскаго при такихъ высокихъ идеалахъ: онъ не игнорировалъ злой воли человѣка, злой дѣйствительности. Всѣ его романы, особенно три послѣдніе, постоянно рисуютъ намъ, какъ на каждой ступени развитія каждаго характера представляется путь къ усиленію этого добраго начала, въ какой образъ оно стремится вылиться, и какъ затѣмъ человѣкъ снова извращаетъ его, снова отворачивается отъ истины и добра, и какъ, наконецъ, даже здѣсь, въ самомъ низкомъ паденіи, опять не потухаетъ еще искра присущаго ему добра, освѣщающая ему путь возстановленія. Какого бы изъ героевъ этихъ трехъ романовъ вы ни взяли, какую бы сцену ни открыли, вездѣ встрѣтите ту же идею, тѣ же двѣ проведенныя дороги — къ спасенію въ человѣкѣ образа Божія, и къ уничтоженію.

Съ этой идеей Достоевскій прошелъ по всѣмъ слоямъ общества: по монастырямъ и церквамъ, по университетамъ и низшимъ школамъ, по гостинымъ и гуляньямъ, по ученымъ кабинетамъ и судамъ, по улицамъ и больницамъ, по кабакамъ и блудилищамъ, наконецъ и каторжнымъ шахтамъ.

Указывая вездѣ доброе въ людяхъ, показывая этихъ людей на самомъ процессѣ развитія ихъ нравственнаго возрожденія, Достоевскій, какъ бы противъ воли, заставляетъ читателя полюбить человѣка, полюбить всякаго ближняго, этою христіанскою любовью, прозрѣвая во внутреннюю сокровищницу его души.

Но среди многихъ своихъ разнородныхъ типовъ, разнородныхъ и по внутреннему характеру, и по положеніямъ, и условіямъ жизни, Достоевскій съ особенною любовію и геніальнымъ умѣніемъ рисовалъ различныя разновидности типа русскаго интеллигента идеалиста — искателя правды. По-

добными типами наполнены «Бѣсы», три такихъ типа найдете въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ», цѣлые романы, какъ «Подростокъ», «Преступленіе и Наказаніе» и «Братья Карамазовы» вращаются на главномъ героѣ подобнаго типа, окруженномъ такими же второстепенными героями. Въ этомъ отношеніи Достоевскій стоитъ во главѣ цѣлаго ряда писателей, начиная отъ Пушкина. Писатели эти, единодушно сознающіеся въ неудачномъ исходѣ идеаловъ своихъ героевъ, пытаются отвѣтить на вопросъ: чего же именно не доставало имъ для осуществленія своихъ великихъ жизненныхъ задачъ? Вопросъ этотъ они разрѣшаютъ различно. Пушкину Достоевскій усваиваетъ то разрѣшеніе, что наши идеалисты должны отказаться отъ дѣланной, свѣтско-чиновной жизни, съ ея предразсудками, и слиться вмѣстѣ со своими филантропическими идеями съ жизнью народною, съ ея христіанскими стремленіями. Достигнуть такого освобожденія отъ своей мучительной, безцѣльной и коверканной сутолоки и слиться съ искреннимъ бытомъ народа возможно при отрѣшеніи отъ эгоизма, такъ глубоко хотя и незамѣтно, въѣвшагося въ міровые идеалы искателей истины. Они не умѣли этого сдѣлать, а потому и выйти изъ засасывающей ихъ тины страстей они оказались неспособны, даже при внѣшнемъ присоединеніи къ простолюдинамъ; они и туда внесли свое зло и несчастіе и были отвергнуты народомъ.

«Оставь насъ, гордый человѣкъ.
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не караемъ, не казнимъ,
Но жить съ убійцей не хотимъ».

Дикій цыганъ обличаетъ образованнаго либерала; ему объясняетъ: «ты для себя лишь ищешь воли».

Такъ-то растолковалъ Достоевскій Пушкина и поклонился его генію, какъ н а р о д н о м у, какъ провидцу истинной задачи Россіи, состоящей въ томъ, чтобы чрезъ единеніе общества съ народомъ воплотить христіанство въ жизнь. Раскрыть это воплощеніе въ реальныхъ картинахъ взялся Достоевскій. Онъ изобразилъ до послѣдней мелочи всѣ данныя, съ которыми идеалисты общества идутъ къ народу, представивъ самую точную топографію ихъ внутренняго міра. Какъ въ зеркалѣ, видятъ они себя въ его романахъ, и кто со смиреніе-

емъ, а кто и со скрежетомъ зубовъ, долженъ бываетъ сознаться, что въ его идеалъ вошло много грязи, много личнаго раздраженія, зависти и разнузданности, что всѣ его личные внутренніе звѣри въ значительной степени опредѣлили и частнѣйшія формы его идеаловъ и заставили отвратиться отъ многого святого; что не жизнь слѣдуетъ обвинять въ неудачахъ, не невѣжество людей, а собственное нравственное безсиліе, собственные пороки.

Достоевскій не останавливается на чистомъ анализѣ факта: онъ показываетъ, что, очистивъ идеалъ и себя самого отъ грязи, мы останемся не при чемъ иномъ, какъ при идеалѣ христіанскомъ, что послѣдній не исключаетъ собою, но обнимаетъ и усовершенствуетъ все, что только есть добраго въ мысли и чувствѣ человѣка, по слову Спасителя: **«все еже дастъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ пріидетъ».**

Такъ, Раскольниковъ, очистивъ свою совѣсть отъ прежнихъ заблужденій ея, тѣмъ самымъ пріобрѣлъ и новую вѣру: не гордецомъ, но смиреннымъ христіаниномъ является онъ въ ссылкѣ. — И насколько тѣ «горды» искатели свободы и правды, которые не побороли прежде всего себя самихъ, насколько всѣ эти Ставрогины, Верховенскіе, Раскольниковы и старшіе Карамазовы оказываются въ будничной жизни еще злѣйшими бичами своихъ ближнихъ, чѣмъ тѣ «старые» противъ которыхъ они ратовали: настолько идеалисты христіане находятъ возможность вложить свою лепту добра и такимъ образомъ осмысливать будничную сѣренькую жизнь. Имъ свѣтитъ образъ Христа и вѣра въ Церковь, или православіе, которое тѣмъ и велико въ глазахъ Достоевскаго, что оно при помощи народныхъ обычаевъ, вноситъ «великую идею» о Богѣ, св. Духѣ, о вселенскомъ союзѣ людей, во всякую область жизни, въ каждый ея шагъ, напоминаетъ намъ всюду о Богѣ, живущемъ во взаимной любви всѣхъ вѣрующихъ безъ различія состояній и народностей. Вотъ почему гнетущая людей, но неизбѣжная для «гордецовъ», пошлость житейская освѣщается божественнымъ свѣтомъ, лишь только они «внутреннимъ образомъ» принимаютъ Евангельское ученіе. Покаявшійся Раскольниковъ, Шатовъ, а особенно о. Зосима и Алеша со свѣтлымъ взоромъ любуются на каждую Божію тварь, на всѣ добрыя явленія человѣческаго быта, вездѣ они видятъ десницу Божію, всякому горю удѣляютъ нѣжное участіе; всякому, даже злѣйшему, паденію — слово вразумленія. Для

нихъ нѣтъ опасности разочарованій: они въ каждомъ несчастіи, какъ и во всемъ мірѣ вещей, усмотрятъ духовными очами любовь Творца, по слову другого поэта:

«Меня во маркѣ и пыли
Земли влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова.
И просвѣтлѣлъ мой темный взоръ,
И сталъ мнѣ видимъ міръ незримый,
И внемлетъ ухо съ этихъ поръ,
Что для другихъ неуловимо.
И съ гордой выси я сошелъ
Проникнутъ весь ея лучами
И на волнующійся долъ
Взираю новыми очами . . .
И вѣщимъ сердцемъ понялъ я,
Что все, рожденное отъ Слова
Лучи любви кругомъ лія,
Къ Нему вернуться жаждетъ снова;
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону,
И всюду звукъ и всюду свѣтъ,
И всѣмъ мірамъ одно начало,
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Что бы любовью не дышало».

Но вѣдь выразить этотъ принципъ въ фантастическомъ апофеозѣ легко, легко его опредѣлить путемъ общихъ понятій христіанской морали. Незабвенная и незамѣнимая заслуга Достоевскаго — въ реализаціи этого принципа посредствомъ картинъ житейской дѣйствительности. Онъ въ тысячѣ реальнѣйшихъ картинъ показалъ, какъ возможно его прилагать къ современному холодно-эгоистическому быту, обладая только живою вѣрою и дѣйствительной любовію къ каждому человѣку (а не къ человѣчеству вообще, при равнодушномъ отношеніи къ окружающимъ). Въ этомъ состоитъ смыслъ типа Алеши Карамазова, который, и передъ старцами-монахами, и въ средѣ малыхъ школьниковъ, между развратнѣйшими ро-

дичами и въ обществѣ изнѣженныхъ барынь, и въ трактирѣ, и у блудницы, вездѣ, словомъ, является непосредственнымъ утѣшителемъ, примирителемъ, учителемъ, провозвѣстникомъ царствія Божія.

Показать намъ фактически-детально жизненное значеніе христіанства и народничества, вывести ихъ изъ области науки, публицистики и поэзіи въ повседневномъ бытѣ, — вотъ чѣмъ заставилъ слѣдовать за собою Достоевскій, извѣрившуюся во всякую теорію интеллигенцію.

Этого, вѣроятно, способа и ожидали тѣ великіе мужи русской исторіи XIX вѣка, послѣдователемъ которыхъ и объявилъ себя Достоевскій. Разумѣю славянофиловъ. Они скорбѣли о косности своихъ слушателей и читателей, и молили Бога о болѣе убѣдительномъ для общества проповѣдникѣ.

«Молилъ Тебя въ часъ полуночи
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міру глашалъ онъ далеко
Глаголами правды своей.
Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать людямъ и уши, и сердце
Для слышанья рѣчи святой».

Пророкъ этотъ раскрылся въ лицѣ Достоевскаго. Онъ раскрылъ предъ нами нашу совѣсть, какъ на картинѣ; онъ училъ насъ, прежде всякихъ теорій, слушать голосъ своей совѣсти, освобождать себя отъ рабства страстямъ, не въ правовыхъ понятіяхъ, не въ политической экономіи, а прежде всего въ душѣ своей уничтожить разницу между мужикомъ и бариномъ, — а затѣмъ уже смотрѣть, какое міровоззрѣніе оправдывается подобными принципами братства, и уразумѣть то міровоззрѣніе, міровоззрѣніе Евангелія. «Смирись, гордый человѣкъ!» взывалъ онъ вслухъ цѣлой Россіи на Пушкинскомъ юбилеѣ, «Смирись, праздный человѣкъ!». Не изъ внѣшняго порядка вещей, а изъ сердца твоего вырви эгоизмъ, развратъ и злобу, — и тогда приходи «поработать на родную ниву»... Проснулась общественная совѣсть, проснулась предъ гробомъ пророка: даже лица человѣческія просвѣтлѣли въ тѣ дни, но увы — не надолго.

Гдѣ теперь всѣ тѣ, которые при выносѣ его тѣла воспѣ-

вали Св. Троицу устами, давно привыкшими только къ кощунству и глумленію? Гдѣ тѣ, которые будучи народниками патріотами и прежде, здѣсь уже прямо возвѣщали единеніе съ Церковью, внесеніе въ жизнь ея истины? Гдѣ тѣ, которые при гробѣ его обѣщались навсегда оставить «интеллигентный развратъ» и трудиться самоотверженно для народа?

Взгляните на современное состояніе общества. Тогда мы вооружались противъ безбожныхъ отступниковъ отъ народно-церковной жизни, противъ ложныхъ дешевыхъ либераловъ въ чиновничьихъ мундирахъ, потерявшихъ все дорогое для народа, якобы во имя прогресса, а на самомъ дѣлѣ лишь по своему непроходимому невѣжеству въ области религіи и морали. Теперь приходится видѣть тупую ложь и лицемѣріе, проникнувшими и въ правый лагерь. Приходится встрѣчать каждую минуту явленія, гдѣ уже не либеральными фразами изъ журналовъ прикрывается холодный карьеризмъ и презрѣніе къ меньшей братіи, но увы священными словами Божественнаго писанія и святыми обычаями Церкви. И насколько поклоненіе Христу Его бичевателей гнуснѣе и преступнѣе самыхъ бичеваній, настолько же эта низкая эксплуатація вѣры гибельнѣе для нея, чѣмъ прежнее безцеремонное ея попираніе...

Достоевскій всѣ надежды обновленія возлагалъ на молодежь, на ея готовность къ самоотверженному подвигу (ч. I, стр. 81); можетъ быть его молодежь не вся измѣнила, и мы знаемъ о нѣсколькихъ работникахъ, трудящихся по угламъ Россіи, во имя его завѣтовъ, надъ просвѣщеніемъ народа. Но въ наше печальное время гораздо чаще замѣчается такая продажность молодежи, такой житейскій практицизмъ, такая легкая ассимиляція чиновническимъ понятіямъ, которой просто удивляться надо, какъ психологическому феномену. Отсюда ясно, что въ либеральномъ настроеніи учащихся умовъ личный эгоизмъ — «исканіе воли для себя только» имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ у «прежнихъ». Одно и то же расширеніе своего себялюбиваго «я», выражавшееся въ студенческіе годы въ пренебреженіи къ законамъ, въ молодомъ чиновникѣ естественно не перерождается, а лишь видоизмѣняется въ деспотизмъ и наглое чванство.

Этотъ «практическій нигилизмъ», царящій даже въ тѣхъ обществахъ, гдѣ нечистыя уста не стыдятся постоянно произносить имя Христово, конечно, всего гибельнѣе отразится

на «малыхъ сихъ», на народѣ и на учащемся юношествѣ.

Но всего плачевнѣе появленіе подобной дѣйствительности послѣ такого высокаго подъема русскаго духа. Многое, очень многое изъ проповѣди Аксакова и Достоевскаго было принято общественнымъ мнѣніемъ; студенчество единодушно увлекалось ученикомъ послѣдняго, Соловьевымъ, котораго широкій умъ мирилъ лучшее въ идеалахъ своихъ противниковъ съ христіанскими началами. Мы ждали близкаго времени дружнаго объединенія общества въ христіанствѣ и народности; а между тѣмъ теперь все разъединено, раздроблено на куски; всѣ мосты между берегами сожжены, всѣ связующія нити перерѣзаны, и, естественно, современные обличители не ограничиваются осужденіемъ людей и осыпаютъ хулами и священнѣйшія правила.

Но унывать ли слѣдуетъ отсюда? Можетъ быть чрезъ бѣды жизни намъ яснѣе опредѣлится ея истинный путь? Вотъ, если вѣришь въ свѣтъ Евангелія, спустись-ка съ нимъ въ эту тьму, а для этого, не въ желаніяхъ и идеалахъ, а на самомъ дѣлѣ, просвѣти свою собственную внутреннюю жизнь настолько, чтобы не потеряться въ этой тьмѣ, но освѣтить и ее.

Если когда, то именно теперь этому практическому нигилизму нужно противопоставить жизненную вѣру и любовь, самоотверженное участіе въ судьбѣ брата и широту христіанскихъ понятій.

Явятся ли такіе служители истины? Выберутся ли исканія нашего юношества на путь служенія Христу и Церкви? Или нашему студенчеству и впредь суждено носить обманчивую маску духовной жизни на нѣсколько школьныхъ годовъ, чтобы затѣмъ обнаружить подъ нею мертвый скелетъ житейскаго себялюбія и духовнаго безсилія? Свидѣтельствуетъ ли убранство смоковницы о скрытыхъ подъ нею зрѣющихъ плодахъ, или ея красивые листья прикрываютъ лишь ея безплодную наготу?

II

ПАСТЫРСКОЕ ИЗУЧЕНІЕ ЛЮДЕЙ И ЖИЗНИ ПО СОЧИНЕНІЯМЪ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО *).

*) Въ первый разъ была напечатана въ журналѣ "Богословскій Вѣстникъ" 1893 г., октябрь. Внѣклассная лекція студентамъ Моск. Дух. Академіи; и въ Полномъ Собраніи Сочиненій, т. II, стр. 463, изданіе И. Л. Тузова, 1911 г.

II

ПАСТЫРСКОЕ ИЗУЧЕНІЕ ЛЮДЕЙ И ЖИЗНИ ПО СОЧИНЕНІЯМЪ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Достоевскій раскрываетъ въ своихъ сочиненіяхъ стройное и весьма полное міросозерцаніе: всѣ разнообразнѣйшія частности жизни и мысли, нескончаемой вереницей проходящія предъ его читателемъ, проникнуты одною нравственною идеею. Въ начертаніи безчисленныхъ типовъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей общественнаго быта — отъ схимника до соціалиста, отъ младенцевъ и философовъ до преклонныхъ старцевъ, отъ богомолокъ до блудницъ, — Достоевскій не пропускаетъ ни одной картины, ни одной, можно сказать, строки, не привязанной такъ или иначе къ своей идеѣ. Богатство нравственнаго содержанія автора такъ обильно, такъ стремительно спѣшитъ оно излиться, что ему мало двѣнадцати толстыхъ томовъ и шестидесяти-лѣтней трудовой жизни, чтобы успѣть высказать міру желаемыя слова. Томимый жаждою этой проповѣди, онъ не успѣваетъ усовершать свои повѣсти съ внѣшне-художественной стороны и вмѣсто обычнаго у другихъ писателей растягиванія и пережевыванія иногда малосодержательной идейки на сотнѣ страницъ разныхъ картинокъ и

типовъ, нашъ писатель, напротивъ того, громоздитъ спѣшно и сжато идею на идею, психическій законъ на законъ; напряженное вниманіе читателя не успѣваетъ догонять его глазъ, и онъ, поминутно останавливая свое чтеніе, обращаетъ свой взоръ снова на перечитанныя строки — настолько онѣ содержательны и серіозны. Не малопонятность изложенія тому причиной, не туманность мысли, а именно преизливающаяся полнота содеражнія, не знающая себѣ подобной во всей нашей литературѣ. Читать Достоевскаго — это хотя сладостная, но утомительная, тяжелая работа; пятьдесятъ страницъ его повѣсти даютъ для мысли читателя содержаніе пятисотъ страницъ повѣстей прочихъ писателей и вдобавокъ нерѣдко безсонную ночь томительныхъ укоровъ себѣ, или восторженныхъ надеждъ и стремленій.

I. ДВОЯКАЯ ЛОГИКА.

Приступая къ раскрытію главныхъ идей міросозерцанія, скажемъ прежде о способѣ его сообщенія въ повѣстяхъ автора. Такихъ способовъ мыслители и нравоучители имѣютъ два: одинъ способъ схоластическій, дедуктивный или демонстративный, другой — психологическій, индуктивный, или интуитивный. Въ области собственно религіозной морали, къ которой примыкаютъ всѣ выводы изъ повѣстей Достоевскаго, оба эти способа передачи мыслей разграничиваются другъ отъ друга довольно рѣзко, а вліяютъ и вовсе неодинаково. Методъ демонстративный, свойственный школьнымъ руководствамъ, громадному большинству сочиненій ученыхъ, а также и жизненно практическому учительству нѣкоторыхъ религій, напр., іудейской и, пожалуй, римскокатолической, обосновываетъ нравственныя заповѣди и идеалы на положеніяхъ или исторически признаннаго авторитета, или общихъ началъ логики, метафизики и особенно права, или, наконецъ, требованій законной власти. Это — мораль номизма, претендующая на истину логическую, или логически оправданнаго авторитета, будто бы отсутствующаго въ соперничающемъ съ нею методѣ интуитивномъ. Ей, впрочемъ, остается только съ горечью признавать, что логика (въ ея пониманіи) очень слабый двигатель

умовъ, ибо религіи, опирающіяся на нее, религіи номизма, не пріобрѣтаютъ себѣ прозелитовъ; да и въ собственномъ своемъ религіозномъ обществѣ укореняются не силою своихъ собственныхъ идей, но вліяніемъ началъ постороннихъ, связанныхъ съ ними лишь случайно, началъ народныхъ или культурныхъ, прививающихся опять же къ чисто интуитивнымъ, т. е. непосредственнымъ симпатіямъ и страстямъ народовъ. Католики, напр., много миссіонерствуютъ, но вѣдь они проповѣдуютъ не столько самый католицизмъ, сколько европейскую культуру съ, нераздѣльною въ глазахъ язычниковъ, примѣсью католицизма *). Культура въ свою очередь вліяетъ опять же не своими философскими основоположеніями и не идеями, а ощутительными для непосредственнаго себялюбія каждаго — комфортомъ и соціальными удобствами для привиллегированныхъ классовъ. Вотъ почему католицизмъ, и культура, и наука современная, и школа — все это прежде всего для привиллегированныхъ, все это дѣйствуетъ и распространяетъ себя мотивами эвдемонистическими, все такъ мало вліяетъ на нравственную жизнь общества, такъ далеко отъ способности потрясать сердца собственнымъ своимъ содержаніемъ, а старается дѣйствовать на другіе, непосредственные аффекты, привходящіе сюда лишь случайно. Конечно, никто не осмѣлится отрицать, что между представителями номистическихъ религій, науки и культуры есть люди, искренно и безкорыстно проникнутые, соотвѣтственными ихъ убѣжденіямъ, идеалами, но вѣдь это самое послѣднее слово, — идеалъ, переноситъ ихъ въ лагерь интуитивистовъ, оно дѣлаетъ ихъ особняками въ ряду своихъ сотоварищей, особняками по жизни, особняками и по мысли и проповѣди. Это — Спиноза у евреевъ, или, немилый папизму, католикъ-гуманистъ, въ родѣ епископа въ повѣсти «Отверженные», это — какой-нибудь Ж. Ж. Руссо въ исторіи культуры, или Ридъ и Хомяковъ въ наукѣ. Первые — особняки жизни у товарищей по религіознымъ связямъ, вторые — особняки мысли среди товарищей по дѣятельности. Люди науки и культуры ихъ любятъ, но любятъ по человѣчеству, насколько сами не успѣли уйти въ холодный номизмъ и схоластику, поскольку сами продолжаютъ принадлежать къ живому обществу, въ свою очередь столь холодному, къ поклоняемой ими схоластикѣ и формально-логическимъ доводамъ.

---

*) См. "Русск. Вѣстникъ" 1893. Февр. "Христ. проповѣдь въ Китаѣ и Японіи".

Но что же это за интуитивная мораль? Это та мораль, та философія, которая не только проникаетъ въ народъ и вдохновляетъ массы, но и дѣлается сама по себѣ, помимо постороннихъ побужденій, столь дорогимъ сокровищемъ для людей, что ради нея забывается и государственность, и народность, предъ нею падаютъ стѣны замкнутости сословій и уничтожается средостѣніе разныхъ школъ и уровней въ образованіи. Будь это ученіе Конфуція или Будды, или небесная истина евангельской проповѣди, или измышленіе Магометовой фантазіи, но разъ это слово умѣло обращено къ внутреннему опыту слушателей и на немъ именно основано, съ полнымъ или относительнымъ правомъ: — оно побѣдительнымъ потокомъ сливаетъ въ себѣ различіе народовъ. **«Тогда все вмѣстѣ раздробилось: желѣзо, мѣдь, серебро и золото сдѣлались, какъ прахъ на лѣтнихъ гумнахъ, и вѣтеръ унесъ ихъ, и слѣда не осталось отъ нихъ, а камень, разбившій истукана сдѣлался великой горой и наполнилъ всю землю»** (Дан. II, 35). Во всей силѣ этотъ образъ приложимъ только къ христіанству, но съ нѣкоторыми ограниченіями — и къ прочимъ интуитивнымъ ученіямъ. Интуитивная логика, т. е. доктрина, почерпающая свои положенія, или аксіомы, не изъ среды общихъ формальныхъ понятій, или авторитета, а опирающаяся на нравственныя истины, раздѣляемыя всякимъ, кто въ нихъ пожелаетъ вслушаться, говоритъ человѣку о законахъ его же собственной внутренней жизни и, такимъ образомъ, не понуждаетъ его мысль къ соглашенію, но представляетъ его собственному разуму и совѣсти чрезъ постоянный опытъ провѣрять ее. Она, конечно, не исключаетъ логику формальную, пользуется ею, но не исчерпывается въ ней. Возводить къ ясному сознанію хотя нѣкоторыя свойства своей психической жизни и такимъ образомъ получать возможность господствовать надъ ними — есть величайшее наслажденіе для человѣка, возвращающее ему гармоническое согласіе ума, чувства и воли; вотъ почему въ Евангеліи говорится, что множество народа слушало притчи Господа «съ услажденіемъ» (Мр. XII, 37), что, сбѣгаясь отовсюду, народъ «тѣснился къ Нему, чтобы слышать слово Божіе» (Лук. V, 1), и смѣло свидѣтельствовалъ, что «никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человѣкъ» (Іоан. VII, 46).

Именно, это высокое наслажденіе, которое почерпается изъ интуитивной философіи, сливаетъ чрезъ нее во единую

массу такіе многочисленные сонмы народовъ, какъ тѣ, изъ которыхъ составились конфуціане, буддисты, магометане, христіане, — и дастъ религіямъ тысячелѣтнюю, а истинной религіи вѣчную, продолжительность. Разница между христіанской, истинной религіей и остальными — ложными, сохраняется та, что послѣднія освящаютъ страсти, особенно дорогія нѣкоторымъ темпераментамъ; давая силу одной сторонѣ жизни, онѣ или отрицаютъ, или повергаютъ въ туманъ мифологіи остальныя, и потому хотя сильна убѣжденность ихъ послѣдователей. но она разрушается проповѣдью о Галилеянинѣ, хотя широка область ихъ распространенія, сливающая царства и народы, но имѣетъ границу въ лицѣ другихъ типовъ, другихъ идеаловъ. Только сыну Человѣческому надъ этими звѣрями **«дана власть, слава и царство, чтобы всѣ народы, и племена, и языки служили Ему, владычество Его — владычество вѣчное, которое не прейдетъ, и царство Его не разрушится»** (Дан. VII, 14). Ученіе Христово — ученіе интуитивное; Господь до времени скрывалъ отъ слушателей Свое Божественное достоинство: Онъ хотѣлъ, чтобы они, провѣряя внутреннимъ опытомъ Его заповѣди и созерцая Его любовь, Его дѣла, поняли, что въ томъ и другомъ раскрывается жизнь и мысль Божественная, чтобы они сами, посредствомъ наведенія отъ словъ и дѣлъ Христовыхъ, воскликнули подобно Апостолу Фомѣ: **«Господь мой и Богъ мой!»** (Іоан. XX, 28).

Изъявляя готовность прощать тому, кто скажетъ слово на сына Человѣческаго лично (Лук. XII, 10), требуя, иногда, вѣры не Себѣ, но Своимъ дѣламъ (Іоан. X, 37, 38), Господь сказалъ, что не Онъ Самъ именно, но Его ученіе, Его слово, которое Онъ говоритъ народу, будетъ обвинителемъ и судьей невѣрныхъ и беззаконниковъ въ послѣдній день (Іоан. XII, 48). Догматъ Троицы и особенно догматъ о лицѣ Господа Іисуса Христа разсматривался и защищался Отцами не только со стороны экзегетической, но и со стороны нравственно-интуитивной, какъ единственно правильная опора для христіанской добродѣтели и борьбы съ міромъ. Тотъ же характеръ имѣютъ ихъ нравоучительныя творенія, и степенью этой же интуитивности опредѣляется дѣйственность и современныхъ проповѣдей.

Изящная литература интуитивна по самой своей задачѣ, какъ письменность художественная, но съ великимъ трудомъ сохраняетъ она въ неповрежденности своей художественный

характеръ, когда, не довольствуясь безрезультатнымъ описаніемъ внѣшне-бытовой дѣйствительности, поставляетъ своею цѣлью привести читателя къ высшимъ обобщеніямъ, къ различнымъ выводамъ въ области этической, политической, философской, или религіозной. Писатель тогда, то извращаетъ дѣйствительную жизнь, то, подбирая случайные типы, старается читателю усвоить общее сочувствіе къ представителямъ одного лагеря и враждебное настроеніе — къ другому, не обосновывая внутренней правды самихъ своихъ идей. Такъ называемая **тенденціозность** есть именно одинъ изъ двухъ способовъ не вполнѣ правдиваго вліянія на мысль и чувство читателя, способъ миссіонерства современныхъ католиковъ. Обвиняютъ въ тенденціозности и Достоевскаго, но обвиняютъ только потому, что обвинять его, какъ литератора, не въ чемъ: на самомъ дѣлѣ его повѣсти чужды всякой партійности. Не буду говорить о томъ, что авторъ равно бичуетъ въ нихъ и вѣрующихъ, и невѣрующихъ, западниковъ и патріотовъ; равно отыскиваетъ доброе въ тѣхъ и другихъ: сошлюсь на то, думаю, неложное впечатлѣніе о ходѣ духовнаго развитія самого писателя, которое подтверждается и его біографіями. У Достоевскаго изображеніе законовъ психической жизни и картинъ быта общественнаго не послѣдовало за сложившимися заранѣе философскими и нравственными міровоззрѣніями, но предшествовало ему и образовывало собою это міровоззрѣніе съ такою же индуктивною постепенностью, съ какою оно усвояется его читателемъ. У Достоевскаго, какъ психолога, какъ нраво- и быто-описателя, нѣтъ стадій развитія: картины внутренней жизни его героевъ, ихъ борьба съ собою, ихъ припадки раскаянія или самоубійства, совершенно одинаково описываются и въ предсмертномъ его романѣ, «Братья Карамазовы», и въ юношескихъ произведеніяхъ, какъ «Бѣдные Люди», и въ твореніяхъ, написанныхъ во время и послѣ ссылки, такъ что, распустивъ его сочиненія по листочкамъ и перепутавъ ихъ всѣ между собою, мы не получимъ ни дисгармоніи въ характерѣ перемѣшанныхъ картинъ, ни рѣжущаго разнообразія въ монологахъ: нарушится только послѣдовательность излагаемыхъ повѣстей. Достоевскій, какъ описатель дѣйствительности, одинъ и тотъ же на протяженіи тридцатипятилѣтней литературной дѣятельности, но Достоевскій, какъ прямой проповѣдникъ православія, открывается себѣ и міру лишь въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, какъ

славянофилъ и панславистъ — въ послѣднее пятилѣтіе и даже того меньше. Между тѣмъ, если снова пересмотрѣть всѣ его произведенія, начиная съ 1846 года, то всѣ они приводятъ къ одному и тому же, всѣ говорятъ читателю то же, что «Братья Карамазовы», начавшіеся за два года до кончины писателя. Избравъ предметомъ наблюденія жизнь человѣческаго сердца безъ всякихъ дальнѣйшихъ общефилософскихъ представленій, и тѣмъ давая читателю полнѣйшую возможность слѣдить за мыслью автора шагъ за шагомъ, Достоевскій въ законахъ этого же сердца указываетъ зачатки нравственныхъ понятій и выводовъ, сначала чисто субъективныхъ, антропологическихъ, въ родѣ, напр., вреда гордости — въ «Неточкѣ Незвановой» (1849), или силы смиренія — въ «Бѣдныхъ людяхъ» (1846), а затѣмъ продолжаетъ всматриваться и въ тѣ постепенно расширяющіеся круги нравственной атмосферы, которые, расходясь въ ширь отъ колебаній человѣческаго сердца, достигаютъ высоты небеснаго Престола и проникаютъ въ подземную глубину бого-противнаго царства сатаны, по пути своему охватывая все богатство различныхъ областей народнаго, историческаго и всемірнаго общежитія. Взирая на всѣ эти предметы не совнѣ, а извнутри, авторъ дѣлаетъ и для читателя свою логику всегда доступною посредствомъ строгой провѣрки, и если бы читатель почему-либо остановилъ его на какомъ-нибудь большомъ кругѣ его созерцаній, то все же за ними обоими остается все богатство раннѣйшихъ внутреннихъ круговъ, совершенно вопреки пріемамъ дедуктивной философіи, гдѣ, обыкновенно, одинъ раскритикованный силлогизмъ заставляетъ рухнуть все построенное зданіе, нерѣдко до послѣдняго камня. Говоря кратко, Достоевскій начертываетъ свойства и законы внутренней жизни человѣка, законы жизни и совѣсти, а всѣ дальнѣйшіе богословскіе и соціальные выводы предлагаетъ въ видѣ логическихъ постулатовъ къ первымъ, не переставая, впрочемъ, и послѣдніе провѣрять чрезъ изслѣдованіе дѣйствительной личной и общественной жизни. Достоевскій, поэтому, не увлекаетъ читателя, но показываетъ ему дѣйствительность; предлагая ему самому высказать, какой философскій выводъ, съ неотразимою ясностію, изъ нея слѣдуетъ и оставляя его обладателемъ первой, даже и въ случаѣ упорнаго отказа отъ послѣдняго. Пусть читатель, созерцая старца Зосиму и самоубійцу Смердякова съ почти подобнымъ ему Иваномъ Карамазовымъ, не опредѣлитъ своихъ отноше-

ній къ этимъ двумъ типамъ, пусть онъ откажется произнести судъ надъ тѣми идеями, во имя которыхъ они жили, но все же эти два типа предъ нимъ и у него, отрицать ихъ реальность и ясно раскрытую ихъ связь съ ихъ идеями, онъ не въ состояніи.

Итакъ, творенія Достоевскаго должны быть цѣнны и дороги для всякаго, даже независимо отъ его міровоззрѣнія, ибо методъ мышленія автора — методъ индуктивный, психологическій, интуитивный. Авторъ не пропагандистъ, прельщаемый и прельщающій, но проповѣдникъ, исповѣдующійся и исповѣдующій, — проповѣдникъ безконечно искренній.

—o—

II. О ЧЕМЪ ПИСАЛЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

Мы сказали, что Достоевскій психологъ — одинъ и тотъ же на разстояніи всей своей литературной дѣятельности. Скажемъ больше! онъ все время писалъ объ одномъ и томъ же. О чемъ же именно? Многіе затрудняются отвѣтить на этотъ вопросъ; критики признаютъ, что нѣтъ области въ наукѣ или жизни, для которой нельзя было бы почерпнуть идей изъ его твореній. Всѣ, даже ожесточенные враги автора, признаютъ его изумительно-вѣрный психическій анализъ, но обобщенія его твореній я не встрѣчалъ и потому предлагаю свое собственное.

Та, объединяющая всѣ его произведенія, идея, которую многіе тщетно ищутъ, была не патріотизмъ, не славянофильство, даже не религія, понимаемая, какъ собраніе догматовъ, эта идея была изъ жизни внутренней, душевной, личной; она была не посылкой, не тенденціей, но просто центральной **темой** его повѣсти ,она есть живая, близкая всякому, его собственная дѣйствительность. **Возрожденіе** — вотъ о чемъ писалъ Достоевскій во всѣхъ своихъ повѣстяхъ: покаяніе и возрожденіе, грѣхопаденіе и исправленіе, а если нѣтъ, то ожесточенное самоубійство; только около этихъ настроеній вращается вся жизнь всѣхъ его героевъ и лишь съ этой точки зрѣнія интересуется самъ авторъ различными богословскими и соціальными вопросами въ послѣднихъ публицистическихъ произведеніяхъ. Да, это — то священное трепетаніе въ человѣческомъ

сердцѣ зачатковъ новой жизни, жизни любви и добродѣтели, которое такъ дорого, такъ усладительно для всякаго, что побуждаетъ и самого читателя, вмѣстѣ съ героями повѣстей, переживать почти реально волнующія ихъ чувства, — эта, подготовляющаяся постепенно, но иногда мгновенно возстающая предъ сознаніемъ, рѣшимость отбросить служеніе себялюбію и страстямъ, тѣ мучительныя страданія души, коими оно предваряется и сопровождается, этотъ крестъ благоразумнаго разбойника, или напротивъ разбойника хулителя, — вотъ, что описывалъ Достоевскій, а читатель уже самъ выводитъ отсюда, если не желаетъ противиться разуму и совѣсти, что между двумя различными крестами непремѣнно долженъ быть третій, на который одинъ разбойникъ уповаетъ и спасается, а другой изрыгаетъ хулы и погибаетъ. «Бѣдные Люди», «Подростокъ», герой «Мертваго Дома», герои «Бѣсовъ», Раскольниковъ и Соня, супруги Мармеладовы, Нелли и Алеша, со своимъ безобразнымъ отцомъ, семья Карамазова и ихъ знакомыя женщины и дѣвушки, монахи и многочисленные типы дѣтей — вся эта масса людей добрыхъ, злыхъ и колеблющихся, но равно дорогихъ сердцу автора, разрывающемуся отъ любви, поставлены имъ предъ вопросомъ о жизни, и разрѣшаютъ его въ томъ или иномъ видѣ, а если уже разрѣшили, то помогаютъ разрѣшать другимъ. Одни, напр., Неточка Незванова и ея Катя, Поленька Мармеладова, Маленькій Герой, «Мальчикъ у Христа на Елкѣ», отчасти Нелли, а особенно Коля Красоткинъ и Илюша съ товарищами, разрѣшаютъ его въ дѣтствѣ; другіе, какъ «Подростокъ», Наташа въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ», Раскольниковъ съ Соней, Дмитрій Карамазовъ со Смердяковымъ, мужъ «Кроткой» и счастливый соперникъ «Вѣчнаго Мужа» и всѣ почти женскіе типы наталкиваются на него въ молодости или при вступленіи въ бракъ; наконецъ, этотъ же вопросъ застаетъ людей, и иногда въ преклонные годы, напр., Макара Дѣвушкина, «Смѣшного Человѣка», родителя Наташи и его врага князя, Мармеладовыхъ, Версилова въ «Подросткѣ» и Верховенскаго отца въ «Бѣсахъ». Уклониться отъ этого вопроса никто не можетъ въ жизни или, по крайней мѣрѣ, предъ смертью. Высокое достоинство писателя, изображающаго муки и радости духовнаго возрожденія человѣка, заключается въ томъ именно, что онъ посредствомъ своего всепроникающаго анализа опредѣлилъ и тѣ важнѣйшія духовныя свойства и движенія, въ условіяхъ которыхъ происходитъ нравственное возро-

жденіе, и тѣ внѣшнія, т. е., отвнѣ получаемыя, жизненныя побужденія, коими человѣкъ призывается къ самоуглубленію. Если свести къ общимъ понятіямъ всѣ части повѣстей Достоевскаго, разсматривающія этотъ предметъ, или, говоря точнѣе, — всѣ повѣсти автора, ибо онѣ всѣ цѣликомъ только этотъ предметъ и обслѣдуютъ, — то мы получимъ, совершенно ясную и въ высшей степени убѣдительную теорію, въ которой хотя почти и нѣтъ словъ: благодать, Искупитель, но гдѣ эти понятія постоянно требуются самою логикою вещей. Отсюда ясно, какой живой интересъ должны возбуждать труды Достоевскаго съ точки зрѣнія богословія нравственнаго и особенно богословія пастырскаго. Почему же пастырскаго? А именно потому, что Достоевскій, не ограничиваясь, какъ сказано, описаніемъ внутренней жизни возрождаемыхъ, съ особенною силою и художественною красотою описываетъ характеръ тѣхъ людей, которые содѣйствуютъ возрожденію ближнихъ. Настроеніе его собственнаго творческаго духа при описаніи жизни есть именно то, которое нужно имѣть пастырю, т. е. всеобъемлющая любовь къ людямъ, пламенная, страдающая ревность объ ихъ обращеніи къ добру и истинѣ, раздирающая скорбь о ихъ упорствѣ и злобѣ, и при всемъ томъ — свѣтлая надежда на возвращеніе къ добру и къ Богу всѣхъ отпавшихъ сыновъ. Эта надежда на всепобѣждающую силу христіанской истины и христіанской любви, подтверждаемая написанными у автора картинами, на которыхъ предъ непобѣдимымъ оружіемъ Христовымъ преклоняется самое ожесточенное беззаконіе, есть надежда поистинѣ святая, апостольская. Особенно важно то, что надежда эта живетъ не въ умѣ ребенка или сентиментальнаго баловня жизни, но въ душѣ много пострадавшей, видѣвшей много грѣха и много невѣрія. Мы будемъ говорить о возрожденіи по Достоевскому съ точки зрѣнія Богословія Пастырскаго, а не нравственнаго, т. е. о возрождающемъ вліяніи одной воли на другую, а описанія самаго субъективнаго процесса возрожденія будемъ касаться лишь настолько, насколько это окажется нужнымъ для этой первой задачи. Первый вопросъ: каковъ долженъ быть возрождающій? Второй — кто можетъ содѣйствовать возрожденію и насколько? Третій — какъ переходитъ уподобленіе одной или другой?

———o———

III. СЛУЖЕНІЕ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Посредствомъ какихъ свойствъ духа человѣкъ становится участникомъ этого наивысшаго служенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ писатель даетъ или отъ своего лица, напр., въ «Снѣ Смѣшного Человѣка», или исповѣдуетъ отъ лица своихъ героевъ общія побужденія, вызывающія избранника на проповѣдь возрожденія.

Познаніе истины и **сострадающая любовь** — вотъ главнѣйшія побужденія къ проповѣди. Писатель какъ будто видѣлъ рай Божій и созерцалъ въ немъ возрожденныхъ людей, чистыхъ и блаженныхъ, освободившихся отъ всѣхъ противорѣчій жизни совершенно скоро и просто. Съ этихъ-то высотъ общаго духовнаго блаженства взираетъ онъ на міръ грѣшный и скорбный и, въ стремительномъ порывѣ любви и слова, тщится вознести его къ небу: любовь эта и вѣра такъ сильна, что всѣ людскія насмѣшки безсильны предъ ними: «они называютъ меня сумасшедшимъ... Но теперь ужъ я не сержусь, теперь всѣ мнѣ милы, и даже когда они смѣются надо мною... Я бы самъ смѣялся съ ними — не то, что надъ собой, а ихъ любя, если бъ мнѣ не было такъ грустно, на нихъ глядя. Грустно потому, что они не знаютъ истины, а я знаю истину. Охъ, какъ тяжело одному знать истину! Но они этого не поймутъ, нѣтъ, не поймутъ» (XI, 118; изд. 1891 г.). Мучительно знаніе истины, когда любишь людей, не знающихъ ея, но эта мука, эта грѣховная тьма міра еще увеличивали любовь къ людямъ. Къ послѣдней мысли Достоевскій возвращается часто и съ особенной силой, противопоставляя при этомъ наличное грѣховное состояніе міра представляемому невинному состоянію.

...«Несчастная, бѣдная, но дорогая и вѣчно любимая, и такую же мучительную любовь раждающая къ себѣ въ самыхъ неблагодарныхъ даже дѣтяхъ своихъ, какъ и наша!.. вскричалъ я, сотрясась отъ неудержимой, восторженной любви къ той родной прежней **землѣ,** которую я покинулъ» (XI, 127. «Сонъ Смѣшного Человѣка»). «На нашей землѣ мы истинно можемъ любить лишь съ мученіемъ и только чрезъ мученіе! Мы иначе не умѣемъ любить и не знаемъ иной любви. Я хочу мученія, чтобъ любить. Я хочу, я жажду, въ сію минуту цѣловать, обливаясь слезами, лишь одну ту землю, которую я оставилъ, и не хочу, не принимаю жизни никакой иной!»

(Ibid., 132). «Явились праведники, которые приходили къ этимъ людямъ со слезами и говорили имъ объ ихъ гордости, о потерѣ мѣры и гармоніи, объ утратѣ ими стыда. Надъ ними смѣялись, или побивали ихъ каменьями. Святая кровь лилась на порогахъ храмовъ. За то стали появляться люди, которые начали придумывать: какъ бы всѣмъ вновь такъ соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всѣхъ, въ то же время не мѣшать никому другому, и жить такимъ образомъ всѣмъ вмѣстѣ какъ бы и въ согласномъ обществѣ. Цѣлыя войны поднялись изъ за этой идеи. Всѣ воюющіе твердо вѣрили въ то же время, что наука, премудрость и чувство самосохраненія заставятъ, наконецъ, человѣка соединиться въ согласное и разумное общество, а потому пока, для ускоренія дѣла, «премудрые» старались поскорѣе истребить всѣхъ «непремудрыхъ» и не понимающихъ ихъ идею, чтобы они не мѣшали торжеству ея. Но чувство самосохраненія стало быстро ослабѣвать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо потребовали всего или ничего. Для пріобрѣтенія всего прибѣгалось къ злодѣйству, а если оно не удавалось, — къ самоубійству. Явились религіи съ культомъ небытія и саморазрушенія ради вѣчнаго успокоенія въ ничтожествѣ. Наконецъ, эти люди устали въ безсмысленномъ трудѣ, и на ихъ лицахъ появилось страданіе, и эти люди провозгласили, что страданіе есть красота, ибо въ страданіи лишь мысль. Они воспѣли страданіе въ пѣсняхъ своихъ» (ibid.). — Эта любовь, нѣжная любовь автора къ грѣшной землѣ выражается между прочимъ въ томъ, что онъ всегда умѣетъ одѣть въ симпатичный костюмъ самую прозаическую обстановку самаго прозаическаго города въ Россіи, о которомъ говоритъ другой поэтъ:

«Сводъ небесъ зеленоблѣдный,
«Скука, холодъ и гранитъ».

Когда Достоевскій описываетъ петербургскіе грязные дворы, дворниковъ, кухарокъ, квартирныхъ хозяекъ, помѣщенія интеллигентнаго пролетаріата и даже падшихъ женщинъ, то у читателя не только не образуется презрительнаго отвращенія ко всѣмъ этимъ людямъ, но, напротивъ, какая-то особенно сострадательная любовь, какая-то надежда на возможность всѣ эти убогіе притоны нищеты и порока огласить хва-

лебными гимнами Христу, и именно въ этой самой обстановкѣ создать теплую атмосферу нѣжной любви и радости. Здѣсь и объясненіе тому, что, не закрывая глазъ отъ мрачной дѣйствительности, писатель такъ крѣпко любитъ жизнь по свѣтлой надеждѣ на ея возрожденіе, жизнь именно человѣка: не лишенный любви къ природѣ, онъ просто не успѣваетъ говорить о природѣ, и картины городского быта предпочитаетъ всякимъ другимъ. «Мрачная это была исторія, одна изъ тѣхъ мрачныхъ и мучительныхъ исторій, которыя такъ часто и непримѣтно, почти таинственно сбываются подъ тяжелымъ петербургскимъ небомъ, въ темныхъ потаенныхъ уголкахъ огромнаго города, среди взбалмошнаго кипѣнія жизни, тупого эгоизма, сталкивающихся интересовъ уличнаго разврата, сокровенныхъ преступленій, среди всего этого кромѣшнаго ада безсмысленной и ненормальной жизни» (VI, 162). Опредѣляя такъ мрачно жизнь, онъ однако потомъ смотритъ на все ея зло, какъ на недоразумѣніе (XI, 1) и пишетъ статью «О томъ, что всѣ мы хорошіе люди» (X, 45-46). Потому ли «хорошіе люди», что ихъ такъ легко обратить къ истинѣ? Нѣтъ, обратить ихъ трудно, но сама истина такъ прекрасна, сама любовь такъ привлекательна, что какъ бы ни былъ тяжелъ подвигъ ея проповѣдника, но другого подвига, другого содержанія для жизни не пожелаетъ тотъ, кто понялъ таинство жизни, кто возлюбилъ дѣтей. Это высокое настроеніе проповѣдника авторъ представляетъ въ данномъ разсказѣ плодомъ мистическаго озаренія, въ другомъ случаѣ оно посѣщаетъ умирающаго отъ чахотки юношу, наконецъ, въ полнотѣ раскрыто это настроеніе въ бесѣдахъ старца Зосимы. Избранникъ неба настолько проникается своимъ призваніемъ, настолько тѣсно сливаетъ свою жизнь съ дѣломъ проповѣди и возрожденія людей, что всѣ недостатки, всѣ грѣхи ихъ считаетъ своими собственными, какъ доказывающіе его недостаточную ревность, отсутствіе въ немъ мудрости и святости, и вотъ почему онъ считаетъ себя виноватымъ за всѣхъ и во всемъ, готовъ даже и считать именно себя первоначальнымъ искусителемъ и соблазнителемъ человѣчества, какъ герой «Сна Смѣшного Человѣка», — готовъ принять муки за всѣхъ, какъ объясняетъ старецъ Зосима. Таковъ высокій смыслъ этой, часто повторяемой, мысли Достоевскаго относительно общей виновности за всѣхъ и во всемъ, мысли, увы, такъ грубо непонятой и опошленной нѣкоторыми изъ многихъ не-

удачныхъ его толкователей. — Но обобщимъ сказанное о дарѣ духовнаго возрожденія: этотъ даръ достигается тѣми, кто 1) познавъ внутреннимъ опытомъ сладость истины и общенія съ Богомъ; 2) возлюбилъ такъ много жизнь со скорбью и надеждой, что 3) совершенно потерялъ нить своей личной жизни и, умерши себѣ; 4) не чрезъ искусственную проповѣдь, но чрезъ исповѣдь, чрезъ раскрытіе своего сердца и чрезъ всю свою жизнь призываетъ братій къ покаянію и любви. Таковъ у Достоевскаго старецъ Зосима, таковъ и ученикъ его Алеша, въ своей столь многосодержательной жизни, какъ бы не имѣющій никакой собственной жизни и не знающій сегодня, что онъ будетъ дѣлать завтра, но всюду насаждающій вокругъ себя миръ, раскаяніе и любовь: братья, дѣти и женщины — все смиряется въ присутствіи его любви, какъ звѣри подъ звуки Орфеевой арфы, и вся его жизнь сливается въ чудное единство Христова дѣла. Таковъ и Макаръ Ивановичъ въ «Подросткѣ» — старикъ-странникъ и въ то же время моралистъ философъ, горячо любящій людей и пекущійся объ общемъ спасеніи; упоминается о такомъ человѣкѣ (живущемъ на покоѣ Епископѣ Тихонѣ) и въ романѣ «Бѣсы».

—— o ——

IV. СЛУЖИТЕЛИ ВОЗРОЖДЕНІЯ И ЛЮБВИ.

Кто эти служители? Мы сейчасъ видѣли, что для изображенія ихъ приводится типъ не только религіозный, но и прямо церковный; оно и понятно не съ догматической только, но и съ чисто психологической точки зрѣнія: чтобы, живя среди юдоли грѣха и страданія, знать иную жизнь опытомъ собственнаго сердца, нужно знать ее не какъ только мистическое отвлеченіе, но какъ реально дѣйствующую и помимо меня существовавшую, а слѣдовательно **непрерывно-историческую силу,** т. е. надо знать Церковь, которая научаетъ вѣрить въ свою неодолимость адовыми вратами; надо жить въ Церкви. — Но что сказать о тѣхъ людяхъ, которые причастны одному изъ этихъ свойствъ призваннаго проповѣдника, но не успѣли доразвиться до полнаго, гармоническаго развитія остальныхъ? Отвѣтъ — и такимъ людямъ отчасти суждено имѣть вліяніе на ближнихъ, хотя далеко не столь полное и не столь широкое.

Его не лишены даже тѣ существа, которыя, не обладая положительными свойствами избранника, свободны, по крайней мѣрѣ, отъ противоположныхъ имъ, но присущихъ всякому естественному человѣку, пороковъ, т. е. прежде всего гордости и холодной самозамкнутости, или, какъ выражается авторъ, **отъединенности.** Таковы прежде всего дѣти и даже младенцы. Да, дѣти у Достоевскаго получаютъ всегда значеніе непроизвольныхъ миссіонеровъ. Эту мысль Достоевскій воспроизводитъ такъ часто въ различныхъ повѣстяхъ, что его было бы можно обвинить въ повтореніяхъ, если бъ онъ не умѣлъ въ каждый, такъ сказать, варіантъ этой идеи вложить новую черту, какъ новый перлъ въ великолѣпную діадему. Дитя подкидышъ понуждаетъ «Подростка» откинуть свою горделивую идею ради состраданія къ его беззащитности, дитя смягчило злое, черствое сердце купца-фарисея въ разсказѣ Макара Ивановича (Пов.: «Подростокъ»), дитя Нелли примиряетъ оскорбленнаго отца съ падшею дочерью, дитя Поленька смягчаетъ убійцу Раскольникова и т. д.... Наконецъ, въ послѣднія минуты жизни богопротивныхъ самоубійцъ, когда духъ ихъ окончательно возсталъ противъ Господа, Промыслъ ставитъ предъ ними на яву, или даже въ горячечномъ бреду, облики невинныхъ страждущихъ малютокъ, которые то на время отторгаютъ ихъ отъ злобнаго замысла, то вполнѣ возвращаютъ ихъ къ покаянію и жизни. Такова встрѣча нищаго ребенка въ «Снѣ Смѣшного Человѣка» и такая же встрѣча въ бреду самоубійцы Свидригайлова («Преступленіе и Наказаніе»), или новорожденное дитя у Шатова въ «Бѣсахъ». Чистота, смиреніе дѣтей, и особенно при ихъ беззащитности и страданіи, пробуждаютъ временную любовь даже въ злодѣяхъ. Невѣрующіе, какъ Иванъ Карамазовъ, въ дѣтскихъ страданіяхъ видятъ причины къ пессимистическому ожесточенію, а вѣрующіе, напротивъ, — къ примиренію и всепрощенію, какъ отецъ Илюши (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»), простившій врага Димитрія ради страданій умирающаго малютки, котораго онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. Самъ авторъ въ разсказѣ: «Мальчикъ у Христа на Елкѣ» раскрываетъ очевидно такую мысль: если здѣсь страдаютъ даже невинныя дѣти, то конечно есть иной лучшій міръ. — Но какое же практическое значеніе можетъ имѣть для насъ указаніе на дѣтей? Что значатъ дѣти для Пастырскаго Богословія? Они значатъ то же, что Христовы слова: **«если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете**

въ Царство Небесное» (Мф. XVIII, 3). У дѣтей чистота и отсутствіе самолюбія, этой причины общей отъединенности, у нихъ нѣтъ разницы между жизнію внутреннею и внѣшними проявленіями. Не желая сознательно вліять на ближнихъ, они безсознательно достигаютъ большаго вліянія, чѣмъ взрослые, чуждые чистоты и открытости. Отъединенный погибающій человѣкъ ищетъ среди ближнихъ такого сердца, съ которымъ бы могъ сразу сродниться, слиться, которое бы не было ему чужимъ: таково сердце дѣтей — этихъ всегдашнихъ космополитовъ.

Но не имѣютъ ли взрослые тѣхъ же свойствъ — непосредственнаго смиренія, чистоты, открытости и сердечной общедоступности? Все это встрѣчается у **людей изъ народа,** и тогда они являются миссіонерами, еще сильнѣйшими: сразу становится такой человѣкъ близкимъ, роднымъ для каждаго и свободно можетъ переливать въ него содержаніе своей души, не опасаясь со стороны научаемаго горделиваго соперничества, — таковъ «Мужикъ Морей», Макаръ Ивановичъ, Лукерья (въ «Кроткой») и др.... «Прежде всего привлекала въ немъ (въ Макарѣ Ивановичѣ), какъ я уже и замѣтилъ выше, его чрезвычайное чистосердечіе и отсутствіе малѣйшаго самолюбія; предчувствовалось почти безгрѣшное сердце. Было «веселіе» сердца, а потому — «благообразіе». Словцо «веселіе» онъ очень любилъ и часто употреблялъ. Правда, находила иногда на него какая-то, какъ бы болѣзненная, восторженность, какая-то, какъ бы болѣзненность умиленія, — отчасти, полагаю, и отъ того, что лихорадка, по настоящему говоря, не покидала его во все время; но благообразію это не мѣшало. Были и контрасты: рядомъ съ удивительнымъ простодушіемъ, иногда совершенно не примѣчавшимъ ироніи (часто къ досадѣ моей), уживалось въ немъ и какая-то хитрая тонкость, всего чаще въ полемическихъ сшибкахъ. А полемику онъ любилъ, но иногда лишь ее употреблялъ своеобразно: видно было, что онъ много исходилъ по Россіи, много переслушалъ, но, повторяю, больше всего онъ любилъ умиленіе, а потому и все на него наводящее; да и самъ любилъ разсказывать занимательныя вещи» (VIII, 379).

Указывая эту способность представителей народа, мы должны оградить нашего великаго писателя отъ тѣхъ обвиненій въ проповѣди невѣжества и суевѣрій, которыя весьма настойчиво, и столь же неискренно, бросались въ него со стороны литературныхъ враговъ. — Его учители изъ народа или

изъ монаховъ всегда любители науки, и даже наукъ мірскихъ, и не унижаютъ достоинства послѣднихъ: Макаръ Ивановичъ даже телескопъ знаетъ. Самъ Достоевскій вотъ что говоритъ въ «Дневникѣ Писателя» объ образованіи и о необходимости распространить его въ народѣ. «Образованность и теперь уже занимаетъ у насъ первую ступень въ обществѣ. Все уступаетъ ей; всѣ сословныя преимущества, можно сказать, таютъ въ ней . . . Въ усиленномъ, въ скорѣйшемъ развитіи образованія — вся наша будущность, вся наша самостоятельность, вся сила, единственный сознательный путь впередъ и, что важнѣе всего, путь мирный, путь согласія, путь къ настоящей силѣ . . . Только образованіемъ можемъ мы завалить и глубокій ровъ, отдѣляющій насъ теперь отъ нашей родной почвы. Грамотность и усиленное распространеніе ея — первый шагъ всякаго образованія» (IX, 101, 102). «Подростку»-идеалисту, вотъ, что пишетъ онъ рукой его воспитателя: «Мысль о поступленіи вашемъ въ Университетъ въ высшей степени для васъ благотворна. Наука и жизнь несомнѣнно раскроютъ въ три-четыре года еще шире горизонты мыслей и стремленій вашихъ, а если и послѣ Университета пожелаете снова обратиться къ вашей идеѣ, то ничто не помѣшаетъ тому». — Очевидно не невѣжество народа хвалится у Достоевскаго, а свобода его лучшихъ людей отъ лживой самозамкнутости и болѣзненнаго самолюбія, этихъ злѣйшихъ враговъ нашего возрожденія, увы! — не замѣченныхъ культурною ификой и культурнымъ воспитаніемъ. Цѣня науку и образованіе, Достоевскій велитъ учиться у народа, но не въ смыслѣ полнаго обособленія русской жизни отъ Европы, а въ цѣляхъ, во-первыхъ нравственныхъ, а во-вторыхъ и общекультурныхъ, міровыхъ. Европейская культура, проникнутая мотивомъ самолюбія, не сближаетъ, но разъединяетъ, внутренно отчуждаетъ людей и народы. Способность истиннаго духовнаго объединенія со всѣми имѣетъ лишь тотъ, кто смиренъ сердцемъ. А такъ какъ смиреніе въ Россіи не есть черта личностей только, но черта народная, т. е. внѣдряемая въ индивидуумы народною культурою, выросшей изъ православія, изъ православнаго аскетизма, то и способность духовнаго общенія имѣетъ весь русскій народъ. Послѣдняя выразилась въ геніи Пушкина, умѣвшаго художетвенно перевоплощаться во всѣ народности, чего не могъ дѣлать ни Шекспиръ, ни Шиллеръ. Въ этомъ содержаніе знаменитой «Пушкинской рѣчи» Достоевскаго и вообще его ученія о всечеловѣческой миссіи рус-

скаго народа. О ней говорить мы не будемъ, но упомянемъ для подтвержденія той мысли, что соціальные и философскіе взгляды Достоевскаго вытекаютъ изъ морально-психологическихъ наблюденій и фактовъ, а не предшествуютъ имъ. Возвратимся къ разсмотрѣнію жизни личной. Прежде, чѣмъ перейти къ описанію того, какъ смиреніе и любовь могутъ, по Достоевскому, обращать грѣшниковъ и насаждать царство Божіе, докончимъ еще обзоръ характера его миссіонеровъ: послѣ служителей Церкви, дѣтей и крестьянъ, онъ призываетъ къ этому дѣлу женщинъ. Женщина любящая, но и смиренная — великая сила. Любовь, но лишенная смиренія, производитъ семейную муку и горе, такъ что чѣмъ сильнѣе эта любовь, не къ мужу только, но и къ дѣтямъ, тѣмъ больше отъ нея зла, — если нѣтъ въ ней смиренія. Отъ любви гордой измѣна и запой мужей, самоубійство жениховъ и страданія дѣтей: любовь Катерины Ивановны — невѣсты («Братья Карамазовы») и Катерины Ивановны — матери и жены («Преступленіе и Наказаніе»), любовь Лизы — дочери и невѣсты, любовь Грушеньки, «Кроткой», или Нелли («Униженные и Оскорбленные»), Кати («Неточка Незванова»), жены Шатова («Бѣсы») и всѣхъ вообще гордыхъ натуръ, есть источникъ зла и ненужныхъ страданій. Напротивъ, любовь смиренныхъ и самоуниженныхъ — источникъ мира и покаянія. Таковы мать Раскольникова и Соня, которую даже арестанты начали обожать, угадавъ въ ней сердце смиренное и сокрушенное, такова мать Наташи («Униж. и Оскор.») и мать «Подростка», безногая сестра Илюши («Братья Карам.»), «Неточка Незванова», мать Алеши Карамазова и мн. др. . . . Онѣ не стремятся съ силою настаивать на своемъ, но любовью, слезами, всепрощеніемъ и молитвой почти всегда добиваются покаянія и обращенія любимыхъ ими мужей, родителей и дѣтей. На трудномъ шагѣ отреченія отъ прежней жизни ихъ любимцы и любимицы вдохновляются примѣромъ этого постояннаго самоотреченія, какъ бы впитываютъ въ себя силу къ самоотреченію, а любовь исполненнаго смиренія существа дѣлаетъ самый подвигъ прежняго гордеца сладостнымъ. —

Пятымъ миссіонеромъ у Достоевскаго является самъ возрожденный **въ своихъ страданіяхъ.**

«Страдающій плотію перестаетъ грѣшить», сказалъ Апостолъ (1 Петр. IV, 1). Всѣ почти случаи обращенія и раскаянія героевъ Достоевскаго происходятъ во время или тяжелыхъ утратъ, или болѣзней. Разъяснять ту мысль, что **«если**

внѣшній нашъ человѣкъ и тлѣетъ, то внутренній со дня на день обновляется» (2 Кор. IV, 16), мы не будемъ, ибо она слишкомъ знакома всѣмъ читавшимъ Божественное Писаніе. Практическій отсюда выводъ, собственно для пастырей, тотъ, что не нужно съ ужасомъ и ропотомъ смотрѣть на окружающія страданія, чужія и собственныя. Мысль эта вообще примиряетъ человѣка съ жизнью, успокаиваетъ при видѣ упорства торжествующей злобы, которая все-таки нѣкогда въ страданіяхъ своихъ дастъ доступъ покаянію, а также примиряетъ и съ нераскаянностью страдальцевъ при свѣтлой надеждѣ на будущее ихъ обращеніе, ибо «старое горе жизни человѣческой переходитъ постепенно въ тихую умиленную радость», какъ говорилъ умирающій отецъ Зосима. Въ страданіяхъ, такъ чудесно постигающихъ человѣка въ самыя опасныя минуты его жизни, проповѣдникомъ покаянія является Самъ Господь, какъ неожиданный помощникъ отчаявшихся друзей грѣшника. Истощивъ всѣ усилія къ его обращенію, послѣдніе вдругъ получаютъ желаемое, но не отъ себя, а отъ руки Божіей. Такое дивное просвѣщеніе съ особенною силою описано въ лицѣ Верховенскаго отца и юнаго брата старца Зосимы. — Идея весьма реальная и въ высшей степени живительная для служителей Бога и любви Его, призывающая ихъ къ терпѣнію, смиренію и молитвѣ, по слову Апостола: **«я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ. Посему и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возращающій** (1 Кор. III, 6, 7). Таковъ окончательный отвѣтъ на второй нашъ вопросъ.

——o——

V. ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЕ ВЛІЯНІЕ ОДНОЙ ВОЛИ НА ДРУГУЮ. ЛЮБОВЬ И СМИРЕНІЕ.

Теперь намъ предстоитъ изложить самое возрожденіе человѣка, по Достоевскому, со стороны воздѣйствія одной воли на другую. Нашъ писатель имѣетъ вполнѣ сознательный взглядъ на этотъ предметъ; онъ не ограничивается художественно-вѣрнымъ, но безпристрастнымъ описаніемъ двухъ-трехъ случаевъ обращенія, какъ Левъ Толстой въ своихъ двухъ последнихъ романахъ, гдѣ герои, въ родѣ Левина, Безухова и

Волконскаго, подъ весьма неопредѣленными вліяніями приходятъ къ неопредѣленнымъ же результатамъ, установившись твердо только въ осужденіи прежняго себялюбія и въ рѣшимости слѣдовать сострадательному чувству. Правда, и въ этомъ есть немалая художественно-философская заслуга, такъ что и самъ Толстой смотритъ на подобные типы, какъ на главнѣйшіе въ своемъ творчествѣ, но они въ его толстыхъ романахъ, какъ двѣ-три пахучихъ фіалки въ огромномъ букетѣ красивыхъ, но лишенныхъ запаха цвѣтовъ: у Достоевскаго же, какъ сказано, всѣ, и первостепенные и второстепенные, герои врашаются около своей совѣсти и призыва къ покаянію и обновленію, какъ множество планетъ по разнымъ орбитамъ кружатся вокругъ одного солнца. Прибавимъ теперь, что поразительное богатство содержанія его многочисленныхъ повѣстей создается не разнородностью типовъ и не разностью описываемыхъ областей и ихъ внутренней жизни, нѣтъ, — его планеты не многочисленны и орбиты круговращеній остаются однѣ и тѣ же, но художникъ, рисуя въ разныхъ повѣстяхъ и въ различныхъ лицахъ одни и тѣ же типы, измѣняетъ ихъ положеніе на жизненной орбитѣ, т. е. при обращеніи ихъ къ нравственному солнцу, то однѣми, то другими сторонами. Одинъ и тотъ же характеръ, но въ разныхъ положеніяхъ и возрастахъ, на различныхъ ступеняхъ своего обращенія, или напротивъ — ожесточенія, проходитъ у него сквозь десятокъ повѣстей, такъ что Раскольниковъ — это тотъ же Иванъ Карамазовъ, Старый Князь «Униженныхъ» — тотъ же Феодоръ Павловичъ Карамазовъ и Версиловъ, мать Раскольникова и мать «Подростка», отецъ послѣдняго и Ставрогинъ «Бѣсовъ», мужъ «Кроткой» и мужъ «Акулькинъ» въ «Мертвомъ Домѣ», и т. д., и т. д. — все это варіанты нѣсколькихъ немногихъ типовъ. Сюжетовъ съ завязкой и развязкой у Достоевскаго тоже немного, найдется ли полтора десятка сюжетовъ и типовъ — едва ли. И если при всемъ томъ читатель не только не замѣчаетъ повтореній и не испытываетъ скуки при чтеніи его повѣстей, а напротивъ, тѣмъ болѣе заинтересовывается ими, чѣмъ болѣе уже успѣлъ ихъ перечитать — то ясно, что сказавшееся въ этомъ разнообразіи матеріала такое поочередное сочетаніе всѣхъ типовъ со всѣми стадіями духовнаго развитія, эта своего рода таблица умноженія многочлена на многочленъ, исполнена авторомъ непогрѣшительно; иначе говоря, — онъ сумѣлъ съ полною жизненною правдой изобразить всю лѣстницу духов-

ной борьбы при томъ и другомъ направленіи воли у каждаго своего типа, а это дается лишь тому, кто совмѣщаетъ въ себѣ художника со знатокомъ законовъ описываемыхъ явленій, т. е. психолога и даже теолога. Для читателя, желающаго провѣрить автора, полнота его сочиненій представляетъ особое удобство, потому что совершенно избавляетъ его отъ подозрѣнія случайнаго, индивидуальнаго характера тѣхъ или другихъ переломовъ во внутренней жизни литературныхъ героевъ, но придаетъ основоположеніямъ автора просто математическую убѣдительность: если всѣ характеры различныхъ возрастовъ, половъ и положеній, отнесясь такимъ-то образомъ къ извѣстному призыву жизни, пришли къ полной внутренней гармоніи и стали всюду вносить счастіе и любовь; отнесясь же противоположнымъ образомъ, стали на дорогѣ къ самоубійству, а со средняго пути были противъ воли сталкиваемы строемъ собственной природы, — то понятно, и математически неопровержимо, что первый путь есть путь правильный, единственно спасительный и т. д. Такая же опредѣленность воззрѣній устанавливается Достоевскимъ въ занимающемъ насъ вопросѣ о возрождающемъ вліяніи одной воли на другую, и не трудно будетъ убѣдиться, что въ основаніи такой увѣренной опредѣленности авторъ располагаетъ нѣкоторыми теологическими и метафизическими идеями, хотя, какъ сказано, не подчиняетъ имъ дѣйствительности, но выводитъ первыя изъ послѣдней, или даже самъ не выводитъ, а, безсознательно руководясь ими въ своей творческой работѣ, уполномочиваетъ на такіе выводы самихъ читателей.

Начиная рѣчь о вліяніи одной воли на другую, надо дать себѣ отчетъ въ томъ, насколько такая теорія не противорѣчитъ ученію о свободной волѣ. Отвѣтъ заключается въ томъ, что настроеніе и дѣятельность человѣка опредѣляется не однимъ только сознательно принятымъ направленіемъ его воли, но и послѣдствіемъ его прежнихъ дѣяній, составляющихъ его «вторую природу», а равно и первичными свойствами этой природы. Правда, воля человѣка, сознательно борясь противъ лучшихъ свойствъ своей нравственной природы и противъ сложившихся навыковъ воспитанія, можетъ со временемъ подавить ихъ и сдѣлать человѣка демономъ, но такое печальное явленіе возможно лишь, какъ конечный плодъ нарочитой упорной борьбы, — обыкновенный же грѣшникъ, поддавшійся одной какой-либо злой страсти, еще далекъ отъ

такого ожесточенія: у него, хотя бы въ устраненной отъ сознанія области души, мерцаетъ или по крайней мѣрѣ еще глохнетъ совсѣмъ иное содержаніе, ему самому или вовсе невѣдомое, или неизвѣстное во всей своей силѣ. Дѣло служителей Божіихъ въ томъ именно и заключается, чтобы вызывать наружу эти настроенія, хотя бы въ формѣ минутныхъ ощущеній, и тѣмъ показывать человѣку, что содержаніе его личности не только не чуждо добра и религіи, но по существу гораздо сроднѣе съ ними нежели, съ тою злой страстію, которой онъ и сейчасъ служитъ. Это, конечно, не есть насиліе надъ свободой, ибо, какъ сказано, человѣкъ и послѣ подобнаго просвѣтленія можетъ ожесточиться и возненавидѣть добро, какъ діаволъ, но все же онъ будетъ способенъ взглянуть на свою страсть извнѣ; между нею и новымъ содержаніемъ его жизни происходитъ рѣшительная борьба при ясномъ сознаніи неизбѣжнаго выбора одного содержанія предъ другимъ; какъ исцѣляемый бѣсноватый, человѣкъ становится между Христомъ и сатаною, и, конечно, громадное большинство съ покаяніемъ обращается ко Христу. — Итакъ, миссіонеры жизни, не имѣя возможности сломить сознательную свободную волю человѣка. чего и Самъ Богъ никогда не дѣлаетъ, получаютъ, однако, способность воздѣйствовать на нравственную природу человѣка, вызывая къ жизни и сознанію таящіяся въ ней добрыя ощущенія и удаляя злыя. Истолкованія такого воздѣйствія и представляютъ собой центральный интересъ Пастырскаго Богословія.

И вотъ, объ этой-то разности между сознательною индивидуальною волею и расположеніями нравственной природы (добрыми и злыми), постоянно дающими знать о себѣ даже и противъ желанія человѣка, Достоевскій умѣлъ говорить съ поразительной силою, особенно любя рисовать борьбу доброй природы со злою личной, и побѣду первой надъ послѣдней. Правда, его повѣсти вмѣщаютъ въ себѣ и обратныя явленія, когда злая природа человѣка противъ желанія выступаетъ обличителемъ quasi доброй воли, напр., въ разсказѣ «Двойникъ», или въ явленіи бѣса Ивану Карамазову, но чаще мы находимъ побѣду доброй прирды. Здѣсь, можно сказать, шедевръ его творчества, центральный вопросъ жизни его героевъ. Цѣнность этихъ картинъ мы познаемъ однако лишь тогда, когда припомнимъ, что авторъ вовсе не сентиментальный Ренанъ, по которому всѣ люди собственно «душки», —

что у него каются не Закхеи по первому Глаголу Божію и не Савлы, лишь по недоразумѣнію и невѣдѣнію преслѣдовавшіе христіанъ, но каются бѣсноватые Легіоны, каются именно Разбойники, долго не бывшіе **благоразумными.** Одинъ разъ, и другой, и третій — грѣшникъ отвергаетъ, раскрываемый примѣромъ и любовію друзей, путь покаянія, ожесточается, богохульствуетъ и все-таки оказывается, что добро въ концѣ концовъ плѣняетъ и такого, хотя авторъ не закрываетъ глазъ читателя предъ полною нераскаянностью многихъ въ этой жизни, оканчивающейся у нихъ самоубійствомъ. О, авторъ вовсе не забываетъ, что въ нашей падшей природѣ есть злой духъ: онъ подробно говоритъ въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома» (III, 185) о томъ, что люди испытываютъ особенное наслажденіе мучить беззащитную невинность; его товарищи арестанты вовсе не кающіяся Магдалины, они говорятъ съ холоднымъ цинизмомъ о своихъ преступленіяхъ, но есть, по Достоевскому, и для нихъ якорь спасенія, есть еще надежда, — надежда эта — неизгладимая **совѣсть.** Вотъ главнѣйшее, неустранимое злою волею, хотя и скрываемое, условіе для нравственнаго воздѣйствія. Совѣсть злодѣи усыпляютъ наяву, но она говоритъ во снѣ; ея голосъ подавляютъ въ сознательныхъ представленіяхъ, но она донимаетъ человѣка въ общихъ смутныхъ чувствахъ, возникающихъ по поводу представленій полу сознательныхъ и понуждаетъ его войти въ себя. Въ послѣднемъ смыслѣ особенно интересна повѣсть: «Вѣчный Мужъ». Одинъ гордый обольститель мелькомъ увидѣлъ давно обманутаго имъ смѣшного мужа, не можетъ вспомнить его ясно, не помнитъ и своего любовнаго преступленія, но тяжелое давящее чувство тѣснитъ его грудь, какъ кошмаръ, мерещится ему во снѣ и такимъ образомъ пробуждаетъ въ его душѣ всѣ тѣ скорбныя чувства, которыя онъ подавлялъ раньше, когда переживалъ сознательно борьбу съ ними. Такое же значеніе имѣетъ описываемый авторомъ мучительный сонный бредъ арестантовъ, старающихся убить свою совѣсть наяву (III, 15). — Вѣра, именно въ силу совѣсти, побуждаетъ лучшихъ героевъ Достоевскаго не довѣрять искренности атеистовъ и находить въ нихъ только желаніе совершенно отстраниться отъ Бога, а вовсе не убѣжденіе въ теоретической ложности религіозныхъ истинъ. «Безбожника — человѣка, сосредоточенно продолжалъ старикъ: — я, можетъ, и теперь побоюсь; только вотъ что, другъ Александръ Семеновичъ: безбожника-то я совсѣмъ

не стрѣчалъ ни разу, а стрѣчалъ за мѣсто его суетливаго — вотъ какъ лучше объявить его надо. Всякіе это люди; не сообразить, какіе люди: и большіе и малые, и глупые и ученые, и даже изъ самаго простого званія бываютъ, и все суета. Ибо читаютъ и толкуютъ весь свой вѣкъ, насытившись сладости книжной, а сами все въ недоумѣніи пребываютъ и ничего разрѣшить не могутъ. Иной весь раскидался, самого себя пересталъ замѣчать. Иной паче камене ожесточенъ, а въ сердцѣ его бродятъ мечты; а другой — безчувственъ и легкомысленъ и лишь бы ему насмѣшку свою отсмѣять. Иной изъ книгъ выбралъ одни лишь цвѣточки, да и то по своему мнѣнію; самъ же суетливъ и въ немъ предрѣшенія нѣтъ. Вотъ что скажу опять: скуки много... Идолопоклонники это все, а не безбожники, вотъ какъ объявить ихъ слѣдуетъ. — Ну, а и безбожнику какъ не быть? Есть такіе, что и впрямь безбожники, только тѣ много пострашнѣй этихъ будутъ, потому что съ именемъ Божіимъ на устахъ приходятъ. Слышалъ неоднократно, но не стрѣчалъ я ихъ вовсе» (VIII, 370, 371). Итакъ, невѣріе неискренно; вотъ почему обращеніе воли невѣрующихъ отъ зла къ добру даетъ имъ полную возможность сразу воспринять вѣру въ свое сердце, какъ Колѣ Красоткину, или брату о. Зосимы. Просвѣтляющаяся подъ неуклоннымъ вліяніемъ добрыхъ любящихъ друзей совѣсть, или внутренній голосъ, какъ мы видимъ, не только осуждаетъ поступокъ недобрый, но предлагаетъ сознанію какіе-то, хотя и смутно различаемые, аккорды изъ иной, противоположной злу, жизни, или пережитой въ дѣтствѣ, или созерцаемой въ окружающихъ людяхъ. Просятся, рвутся въ душу эти аккорды, но человѣку дорога другая страсть, съ которой имъ не ужиться — онъ это знаетъ, и вотъ онъ старается себя убѣдить въ какомъ-то особомъ, чуть ли не священномъ значеніи своей страсти — преимущественно гордости, связываетъ ее съ какимъ-либо высшимъ планомъ жизни, и такимъ-то самообманомъ, къ которому относятся и всѣ почти виды религіознаго невѣрія, отбивается отъ любви и единенія съ ближними и Богомъ. Въ этомъ смыслѣ даетъ признаніе Верховенскій отецъ въ «Бѣсахъ» предъ смертію: «всего труднѣе въ жизни жить и не лгать, и собственной лжи не вѣрить» (VII, 599). Таковъ же «Подростокъ» и «Мужъ Кроткой» со своими «великими идеями», — мечтатели, зараженные желаніемъ гордой мести и потому рѣшившіеся разбогатѣть хотя бы цѣною обидъ и муче-

нія ближнихъ: таковъ Верховенскій сынъ со своими соціалистическими затѣями, Иванъ Карамазовъ съ эвдемонистическою теоріею (теперь буквально повторенною Ницше, котораго восхвалили наши Москвичи). Итакъ, **гордость, ложь,** и возможность мучить, или **насиліе** и **раздоръ** — вотъ враги обращенія людей къ Богу: гдѣ одно начало, тамъ и другое: ложь поддерживается въ обществѣ раздоромъ, порождая раздоръ, а сама порождается гордостью и, опираясь на нее, производитъ насиліе, — тутъ люди попадаютъ уже подъ власть бѣсовъ. О бѣсахъ Достоевскій говоритъ слѣдующее. «Идея ихъ царства — раздоръ, т. е. на раздорѣ они хотятъ основать его. Для чего же именно раздоръ имъ тутъ понадобился? А какъ же: взять уже то, что раздоръ страшная сила и самъ по себѣ; раздоръ, послѣ долгой усобицы, доводитъ людей до нелѣпостей, до затменія и извращенія ума и чувствъ. Въ раздорѣ обидчикъ, сознавъ, что онъ обидѣлъ, не идетъ мириться съ обиженнымъ, а говоритъ: «Я обидѣлъ его, стало быть, я долженъ ему отомстить». Но главное въ томъ, что черти превосходно знаютъ всемірную исторію и особенно помнятъ про все, что на раздорѣ было основано. Имъ извѣстно, напримѣръ, что если стоятъ секты Европы, оторвавшіяся отъ католичества, и держатся до сихъ поръ, какъ религія, то единственно потому, что изъ-за нихъ пролита была въ свое время кровь» (X, 39). — **Смиреніе, свобода** и **искренняя открытость души** — вотъ тѣ лѣкарства, которыя должны дать людямъ современные миссіонеры. Но дать, усвоить — не значитъ только показать въ видѣ холоднаго примѣра или доказательства. То и другое дѣйствуетъ на сознаніе извнѣ, а потому можетъ имѣть значеніе только въ отношеніи къ такому сознанію, которое направлено къ исканію истины, все это можетъ **научить** человѣка, но не **обратить** его: сказано — ne persuadere nolenti (не убѣждай нежелающаго), а вѣдь у насъ рѣчь то именно о послѣднемъ. Для такого нужно прямое воздѣйствіе на его природу, чтобы не извнѣ, а изнутри возстала брань на его злую волю. Но существуетъ ли такая непосредственная связь въ природѣ разныхъ личностей? Да, она существуетъ, по теоріи Достоевскаго, и выразится всецѣло и наполнитъ вселенную послѣ общаго суда и воскресенія. Начало это — христіанская любовь или нравственное состраданіе. Оно-то въ повѣстяхъ нашего писателя, какъ физическая теплота или притяженіе, проникаетъ во всѣ области жизни, не зная себѣ ни въ чемъ конечнаго

препятствія. Медленно, но упорно пробиваетъ она ледяную кору сердецъ и преображаетъ внутреннюю природу ближнихъ просто своею собственною силою, даже безъ видимыхъ обнаруженій, создавая на днѣ ихъ душъ безсознательныя добрыя расположенія. Бьется и отвертывается отъ нея злая воля людей; думаетъ грѣшникъ, что онъ вовсе свободенъ отъ всякаго вліянія, какъ вдругъ, принужденный обстоятельствами жизни вглянуться въ свой внутренній міръ, онъ находитъ въ себѣ ужъ другую природу, какъ бы вмѣщающую нравственные облики душъ, его любившихъ, за него страдавшихъ, о немъ молившихся. Правда, и теперь онъ можетъ вооружаться противъ своего же сердца, какъ самоубійца Свидригайловъ въ «Преступленіи и Наказаніи», но все - таки обращеніе для него теперь доступно и легко, безконечно легче, чѣмъ новое ожесточеніе. Такой именно, почти невольный, духовный слѣдъ оставлялъ на всѣхъ любимѣйшій герой Достоевскаго Алеша Карамазовъ, и при томъ не только, и не столько путемъ передачи какихъ-либо идей или фактовъ, но самымъ своимъ присутствіемъ около нравственно-больныхъ людей въ родѣ обоихъ братьевъ своихъ, отчасти отца, дѣтей гимназистовъ и трехъ женщинъ. Всѣ они чувствуютъ его сострадательную любовь, всѣ знаютъ, что хотѣлъ бы онъ имъ сказать, отъ чего предостеречь и къ чему именно призвать: какъ бы нѣкая живительная вода орошаетъ сердца ихъ въ его присутствіи, кающіеся получаютъ въ немъ нравственную опору, а упорствующіе и колеблющіеся, какъ мальчикъ Коля, старикъ отецъ и братъ Иванъ, мятутся и сотрясаются подъ лучами его любви, какъ бѣсноватые, завидѣвъ Спасителя. Эту именно мысль послѣ свиданія съ Иваномъ высказалъ Алеша. «Алеша, засыпая помолился о Митѣ и объ Иванѣ. Ему становилась понятною болѣзнь Ивана: «Муки гордаго рѣшенія, глубокая совѣсть!» Богъ, Которому онъ не вѣрилъ, и правда Его одолѣвали его сердце, все еще не хотѣвшее подчиняться. «Да, неслось въ головѣ Алеши, уже лежавшей на подушкѣ, — да, коль Смердяковъ умеръ, то показанію Ивана никто уже не повѣритъ; но онъ пойдетъ и покажетъ?» Алеша тихо улыбнулся: «Богъ побѣдитъ!» подумалъ онъ. «Или возстанетъ въ свѣтѣ правды, или... погибнетъ въ ненависти: мстя себѣ и всѣмъ за то, что послужилъ тому, во что не вѣритъ», горько прибавилъ Алеша и опять помолился за Ивана».

Авторъ конечно не отрицаетъ вліянія рѣчей и доказа-

тельствъ, и не разъединяетъ его отъ вліянія непосредственнаго, напротивъ, и рѣчь-то его миссіонеровъ оказывается настолько приспособлена къ обращаемому, насколько проникнута бываетъ любовію. Эта-то любовь является у него сама въ себѣ могучею силою; во всякомъ большомъ романѣ описывается ея дѣйствіе; — не описывается только, но и дается ключъ къ ея философскому уразумѣнію. Любовь эта въ повѣстяхъ нашего писателя есть не субъективное настроеніе только, а нѣкая міровая, Божественная сила, жизнь Божія, удѣляемая въ братолюбивыя сердца и чрезъ нихъ передаваемая любимымъ имъ. Внѣ Бога нѣтъ этой любви и дается она только вѣрующимъ въ Его бытіе и благость; но за то въ сознаніи вѣрующаго самымъ основнымъ закономъ бытія, единственнымъ настоящимъ бытіемъ является эта любовь. Такія именно мысли исповѣдуетъ предъ смертью просвѣтившійся старикъ Верховенскій въ немногихъ, но поистинѣ драгоцѣнныхъ словахъ къ духовнику и друзьямъ. — «Друзья мои, проговорилъ онъ (Стефанъ Трофимовичъ), — Богъ уже потому мнѣ необходимъ, что это единственное Существо, Которое можно вѣчно любить... Мое безсмертіе уже потому необходимо, что Богъ не захочетъ сдѣлать неправды и погасить совсѣмъ огонь разъ возгорѣвшійся къ Нему любви въ моемъ сердцѣ. И что дороже любви? Любовь выше бытія, любовь вѣнецъ бытія, и какъ же возможно, чтобы бытіе было ей неподклонно? Если я полюбилъ Его и обрадовался любви моей — возможно ли, чтобы Онъ погасилъ и меня, и радость мою и обратилъ насъ въ нуль? Если есть Богъ, то и я безсмертенъ... Одна уже всегдашняя мысль о томъ, что существуетъ нѣчто безмѣрно справедливѣйшее и счастливѣйшее, чѣмъ я, уже наполняетъ и меня всего безмѣрнымъ умиленіемъ и славой, — о, кто бы я ни былъ, чтобы ни сдѣлалъ! Человѣку гораздо необходимѣе собственнаго счастія — знать и каждое мгновеніе вѣровать въ то, что есть гдѣ-то уже совершенное и спокойное счастье, для всѣхъ и для всего... Весь законъ бытія человѣческаго лишь въ томъ, чтобы человѣкъ всегда могъ преклониться предъ безмѣрно великимъ» (VII, 608-609). — Любовь сама торжествуетъ и надъ смертію, какъ говоритъ у него другой умирающій: «и пусть забудутъ, милые, а я васъ и изъ могилки люблю. Слышу, дѣточки, голоса ваши веселые, слышу шаги ваши на родныхъ отчихъ могилкахъ въ родительскій день; живите пока на солнышкѣ, радуйтесь, а

я за васъ Бога помолю, въ сонномъ видѣніи къ вамъ сойду. все равно — и по смерти любовь» (VIII, 356). — По сочиненіямъ Достоевскаго выходитъ, что любящій и сострадающій, сливаясь въ духовное единство съ ближнимъ своимъ, не что либо сверхъестественное дѣлаетъ, но лишь возвращается къ утерянному грѣхомъ нашему единству въ Богѣ, которое онъ описываетъ въ «Снѣ Смѣшного Человѣка», изображая жизнь людей невинныхъ и святыхъ, жизнь у всѣхъ единую, чуждую современной отъединенности каждаго. Только общая гордость, замыкающая человѣка въ себя самого, или эта часто упоминаемая **отъединенность** дѣлаетъ для нашего помраченнаго ума непонятнымъ, невѣроятнымъ эту общность природы нашей, возстановляемую любовью святыхъ людей. Теперь ясно, почему, по Достоевскому, спасительна только смиренная любовь а горделивая — есть причина мученій: потому именно, что гордость, какъ сосредоточеніе всего жизненнаго содержанія около одного «я», мѣшаетъ сліянію душъ и перелитію одной жизни въ другую, — для послѣдней нужна именно свобода отъ такой ограниченности, т. е. **смиреніе:** оно-то упраздняетъ незримое средостѣніе, стоящее между человѣкомъ и человѣкомъ, — и, какъ прививка сладкой яблони къ кислой, очищаетъ душу ближняго самымъ своимъ прикосновеніемъ, какъ объясняетъ старецъ Зосима. «Предъ иною мыслью станешь въ недоумѣніи, говоритъ онъ, — особенно видя грѣхъ людей, и спросишь себя: взять ли силой, али смиренной любовію? Всегда рѣшай: возьму смиренной любовью. Рѣшишься такъ разъ навсегда и весь міръ покорить возможешь. Смиреніе любовное — страшная сила, изо всѣхъ сильнѣйшая, подобной которой и нѣтъ ничего. На всякъ день и часъ, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтобъ образъ твой былъ благолѣпенъ».

Это не пантеизмъ, но сродство духовное, на почвѣ коего и Апостолы и Отцы изъясняли спасительную силу благодати въ смыслѣ именно усвоенія (Іоаннъ Дамаскинъ. — Точное изложеніе), какъ сказано въ Посланіи къ Римлянамъ, **«яко же ослушаніемъ единаго грѣшни быша мнози, сице и послушаніемъ единаго праведни быша мнози»** (V, 19).

Великая идея Достоевскаго, конечно, содержится въ Божественномъ Откровеніи, но имъ именно она изложена жизненно и ясно. Значеніе этого изложенія въ томъ, что чрезъ него опредѣляется лучшее направленіе нашей любви къ людямъ, чѣмъ принято въ современной морали. Часто слышится

фраза: можно разрушать заблужденія мысли, но кто и какъ можетъ сломить злую волю? поэтому благотворительность допускаютъ лишь вещественную. Достоевскій, призывая человѣка къ подвигамъ любви къ ближнему, говоритъ устами героевъ своихъ: «ты въ немъ новаго человѣка воскресишь» (VIII, 394).

Смиренная, сострадающая любовь есть эта воскрешающая сила: любовь безъ смиренія — мука, приводящая къ истязаніямъ и самоубійствамъ; но и отсутствіе гордости, безъ энергичнаго самоотверженія, даетъ дряблый, отвратительный и чувственно-эгоистическій характеръ, въ родѣ князя Алеши въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ», спокойно разрушавшаго счастіе семействъ ради своего наслажденія: по отзыву нѣкоторыхъ читателей это типъ болѣе антипатичный, нежели его открыто безнравственный и преступный отецъ. Никто не можетъ упрекнуть Достоевскаго въ узости нравственнаго идеала, въ проповѣди тупой покорности судьбѣ.

—o—

VI. СОСТРАДАНІЕ И ПРАВДИВОСТЬ.

Но что же это за третья черта — **состраданіе,** о которой мы постоянно говорили? Состраданіе есть не одно только общее чувство, сопровождающее любовь и молитву. Въ этомъ смыслѣ оно, какъ и самая любовь, есть лишь условіе возрожденія природы; если бъ заблужденіе людей заключалось — прямо и единственно въ злой волѣ при ясности ума и познанія, то и обращеніе производилось бы лишь соприкосновеніемъ воли противоположной, но мы уже сказали, что обольщеніе выражается не только въ гордости и раздорѣ, но и во лжи или обманѣ. Злая воля присоединяется къ ложному міровоззрѣнію, а это въ свою очередь запутываетъ мысль. Міровоззрѣніе разумѣется здѣсь не только въ смыслѣ ложныхъ философскихъ взглядовъ, но и въ смыслѣ искаженнаго воззрѣнія на людей, нелѣпыхъ пріемовъ въ отношеніяхъ семейныхъ, принципіальнаго охлажденія къ отечеству и т. д.... Правда, при общемъ покаянномъ настроеніи, человѣкъ самъ можетъ въ концѣ концовъ выпутаться изо всѣхъ этихъ путъ мысли и чувства, но

и здѣсь его предупреждаетъ любовь, именно сострадающая. Злая воля не безучастна въ каждомъ заблужденіи, но часто заблужденіе и ожесточеніе порождены главнымъ образомъ чрезъ обманъ, а обманъ силенъ именно тогда, когда содержитъ долю истины. Трагедія въ отношеніяхъ такого человѣка къ добрымъ людямъ заключается въ томъ, что они другъ друга не понимаютъ, какъ герои «Бѣсовъ» не понимали просвѣтленнаго Шатова. То состраданіе, о которомъ мы говоримъ, заключается по Достоевскому, именно въ способности понять человѣка, проникнуть въ то доброе, что у него есть, и оцѣнить его, освобождая его отъ примѣси лжи. Вотъ для сего-то и нужна, кромѣ смиренной любви, еще и сила ума и широта образованія, почему и лучшіе воители добра — даже и монастырскіе монахи — являются у Достоевскаго людьми не только съ тонкою отзывчивостью, широчайшею терпимостью и чуткимъ пониманіемъ людей, но и надѣленными глубокимъ и всестороннимъ образованіемъ. Они находятъ общіе идеалы и съ Иваномъ Карамазовымъ, и съ крестьянами, и съ барышней-дворянкой, — всякій въ нихъ находитъ себѣ сродныхъ по уму и по сердцу. Они какъ-то умѣютъ совершенно врости въ человѣка, сраспростереться со всѣми его мыслями, со всѣми фибрами его души, всего его поднять къ истинѣ и любви. Для сего нужно знаніе, нужна ученость.

Итакъ, состраданіе есть, снабженная знаніемъ человѣка и его идей, способность внутренняго самоотожествленія съ человѣкомъ, радостное сліяніе со всѣмъ въ немъ добрымъ и скорбь обо всемъ зломъ. Здѣсь, именно, сказывается ловецъ человѣковъ. — Всѣмъ извѣстно, что самъ Достоевскій на себѣ самомъ блестяще оправдалъ это требованіе, примиривъ на Пушкинскомъ праздникѣ западниковъ и славянофиловъ въ своей знаменитой рѣчи, въ которой сумѣлъ указать то общее лучшимъ представителямъ обоихъ лагерей начало, которое, съ присоединеніемъ нѣкоторой своеобразной страстности, разбило ихъ на двѣ, повидимому, столь непримиримыя, литературныя партіи. Начало это и есть, по Достоевскому, та чисто русская способность духовнаго отожествленія съ другими, о которомъ мы говоримъ и которое Достоевскій называетъ перевоплощеніемъ. Этою способностью увлеклись наши западники въ смыслѣ полнаго поглощенія всей своей жизни европейскими интересами до полнаго забвенія своего родного, а крайніе изъ славянофиловъ, оцѣнивъ высокое преимущество

русского народа, стали бояться прилагать его къ дѣлу, чтобы не утратить, и такимъ образомъ хотѣли по возможности ослабить наше общеніе съ иноземными народами. Ораторъ, представивъ самую-то способность сердечно интересоваться жизнію другихъ народовъ свойствомъ отличительнымъ нашего народнаго характера или генія, призывалъ западниковъ обратиться къ жизни народа, чтобы, почерпая изъ него эту способность, вмѣстѣ съ тѣмъ готовиться къ той великой задачѣ сродненія всѣхъ народовъ на единомъ началѣ христіанскомъ, къ чему призванъ народъ русскій. — Возвращаясь къ разсмотрѣнію этого возрождающаго свойства перевоплощенія, или усвоенія, мы не станемъ говорить о томъ, какимъ именно способомъ оно облегчаетъ путь обращенія, — это, послѣ вышесказаннаго, можетъ себѣ безъ труда представить всякій: гораздо труднѣе себѣ представить, какъ воспитать въ себѣ эту способность, столь рѣдко встрѣчаемую въ умѣ и сердцахъ самихъ обращающихъ. — Конечно, для сего, какъ сказано, надо прежде всего много и всесторонне учиться и многое познать въ жизни. Но учиться и знать недостаточно: большая ученость сама по себѣ не есть только ручательство за пониманіе мотивовъ и симпатій людей, но нерѣдко является опорой для ихъ собственныхъ заблужденій. Правда, Достоевскій не любилъ уступать всесторонней образованности своимъ отрицательнымъ типамъ, а шаблонныхъ лжелибераловъ непремѣнно представлялъ себѣ или недоучками, или слабоумными рабами послѣдней прочитанной книжки: но возможность, и довольно всесторонней, учености, при разбитости сердца и темномъ міровоззрѣніи, онъ все-таки допускалъ въ лицѣ Ивана Карамазова и Версилова, людей образованныхъ, талантливыхъ и по природѣ симпатичныхъ, но внутренно чужихъ для всѣхъ и каждаго. Очевидно, имъ не доставало того внутренняго условія для пониманія людей и жизни, въ усвоеніи и развитіи котораго заключается, слѣдовательно, наиболѣе важное и для пастырей условіе въ занимающей насъ способности перевоплощенія. Тутъ уже нравственный процессъ, или духовное дѣланіе должны совершиться прежде въ душѣ самого проповѣдника, чтобы потомъ охватить и обращаемыхъ. Не будемъ опять говорить о необходимости здѣсь сострадательной и смиренной любви: нѣтъ, рѣчь должна быть о томъ нарочитомъ стремленіи къ **правдивости,** о той открытости и простотѣ души, которая одна и можетъ распутать ложь общаго разъ

единенія и которую Достоевскій находитъ въ русскомъ народѣ въ качествѣ того именно начала, что, въ соединеніи со смиреніемъ, даетъ ему способность сродняться съ геніемъ всякой другой народности и перевоплощаться въ нее. При своихъ постоянныхъ жизненныхъ столкновеніяхъ мы обыкновенно встрѣчаемъ каждое явленіе предубѣжденно, пристрастно, или, наоборотъ, недовѣрчиво, но именно отъ этого-то свободенъ характеръ нашего смиреннаго народа, который своею открытой душой лучше насъ приготовленъ къ тому, чтобы быть психологомъ и психіатромъ. Такой Макаръ Ивановичъ, или Мужикъ Морей, которымъ нѣчто подобное создалъ и Левъ Толстой въ своемъ «Платонѣ Каратаевѣ», сразу сродняютъ съ собою всякаго своею совершенною непредубѣжденностью, открытостью души, какъ бы на подобіе цѣлительнаго бальзама, смягчающею застарѣлыя душевныя раны собесѣдниковъ. Культурному человѣку въ родѣ Алеши Карамазова, подобная открытость и искренность дается и сохраняется лишь путемъ **молитвенныхъ подвиговъ** и **духовнаго бдѣнія надъ собою.** Въ жизни же всего простого народа русскаго эта необходимая для духовнаго перевоплощенія правдивость сказывается въ томъ, что «хотя и развратенъ простолюдинъ и не можетъ уже отказать себѣ въ смрадномъ грѣхѣ, но все же знаетъ, что проклятъ Богомъ его смрадный грѣхъ и что поступаетъ онъ худо, грѣша. Такъ что неустанно еще вѣруетъ народъ нашъ въ правду... Не то у высшихъ; тѣ... уже провозгласили, что нѣтъ преступленія, нѣтъ грѣха» («Братья Карамазовы»). Въ этой разности отношеній къ своему грѣху — скажемъ кстати — полагалъ Достоевскій и единственное преимущество народа, о чемъ говорилъ очень часто и въ романахъ, и въ статьяхъ (напр. X, 50); причислялъ онъ, въ этомъ отношеніи, къ народу и вѣрующихъ изъ общества, полагая въ этомъ сознаніи несомнѣнную надежду на спасеніе даже для самаго закоренѣлаго злодѣя, какъ это выражаетъ пропойца Мармеладовъ въ своемъ знаменитомъ монологѣ, одномъ изъ лучшихъ перловъ нашего писателя (Ѵ, 22). Велика эта черта даже въ презрѣнномъ грѣшникѣ, а соединенная съ любовію, смиреніемъ и свѣтлымъ и глубокимъ образованіемъ, она золотымъ вѣнцомъ всегдашняго успѣха увѣнчиваетъ проповѣдника истины, давая ему путь къ уразумѣнію тайнъ внутренней жизни ближнихъ, открывая возможность полюбить и понять ихъ доброе, и чрезъ это окончательно покорить ихъ

сердца вѣчной истинѣ Примирителя. Безъ этого свойства правдивости и соединенной съ нимъ свѣтлой широкой всесторонности, авторъ даже и религіозность не высоко цѣнитъ, какъ это видно въ отзывѣ одного изъ его героевъ о Версиловѣ и въ типахъ Хохлаковой и о. Ферапонта; изувѣры и гордецы бываютъ повидимому религіозны, но имъ авторъ удѣлетъ симпатіи еще менѣе, чѣмъ увлекающимся скептикамъ, или кутиламъ. «Тутъ причина ясная: они выбираютъ Бога, чтобы не преклоняться предъ людьми, — разумѣется, сами не вѣдая, какъ это въ нихъ дѣлается: преклоняться предъ Богомъ не такъ обидно. Изъ нихъ выходятъ чрезвычайно горячо вѣрующіе — вѣрнѣе сказать, горячо желающіе вѣрить: но желаніе они принимаютъ за самую вѣру *). Изъ этакихъ особенно часто бываютъ подъ конецъ разочаровывающіеся. Про господина Версилова я думаю, что въ немъ есть и чрезвычано искренніе черты характера» (VIII, 60). Отсюда еще разъ видно, какъ далеки отъ истины тѣ, которые представляютъ Достоевскаго человѣкомъ партіи; но ошибаются и тѣ, что утверждаютъ, будто бы въ лицѣ о. Ферапонта онъ осуждаетъ аскетизмъ отшельниковъ; возраженіе на это есть прямое въ бесѣдѣ о. Зосимы: «Русскій инокъ», гдѣ говорится о необходимости уединенія и подвиговъ для духовнаго возрастанія. — Осуждая научное просвѣщеніе безъ любви христіанской и религіозность, чуждую любви и ненавидящую просвѣщеніе, авторъ однако совершенно свободенъ отъ неблаговиднѣйшимъ образомъ высказываемыхъ ему упрековъ въ нелюбви къ русскому духовенству. Напротивъ, именно на него-то онъ возлагаетъ надежды, какъ на единственнаго соединителя религіозности съ просвѣщеніемъ народа въ школахъ; о нихъ нашъ писатель заговорилъ еще въ 1873 году, когда Правительство и не поднимало вопроса о церковно-приходскихъ школахъ. Въ этой статьѣ (IX, 224) авторъ съ негодованіемъ осуждаетъ земцевъ, препятствующихъ духовенству учить народъ и бороться словомъ проповѣди съ сектами протестантскаго пошиба. Авторъ прямо говоритъ: «добрыхъ пастырей у насъ много, — можетъ, болѣе, чѣмъ мы можемъ надѣяться, чѣмъ

*) Буквально такія качества показалъ одинъ публицистъ, возмнившій поправить извѣстный афоризмъ Достоевскаго: смирись гордый человѣкъ и пр. прибавкой: "смирись гордый человѣкъ предъ Богомъ". Находились невѣжды, вмѣнявшіе эту прибавку въ особенную похвалу критику, но конечно, единственно по незнанію отеческаго ученія: "Послушаніе имѣй ко всѣмъ".

сами того заслуживаемъ» (IX, 232).

Повторимъ формулу Достоевскаго объ условіяхъ вліянія одной воли на другую: смиряясь, любя и познавая людей, человѣкъ восходитъ или возвращается къ первозданному таинственному единству со всѣми и, какъ бы переливая святое (чрезъ общеніе съ Богомъ усвоенное) содержаніе своей души въ душу ближняго, преображаетъ внутреннюю природу послѣдняго, такъ что при одномъ только согласіи его воли, тяжкій путь его возрожденія почти совершенъ за него, лишь бы онъ самъ не отвѣчалъ на это злымъ упорствомъ и ненавистью.

Но Достоевскій, великій учитель личной добродѣтели, отвертывается отъ общественныхъ народныхъ и культурныхъ идеаловъ. Такое несправедливое обвиненіе стало общимъ мѣстомъ у его литературныхъ антагонистовъ; его ложность явствуетъ изъ того, что едва ли не въ каждой повѣсти Достоевскій говоритъ о Россіи, о Европѣ, о человѣчествѣ, объ исторіи. Правда, онъ предостерегаетъ насъ отъ всѣхъ путей воздѣйствія на ближнихъ, на коихъ стоятъ его литературные враги — онъ соотноситъ ихъ съ тремя искушеніями, предложенными Спасителю въ пустынѣ злымъ духомъ, и подводитъ подъ нихъ всѣ виды внѣшняго вліянія на массы, — всѣ, кромѣ изложеннаго выше пути христіанскаго, а католицизмъ, соціализмъ, партійную будирующую прессу и западническій государственный регламентаризмъ во всѣхъ его формахъ онъ совершенно отождествляетъ между собою по ихъ общему методу дѣйствованія. Не отрицая вовсе государственнаго начала въ жизни, онъ, вопреки всѣмъ этимъ системамъ, требуетъ, чтобы оно лишь утверждало и ограждало законами нравственные идеалы, уже созданные субъективною жизнью народа, а не выдавливало послѣднихъ изъ искусственно изобрѣтенныхъ юридическихъ предначертаній. Идеалы создаются личными геніями и ихъ таинственною внутреннею связью съ геніемъ народа; становясь такимъ образомъ достояніемъ быта послѣдняго, они переходятъ въ форму культурнаго идеала, и, наконецъ, бытового обычая или даже государственнаго закона. Такія мысли нашъ писатель высказываетъ въ защитѣ своей Пушкинской рѣчи противъ Градовскаго. Но такъ какъ подобный путь вліянія есть путь мученія, креста, путь Христовъ — медленный и почти незримый, хотя и необходимый въ будущемъ — то дѣятелю и представляются тѣ три **искушенія,** которымъ всецѣло

поддалась Европа въ своей и религіозной, и государственно-культурной исторіи и даже идеалахъ. Если истинная жизнь созидается сострадающей любовью, смиреніемъ и искренностью, то ложность европейскихъ идеаловъ, не по содержанію, но по методу, стоитъ въ томъ, что по невѣрію въ самую возможность и въ дѣйственность на землѣ этихъ трехъ добродѣтелей, люди, особенно написты и соціалисты, взяли себѣ орудіемъ: вмѣсто любви — удовлетвореніе вещественныхъ потребностей или **хлѣбы,** вмѣсто смиренія — **насиліе,** вмѣсто искренности — запугивающій обманъ или ложное чудо, тайну и внѣшній авторитетъ; послѣдніе у папистовъ — въ видѣ измышленнаго замѣстителя Христа на землѣ, а у соціалистовъ — въ видѣ несуществующихъ на самомъ дѣлѣ выводовъ изъ quasi науки и утопій о будущемъ общемъ счастьѣ. Объ этомъ Достоевскій писалъ еще въ 1877 году слѣдующее: « . . . О, я не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они (люди) удивились и ужаснулись, и стали расходиться, разъединяться. Явились союзы, но уже другъ противъ друга. Начались укоры, упреки. Они узнали стыдъ, и стыдъ возвели въ добродѣтель. Родилось понятіе о чести и въ каждомъ союзѣ поднялось свое знамя. Они стали мучить животныхъ, и животныя удалились отъ нихъ въ лѣса и стали имъ врагами. Началась борьба за разъединеніе, за обособленіе, за личность, за мое и твое. Они стали говорить на разныхъ языкахъ. Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мученія и говорили, что Истина достигается лишь мученіемъ. Тогда явилась у нихъ наука. Когда они стали злы, то начали говорить о братствѣ и гуманности, и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрѣли справедливость и предписали себѣ цѣлые кодексы, чтобы сохранить ее, а для обезпеченія кодексовъ поставили гильотину. Они чуть-чуть лишь помнили о томъ, что потеряли, даже не хотѣли вѣрить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смѣялись даже надъ возможностью этого прежняго ихъ счастія и называли его мечтой. Они не могли даже представить его себѣ въ формахъ и образахъ, — но странное и чудесное дѣло: утративъ всякую вѣру въ бывшее счастіе, назвавъ его сказкой, они до того захотѣли быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали предъ желаніями сердца своего» (IX, 133). Но еще краснорѣчивѣе говорятъ противъ искушенія ложнаго общественнаго вліянія его типы: Верховенскій и соціалисты — представители грубаго, тупого и зло-

стнаго насилія, невѣрующій западникъ Кармазиновъ — ложный и неестественный авторитетъ при мелкомъ и безсознательно эгоистическомъ настроеніи, наконецъ, такіе характеры, какъ Раскольниковъ, «Подростокъ», Иванъ и Смердяковъ, созидавшіе идеалы не въ настроеніи, а въ фантазерствѣ и отвлеченныхъ выводахъ безъ внутренней и жизненно-практической провѣрки, приходившіе всегда къ результатамъ совершенно противоположнымъ съ ихъ идеалами и притомъ прямо преступнымъ. Быстро вырастаютъ плоды ихъ дѣятельности, но плоды горькіе, плоды, исполненные убійственнаго яда: они поддались обольщенію діавола, искушавшаго пастырское терпѣніе Христово, и потому дѣло ихъ и общество ихъ это «Бѣсы», а плоды — свиная погибель, какъ въ озерѣ Геннисаретскомъ. — Напротивъ — тяжелъ и медленъ путь отшельника Зосимы, но вотъ онъ пройденъ, и широко живительной волной расходится чрезъ него сила духовнаго возрожденія и врастаетъ въ бытъ великаго народа, которому, по мысли Достоевскаго, суждено быть такимъ же учителемъ, такимъ же Зосимой во всемъ человѣчествѣ и доставить всѣмъ вѣчный миръ и истинное блаженство. Достоевскій не былъ хиліастомъ, но тѣ, даже немногіе, но всепобѣждающіе успѣхи сострадающей и смиренной любви, которые даютъ себя знать въ описываемой имъ дѣятельности, наполняютъ сердце его такимъ восторгомъ, съ такою силою раскрываютъ предъ нимъ мудрость и благость Домостроительства, что, при видѣ неудержимо наступающей и расширяющейся области яркаго свѣта благодати и робко убѣгающей предъ нею тѣни грѣха и невѣденія, онъ смотритъ въ будущее свѣтло и радостно и питаетъ неудержимую, непоколебимую надежду, что не только въ жизни будущей, но и въ формахъ жизни насъ окружающей, при наличности имѣющихся у насъ нравственныхъ сокровищъ, наступитъ общее возрожденіе, на подобіе того, которое принесено было на землю христіанствомъ въ первомъ вѣкѣ. «Но спасетъ Богъ людей своихъ, ибо велика Россія смиреніемъ своимъ. Мечтаю видѣть и какъ бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будетъ такъ, что даже самый развращенный богачъ кончитъ тѣмъ, что устыдится богатства своего предъ бѣднымъ, а бѣдный, видя смиреніе сіе, пойметъ и уступитъ ему съ радостію, и лаской отвѣтитъ на благолѣпный стыдъ его. Вѣрьте, что кончится симъ: на то идетъ. Лишь въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ равенство, и сіе поймутъ лишь у насъ.

Были бы братья, будетъ и братство... Образъ Христовъ хранимъ, и возсіяетъ, какъ драгоцѣнный алмазъ, всему міру.. Буди, буди» («Бр. Карам.»).

Въ восторгѣ братской любви мысленно обнимая вселенную, Достоевскій иногда мечталъ о всеобщемъ и полномъ блаженствѣ, хотя бы въ будущемъ вѣкѣ и, зная осужденіе оригенистовъ, смиренно и робко дерзалъ однако думать, что церковное воспрещеніе учить такъ, какъ эти послѣдніе, говоритъ скорѣе о мудро скрываемой тайнѣ, нежели о полномъ отрицаніи ихъ надеждъ. Именно такую рѣчь влагаетъ онъ въ уста явившагося діавола въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». «Я вѣдь знаю, тутъ есть секретъ, но секретъ мнѣ ни за что не хотятъ открыть, потому что я, пожалуй, тогда догадавшись, въ чемъ дѣло, рявкну «осанну» и тотчасъ же исчезнетъ необходимый минусъ и начнется во всемъ мірѣ благоразуміе. Я вѣдь знаю, что въ концѣ концовъ я помирюсь, дойду и я мой квадрилліонъ, и узнаю секретъ. Но пока это произойдетъ, будирую и, скрѣпя сердце, исполняю мое назначеніе: губить тысячи, чтобы спасся одинъ. Сколько, напримѣръ, надо было погубить душъ и опозорить честныхъ репутацій, чтобы получить одного только праведнаго Іова, на которомъ меня такъ зло поддѣли во время оно! Нѣтъ, пока не открытъ секретъ, для меня существуютъ двѣ правды: одна тамошняя ихняя, мнѣ пока совсѣмъ неизвѣстная, а другая моя».

Мы не пойдемъ за писателемъ такъ далеко, но почерпнемъ изъ него то убѣжденіе, что для смиреннаго и любящаго проповѣдника Христовой благодати нѣтъ въ мірѣ границы вліянія, а только вѣчно расширяющаяся и просвѣтляемая область духовнаго объединенія людей, народовъ и поколѣній въ Христовой истинѣ и добродѣтели.

III.

СЛОВАРЬ КЪ ТВОРЕНІЯМЪ ДОСТОЕВСКАГО

НЕ ДОЛЖНО ОТЧАЯВАТЬСЯ.

*) Въ первый разъ издано Россійско-Болгарскимъ Книгоиздательствомъ въ Софіи въ 1921 году, затѣмъ напечатано въ "Сборникѣ избранныхъ сочиненій Блаженнѣйшаго Антонія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Юбилейное изданіе къ 50-лѣтію священнослуженія. Бѣлградъ 1935 г." подъ заглавіемъ "Ключъ къ твореніямъ Достоевскаго" стр. 307-428.

III

ВВЕДЕНІЕ.

ОТНОШЕНІЕ КЪ ПРЕДСКАЗАНІЯМЪ ДОСТОЕВСКАГО ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Когда люди впадаютъ въ тяжелую бѣду и не видятъ выхода изъ нея ни въ окружающихъ условіяхъ жизни, ни въ тѣхъ ученіяхъ и идеяхъ, коими они привыкли руководиться, то, оглядываясь туда и сюда, они силятся вспомнить тѣхъ учителей и пророковъ, которые въ свое время старались вразумить ихъ, угрожая въ противномъ случаѣ грядущими бѣдствіями, на что, однако, люди не обращали въ свое время должнаго вниманія или даже отзывались насмѣшками и бранью. Но вотъ грозныя предсказанія сбылись во всей точности: народъ потонулъ въ крови, исчахъ отъ голода и холода, сгнилъ отъ болѣзней; всѣ возненавидѣли другъ друга и другъ друга трепещутъ. Хватаясь за голову и ломая руки, они восклицаютъ: вѣдь все это намъ предсказано; все это вслухъ всей странѣ возвѣщалось въ книгахъ, которыя мы всѣ читали; но мы, безумные, смѣялись надъ нашимъ пророкомъ именно за эти предсказанія, хотя и благоговѣли передъ его геніальнымъ умомъ и талантомъ. А теперь то, что казалось намъ тогда, т. е. 50 лѣтъ тому назадъ и даже 5 лѣтъ тому назадъ, плодомъ мрачной фантазіи великаго человѣка, теперь сбылось съ такой ужасающей точностью, что мы готовы признать эти предсказанія

за непосредственныя откровенія Божіи, хотя самъ авторъ и не думалъ выдавать ихъ за таковыя, а представлялъ ихъ какъ плодъ своихъ наблюденій надъ жизнью Россіи и Европы, надъ исторіей человѣчества и надъ русскимъ характеромъ.

Просвѣщенный читатель, конечно, понимаетъ, что я разумѣю Достоевскаго и его предсказанія о дальнѣйшихъ судьбахъ русскаго нигилизма и всей Россіи и Европы, изложенныя во многихъ его твореніяхъ, а въ особенности въ повѣсти «Бѣсы» и въ «Дневникѣ Писателя».

Мы сказали, что люди смѣялись надъ его предсказаніями, но правда требуетъ прибавить, что надъ самимъ предсказателемъ смѣялись мало, и число его почитателей было велико не только при его жизни, не только въ послѣдніе годы этой жизни, когда онъ сталъ любимѣйшимъ (ибо мало сказать популярнѣйшимъ) человѣкомъ въ Россіи, — но и послѣ его смерти, послѣдовавшей за мѣсяцъ до убійства Александра Второго, — и даже до послѣдняго времени.

Въ Россіи нѣтъ болѣе сильныхъ людей, чѣмъ поэты: мыслителей, дѣятелей другихъ профессій цѣнятъ по мѣрѣ того, какъ они сумѣютъ угодить вкусамъ публики; такова участь публицистовъ, философовъ, профессоровъ, даже отчасти духовныхъ лицъ; но поэтъ, романистъ или лирикъ, одаренный талантомъ, заставляетъ себя читать и чтить даже независимо отъ своего философскаго и политическаго направленія. Ему прощаютъ самыя непріятныя для публики идеи и выраженія; ему рукоплещутъ въ театрахъ, когда онъ безжалостно высмѣиваетъ въ глаза все общество, — его авторитеты, его моду. его науку. Не таково ли содержаніе «Плодовъ Просвѣщенія» Льва Толстого, которые приводили въ восторгъ театральныхъ зрителей, тутъ же изображенныхъ на сценѣ въ самомъ жалкомъ, въ самомъ глупомъ видѣ? — Таково же отношеніе общества, современнаго Достоевскому, и общества, современнаго намъ, къ его твореніямъ, несмотря на то, что Достоевскій не только безжалостно бичевалъ общественные предразсудки или, точнѣе, самый духъ Европы, ея цивилизацію, а затѣмъ и общество русское, его сферы — университетскую, земскую, военную и т. д., но и предлагалъ (хотя съ мудрою постепенностью въ продолженіи всего періода его учительства) такія перспективы, такія средства общаго и личнаго нравственнаго возрожденія, которыя подъ перомъ другого, подъ перомъ не геніальнаго романиста, а публициста или тѣмъ болѣе свя-

щенника, кромѣ пренебрежительной насмѣшки, ничего не вызвали бы въ публикѣ; впрочемъ, даже и насмѣшки не вызвали бы, а просто не были бы удостоены вниманія. А здѣсь другое дѣло. Довольно вспомнить о томъ, что Достоевскій въ самомъ популярномъ своемъ романѣ, въ концѣ 70-хъ годовъ, т. е. во время сильнѣйшаго преобладанія позитивизма и матеріализма, явился проповѣдникомъ, странно сказать, — идей монашескихъ и устами идеальнаго старца Зосимы заявилъ, что спасеніе Россіи выйдетъ изъ монастыря отъ инока. Конечно, многіе общественные авторитеты перенесли такой приговоръ надъ своими идеями и надъ своимъ вліяніемъ труднѣе, чѣмъ спириты, рукоплескавшіе своему убійственному осмѣянію въ «Плодахъ Просвѣщенія» Л. Толстого, но «Братьями Карамазовыми» Достоевскаго восхищались больше, чѣмъ «Плодами Просвѣщенія». Автора буквально на рукахъ носили, когда печаталась и затѣмъ закончилась эта повѣсть. На литературныхъ вечерахъ его привѣтствовали восторженнѣе, чѣмъ самую знаменитую европейскую примадонну на сценѣ, а его поведеніе было, какъ выразился тогда одинъ проповѣдникъ, шествіемъ тріумфатора, дотолѣ никогда не виданномъ ни въ Петербургѣ, ни въ провинціи.

Да, велика власть геніальнаго поэта надъ русскими сердцами: она выше власти ихъ самолюбія и предразсудковъ. Поэтому — генію все дозволено говорить и писать.

Что сказать по поводу сего о нашемъ обществѣ? Быть можетъ, и его осмѣивать за такую непослѣдовательность? Пусть кто хочетъ, осмѣиваетъ, но мы скажемъ: честь и слава тому народу, тому обществу, которое всѣмъ поступается предъ самооткровеніемъ нравственной правды, а постигать послѣднюю и открыть ее умамъ и сердцамъ людей — это удѣлъ геніевъ и по преимуществу геніальныхъ поэтовъ. «Обличай премудра и возлюбитъ тя». — Въ чемъ другомъ, а въ этомъ проявленіи нашъ народъ премудръ, и наше общество сохранило въ себѣ это драгоцѣнное свойство народной души, хотя и отдалилось отъ нея во многомъ другомъ, — въ очень многомъ.

Но мы уже упомянули, что предсказанія Достоевскаго о современныхъ событіяхъ встрѣчены были съ недовѣріемъ и насмѣшками. Должно это заявленіе сильно ограничить. Собственно злобныя, даже ругательныя критическія статьи появлялись со стороны извѣстнаго литературнаго лагеря на всякую повѣсть нашего писателя, но онѣ производили мало впечатлѣ-

нія на публику и на молодежь. Повѣсть «Бѣсы», появившаяся около 50-ти лѣтъ тому назадъ, въ то и въ послѣдующее время раздѣляла успѣхъ прочихъ твореній Достоевскаго и испытывала вражду отъ его литературныхъ противниковъ наравнѣ съ прочими его повѣстями и статьями.

Весьма понятно, почему до временъ первой революціи грозныя предсказанія Достоевскаго мало тревожили ея поклонниковъ. Когда печатались «Бѣсы» и позже, до начала 20-го вѣка, государственный строй въ Россіи казался еще столь крѣпкимъ, что защищать радикальную революцію и нужды не было: напротивъ, представители оппозиціи, одни искренно, а другіе лицемѣрно, старались убѣдить общество, что никакихъ кровавыхъ переворотовъ они не желаютъ и таковыхъ у насъ не будетъ, а проповѣдывались послѣдніе совсѣмъ зелеными юнцами, да еще заграницею, и на подобныхъ заговорщиковъ смотрѣли, какъ на совершенно особую, чуждую всему обществу шайку фантазеровъ. Но вотъ наступилъ 1905 годъ. Приходилось людямъ протирать свои сонные глаза и припоминать, что нѣчто подобное предсказано великимъ писателемъ съ оговоркой: «мы до этого не доживемъ, а наши дѣти все это увидятъ» (19, 344 по изданію «Товарищества Просвѣщенія»). Однако нигилистическая революція подходила, высоко и смѣло поднявши голову, и хотя авторитетъ Достоевскаго оставался столь непоколебимъ, что унижать его геній не приходилось, а все-таки отозваться на указанія не очень многочисленныхъ, но серьезныхъ людей было нужно. Революцію приходилось хвалить, а мрачныя предсказанія о ней Достоевскаго снова стали извѣстны повсюду. — Что же оставалось говорить представителямъ литературнаго момента? Мы слушали о семъ публичную рѣчь одного профессора словесности около 1910-го года. Онъ — поклонникъ Достоевскаго, но и революціи также. Что же? Онъ сказалъ то самое, что и другіе единомышленники газетнаго большинства. Романъ «Бѣсы» — неудачное, въ раздраженіи написанное, произведеніе нашего писателя, который взглянулъ на революціонное движеніе не по существу его, а только со стороны его изнанки, со стороны его подонковъ, и съ ними отожествилъ самое движеніе, въ общемъ искреннее и почтенное. О томъ, что въ «Бѣсахъ» выражено то же самое, что и въ «Дневникѣ Писателя» за 1873-77 года, также въ «Преступленіи и Наказаніи» и «Бр. Карамазовыхъ», — о томъ, конечно, умалчивалось.

Но когда пронесся первый революціонный громъ въ Мартѣ 1917 года, то наше потерявшее голову общество и студенчество заговорили противъ предсказаній автора «Бѣсовъ» гораздо смѣлѣе. «Вотъ», кричали они: «Достоевскій предсказывалъ революцію съ антропофагіей (людоѣдствомъ), а она у насъ водворилась, но безъ казней: русская революція — безкровная». Публика продолжала быть довольной, пока она могла сама направлять революцію и командовать въ Россіи. Еще бы! Всякій желающій дѣлался министромъ, комиссаромъ, общественнымъ ораторомъ и т. д. — Но, когда при такихъ управителяхъ разбрелась армія, оставивъ непріятелю фронтъ и милліардное имущество, когда непріятель оторвалъ отъ Россіи десятокъ губерній, а потомъ и то, что осталось отъ нея, начало трескаться, и вскорѣ колоссальное государство распалось на десятки «самостоятельныхъ республикъ», — тутъ наши торжествовавшіе ребеллянты закряхтѣли. Однако не въ этомъ познали они свою бѣду. Послѣдняя раскрылась передъ ихъ глазами тогда, когда вслѣдъ за адвокатами, земцами, учителями и студентами явились **мужички** и сказали: мы вовсе не согласны на одну только замѣну прежнихъ господъ министровъ и графовъ разночинцами; равенство, такъ равенство; вы перемѣнились мѣстами съ прежними камергерами; теперь не угодно ли и вамъ самимъ перемѣниться своимъ положеніемъ съ нами — мастеровыми, матросами и мужиками; освободите намъ ваши квартирки, автомобили и театры, намъ тоже любопытно вкусить отъ всего этого, а особенно — власти и денегъ. О безкровности революціи уже не стало и помину: кровь полилась не рѣкой, какъ 120 лѣтъ тому назадъ во Франціи, а цѣлымъ моремъ; на русскихъ пошли инородцы, русскіе пошли на русскихъ; стали убивать сотнями завѣдомо непричастныхъ къ дѣлу заложниковъ; однимъ словомъ, произошло все то, что теперь предъ нашими глазами... — Прежнее ликующее настроеніе смѣнилось уныніемъ и отчаяніемъ; къ безчисленнымъ убійствамъ или казнямъ присоединились многочисленныя самоубійства и умопомѣшательства. Потеряли увѣренность и спокойствіе самые вожди революціи; едва ли возможно найти сотню людей на Руси, которые бы одобряли то, что произошло въ ней за эти два года. — Вотъ тутъ-то опять схватились за предсказанія Достоевскаго. Ихъ признали, какъ сказано, пророчествомъ; люди кляли себя за безумное подтачиваніе прежняго государства; осыпали горькими укорами другъ

друга, взаимно называя себя виновниками бѣдствія; одни валили всю вину на Думу, другіе на земство, третьи на университетъ, четвертые на народную школу, пятые на прессу, шестые на евреевъ.

Не будемъ разбирать, кто болѣе правъ въ этихъ обвиненіяхъ; думаемъ, что всѣ правы, но лучше всмотримся, такъ ли безнадежно положеніе нашего бывшаго отечества, такъ ли безпросвѣтно погибла Святая Русь, какъ это кажется теперь многимъ, — едва ли не большинству.

Мы говорить будемъ не отъ себя. Должно спросить того мыслителя, который такъ вѣрно предсказалъ то, что совершилось. Мы не хотѣли тогда ему вѣрить, и пропали. Повѣримъ же теперь и найдемъ путь къ общему возрожденію.

Съ такими мыслями я началъ нынѣшней зимою составлять краткій указательный «Словарь къ твореніямъ Достоевскаго», выписывая изъ нихъ сжатыя изреченія по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) воспитаніе — дѣти и юношество, 2) народъ и общество, 3) духовенство и монашество, 4) революція и безбожіе, 5) призывъ общества къ возрожденію: Пушкинъ и славянофилы, 6) пороки нашего общества, его обычаевъ и законовъ, 7) православіе и ереси, 8) Россія и Европа, война, иностранцы, 9) русская женщина и ея назначеніе, 10) о религіи вообще и 11) собственныя свойства автора и его психологическія наблюденія надъ людьми и жизнью вообще.

Какъ видитъ читатель, это не систематическая программа, а скорѣе замѣтки для памяти. И дѣйствительно, я записалъ ихъ на бумагу не по заранѣе принятому плану, а отмѣчалъ при чтеніи всѣхъ 21 томовъ автора (отсутствовалъ только томикъ «Записки изъ Мертваго Дома», но можетъ быть и его удастся перечитать ко времени выхода этихъ статей въ печать).

Почему взялся я за это дѣло, не по моей спеціальности значащееся? Если указать на внѣшнія причины, то онѣ заключаются въ томъ, что я вотъ уже 7-ой мѣсяцъ интернированъ за-границею и изъ немногихъ книгъ, бывшихъ около меня, рѣшилъ сдѣлать возможное употребленіе, чтобы не сидѣть праздно въ своемъ заключеніи; по своей спеціальности я закончилъ для печати уже нѣсколько работъ, а вопросъ о нравственномъ возрожденіи общества и отечества, думается, долженъ быть отчасти спеціальнымъ для всякаго просвѣщеннаго человѣка: въ этомъ внутренняя причина появленія предлагаемыхъ статей.

ГЛАВА I.

ЧТО ИМЕННО ПИСАЛЪ О СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ ДОСТОЕВСКІЙ И КАКУЮ БУДУЩНОСТЬ ЕЙ ПРЕДСКАЗЫВАЛЪ

—o—

Итакъ, Достоевскій предсказалъ то, что совершается предъ нашими глазами вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ. Мы не будемъ воспроизводить того плана русской революціи, которая изложена въ «Бѣсахъ» ея поборниками, ни того разительнаго сходства ея первыхъ пріемовъ и послѣдствій съ тѣмъ, что произошло теперь, на 50 лѣтъ позднѣе; но все же приведемъ изъ нашего словаря нѣсколько изреченій автора о характерѣ будущихъ бунтовъ въ Европѣ и въ частности въ Россіи.

Достоевскій признаетъ нигилизмъ и революцію явленіемъ въ Россіи совершенно наноснымъ, выросшимъ въ Западной Европѣ на почвѣ борьбы буржуазіи съ пролетаріями, при потерѣ тою и другими высшихъ цѣлей жизни, кромѣ исканія удобствъ и наслажденій. Россіи эта борьба чужда; втравить въ нее, какъ во все скверное, можно народъ только со внѣ, путемъ настойчиваго развращенія его, но и то ненадолго. Затѣмъ народъ опомнится и не только самъ возродится нравственно, но возродитъ собою и Европу, которая и теперь наканунѣ своей гибели, гибели своей цивилизаціи. — При всемъ томъ Достоевскій утверждалъ, что эта общеевропейская революція начнется въ Россіи.

«Европейская революція», говоритъ Достоевскій, «начнется съ Россіи, ибо нѣтъ у насъ для нея надежнаго отпора ни въ управленіи (правительствѣ), ни въ обществѣ» (13, 40). «Безбожный анархизмъ близокъ: наши дѣти увидятъ его» (19 344). «Интернаціоналка распорядилась, чтобы европейская революція началась въ Россіи (13, 90), и если нигилистическая пропаганда у насъ столь безуспѣшна, то это по крайней глупости и неопытности пропагандистовъ». (21, 496).

Вопреки надеждамъ нашихъ либераловъ, что революція будетъ безкровною, Достоевскій предсказывалъ ея кровавый ужасъ, потемнѣніе человѣческой совѣсти, попраніе всякой человѣчности вообще (какъ и Пушкинъ въ дополнительной главѣ къ Капитанской дочкѣ)», безцеремонный и безнаказанный грабежъ и общественный голодъ. — Все это описано въ «Снѣ Смѣшного Человѣка», но еще обстоятельнѣе въ снѣ Раскольникова («Преступленіе и Наказаніе»): люди, желая водворить на землѣ всеобщее единеніе, поднимаютъ возстаніе, низвергаютъ власти, но потомъ возстаніе обращается въ междоусобную войну, при которой враждующія части въ свою очередь подвергаются внутреннему распаденію: междоусобіе начинается среди каждой враждующей партіи, послѣднія распадаются вновь и вновь, и, наконецъ, водворяется война всѣхъ противъ всѣхъ, причемъ люди уже забыли, за что они сражаются, съ кѣмъ именно и для чего; страдаютъ ужасно, но продолжаютъ ожесточенно биться. — Знаменателенъ этотъ вѣщій сонъ анархиста, сосланнаго за принципіальное убійство на каторгу. Однако, въ твореніяхъ нашего писателя имѣются и прямыя изреченія о томъ же. Онъ говоритъ устами своихъ героевъ о революціонерахъ: «начнутъ гордую Вавилонскую башню, а кончатъ антропофагіей» (16, 443). «Агитаторы пролетаріевъ будутъ просто на грабежи звать своихъ послѣдователей» (21, 64). Въ частности о русскихъ агитаторахъ: «русскіе европейцы готовы на любую жестокость, если имъ докажутъ, что это нужно для цивилизаціи» (21, 48). «У насъ возможна такая аберрація (искаженіе) совѣсти» (21, 48). Революціонеры противъ морали: сперва-де накормимъ, а потомъ спрашивай добродѣтель, но имъ себя не накормить — вернутся къ намъ просить корму: свобода и сытость двѣ вещи несоединяемыя. Въ голодѣ и бѣдствіяхъ они испугаются своей свободы и придутъ отдаваться къ намъ въ рабское послушаніе

(16, 434, 435). Такъ предсказываетъ католическій прелатъ 16-го вѣка.

Вотъ какой будетъ кровавый и жестокосердый размахъ будущей революціи, по Достоевскому, къ которому присоединится голодъ. Но сохранитъ ли она обѣщанную «свободу совѣсти»? Напротивъ: внутренняя пружина революціонныхъ движеній вполнѣ убійственна для такой свободы во всѣхъ странахъ міра, а въ Россіи, гдѣ такъ сильна религіозная стихія и отношеніе нашихъ либераловъ такъ враждебно къ ней (и вообще къ жизни народной), — самая же революція питается злобою противъ Бога и въ этой злобѣ ея движущій нервъ: революція въ Россіи не столько экономическое движеніе, даже не политическое, сколько противорелигіозное и противонародное, противорусское... Вотъ почему она и раскроется въ такихъ картинахъ жестокаго ужаса и звѣрствъ. Приводимъ указанія изъ твореній нашего писателя: — «Отвергнувъ Христа, люди хотятъ ввести справедливость, а кончатъ тѣмъ, что зальютъ міръ кровью» (17, 64). «Разрушатъ храмы, зальютъ міръ кровью, а потомъ испугаются» (16, 440). «Соціализмъ не экономическая теорія, а атеистическая: Вавилонская башня» (16, 44). — Если сіе въ извѣстной степени приложимо ко всѣмъ народамъ, то въ народѣ русскомъ въ этомъ именно состоитъ все существо революціоннаго движенія. Достоевскій выражается приблизительно такъ: «Въ Россіи бунтъ можно начинать только съ атеизма (12, 314), и Бѣлинскому, какъ соціалисту, должно было прежде всего пойти противъ христіанства (19, 159); онъ говоритъ, что І. Христосъ теперь бы примкнулъ къ соціалистамъ (19, 16), — какъ и 13-ти лѣтній мальчикъ Коля Красоткинъ».

Таковъ характеръ революціи русской — не экономическій, а противохристіанскій, мистическій, даже демагогическій: вѣдь ее разрабатывали у насъ впродолженіи 50 лѣтъ или даже 70-ти вовсе не пролетаріи, а обезпеченные интеллигенты, иногда даже прямо богачи. Особенно характерно эта идея выражена нашимъ писателемъ въ типѣ инженера изъ семинаристовъ — Кириллова, который подробно развивалъ идею своей жизни и своего самоубійства, какъ бунта противъ Бога. Такой же бунтъ въ видѣ самоубійства хотѣлъ поднять противъ Творца чахоточный юноша-подростокъ Ипполитъ, но былъ во время удержанъ и вразумленъ. Кирилловъ утверждалъ, «кто побѣдитъ страхъ смерти, сдѣлается богомъ» (12, 157), — не

въ смыслѣ вѣчной жизни, а въ томъ, что самая непокорность человѣка Творцу, выражающаяся въ рѣшимости на самоубійство, выводитъ его изъ положенія подчиненности Богу и чрезъ то онъ дѣлается самъ для себя богомъ. Здѣсь бунтъ ради самаго бунта противъ Бога. На западѣ эти элементы революціоннаго богоборчества тоже имѣются, какъ пояснялъ Великій Инквизиторъ, но западные люди давно стали нравственными матеріалистами, и общественная жизнь далеко отклонилась отъ религіозныхъ интересовъ, обратившись въ классовую борьбу буржуазіи и пролетаріата, какъ въ древнемъ Римѣ. Поэтому революція тамъ переходитъ на почву иныхъ началъ, которыя очень неумѣло и уродливо наши нигилисты пересаживаютъ на русскую землю. — «Европейскій буржуй» — пишетъ Достоевскій — «себялюбивъ и ведетъ всѣми силами борьбу съ пролетаріемъ за существованіе» (21, 64); «европейскія державы разрушитъ пролетарій, но не Россію, ибо въ Россіи онъ доволенъ» (20, 144, т. е. имѣетъ землю и заработокъ).

Признавая революціонное движеніе въ Россіи совершенно не народнымъ, а интеллигентскимъ, Достоевскій, однако, не закрывалъ глазъ предъ возможностью искусственнаго развращенія части народа и вовлеченія его въ нигилистическую революцію; такому вліянію нигилистовъ въ значительной степени поддался каторжникъ Федька (кому неизвѣстно, какое значеніе въ современной революціи имѣютъ уголовные каторжники?) и еще болѣе полуинтеллигентный лакей Смердяковъ, который у него названъ «передовымъ мясомъ, когда наступитъ срокъ» (т. е., революція), (16, 227). Перваго развращалъ интеллигентъ Верховенскій и потомъ застрѣлилъ его, а второго — Иванъ Карамазовъ и довелъ его до самоубійства.

«Хотя революція начнется въ Россіи, — читаемъ мы у Достоевскаго, — но не здѣсь ей долго пановать: ея подлинное гнѣздо будетъ въ Европѣ» — пишетъ Достоевскій (21, 172); правда, ея не ждутъ, но и въ 18-мъ вѣкѣ ея не ждали во Франціи, какъ это видно по путешествіямъ Карамзина и Шиллера (21, 171). У насъ соціализмъ нравится студентамъ, а во Франціи — голодному пролетарію; политическіе же либеральные дѣятели его ненавидятъ, а всѣхъ враждебнѣе соціализму французскіе республиканцы (21, 186), и буржуа во Франціи выкинутъ пролетаріевъ, а тѣ поднимутъ рѣзню (21, 471), и въ Европѣ вскорѣ все лопнетъ, кромѣ, пожалуй, евреевъ (21, 470).

Вообще евреямъ Достоевскій приписываетъ огромное значеніе въ развитіи революціи. Когда она начнется — писалъ онъ — отовсюду и всюду полѣзутъ евреи и временно воцарятся въ Россіи (14, 314) (говорятъ, теперь 80 % правительственныхъ чиновъ въ совѣтской Россіи составляютъ евреи); «они уже и теперь начинаютъ заполнять Россію (20, 93), а образованные изъ нихъ, будучи крайне самолюбивы и обидчивы» (21, 83), представятъ собою самый озлобленный элементъ среди бунтовщиковъ.

Но если русская революція такъ радикально разнится отъ западно-европейской, исходя не изъ экономическихъ, а изъ ложно-философскихъ нуждъ, то ближайшія ея проявленія и послѣдствія всегда будутъ, и уже намѣчаются, тѣ же, что въ Западной Европѣ. Противъ религіи она возстаетъ открыто, предъ нравственной преступностью тоже не хочетъ остановиться, но, кромѣ полной неудачи въ достиженіи имущественнаго благоустройства страны, которую она обречетъ на голодовку, революція не только не исполнитъ своего обѣщанія дать людямъ свободу, но отниметъ и ту, которою они всегда пользовались въ государствѣ; и это можно видѣть уже заранѣе; такая же печальная участь постигнетъ и науку, и образованность.

Приводимъ соотвѣтствующія мысли Достоевскаго. Либеральное равенство, пишетъ авторъ, просто ревнивая слѣжка другъ за другомъ и зависть (21, 68); отъ неумѣнія вести дѣло, наши революціонеры всѣхъ подозрѣваютъ въ шпіонствѣ (12, 388). Революціонеры желаютъ поощрить образованіе и дѣйствовать затѣмъ шпіонствомъ и доносами (13, 106). Нѣкто Шигалевъ, теоретикъ революціонныхъ программъ, разрабатывалъ такую систему взаимнаго шпіонажа во всѣхъ подробностяхъ (ibidem). Онъ же вводилъ и тотъ пріемъ пропаганды, который у насъ потомъ сказался въ 20-мъ вѣкѣ въ видѣ «огарковъ», порнографіи и т. п. Въ программѣ Шигалева предположено систематически развращать общество и юношество, подрывать религію, власть (13, 109-110). Конечно, въ подобной обстановкѣ ни о какой свободѣ, ни о справедливости, ни о просвѣщеніи не можетъ быть и рѣчи. Мало того, самое объединеніе или точнѣе сцѣпленіе революціонныхъ дѣятелей обезпечивается насиліемъ, и притомъ самымъ ужаснымъ — общимъ участіемъ въ какомъ-либо преступленіи и страхомъ быть выданнымъ уголовному суду: участники рево-

люціи заранѣе склеиваются чьею-либо пролитою кровью (13 90). По такому-то принципу былъ умерщвленъ въ «Бѣсахъ» раскаявшійся революціонеръ Шатовъ (13, 62), благороднѣйшій и искреннѣйшій идеалистъ, столь презрительно отзывавшійся о революціонерахъ (13, 328).

Конечно, такую мрачную характеристику заслуживаютъ у Достоевскаго не всѣ революціонеры, а только тѣ, которые знали, что дѣлали; большинство же ихъ, набранные изъ зеленой молодежи, въ родѣ Эркеля въ «Бѣсахъ», были честно заблуждающіеся идеалисты, о коихъ нашъ писатель выразился такъ: юность русская чиста, и стремленія ея (нѣкоторыхъ изъ нихъ) къ политическимъ безпорядкамъ исходятъ иногда изъ желанія высшаго благообразія (15, 434). Однако, эти элементы, быть можетъ самые многочисленные въ революціонныхъ лагеряхъ, такъ наивны, довѣрчивы и исполнены готовности къ неосмысленному, фанатическому послушанію, что они не только не могутъ служить препятствіемъ къ грозящему людоѣдству, но даютъ возможность злымъ геніямъ революціи, вродѣ Верховенскаго, самую-то революцію сдѣлать кровавымъ средствомъ для иныхъ еще болѣе отвратительныхъ цѣлей, какъ это и оправдывалось въ современныхъ событіяхъ, а тогда тотъ же Верховенскій заявлялъ по секрету, что онъ хочетъ достигнуть чрезъ революцію диктатуры и олигархіи (13, 86), что не трудно, потому что революціонное стадо оказываетъ слѣпое повиновеніе кучкѣ вожаковъ (13, 166). Еще его папаша недоумѣвалъ, — «почему коммунисты и соціалисты отчаянные скряги и стяжатели» (12, 103).

При всемъ томъ Достоевскій настаиваетъ на существеннѣйшемъ различіи нашихъ революціонеровъ отъ западныхъ. Хотя программу свою они переняли отъ послѣднихъ, но, за исключеніемъ помянутыхъ злыхъ геніевъ, заправляющихъ ходомъ дѣлъ, наша революція есть плодъ ложной, но большинствомъ своихъ послѣдователей искренно принятой идеи, а на западѣ въ ней выражается только животная борьба за существованіе, и тамъ побѣдителемъ будетъ тотъ, кто овладѣетъ матеріальными интересами массы, какъ уже объяснено въ приведенныхъ словахъ Инквизитора. То же писалъ авторъ въ «Дневникѣ Писателя»: «камни обрати въ хлѣбъ и властвуй надъ толпой» (20, 39).

Не повторяя словъ Достоевскаго о классовой борьбѣ въ Европѣ, какъ причинѣ революціи, добавимъ еще и то, что по

его убѣжденію это себялюбіе европейца настолько обѣднило даже теоретическую мысль на Западѣ, что тамъ и понять не могутъ, какъ смѣшно ожидать гуманнаго устройства жизни при дѣйствіи только себялюбивыхъ, утилитарныхъ учрежденій, вродѣ всякаго рода ассоціацій и парламентовъ. Ассоціаціи — говоритъ нашъ писатель — не соединяютъ, а разъединяютъ людей (20, 94); у насъ это поймутъ (1918 годъ научилъ), а въ Европѣ никогда не поймутъ (20, 97-99). Французы — пишетъ онъ въ другомъ томѣ — приписываютъ прорѣхи своей республики случайнымъ причинамъ, а не поймутъ, что весь строй ея ложенъ (21, 268), — какъ лишенный нравственнаго начала, а основанный только на борьбѣ различныхъ интересовъ и выгодъ: бунтующая личность должна начинать съ самопожертвованія, но Европа этого не понимаетъ (4, 464). Напротивъ, русскіе понимаютъ, что въ отрицаніи себя высшее проявленіе личности (4, 465), а, надѣющіеся только на умную комбинацію человѣческихъ себялюбій, фурьеристы (западные коммунисты-радикалы), истративъ 900 тысячъ на устройство коммуны, ничего не могли добиться (4, 460). А если у насъ въ Россіи заведутъ парламентъ, то въ немъ всѣ только переругаются (21, 484 — исторія Государственной Думы 1906-1917 г.).

Если соціалистическая революція не достигаетъ прямо поставленныхъ ею цѣлей — свободы и благоденствія своихъ послѣдователей, то для отечества своего она никогда не бываетъ благопріятна, а въ Россіи, конечно, всего менѣе, но и не въ одной Россіи, а вездѣ, и это потому, что при революціи, какъ пишетъ Достоевскій, форма жизни (республика и коммуна) становится выше всего, выше отечества (20, 101); пусть не будетъ Франціи, но да будетъ у насъ республика, кричали и писали французы послѣ Наполеона III. И если такъ было во Франціи, то у насъ дѣло шло, идетъ и пойдетъ гораздо дальше: Достоевскій противопоставляетъ нашего либерала (добро, не революціонера), либералу западному въ томъ смыслѣ, что послѣдній не любитъ настоящаго строя отечества, желая ему другого, лучшаго, по его мнѣнію, строя, а русскій либералъ прежде всего ненавидитъ самую Россію; къ этой мысли Достоевскій обращается не однажды въ «Идіотѣ» и въ «Бѣсахъ» (рѣчь профессора на благотворительномъ вечерѣ); таковы русскіе либералы, а соціалисты наши, заявляетъ писатель, — одержимы странною ненавистью къ Россіи: если бы она благоденствовала, они были бы несчастны (12, 187). Глав-

ною причиною сему Достоевскій считаетъ не злую волю, а совершенное незнаніе Россіи русскими же; ихъ привычка руководиться чужимъ, заморскимъ умомъ и самоувѣренность свойственны невѣждамъ. Глупая гордость революціонеровъ 60-хъ годовъ и ихъ невѣжество поражали автора (19, 26). Собираясь вмѣстѣ, они толковали о дѣленіи Россіи на мелкія государства, объ упраздненіи въ ней религіи, объ отдачѣ нашихъ земель Польшѣ до Днѣпра (12, 27). Корень же такого умственнаго и нравственнаго потемнѣнія заключался въ модной утилитарной философіи и соціологіи, которыя авторъ жестоко высмѣиваетъ (5, 23-31).

ГЛАВА II.

ГДѢ ИСКАТЬ ИЗБАВЛЕНІЯ ОТЪ НАСТОЯЩИХЪ БѢДСТВІЙ И ОТКУДА ЖДАТЬ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

——о——

Мы изложили главныя мысли Достоевскаго о русскихъ революціонерахъ и о послѣдствіяхъ ихъ дѣятельности, т. е., о характерѣ ожидавшейся имъ за 50-60 лѣтъ русской революціи. Нашей цѣлью было отнюдь не обличеніе кого-либо или чего-либо, потому что дѣйствительность обличала истину и ложь краснорѣчивѣе всякаго Савонаролы, и наши современники нуждаются теперь не въ обличеніяхъ, а въ ободреніи и утѣшеніи, съ каковою цѣлью и предпринята эта работа. Если же мы привели здѣсь мрачныя предсказанія нашего писателя, то для того, чтобы читатели, вспомнивъ послѣднія, убѣдились въ томъ, съ какой фотографической точностью Достоевскій предусмотрѣлъ постигшія нашу страну событія, отнеслись съ большимъ довѣріемъ, или точнѣе — вниманіемъ, къ тѣмъ любимѣйшимъ идеямъ Достоевскаго, изъ которыхъ могутъ почерпать и утѣшеніе въ настоящей бѣдѣ, и указанія, какъ ее избыть.

Мы замѣняемъ слово довѣріе — словомъ вниманіе, потому что мы убѣждены, что воззрѣнія нашего писателя такъ правдивы, жизненны и въ такой степени подтверждаются наблюденіемъ надъ людьми и жизнью, что всякій искренній, не предубѣжденный человѣкъ съ ними согласится, если только вдумается внимательно въ дѣло.

Читатель, конечно, понимаетъ, что ни Достоевскій, ни его истолкователь не имѣютъ притязаній прямо предложить выработанную программу дѣйствій для возстановленія нормальной жизни на равнинахъ нашего отечества. Нѣтъ, какъ причина его глубокаго упадка заключалась не въ нѣсколькихъ ошибкахъ послѣдняго царствованія и не въ нѣсколькихъ неправильныхъ шагахъ общественныхъ дѣятелей, а въ потерѣ самой общественной перспективы и правительственными сферами, и еще болѣе самимъ обществомъ: такъ и возрожденіе русской жизни, возрожденіе прочное и многовѣковое, возможно лишь подъ условіемъ возстановленія правильныхъ воззрѣній на нашу жизнь и на Русь въ умахъ передовыхъ дѣятелей, что въ настоящее время — время истиннаго покаянія и отрѣшенія отъ прежнихъ предразсудковъ — гораздо легче, чѣмъ было при жизни Достоевскаго и вообще въ дореволюціонный періодъ русской жизни.

Вотъ почему мы считаемъ чрезвычайно полезнымъ, прежде чѣмъ перейти къ какимъ-либо прямымъ выводамъ изъ твореній Достоевскаго о задачахъ современной общественной дѣятельности, напомнить читателю всѣ его убѣжденія и наблюденія надъ тѣми областями русской и общеевропейской жизни, которыя перечислены нами выше подъ рубриками и которыя, по нашему убѣжденію, подтвержденныя сбывшимися предсказаніями великаго писателя, должны составлять нравственно-патріотическій катехизисъ русскаго человѣка.

Нечего таить грѣха: **Такого катехизиса русскій человѣкъ 20-го вѣка не имѣетъ.** Разумѣю не нигилистовъ, не западниковъ, не кадетовъ всѣхъ оттѣнковъ только, но и искреннихъ патріотовъ, монархистовъ, даже черносотенцевъ, исключая очень немногихъ самостоятельныхъ мыслителей различныхъ партій и внѣпартійныхъ. Разумѣю далѣе подъ катехизисомъ не административную программу въ устроеніи будущей Россіи: о таковыхъ можно услышать множество увѣренныхъ и подробныхъ отвѣтовъ и, даже надѣюсь, отъ большинства, довольно однообразныхъ. Но забота наша не объ этомъ.

Конечно, тотъ или иной порядокъ въ государствѣ необходимъ, но если даже удастся установить такой именно административный строй, т. е., такое распредѣленіе власти, который всего болѣе подходитъ къ современнымъ нуждамъ народа все же этимъ не будетъ обезпеченъ разумный ходъ общественной жизни, ни прочность и долговѣчность установленнаго

порядка. Пора, давно пора отрѣшиться отъ того неразумнаго и безсознательно усвоеннаго убѣжденія русскихъ и вообще европейскихъ дѣятелей, будто бы разрѣшеніе всѣхъ народныхъ и общественныхъ нуждъ и затрудненій заключается въ правильномъ распредѣленіи власти между тѣми или другими классами. — Такой предразсудокъ загубилъ нашу общественность, онъ крайне принизилъ, даже опошлилъ и западно-европейскую общественность, возвративъ ее къ нравственно безсодержательной, хотя и суетливой жизни языческихъ Аѳинъ и Рима и отрѣшивъ вниманіе дѣятелей отъ **содержанія** жизни къ ея внѣшнимъ **формамъ.** Безспорно, и послѣднія имѣютъ право на вниманіе и интересъ мыслителей, но это есть уже **спеціальность** законодателей и профессоровъ-юристовъ, а содержаніе жизни и положительные идеалы при такомъ всеобщемъ увлеченіи формой, тускнѣютъ, меркнутъ и обрекаютъ жизнь на постепенное угасаніе и омертвеніе. Пусть пожилые люди вспомнятъ, какъ горячо интересовалось общество 50 и 40 лѣтъ тому назадъ вопросами педагогическими, лѣтъ 35-30 тому назадъ — религіозно-общественными и нравственно-философскими, какъ безкорыстно увлекалось задачами Россіи на Православномъ Востокѣ во время Русско-Турецкой войны, какъ горячилось изъ-за моральныхъ идей Толстого, Соловьева, Достоевскаго. Все это изумляло иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію, почти также, какъ и ея древнихъ гостей въ эпоху «древняго благолѣпія» при послѣднихъ Рюриковичахъ. Французскіе ученые, друзья Россіи — Леруа Болье и де-Вогюэ говорятъ, что всѣ русскіе суть религіозные философы и чѣмъ болѣе они принуждаютъ себя подъ вліяніемъ европейской моды казаться политико-экономистами, тѣмъ менѣе это имъ удается и тѣмъ болѣе они подтверждаютъ приведенную характеристику. Какъ бы въ подтвержденіе подобнаго взгляда извѣстный профессоръ политической экономіи С. Н. Булгаковъ сталъ въ 1905 г. философомъ моралистомъ, а съ 1918 года — священникомъ. Правда, и тогда въ русскихъ головахъ, начиная съ тѣхъ же Толстого и Соловьева, прыгали большіе зайцы, но убѣжденіе въ томъ, что жизнь народная опредѣляется разумными нравственными убѣжденіями народа, было обще большинству просвѣщенныхъ людей, и мало кто у насъ интересовался составомъ министровъ и состояніемъ финансовъ, но избытокъ своей умственной и общественной энергіи передовые дѣятели, старались переливать непосредственно въ

общественное сознаніе, а не подбирать партіи для проведенія въ законодательныя сферы какого-нибудь тощаго, весьма условнаго закона о передѣлкѣ чьихъ-либо правъ и привилегій. Теперешнее же увлеченіе административными формами жизни печально не только потому, что оно поневолѣ пропитывается, какъ губка водой, честолюбивыми и корыстолюбивыми исканіями и интригами общественныхъ карьеристовъ, каковыми становятся постепенно почти всѣ граждане, но еще болѣе по той причинѣ, что дѣйствительныя нужды народа и юношества, нужды умственныя, нравственныя, бытовыя и даже экономическія, или совершенно упускаются изъ вниманія всѣми, или разсматриваются опять же съ узкопартійной точки зрѣнія подъ вопросомъ: какая партія можетъ усилиться отъ такого или иного рѣшенія даннаго вопроса, кому это будетъ пріятно и непріятно и т. п.

Особенно печально то, что подобное измельчаніе общественной перспективы, такое общее помѣшательство на формахъ правленія, почитается реальною политикою, реальнымъ, т. е. дѣловымъ, практическимъ отношеніемъ къ народнымъ и государственнымъ нуждамъ и противопоставляется прежнимъ вѣковымъ, дѣйствительно созидательнымъ, какъ отвлеченнымъ, фантастическимъ. Невольно припоминается Крыловскій квартетъ изъ четырехъ неразумныхъ животныхъ, захотѣвшихъ быть музыкантами и убѣжденныхъ въ томъ, что для успѣха въ этомъ дѣлѣ нужно не умѣніе играть на инструментахъ, а только правильное размѣщеніе участниковъ концерта.

«Мы вѣрно ужъ поладимъ,
«Коль рядомъ сядемъ».

Позвольте, но развѣ у насъ нѣтъ принциповъ, развѣ нѣтъ даже славянофиловъ, консерваторовъ, наконецъ? — Есть-то есть, но и ихъ идеалы начинаются и кончаются теперь требованіемъ извѣстной формы правленія, а система дѣйствій у всѣхъ почти расчитана на партійный или групповой эгоизмъ. — «Мы успокоимъ крестьянъ, обративъ ихъ въ мелкихъ собственниковъ и упразднивъ общину». — Нѣтъ, господа, не успокоите; если не откроете новыхъ перспективъ жизни, то этимъ ничего не возьмете. Пока будутъ считать эгоизмъ единственнымъ двигателемъ жизни, до тѣхъ поръ никакая разумная общественность не будетъ возможною.

Насколько неразумно такое увлеченіе административными проектами при собственной внутренней пустотѣ, при неспособности открыть и вызвать къ жизни такія начала, которыя бы подняли настроеніе народа, укрѣпили бы любовь къ отечеству и труду, и пробудили бы общественную совѣсть — все это ясно обозначилось въ послѣдніе годы. Административная машина, и выборная, и правительственная, и военная, и штатская, работали на всѣхъ парахъ, — и въ три дня лопнули, какъ лопается паровозъ, да такъ лопнули, что теперь и не придумаешь, какъ ее наладить, и не потому только, что революціонеры все къ рукамъ прибрали. Революція всѣмъ давно надоѣла, и самъ Ленинъ заявлялъ готовность передать «власть болѣе довѣреннымъ лицамъ или учрежденію». Но для созыва народа, для сплоченія его во-едино, для послушанія его кому-либо нужно знамя, нужно слово, которое всѣмъ было бы дорого и свято; вотъ такого-то знамени и нѣтъ ни у кого, такое-то слово забыли и найти не могутъ или не смѣютъ. Да, не смѣютъ, ибо сказать то, чѣмъ собирали Русь триста лѣтъ тому назадъ, конфузятся, стыдятся. И сознаютъ многіе, что сказать бы: за вѣру Христову! за православное христіанство! и весь народъ, кромѣ бывшихъ каторжниковъ, откликнется. Но слово это засохло, страха ради іудейскаго, а страхъ потому одолѣлъ, что изъ сердца это слово утеряно въ средѣ нашихъ общественныхъ дѣятелей. Не только это слово, но и другія слова, которыя были своими родными и святыми для настоящаго русскаго народа въ продолженіе многихъ столѣтій: родина, семья, община сельская, приходъ православный, бѣлый царь, правда святая, милосердіе, прощеніе кающихся, защита православныхъ отъ турокъ и австрійцевъ: все это сильнѣе и крѣпче вело нашу страну впередъ и къ свѣту, чѣмъ всякія земства и парламенты и учителя-нигилисты.

Мой словарь изъ Достоевскаго — не столько для народа, сколько для интеллигенціи, ибо она сдѣлала революцію, и хотя горько въ ней кается, но главная задержка наша въ когтяхъ анархіи зависитъ не отъ народа, а отъ той же интеллигенціи. Чтобы призвать народъ къ объединенію вокругъ лучшихъ началъ жизни, мало объ нихъ восклицать: надо въ нихъ увѣровать, а притворная вѣра и притворный патріотизмъ «на показъ мужичкамъ», какъ хвалились наши земцы, думцы, даже губернаторы, даже многіе генералы, — все это отвратительнѣе и вреднѣе, чѣмъ откровенный нигилизмъ. Однако, увѣро-

вать въ то, отъ чего отвернулись въ свое время такъ грубо и рѣшительно, не очень легко. Правда, насъ на половину уже научила этой вѣрѣ сама жизнь, показавши, какъ мы дошли до состоянія дикихъ людоѣдовъ, отвратившись отъ народныхъ началъ жизни: но этого мало, должно вникнуть во внутреннюю, жизненную и историческую правду христіанскаго и русскаго пониманія жизни, чтобы возрождать ее увѣренно и твердо. Вотъ для чего намъ нуженъ Достоевскій, т. е. его идеи и наблюденія. Конечно, есть и другой, научно-философскій способъ изученія, но тѣхъ толстыхъ книгъ наша публика все равно читать не будетъ, а Достоевскаго перечитывать не откажется. Именно объ этомъ-то я и прошу читателей: удовлетвориться моими краткими выписками и толкованіемъ ихъ — кажется, недостаточно. Я прошу запастись его сочиненіями и прочитывать приводимыя цитаты въ широкомъ контекстѣ. Не по одному какому-либо частному вопросу, но по всѣмъ важнѣйшимъ идеямъ нашего писателя желалъ бы я провести читателей: тогда, я увѣренъ, ясно станетъ, что должно дѣлать, чтобы спасти Русь, даже въ томъ случаѣ, — замѣтьте это, — если ей не суждено быть самостоятельнымъ государствомъ, а только колоніей или провинціей другого или другихъ государствъ, каковою она была съ 13-го по конецъ 15-го вѣка въ одной части и по настоящее время — въ другой части, юго-западной и древнѣйшей.

«Но въ испытаніяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ».

Очень было бы грустно лишиться русскаго государства, но Русь была, росла и сіяла даже тогда, когда не была государствомъ, какъ за послѣдніе 450 лѣтъ росъ и развивался геній греческій, какъ умножалась его вѣра, его патріотизмъ, его энергія подъ властью турокъ и другихъ народовъ.

Впрочемъ, что много толковать?! Обратитесь къ воспоминаніямъ дѣтства, къ Священной Исторіи избраннаго народа. Онъ безсовѣстно измѣнялъ своему призванію, пока процвѣталъ въ государственномъ отношеніи: все стремился уподобиться жизни окружавшихъ его варваровъ. Но, когда государственность его пала, храмъ и столица подверглись разру-

шенію, а самый народъ разоренію и плѣну въ странѣ переселенія, тогда въ немъ воскресла внутренняя культура — религіозная и эстетическая, научная; онъ возвратился черезъ 70 лѣтъ на родину уже совершенно недоступный прежнимъ соблазнамъ и, хотя не былъ самостоятельнымъ государствомъ, но былъ самымъ самостоятельнымъ племенемъ во всемъ мірѣ и остался таковымъ и понынѣ, хотя не имѣетъ ни своей территоріи, ни іерархіи, ни даже своего языка. Такъ и русское православіе, русское искусство, русская рѣчь, русское сердце русская открытость, самоотверженіе и широта духа не угаснетъ подъ игомъ ни японцевъ, ни американцевъ, ни англичанъ, ни французовъ. Можно надолго уничтожить Россію, нельзя уничтожить Русь. И если бы приходилось выбирать одно изъ двухъ, то лучше пусть погибнетъ Россія, но будетъ сохранена Русь, погибнетъ Петроградъ, но не погибнетъ обитель преподобнаго Сергія; погибнетъ русская столица, но не погибнетъ русская деревня, погибнутъ русскіе университеты и замѣнятся англійскими или японскими, но не погибнетъ изъ памяти народной Пушкинъ, Достоевскій, Васнецовъ и Серафимъ Саровскій.

Впрочемъ, зачѣмъ такой роковой выборъ. Богъ дастъ, сохранится и первое, и послѣднее. Только надо крѣпко помнить, что Русь — это не просто русское государство; общественность не то, что государственность, и общественная русская жизнь совсѣмъ не то, что государственная или земская администрація. Все это ясно сознавалъ, хранилъ въ своемъ сердцѣ и проповѣдывалъ устами и перомъ величайшій писатель русскій, Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

ГЛАВА III.

РУССКІЙ НАРОДЪ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО.

Не столько форму, сколько содержаніе нашей народной жизни должны мы возстановлять: таковъ нашъ отвѣтъ на заголовокъ настоящей главы.

—o—

Пусть, наконецъ, нашъ писатель заговоритъ самъ отъ себя. Отвлечемся, читатель, на время отъ гаданій о нашемъ будущемъ и обратимъ взоръ къ прошедшему. Отъ времени кончины Достоевскаго прошло уже 40 лѣтъ, а отъ его «Дневника Писателя», если не считать послѣднихъ двухъ брошюрокъ этого журнала, — 42 года. Тогда еще не совсѣмъ забыто было крѣпостное право, да и интеллигенція въ значительномъ большинствѣ была дворянскаго сословія. Понятія и симпатіи читателей, публики много разнились отъ современныхъ. И, однако, исходной точкой всѣхъ призывовъ, крайнимъ обоснованіемъ всякой мысли у Достоевскаго было то знамя, которое съ меньшей искреннстью, но съ такимъ же постоянствомъ поднимаютъ и современные намъ устроители революціи: «народъ! для народа! за народъ!» Уже поэтому никто да не сочтетъ ученіе Достоевскаго несовременнымъ. Итакъ, начнемъ съ изложенія его центральной идеи, съ его ученія о русскомъ народѣ, и объ отношніи къ нему интеллигенціи и обратно.

«Народъ нашъ есть богоносецъ», такъ приблизительно начинаетъ свою страстную рѣчь раскаявшійся соціалистъ

Шатовъ въ «Бѣсахъ». «Велики и святы идеалы русскаго народа», поясняетъ Достоевскій въ «Дневникѣ Писателя» (20, 49). «Велика Россія своимъ смиреніемъ», пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (17, 60).

Жалкая критика высмѣивала эти выраженія, какъ будто бы общія и неопредѣленныя, но они не были таковы. Авторъ облекалъ ихъ въ весьма опредѣленную одежду и пояснялъ и то, въ какихъ свойствахъ души сказываются преимущественныя качества русскаго человѣка, и въ чемъ выражается достоинство его религіозности, и каковы его міровыя стремленія и чаянія, и каково его отношеніе къ различнымъ людямъ и народамъ.

Однако, для поясненія перваго отличительнаго свойства русской души я принужденъ снова отвлечься отъ нашего писателя. Право, я предпочелъ бы ограничиться собраніемъ его афоризмовъ подъ рубриками, но чувствую, что, безъ истолкованія, важнѣйшія мысли автора для большинства читателей пройдутъ незамѣченными, какъ это доказала наша литературная критика, болѣе несправедливая къ Достоевскому, чѣмъ къ какому бы то ни было другому писателю.

Прошу, читатель, обратить вниманіе на такое изреченіе писателя: «народъ нашъ не считаетъ факта нормой и чуждъ самооправданія, а интеллигентское юношество наоборотъ» (20, 47). «Народъ нашъ, если грѣшитъ, то сознаетъ грѣхъ и приноситъ покаяніе» (21, 452). Поэтому русскій человѣкъ и чуждъ презрѣнія къ падшимъ. Народъ, пишетъ Достоевскій. великъ и тѣмъ, что преступниковъ онъ называетъ «несчастными» (19, 168). — Къ этимъ мыслямъ о томъ, что, не будучи свободенъ отъ грѣха и пороковъ, русскій народъ никогда не одобряетъ зла и не оправдываетъ себя въ порокахъ, Достоевскій возвращается многократно, но съ особенной силой раскрываетъ эту мысль спившійся чиновникъ Мармеладовъ («Прест. и Наказ.»), когда предсказываетъ, какъ на судѣ Божіемъ, послѣ смерти, онъ и подобные ему падшіе люди примутъ обличеніе отъ Спасителя за свое глубокое паденіе, но тутъ же и милостивое прощеніе, потому что они никогда не оправдывали своего паденія, но сознавали свою виновность и горько укоряли себя. Мармеладовъ, хотя и не былъ простолюдиномъ, но въ этомъ случаѣ и болѣе поверхностный (какъ Грибоѣдовскій Репетиловъ) сохранилъ чисто народное отношеніе къ себѣ и чисто народную ясность совѣсти.

Разумѣетъ ли читатель, какая великая черта духа найдена здѣсь Достоевскимъ у русскаго народа? Не думаетъ ли онъ, что это нѣчто второстепенное? Горе ему, если такъ. Пусть же онъ знаетъ, что этимъ признакомъ опредѣлялась погибель или спасеніе человѣческой души, когда къ ней обращалось слово Христово или апостольское. Многіе уважаемые люди отвергали это слово жизни и погибали навѣки; многіе порочные и презираемые его принимали и спасались: какими же свойствами души опредѣлялось у людей отношеніе къ словесамъ вѣчной жизни? А вотъ именно тѣмъ, которое Достоевскій указалъ въ русской душѣ. Люди, не оправдывающіе себя въ недобромъ, сознающіе себя грѣшниками, принимали проповѣдь евангелія, даже если были порочны, и преступны, а люди, исполненные гордаго самооправданія, отвергали его, даже если и были одарены многими почтенными качествами и окружены общимъ уваженіемъ. Первая изъ десяти и главенствующая заповѣдь Ветхаго Завѣта была заповѣдь единобожія, а первая изъ девяти и главенствующая заповѣдь Новаго Завѣта гласитъ: «блаженны нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное». И эту заповѣдь русскій народъ исполнилъ и наполнилъ ею свою душу, и уже по одному этому онъ есть народъ евангельскій, народъ богоносецъ.

Впрочемъ, да не подумаетъ читатель, будто сказаннымъ свойствомъ опредѣляется только чисто религіозное сознаніе или религіозная только жизнь русскаго народа. Нѣтъ, готовность всегда признать свою вину и стать выше самолюбиваго оправданія обнаруживаетъ высокую нравственную культуру души, какъ выражается Достоевскій, — не желающій признавать фактъ нормой и быть **рабомъ** обстоятельствъ, и нести на себѣ укоризну Пушкина:

«О люди. Жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Рабы минутнаго, поклонники успѣха».

Достоевскій любитъ въ этомъ смыслѣ противополагать западно-европейскаго человѣка русскому въ томъ же духѣ, какъ противопоставилъ Л. Толстой П. Безухова тому самодовольному французику, которому онъ спасъ жизнь. Вспомните «Игрока» съ партнерами: Бабушкой, съ самозваннымъ французскимъ графомъ и торговкой Жюли, или перваго жениха Грушеньки въ «Карамазовыхъ» и т. д. Впрочемъ, къ сравни-

тельной характеристикѣ русскихъ и иностранцевъ у Достоевскаго мы еще возвратимся, а пока скажемъ, что не только въ области жизни чисто религіозной, но и въ общественной, семейной, школьной и какой угодно, если вы встрѣтите человѣка, исполненнаго духомъ самооправданія, то знайте, что ни на какое серьезное и трудное дѣло онъ не годится и въ близкихъ отношеніяхъ совершенно не выносимъ. Напротивъ, встрѣтивъ человѣка, готоваго признать свою ошибку и вину, беритесь за него обѣими руками, — вы нашли сокровище, — сокровище въ русскомъ народѣ встрѣчающееся постоянно, въ обществѣ — довольно рѣдко, а въ западномъ мірѣ — почти никогда. Тамъ фактъ отожествляется съ нормой. Тамъ современное состояніе умовъ и управленіе считается образцомъ, и историческія эпохи цѣнятся не по существу, но по степени ихъ сходства съ современностью. Отсюда выработалось ложное ученіе о прогрессѣ: что было недавно, то болѣе похоже на современность, а слѣдовательно, оно лучше того, что было раньше, ибо тогда этого сходства не было.

Также неглубоко и сужденіе европейцевъ при оцѣнкѣ чужихъ культуръ; они обнаруживаютъ полную неспособность понять послѣднія и общатьея съ ними. Культивированіе Европою Америки, Австраліи и Африки выразилось въ томъ, что основное населеніе двухъ съ половиною материковъ было истреблено почти поголовно.

Упоминаемъ обо всемъ этомъ, чтобы показать, какое огромное значеніе имѣетъ указанная Достоевскимъ **ясность совѣсти русскаго человѣка,** сохранившаяся даже у пропоицы Мармеладова и у героевъ Мертваго Дома (ихъ бредъ во время сна) и у развращеннаго соціалиста каторжника Федьки, который обличаетъ своего повелителя-соціалиста Верховенскаго за его «безсердечіе и безбожіе» (13, 303). Здѣсь противоположность русскаго характера европейскому или европеизированному. Наши каторжники, пишетъ Достоевскій, сознаютъ свою виновность, а Биконсфильдъ и европейцы оправдываютъ жестокость (21, 143). Эта ясность совѣсти, это постоянное преднесеніе предъ собою идеи должнаго и недовольство собою обусловливаетъ въ русскомъ человѣкѣ не мало и нравственныхъ, и умственныхъ, и общественныхъ талантовъ, о коихъ говоритъ нашъ писатель.

И прежде всего, всегда различая сущее отъ должнаго, русскій человѣкъ по Достоевскому никогда не бываетъ рабомъ

въ душѣ, — ни въ крѣпостной зависимости, ни въ состоянія крайней бѣдности. Чѣмъ бѣднѣе и ниже человѣкъ, заявляетъ авторъ, тѣмъ болѣе въ немъ боголѣпной правды (17, 60). Русскій человѣкъ сохраняетъ достоинство и въ рабскомъ положеніи и всегда спокоенъ (14, 193). Типъ такого величественнаго въ своей бѣдности характера представляетъ собою Макаръ Ивановичъ въ «Подросткѣ». Самъ подростокъ, почти студентъ и почти невѣрующій, проникся къ нему такимъ благоговѣніемъ, что почиталъ его «исцѣленіемъ отъ всякаго душевнаго недуга» (для его собесѣдниковъ — 15, 140). Особенно его поражало отсутствіе въ старикѣ всякаго самолюбія и «постоянное умиленіе» (15, 162). Послѣднее не только не отступало предъ страхомъ надвинувшагося смертнаго часа, но еще свѣтлѣе озарило старческую душу, и Макаръ Ивановичъ съ сердечною ласкою, умирая, пригласилъ своихъ близкихъ приходить къ нему на могилку и повѣрять тамъ ему свои думы.

Наряду съ сохраненіемъ внутренней свободы при послушаніи и внѣшней зависимости, у русскаго человѣка, преимущественно предъ всѣми народами, развито чувство милосердія и состраданія, тоже тѣсно связанное съ указанною ясностью совѣсти и способностью отрѣшаться отъ своего эгоизма. «Мужикъ Морей» является типичнымъ представителемъ такого евангельскаго свойства русской души.

Кромѣ внутренней свободы и жалостливости, русское смиреніе и его далекость отъ самооправданія прививали русской душѣ честность, правдивость и откровенность, которой болѣе всего удивляются въ конецъ изолгавшіеся сыны Западной Европы. Нѣтъ шпажной чести у русскаго, говоритъ Достоевскій: но онъ чище душою, нежели интеллигенція (21, 149). Въ старину и у нашихъ бояръ не было европейской чести (это — понятіе чисто языческое, враждебное нашей религіи), но была своя нравственная (21, 148).

Русская душа, исполненная недовольствомъ собою и смиренномудріемъ, отражаетъ вліяніе этого основного свойства своей души и на всѣхъ своихъ общественныхъ понятіяхъ и чаяніяхъ; не только для себя, но и для своего отечества, и для всего міра она желаетъ, чтобы фактъ излился въ норму, чтобы воцарилась Божья правда и побѣдила бы неправду. Сердце русскаго человѣка, пишетъ Достоевскій, всегда лелѣетъ въ себѣ великую жажду благообразія (общаго — 15, 159). Народъ и сказки потому любитъ, что тамъ открывается возмож-

ность иного, лучшаго міра (19, 132). При семъ народъ нашъ совмѣщаетъ въ своемъ сердцѣ и горячій патріотизмъ, и космополитичность симпатій. Объ этомъ нашъ писатель упоминаетъ многократно. Идея народа — благо и миръ всего человѣчества(21, 21). Однако, это человѣческое всеединство русскіе понимаютъ не мечтательно, какъ нѣмецкіе піетисты, а весьма реально. Первый шагъ къ тому — освобожденіе царемъ страдающихъ православныхъ братьевъ отъ власти иновѣрцевъ, а дальше — умноженіе и расширеніе православной вѣры и церкви. Войну русскіе признаютъ только одного рода — за святую вѣру, и идутъ на нее вовсе не для славы или корысти; это отличительное свойство русскаго взгляда на ратный подвигъ отмѣчаетъ и покойный генералъ Драгомировъ въ своихъ книжкахъ о русскомъ солдатѣ. — Русскій народъ ищетъ подвига на войнѣ; онъ непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ (20,335), читаемъ мы у Достоевскаго. «Православное дѣло» — вотъ что располагаетъ сердце народа къ Восточному вопросу (20, 275). Авторъ съ умиленіемъ описываетъ, какъ магометане замучили солдата Фому Данилова (въ Средней Азіи) за вѣру, и онъ не отрекся отъ нея, хотя могъ бы тѣмъ спасти свою жизнь; мученія были медленны и ужасны. Изъ общества никто бы этого не выдержалъ, замѣчаетъ авторъ (21, 15).

Идея народа, заключаетъ Достоевскій: вселенская церковь, это и есть нашъ соціализмъ (21, 498).

На этомъ положеніи намъ достаточно остановиться, ибо Достоевскій развиваетъ его настойчиво и въ этомъ видитъ сущность того гибельнаго отдѣленія общества отъ народа, въ коемъ онъ находитъ источникъ всѣхъ бѣдствій Россіи, какъ цѣлаго, и всѣхъ душевныхъ недуговъ общества, всей меланхоліи русскаго интеллигента. — Списывая исторію своего отечества съ нѣмецкихъ образцовъ, авторы коихъ — иконоборцы — взираютъ на православіе (и на католичество), какъ на идолопоклонство, мы усвоили то въ высшей степени нелѣпое и несогласное съ исторіей предубѣжденье, будто наши предки, какъ и современные русскіе крестьяне, приняли отъ христіанства только ритуалъ, а не его нравственное ученіе. Достоевскій со всей энергіей утверждаетъ противоположное. Онъ говоритъ: народъ нашъ понимаетъ христіанство гораздо лучше, чѣмъ наше общество (вспомнимъ о первой заповѣди блаженства, совершенно отринутой въ Европѣ и ея подражате-

лями — 20, 134). Начала народной жизни взяты цѣликомъ изъ православія (20, 135 — наша сельская община это сокращенный русскій монастырь). Народъ нашъ давно просвѣщенъ разумѣніемъ христіанства (21, 449). Поэтому намъ нечему учить русскій народъ (21, 16), а надобно у него поучиться. Общество потому не понимаетъ народа, что не понимаетъ православія (20, 134). Кто не понимаетъ православія, никогда не пойметъ русскаго народа (21, 498); и таковаго народъ никогда не признаетъ своимъ человѣкомъ (21, 499). Невѣрующій талантъ ничего не сдѣлаетъ съ русскимъ народомъ. Народъ встрѣтитъ атеиста и поборетъ его, ибо народъ сей есть богоносецъ (17, 58). Невѣрующій Толстовскій Левинъ не дошелъ до ясныхъ убѣжденій, онъ еще вопросъ (21, 240), народомъ онъ не сдѣлается, сколько бы времени ни прожилъ съ народомъ (21, 243). «Атеистъ не можетъ быть русскимъ» (12, 345) Кто отрывается отъ народа, тотъ отрывается отъ Бога и на оборотъ (12, 49). Мода на Редстокизмъ (штунду) — проявленіе отчужденности отъ народа (20, 115). Это основная тема Достоевскаго во всѣхъ его повѣстяхъ, къ которой мы еще возвратимся, а пока продолжимъ его афоризмы о народѣ.

Мы сказали, что въ народномъ идеалѣ совмѣщается широко конфессіональное (вѣроисповѣдное) начало съ общечеловѣческимъ и жажда общаго мира съ стремленіемъ къ ратному подвигу въ священной войнѣ. Въ осуществленіи этого единства между торжествомъ истинной вѣры и всеобщаго благоустройства на землѣ народъ нашъ, по Достоевскому, видитъ призваніе Россіи, свое призваніе. Великій народъ, заявляетъ намъ писатель, долженъ вѣрить въ свое мессіанское (всемірное) призваніе (21, 18). — И русскій народъ въ это вѣруетъ и въ горячія времена охватываетъ сею вѣрою даже сердца общества.

Вотъ что писалъ Достоевскій въ эпоху Славянско-Турецкой войны 1876-1878: колоссальныя жертвы на Герцеговинѣ показали, что дѣло сіе наше, общенародное (20, 239). Религіозный подъемъ въ виду возстанія славянъ объединилъ всѣ силы русскаго общества и народа (20, 277-278). Война Турецкая въ глазахъ народа — защита христіанства, и ради него-то идутъ люди на ратный подвигъ (20, 416), — и не славянъ только, но и всѣхъ православныхъ христіанъ (20, 417), такъ что если бы Россія отказалась отъ войны за вѣру, то отказалась бы отъ себя самой (20, 417) и сила войны 1877 года —

союзъ царя съ народомъ; проглядѣли это наши западники (21, 110). Истина этого афоризма, скажемъ кстати, художественно освѣщена писателемъ изъ совершенно другого лагеря, бывшаго добровольцемъ на той войнѣ — В. Гаршинымъ въ его очеркѣ «Четыре дня». — Народъ взираетъ на Царя, — продолжаетъ Достоевскій — какъ на защитника православнаго христіанства отъ восточнаго магометанства и западныхъ ересей (21, 74); эту же идею онъ воплотилъ въ древнемъ героѣ своихъ былинъ Ильѣ Муромцѣ — заступникѣ за обиженныхъ (21, 76). Вообще же, выступая на историческое дѣло (1877 г.), народъ нашъ представляетъ собою единомысліе, чего нѣтъ у европейскихъ народовъ (21, 426); въ этихъ и въ подобныхъ событіяхъ народъ вбираетъ въ себя и общество, и правительство, и не послѣднія, а онъ самъ диктуетъ рѣшенія правителей. Такъ было, прибавимъ, отъ себя, и въ 1812 г., и въ 1877 г., и въ 1914, ибо и эта война предпринята исключительно съ религіозно-благотворительной цѣлью охранить Сербію отъ разрушенія ея Австріей. Приводимъ выраженіе нашего писателя о войнѣ 1877 г.: Россія народна и въ важные моменты исторіи ее выражаетъ именно народъ (а не правительство — 21, 80). Россія сдѣлаетъ это (освобожденіе восточныхъ христіанъ) ради подвига любви и будущаго блага племенъ (21, 362).

Да, хотя убѣжденія и стремленія нашего народа строго вѣроисповѣдныя, и въ народѣ нашемъ, кромѣ православія, нѣтъ никакой идеи (21, 497), но идея эта широка и гуманна; это есть, какъ выражается Достоевскій, — «идея Вселенской Церкви», а ея идея — соединеніе всѣхъ людей во Христѣ (21, 498). Соединеніе предполагается свободное, соединеніе любовью по духу Христову, а образъ Христа, пишетъ нашъ авторъ, сохранился только въ православіи, у прочихъ же народовъ онъ затемненъ (20, 212); мы еще обратимся къ весьма опредѣленнымъ выраженіямъ Достоевскаго о протестантахъ, сектантахъ и католикахъ. Въ русскомъ христіанствѣ, заявляетъ онъ, нѣтъ даже мистицизма, а только проповѣдь любви (20, 309).

Послѣднее замѣчаніе, скажемъ кстати, особенно цѣнно въ наше время. Во времена Достоевскаго врагомъ вѣры нашей былъ въ Европѣ и Россіи псевдораціонализмъ, а съ легкой руки Вл. Соловьева наше общество и даже нашу философскую мысль одолѣлъ суевѣрный мистицизмъ и хлыстовщина съ ея дикими суевѣріями и гнусными оргіями. Все это сроднилось съ теософіей и необуддизмомъ и составило такую безобраз-

ную кашу, что, взирая на подобныя извращенія религіозной мысли и чувства, готовъ бываешь пожалѣть о временахъ матеріализма: вѣдь матеріалистомъ никто не можетъ пробыть дольше 35-ти-лѣтняго, много 40-лѣтняго возраста, а съ теперешнимъ хлыстовскимъ суевѣріемъ люди остаются до старости. Эти увлеченія Достоевскій тоже предвидѣлъ и писалъ: потерявъ истинную вѣру, человѣчество обратится къ грубому суевѣрію (16, 439); а въ частности русскіе дойдутъ до ужасныхъ безобразій (19, 307), и пришло уже время, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, когда обманщики смущаютъ людей, говоря: се здѣсь Христосъ. Заявляя о немистичности христіанства, Достоевскій говоритъ то же, что и современные церковные учители Еп. Феофанъ (1894) и Игнатій Брянчаниновъ, горячо обличавшій своихъ знакомыхъ за ихъ приверженность къ сочиненіямъ мистиковъ — Фомы Кемпійскаго, Терезы и проч. «сумасшедшихъ». — Но это между прочимъ.

Не то вѣра народная: тамъ приняты къ сердцу обѣ главныя всеобъемлющія заповѣди Евангелія — смиренномудріе и сострадательная любовь, и эти заповѣди сдѣлали близкимъ русскому сердцу всѣхъ православныхъ, а затѣмъ и все человѣчество.

Сила этой убѣжденности великая, и она захватываетъ собою всякаго искренняго человѣка, сближающагося съ народомъ. — Я вновь принялъ Христа отъ народа, свидѣтельствуетъ Достоевскій, утерявъ его въ европейской школѣ (24, 416). Итакъ, европейская высшая школа въ Россіи убила вѣру въ юношѣ, а каторжники изъ простого народа оказались для него миссіонерами, ибо обращеніе его произошло на каторгѣ, какъ свидѣтельствуютъ его «Записки изъ Мертваго Дома». — Не года ссылки сломили насъ, пишетъ авторъ, а уравненіе съ народомъ и близость къ нему (19, 309). — А пока онъ былъ невѣромъ, каторжники его чуждались и почитали преступнѣе всѣхъ уголовныхъ; также они взирали на невѣровавшаго Раскольникова, съ которымъ они чувствовали себя, какъ люди разныхъ націй (9, 380). Такъ не любитъ русскій человѣкъ ренегатовъ своей вѣры, но онъ не враждебенъ иновѣрцамъ.

ГЛАВА IV.

РУССКІЙ НАРОДЪ И ПУШКИНЪ ПО ДОСТОЕВСКОМУ.

—o—

«Русская идея», — повторяетъ свою мысль Достоевскій въ другомъ мѣстѣ, — «служеніе всему человѣчеству». Эту мысль онъ освѣщаетъ послѣсловіями, которыя можно найти у другихъ писателей, даже у Толстого. Русскій со всѣми уживется, заявляетъ авторъ: онъ всечеловѣкъ (19, 20). Русскій самый общительный и стадный народъ на всемъ земномъ шарѣ (19, 20).

Мысль о томъ, что русскій народъ способенъ къ нравственному родству со всѣми народами міра, можетъ понять ихъ душу, можетъ какъ бы перевоплотиться въ нихъ, не измѣняя себѣ и своимъ началамъ жизни, Достоевскій повторяетъ неоднократно въ «Дневникѣ Писателя» и въ романахъ, но широко и блистательно развиваетъ ее въ своей Пушкинской рѣчи 1880 года, когда онъ на грандіозномъ общественномъ праздникѣ открытія Пушкинскаго памятника въ Москвѣ сдѣлался героемъ дня, даже не дня, а всего праздника. Представители литературы единодушно признали эту рѣчь **событіемъ** и средствомъ примиренія западниковъ съ славянофилами. Слушатели плакали отъ восторга и бросались другъ другу въ объятія; два человѣка, бывшіе 20 лѣтъ врагами, тутъ же примирились, о чемъ и заявили публично (21, 476). Достоевскій

не прожилъ и года послѣ этого торжества, но успѣлъ издать вновь свой «Дневникъ Писателя» въ видѣ одного отдѣльнаго выпуска за 1880 годъ и перваго выпуска за 1881-ый; выпускъ этотъ былъ и послѣднимъ. 29 января его редакторъ и авторъ скончался въ дни самаго сильнаго расцвѣта своего таланта, съ сердцемъ, исполненнымъ свѣтлыхъ надеждъ на Россію.

Чтобы яснѣе себѣ представить мессіанское призваніе русскаго народа по Достоевскому, чтобы уяснить себѣ переходъ его мыслей отъ характеристики жизни народной къ его разумѣнію русскаго общества, задачъ и призванія послѣдняго, необходимо остановиться на этомъ, съ перваго взгляда частномъ, пунктѣ его міровоззрѣнія (который поставленъ въ заголовкѣ этой главы: Русскій народъ и Пушкинъ).

Горько сѣтуя о непониманіи нашимъ обществомъ своего народа въ продолженіе 200 лѣтъ, Достоевскій представляетъ Пушкина блестящимъ исключеніемъ среди своихъ современниковъ: онъ понималъ народъ и вѣрилъ въ него и носилъ въ своемъ геніи ту способность, зачатки которой хранятся въ душахъ русскихъ простолюдиновъ: онъ былъ и патріотомъ Россіи, и гражданиномъ вселенной въ томъ смыслѣ, что могъ понять и сочувствовать всему прекрасному, что есть въ душѣ каждаго народа и въ его поэтахъ. Въ этой рѣчи своей и въ менѣе цѣнномъ «отвѣтѣ профессору Градовскому» на его критику, Достоевскій собралъ вмѣстѣ и развилъ все то, что онъ за предыдущіе 20 лѣтъ говорилъ и писалъ о Пушкинѣ.

Что же онъ говорилъ объ отношеніи Пушкина къ русскому народу? Пушкинъ первый объявилъ, что русскій народъ не рабъ (21, 404 — «увижу ль я народъ освобожденный» и пр.). Онъ преклонялся предъ правдою народа (21, 406 — Пименъ лѣтописецъ, «иныя нужны мнѣ картины» и т. п.).

Посему онъ предугадалъ всемірное предназначеніе русскаго народа (21, 445); онъ изобразилъ тоску русскаго безпочвеннаго интеллигента, внутренно чуждаго своему народу. — Онѣгинъ, говоритъ Достоевскій, первый созналъ, что онъ чуждъ русскому народу и русской жизни (19, 86); это первый сознательный страдалецъ русской общественной жизни, оторванной отъ народа (19, 87). Не напрасно Пушкинъ является знаменемъ или точкой соединенія всѣхъ русскихъ людей, ищущихъ просвѣтлѣнія (19, 79). Не понимать Пушкина — значитъ не быть русскимъ (21, 403). И хотя самому народу еще непонятенъ Пушкинъ и классики наши: ему нужна свя-

щенная исторія въ школѣ, а не въ повѣсти (20, 24); но придетъ время и народъ его пойметъ и пойдетъ сознательно по стезямъ Пушкина, какъ онъ понялъ народъ и пошелъ сознательно по его стезямъ. — Это разумѣніе народа Пушкинъ обнаружилъ въ выраженной имъ надеждѣ, что крѣпостное право будетъ отмѣнено не чрезъ бунтъ крѣпостныхъ людей, а «маніемъ царя», и Достоевскій справедливо заявляетъ, что крестьянская реформа была бы невозможна, если бъ царь не вѣрилъ **отечески** народу (21, 502). Да, по Достоевскому, царь есть всеобъединяющая сила, которую народъ выростилъ въ своемъ сердцѣ. Онъ мыслился народомъ, какъ воплощеніе всего народа (21, 499). Таковъ и Петръ въ Пушкинской Полтавѣ въ день самой битвы.

Въ чемъ же выражалась способность Пушкинскаго генія перевоплощаться во всѣ народы? Въ томъ, какъ подробно описываетъ Достоевскій, что иностранцы разныхъ эпохъ, выведенныхъ въ его стихотвореніяхъ, являются дѣйствительными типами тѣхъ народовъ и эпохъ, тогда какъ у Шекспира мавры и итальянцы являются переодѣтыми англичанами, у Шиллера испанцы — переодѣтыми нѣмцами и т. д. — Способность слиться въ мысли съ духомъ и характеромъ чужихъ націй и прежнихъ эпохъ есть исключительная способность русскаго генія, генія Пушкина (21, 236) и, пожалуй, Жуковскаго тоже — глубокаго русскаго патріота (19, 75). Но эта способность перевоплощенія есть способность общерусская, народная (21, 443); быть русскимъ значитъ стремиться внести примиреніе среди всѣхъ народовъ (21, 446). Пушкинъ же не только русскій человѣкъ: онъ всечеловѣкъ; такова же и Россія (19, 38). Русскіе имѣютъ всечеловѣчность (19, 77). Въ частности, Пушкинъ вмѣстилъ въ свое сердце и русское отношеніе къ Восточному вопросу. Его «Пѣсни западныхъ славянъ» являются пророчествомъ: здѣсь поэтъ всецѣло проникается великою идеею освобожденія славянъ отъ магометанскаго ига и, слѣдовательно, раздѣляетъ народную точку зрѣнія на историческое призваніе нашей Родины (21, 49). Вообще, заключаетъ Достоевскій, Пушкинъ понялъ назначеніе русскаго народа въ такой глубинѣ, какъ никто другой; онъ понялъ, что народъ нашъ не рабъ (21, 403-404), а носитель великой идеи».

ГЛАВА V.

НАРОДЪ И ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.

—o—

Пушкинъ, и его идеалы, есть тотъ мостъ, черезъ который наше денаціонализировавшееся общество можетъ возсоединиться съ народомъ. Мы упомянули уже о томъ, что разъединеніе это имѣетъ причиной разность душевныхъ расположеній: народъ православенъ и смиренъ сердцемъ, общество не любитъ своей церкви и гордо воспитано на рыцарскихъ романахъ.

Позвольте, наконецъ, вскрикнетъ современный читатель: я понимаю, что идеализировать народъ могъ Достоевскій сорокъ лѣтъ тому назадъ, но идеализировать злодѣевъ, убійцъ, богохульниковъ, грабителей — вѣдь это дико, нелѣпо. Кажется, событія послѣднихъ двухъ лѣтъ должны навсегда похоронить славянофильскія фантазіи о Россіи и русскомъ мужикѣ. Но дѣло въ томъ, что и Достоевскій, какъ мы уже видѣли, не закрывалъ глазъ на возможность у насъ революціи и антропофагіи; мало того, онъ замѣчалъ, что «религія въ народѣ начинаетъ уже колебаться» (13, 40), что желѣзныя дороги оказываютъ развращающее вліяніе на народъ (20, 33), отвлекая его отъ земли и отъ семьи на легкіе заработки; онъ предупреждалъ отъ книжной идеализаціи народа, отъ любви не къ дѣйствительному народу, а къ созданному въ нашей фан-

тазіи, въ чемъ не безгрѣшны даже славянофилы (20, 50); онъ прекрасно понималъ, что растлѣніе нигилизма возможно впустить не только въ Смердякова при помощи нѣмецкихъ милліоновъ, но и въ значительные слои народной молодежи, и, однако, отъ своихъ надеждъ онъ не отказался. Сверхъ того, не должно смѣшивать народа съ толпой каторжниковъ, китайцевъ и латышей, завоевавшихъ Россію. Народъ тяготится ими и всѣмъ, что произошло, не менѣе, чѣмъ интеллигенція; онъ то тамъ, то здѣсь поднимаетъ возстанія, но что можетъ сдѣлать безоружная деревня противъ вооруженной арміи? Желанія народа остались прежнія и молитва его та же, что и раньше; только пока ему приходится помалкивать. Не самъ одинокій простой народъ, но соединившись съ обществомъ просвѣщеннымъ, осуществитъ онъ свое назначеніе и искупитъ свое временное паденіе; такова идея Достоевскаго, таковъ его призывъ къ обществу — объединиться съ народомъ. Онъ вѣрилъ въ возможность подобнаго объединенія, хотя и не стѣснялся рѣзко обличать общество за отъединеніе; впрочемъ, обличалъ съ любовью и надеждой, а надежду основывалъ на томъ, что «идеалы всегда восторжествуютъ надъ практической политикой (20, 235). Не ошибался ли онъ? Это покажетъ будущее; но во всякомъ случаѣ не ошибался въ такой степени, какъ его антагонисты, напр. Струве и его лѣвые думцы. Послѣдніе, когда думскимъ представителямъ заявляли, что они вовсе не выразители народа и народныхъ желаній, о чемъ особенно горячо писалъ Л. Толстой въ 1905 г. въ статьѣ: «о современномъ общественномъ движеніи», уподобляя всѣхъ земцевъ и депутатовъ самозванцамъ, отвѣчали: «скоро народъ будетъ съ нами, скоро мы пойдемъ рука объ руку». Вторая революція была заготовлена въ 1914 г., но ее пришлось отложить по причинѣ войны, дабы уже потомъ двинуть ее, воспользовавшись военными неудачами и утомленіемъ, какъ это было устроено въ 1905 году; въ обоихъ случаяхъ выбирался моментъ общаго недовольства наканунѣ благопріятнаго оборота войны, дабы предупредить послѣдній, уже совершенно подготовленный. Итакъ въ 1914 г. въ оппозиціонной «Русской Мысли» ея редакторъ писалъ, что теперь народу уже открыты глаза; средостѣнію между интеллигенціей и народомъ пришелъ конецъ; разъединенія больше нѣтъ; въ «этотъ періодъ 1905-1914 годовъ народъ **химически слился съ интеллигенціей».** Послѣдняя фраза повторялась въ статьяхъ неодно-

кратно и печаталась курсивомъ; характерны были хронологическія указанія, обозначавшія закругленный девятилѣтній періодъ отъ первой революціи до второй, предназначенной къ лѣту 1914 г.; но еще раньше наши трибуны, газетные и митинговые, приняли обычай разумѣть подъ интеллигенціей только ея революціонное меньшинство, безошибочно положившись на дѣтскую довѣрчивость читателей, которые сразу такъ и повѣрятъ, что «интеллигенція» и «революціонеры» два понятія, совпадающія по своему личному составу, и не дадутъ себѣ труда сообразить, что среди ихъ знакомыхъ близкихъ и дальнихъ едва ли десятая или двадцатая часть суть революціонеры. Въ подобныхъ случаяхъ указанная Достоевскимъ сгадность русскихъ людей достойна уже не похвалы, а слезъ и смѣха. Впрочемъ къ дѣлу.

Итакъ, 1917 г. и слѣдующіе показали думцамъ и г. Струве, какъ нашъ народъ «химически слился съ интеллигенціей», которой онъ началъ безцеремонно выпускать кишки. Процессъ, впрочемъ, если хотите, пожалуй химическій, даже физіологическій, и ему подверглись по преимуществу тѣ, которые ждали химическаго соединенія съ народомъ въ ниспроверженіи трона и храмовъ, т. е. кадеты и студенты; журналы и газеты, предсказывавшіе химическое соединеніе, тоже были упразднены, а интеллигентская оппозиція объявлена буржуями наравнѣ съ графами, камергерами, министрами и банкирами; но послѣдніе, впрочемъ, съумѣли откупиться, и живутъ себѣ.

Мнѣ приходилось неоднократно наблюдать и ту степень теперешняго ожесточенія противъ революціи, которое залегло въ сердца нашихъ недальновидныхъ либераловъ; особенно откровенны въ этомъ отношеніи люди молодые, напр. студенты. Большинство ихъ, т. е. именно бывшихъ либераловъ, а не славянофиловъ, ужъ вовсе не желаютъ не только химическаго слiянія, но даже и механическаго сближенія и болѣе склонны повторять надменный стихъ латинскаго поэта:

"Odi profanum vulgus et arceo".

А сліяніе-то все-таки нужно: это и Ленинъ уже сознаетъ, судя по его публичнымъ деклараціямъ; вѣдь съ насильно поймаными генералами, посаженными во главу арміи, далеко не уйдешь. — Такъ вернемся же поскорѣе къ нашему учителю

Достоевскому и спросимъ: какъ въ самомъ дѣлѣ помочь бѣдѣ разъединенія общества и народа, чтобы дождаться не полицейскаго, а дѣйствительнаго, не химическаго (съ выпусканіемъ кишекъ), а душевнаго, психологическаго, а слѣдовательно и бытоваго слиянія?

Достоевскій, какъ видитъ читатель, не только горячо любилъ народъ, но и благоговѣлъ предъ нимъ. — Но онъ также горячо, мучительно горячо, любилъ интеллигенцію, не только въ ея благоразумной части, но и въ оппозиціонной; мы уже привели одно его изреченіе, оправдывающее внутреннія побужденія нашихъ юношей, замышлявшихъ перевороты. Приведемъ и другіе его афоризмы о томъ же предметѣ.

Вотъ что проповѣдуетъ нашъ писатель въ области самого дорогого для него вопроса — религіознаго. Не надо ненавидѣть атеистовъ, ибо среди нихъ есть и добрые (16, 279). Бунтующіе противъ Христа часто бываютъ въ душѣ Христовы, ибо высшаго начала люди не имѣютъ (16, 291).

Раздѣленіе интеллигенціи съ народомъ Достоевскій вовсе не представляетъ, какъ дѣло сознательной, злой воли со стороны первой. — У всѣхъ болитъ сердце, говоритъ онъ, о раздѣленіи общества и народа (20, 299), и только у нѣкоторыхъ петербургскихъ франтовъ наблюдается остервенѣлое отвращеніе къ народу (20, 128); а презрѣніе либераловъ къ народу, по его мнѣнію, не болѣе какъ остатокъ крѣпостного права: такимъ типамъ никогда не сойтись съ народомъ (21, 497). Въ частности, Достоевскому очень надоѣли прописные либералы 60-хъ годовъ съ ихъ шаблонами по всѣмъ вопросамъ. Либералы 60-хъ годовъ устарѣли, пишетъ Достоевскій, но еще продолжаютъ считать себя передовыми (20, 301). Кстати, скажемъ отъ себя, что это писалось въ 1876 году, а тѣ старички и донынѣ ничему не научились и не подновили себя. Мечниковъ, Сѣченовъ, Ковалевскій, Боборыкинъ, Михайловскій и имъ подобные на много пережили Достоевскаго, а до смерти только и знали, что повторять Писаревскіе: азъ, буки, вѣди.

Достоевскій не щадитъ въ своихъ обличеніяхъ и той части общества, которая сознательно не любитъ народа своего, и той части, которая, хотя и безсознательно повторяетъ ихъ глупыя фразы, но занимаетъ уже такое положеніе въ обществѣ, когда безсознательность непростительна; въ этомъ смыслѣ Достоевскій отзывается такъ: наши профессора тѣ же рус-

скіе мальчики (16, 402), т. е., они, ничего не понимая въ жизни повторяютъ шаблонныя фразы. Самый либерализмъ подобныхъ болтуновъ внѣшній, напускной, а какъ дошло до дѣла, то наше земство и самоуправленіе (тоже оторванное отъ народной жизни) обратились всецѣло и произвольно въ прежнее чиновничество (21, 509). — Современные русскіе интеллигенты — фельдфебели цивилизаціи и презираютъ народъ (4, 429), будучи глупо увѣрены въ непогрѣшимости формъ европейской жизни (4, 432), причемъ еще хвалятся вмѣсто того, чтобы стыдиться, когда говорятъ: я не понимаю Россіи, я не понимаю религіи (19, 155).

Да и не мудрено, что этимъ хвастаются: отсутствіе практическаго знанія Россіи въ столичныхъ кругахъ считалось добродѣтелью для высокаго чиновника (11, 4), а если прибавить къ этому, что Петербургъ вообще коверкаетъ характеръ, и что «Россіей управляютъ петербургскіе характеры» (9, 270), то понятно, что въ нашемъ чиновничествѣ и обществѣ и либералы, и консерваторы бываютъ «ненаціональны» (11, 17); эти либералы-космополиты — продуктъ крѣпостнаго права (19, 159). Они были бы несчастны, если бы Россія была счастлива: они ее ненавидятъ (12, 187); да, русскій либералъ ненавидитъ самую Россію и злорадствуетъ ея бѣдамъ (11, 20); иное дѣло либералъ въ другихъ государствахъ: тамъ нѣтъ такой ненависти къ отечеству. Русская сатира, сказалъ одинъ французъ, боится хорошаго поступка, отраднаго явленія въ Россіи (21, 25 — таковъ, прежде всего, Щедринъ). Высшая дворянская школа, даже военная (вѣроятно, разумѣются три привилегированныя учебныя заведенія въ столицѣ), пишетъ авторъ, воспитывала юношество не на руссихъ, а на западныхъ идеяхъ средневѣковыхъ рыцарей (12, 396). Мудрено ли, что наша родовая интеллигенція чужда народной религіи и народному духу? — Но и «интеллигентные разночинцы» не утѣшали Достоевскаго: они «образованы, но карьеристы и презираютъ родителей» (20, 341). Таковы въ частности ренегаты церковной школы — семинаристы, покинувшіе свое образованіе: они особенно ненавидятъ Бога и религію (18, 132; 13, 71) — вложили порнографію въ продававшіяся евангелія. Самолюбіе у нихъ бѣшеное (18, 134); они поэтому никогда не понимаютъ шутокъ и вѣчно обижаются (18, 129), но мастера на карьеру (18, 130); Ракитинъ непремѣнно наживетъ себѣ въ столицѣ домъ и редакцію; въ революціонныхъ идеяхъ пропаганды они

ограничены (12, 39), но отличаются безпримѣрнымъ безстыдствомъ и нахальствомъ (13, 181). Вообще, нигилистами бываютъ либо только дворяне, либо семинаристы, но и тѣ, и другіе ненаціональны (11, 17).

Достоевскій неоднократно оплакиваетъ современное общественное безразличіе къ нравственнымъ запросамъ, современный индиферентизмъ (20, 40). Могутъ ли люди такого сорта цѣнить Россію, когда ея цѣнность есть по преимуществу цѣнность религіозная? Мудрено ли поэтому, когда одинъ либеральный герой повѣстей нашего автора составилъ рефератъ о томъ, что русскій народъ призванъ быть только матеріаломъ для благоустройства какого-либо другого народа (нѣмцевъ или евреевъ; 14, 72). Русскимъ стало такъ тѣсно въ либеральномъ обществѣ шестидесятыхъ годовъ, что раскаявшійся революціонеръ Шатовъ выражается о себѣ такъ: «за невозможностью быть русскимъ, я сталъ славянофиломъ» (13, 319).

Злоба противъ Россіи и всего русскаго достигла такихъ предѣловъ къ 70-мъ годамъ, что когда одинъ полупомѣшанный профессоръ выступилъ на литературномъ вечерѣ съ самымъ грубо-ругательнымъ памфлетомъ на Россію, то зала «завыла отъ восторга»: «могло ли быть для общества что-либо пріятнѣе: безчестилось, обливалось помоями его отечество?» восклицаетъ авторъ. Оратору сдѣлали шумную овацію и вынесли его на рукахъ (13, 203).

Какъ же вообще Достоевскій отзывается о такомъ обществѣ? весьма безотрадно; онъ говоритъ: «современный интеллигентъ — умственный пролетарій, безпочвенный межеумокъ» (20, 257).

ГЛАВА VI.

ДОБРЫЯ НАДЕЖДЫ ДОСТОЕВСКАГО.

—o—

Гдѣ же авторъ находитъ болѣе отрадное явленіе въ нашемъ обществѣ? Во-первыхъ, среди славянофиловъ, во-вторыхъ, въ юношествѣ и, въ-третьихъ, въ нѣкоторыхъ свойствахъ даже самого русскаго ренегатства.

Славянофилы, пишетъ онъ, во сто разъ образованнѣе западниковъ (20, 205). «Я во многомъ убѣжденій чисто славянофильскихъ», — пишетъ Достоевскій. Подъ славянофильствомъ онъ разумѣетъ не шовинизмъ, какъ клевещутъ на это направленіе противники, а соединеніе патріотизма съ космополитизмомъ. «Наша партія, заявляетъ онъ, или русская партія, признаетъ всеевропейское призваніе русскаго народа» (21, 428). Онъ превозноситъ симпатичнѣйшаго изъ славянофиловъ К. С. Аксакова (20, 48). При всемъ томъ знаменитая рѣчь, принесшая Достоевскому столько славы лѣтомъ 1880 года, съ выходомъ осеннихъ номеровъ толстыхъ западническихъ журналовъ была покрыта злобнымъ лаемъ журнальныхъ шавокъ, и авторъ сердечно скорбѣлъ объ этихъ людяхъ. «Теперь мажутъ меня грязью за Пушкинскую рѣчь, писалъ онъ незадолго до своей кончины, даже тѣ, которые тогда обнимали меня» (21, 518). — Таковы и тогда были литературные нравы. Не даромъ авторъ высказывается подчасъ

довольно пессимистично о нашемъ обществѣ вообще: «если бъ всѣ стали откровенны, то отъ великаго нравственнаго смрада жить нельзя стало бы» (7, 366).

Видя въ славянофилахъ зарю будущаго свѣтлаго русскаго дня, Достоевскій, однако, почитаетъ необходимымъ, чтобы они еще изучали Россію, чтобы быть ей дѣйствительно, а не въ фантазіи близкими; то же онъ рекомендуетъ столь близкому ему юношеству, но не лишаетъ себя надежды и на то, что къ нимъ примкнетъ значительная часть всего общества, въ виду нѣкоторыхъ особыхъ свойствъ его ренегатства, какъ мы упомянули выше, а также и по той причинѣ, что въ русскомъ европеизированномъ дворянствѣ много того благороднаго космополитизма, коего выразителемъ былъ патріотъ Пушкинъ, т. е. широты сердца (15, 292-292).

Приведемъ изреченія Достоевскаго о молодежи и о чаяніяхъ нашего писателя отъ нея. Быть можетъ, послѣднія осуществились бы въ большей степени, если бы у насъ не стали такъ вандальски коверкать среднюю школу, на которую вообще, какъ и на подъемъ образованія при Д. Толстомъ, Достоевскій возлагалъ большія надежды. «Въ учебной реформѣ настоящаго царствованія вся будущность Россіи», писалъ онъ (19, 311). «Образованность у насъ занимаетъ первое мѣсто теперь; въ ней вся слава будущей Россіи, а раньше даже въ военной школѣ прекрасныя дѣти портились до неузнаваемости» (5, 80). Впрочемъ, и теперь «руководителей нѣтъ у нашей молодежи» (21, 51). «Я не помню ни одного истиннаго педагога за всю свою жизнь», жалуется авторъ (21, 43). Достоевскій одобрялъ классическую систему, но требовалъ усиленія въ школѣ національнаго образованія и, въ частности, расширенія курса родной словесности (20, 255), а то «юноши ничего не получали въ школѣ, кромѣ сатиры» (20, 404 — критика на все въ курсѣ исторіи и словесности). — Классическую систему у насъ упразднили, угождая необразованной улицѣ, а національнаго элемента не ввели; образованіе пало очень низко, а потому мудрено-ли, что вышеприведенныя чаянія писателя осуществились въ очень малой степени.

Свѣтлымъ надеждамъ Достоевскаго на современное ему русское юношество, конечно, много содѣйствовало и то, что будучи его любимцемъ, онъ постянно получалъ отъ разныхъ студентовъ и курсистокъ письма съ исповѣдью души и требованіемъ совѣтовъ и разъясненій. Нерѣдко къ нему и лично

являлись совершенно незнакомые ему молодые люди обоего пола съ такими же запросами. — Вотъ что онъ пишетъ о молодежи.

Я болѣе всѣхъ на молодость надѣюсь, ибо она исполнена исканіемъ правды (21, 504). Люди новаго поколѣнія искренно ищутъ истины, хотя еще не установились (21, 61). Таковъ и Толстовскій Левинъ. Тутъ цѣнно въ немъ сознаніе своей виновности (21, 62). Правда, философія исканія юнцовъ подчасъ и смѣшна по поспѣшности заключеній, но все же указываетъ на ихъ идеалистическое направленіе. — Наши желторотые только и дѣлаютъ, что вѣковѣчные вопросы рѣшаютъ. пишетъ онъ (16, 93). Но все же онъ надѣется на это поколѣніе. — Юное поколѣніе, — пишетъ онъ, — лучше пойметъ душу и нужды нашего народа и сойдется съ нимъ (21, 151). Мы сказали, что эти ожиданія Достоевскаго осуществились мало, но все же то поколѣніе дало обществу цѣлый рядъ высокополезныхъ дѣятелей, почитателей великаго писателя, и въ мірѣ литературы, и въ средѣ педагоговъ (учителей словесности особо), и ученыхъ, и даже священниковъ; послѣднее мало извѣстно обществу, но здѣсь почитателей Достоевскаго было очень много, и болѣе послѣдовательныхъ и постоянныхъ, нежели въ свѣтской средѣ.

Достоевскій не совсѣмъ безнадежно смотрѣлъ и на оппозиціонную часть общества, особенно на молодую, не изолгавшуюся. Какіе же отрадные признаки возможнаго обращенія и объединенія онъ тамъ усматривалъ? Во-первыхъ, безкорыстную, по большей части, идейность, а не партійную карьеру, какъ это было тогда за границей, а въ 20-мъ вѣкѣ стало и у насъ, въ Россіи. Либерализмъ идейный, не практическій, въ Россіи только бываетъ, — заявлялъ онъ (12, 42), а теоретическую ошибку, по его мнѣнію, гораздо легче исправить, чѣмъ злую волю. Далѣе, онъ утверждалъ, что русскіе атеисты просто «увѣровали въ атеизмъ», а потому и фанатичны (11, 345), т.-е. увѣровали безъ доказательствъ, а отдавшись довѣрчиво подъ чье-либо вліяніе. — Вспомнимъ притчу Щедрина: «Мальчикъ въ штанахъ» и т. д.: «Вы, нѣмцы, за грошъ чорту душу продали. — А вы, русскіе, даромъ отдали. — Ну, коли даромъ отдали, такъ и назадъ взять можемъ».

«Только русскій широкій характеръ, говорилъ Достоевскій, можетъ вмѣщать въ себѣ столько противорѣчій» (5, 403). Отступничество общества отъ народа, пишетъ онъ въ

другомъ мѣстѣ, произошло по недоразумѣнію: ошибки ума поправимѣе, нежели ошибки сердца (21, 3). «Общество желаетъ послужить родинѣ, да не знаетъ какъ (20, 46). — Конечно, эти сочувственныя слова автора относятся не къ тѣмъ слоямъ общества, которыя ненавидятъ народъ со злобою, ненавидятъ за его православіе: о тѣхъ приговоръ Достоевскаго намъ уже извѣстенъ. Здѣсь онъ имѣетъ въ виду людей, набившихъ голову чуждыми Россіи теоріями и быстро сбрасывающими свой кошмаръ по дѣйствительномъ ознакомленіи съ жизнью Россіи и Европы, да и съ жизнью вообще, какъ это случилось и съ Шатовымъ въ его молодости, и съ Ст. Тр. Верховенскимъ въ его старости, наконецъ, съ Раскольниковымъ на каторгѣ (9, 388), и съ другими героями нашего автора, и съ героями Тургеневскаго «Дыма» и иныхъ повѣстей этого писателя и многихъ другихъ писателей, напр. Гончарова въ его «Обрывѣ», Писемскаго и пр. Можно сказать, что типъ духовно-возрождающагося и возвращающагося къ народу и къ религіи героя есть типъ центральный въ русской литературѣ 19-го вѣка, т. е. самаго блестящаго періода.

Что касается Достоевскаго, то онъ одно только и описывалъ въ своихъ повѣстяхъ: покаяніе и возрожденіе души русскаго человѣка и ея обращеніе къ народу и стремленіе слиться съ нимъ. — При всемъ томъ нашъ писатель не скрываетъ, съ какими внутренними трудностями это соединено и какъ радикально долженъ для сего измѣниться русскій отщепенецъ. Первый его шагъ авторъ опредѣляетъ такъ: «стать русскимъ значитъ перестать презирать нашъ народъ» (21, 24). Пропасть между обществомъ и народомъ глубока и широка: даже доброжелатели народные не умѣютъ къ нему подступить. Глубокая пропасть, такъ выражается нашъ писатель, лежитъ между народомъ и обществомъ, которое даже не знаетъ, какъ, съ какою книжкою подойти къ нему (19, 81). Да, общество такъ отдалилось отъ народа, что никто даже не сумѣетъ составить книжки для народнаго чтенія (19, 137).

Итакъ, второй шагъ интеллигента къ народу, это добросовѣстное и сочувственное изученіе Россіи и русскихъ. Какъ видите, это не легко. Знаніе Россіи у насъ увеличилось, говоритъ авторъ, но чутье понизилось (20, 207, — т. е. пониманіе души русскаго человѣка и его религіи); впрочемъ, и теперь Европа намъ вдвое, даже вдесятеро извѣстнѣе, чѣмъ Россія» (4, 403).

Познавъ свой народъ, образованный отщепенецъ долженъ

«смириться» (знаменитый возгласъ Достоевскаго въ его Пушкинской рѣчи: смирись гордый человѣкъ и прежде всего поработай на родной нивѣ!); онъ долженъ, какъ блудный сынъ, вернуться къ народу и его вѣрѣ (20, 51). Тутъ важна рѣшимость: идти на подвигъ, а форму подвига подскажетъ тебѣ твое сердце (21, 66); дѣло не во внѣшнемъ опрощеніи, а въ служеніи народу, чѣмъ мы можемъ (на любомъ поприщѣ — 21, 67); только никогда не говори, не оправдывай своего нерадѣнія, будто правительство мѣшаетъ тебѣ служить народу (21, 67); — поприще такъ широко, что и при стѣснительныхъ порядкахъ только поспѣвай работать. — Особенно деревня нуждается въ обезпеченіи правъ обывателя: Достоевскій стоялъ за уравненіе правъ для всѣхъ сословій (20, 35) и распространеніе грамотности и школьнаго образованія. Онъ стоялъ за широкое просвѣщеніе народа (20, 35). — «Да, есть что дѣлать на Руси образованному человѣку», — говоритъ въ этомъ смыслѣ любимый герой нашего автора, кн. Мышкинъ, возвратившійся въ Россію послѣ долговременной побывки за границею (10, 335). — Упомянувъ объ образованіи, мы обязаны отмѣтить и то мнѣніе Достоевскаго, что и женщинамъ должно быть предоставлено высшее образованіе (20, 191), ибо ихъ стремленіе къ таковому весьма интересно и благородно (19, 402).

Вообще Достоевскій — почитатель русской женщины: она менѣе лжива и болѣе трудолюбива, чѣмъ мужчины (19, 298); женщина въ Россіи настроена высоко, она жаждетъ серьезныхъ бесѣдъ и разъясненія жизненныхъ вопросовъ (19, 414), и ей принадлежитъ спасеніе общества (20, 185) и не только въ семейной жизни, но и въ широкихъ кругахъ (20, 190); ей прежде всего принадлежитъ самое обновленіе русской жизни (21, 301).

Но главное условіе нашего писателя для возсоединенія общества съ народомъ и его вѣрой основывается на неутерянной со стороны интеллигенціи способности дружно проникнуться идеей безкорыстнаго подвига и въ великіе моменты исторіи вдругъ слиться съ народомъ. Въ Европѣ путь нравственнаго объединенія людей потерянъ, пишетъ Достоевскій (20, 90, — потому что тамъ всѣ пути жизни не выходятъ за предѣлы эгоизма лицъ и сословій), а мы его не утеряли, ибо вотъ мы и теперь, говоритъ онъ, идемъ на войну съ турками, какъ на священную жертву (20, 278). Значитъ, можетъ

русскій интеллигентъ и смириться передъ народомъ и его вѣрой, и возвратиться къ тому и другому, какъ блудный сынъ. Представивъ себѣ такую картину, нашъ писатель восклицаетъ: о, какая бы сила была у насъ, если бъ интеллигенція духовно объединилась съ народомъ! (21, 499). Въ настоящій моментъ исторіи мы видимъ сугубое раздвоеніе, но возможно, что конецъ его уже близокъ и даже очень близокъ.

ГЛАВА VII.

ПРИМѢРЫ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЕДИНЕНІЯ СЪ НАРОДОМЪ.

——o——

Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы обнадеживать читателя радостными ожиданіями, не лучше ли привести дѣйствительные примѣры изъ твореній Достоевскаго, примѣры душевнаго и бытового сліянія представителей общества съ жизнью народа. — За такими примѣрами дѣло не станетъ. Правда, не такъ ихъ много, но они разсѣяны по всѣмъ повѣстямъ нашего писателя и замѣчательно то, что объединенія съ народомъ герои Достоевскаго достигаютъ сразу же послѣ внутренняго перелома отъ роптанія и невѣрія къ вѣрѣ, и отъ европейской гордости къ христіанскому смиренію. Даже изъ этихъ двухъ условій — благочестія и смиренномудрія, — достаточно одного, чтобы сблизиться съ народомъ. Бабушка въ «Игрокѣ» была типичная помѣщица крѣпостническаго типа, но она была глубоко вѣрующей и безхитростнаго, прямого характера, и вотъ она своимъ прислугамъ — какъ своя, какъ родная, а ея лакеи и служанки для нея также родные люди, которыхъ она вводитъ въ свою личную жизнь, въ свои интересы, едва ли не съ большею интимностью, чѣмъ своихъ родственниковъ, чуждыхъ ей по нравственному настроенію.

Степанъ Трофимовичъ въ «Бѣсахъ», убѣжденный западникъ и безрелигіозный презиратель Россіи, еще раньше, чемъ

увѣровалъ въ Бога, чего онъ удостоился только въ смертный часъ, раскаялся въ своемъ сочувствіи революціонерамъ послѣ кровавыхъ картинъ ихъ жестокостей и рѣшилъ бѣжать отъ этихъ «омывающихъ руки въ крови» освободителей, бѣжать къ народу, котораго онъ прежде дичился, въ домашніе учителя къ какому-нибудь купцу.

Онъ еще не вполнѣ христіанинъ, но душа его отреклась отъ тѣхъ гордецовъ и смирилась. Что же? Одинъ его смиренный, безпомощный видъ сразу же располагаетъ къ нему весь народъ по большой дорогѣ и на деревенскомъ постояломъ дворѣ. Самые разнообразные простые люди его окружаютъ, заботятся о немъ и, услаждая послѣдніе дни его земной жизни, научаютъ его вѣровать и умереть христіаниномъ.

Смиренный сердцемъ полковникъ въ «Селѣ Степанчиковѣ» до того любимъ своими крестьянами, что они слышать не хотятъ о передачѣ ихъ Фомѣ Фомичу (самообольщенному гордецу) и умоляютъ всѣмъ селомъ, какъ о величайшемъ благодѣяніи, чтобы любимый баринъ оставилъ ихъ при себѣ крѣпостными. И не только благочестивые патріархальные крестьяне, но и самая порочная часть народа, сибирскіе каторжники, встрѣтившіе съ крайнимъ нерасположеніемъ радѣтеля равенства, но еще атеиста Раскольникова (они готовы его убить за невѣріе — 9, 380), всѣмъ сердцемъ привязались къ его благочестивой и смиреннѣйшей невѣстѣ, бывшей подневольной проституткѣ, добровольно послѣдовавшей за несчастнымъ юношей въ страшную, тогда, Сибирь. Отзываясь участливо на всѣ ихъ просьбы, она входила въ ихъ нужды, писала имъ письма и прошенія, и они встрѣчали ее, какъ ангела, хотя никакой внѣшней обаятельности она не имѣла и сама не искала такого сближенія. Обращеніе самого Раскольникова къ любви, къ зачаткамъ вѣры, къ народу, начинается тоже съ чтенія Евангелія его невѣстой.

Благочестивый и чистый сердцемъ, чуждый всякаго самолюбія, послушникъ Алеша Карамазовъ, по описанію автора, удалившись отъ міра въ обитель, оказался другомъ всѣхъ и уже не простыхъ только людей, но и интеллигентныхъ. Его вездѣ любили, куда бы онъ ни появлялся (16, 31); даже его отецъ, пропитанный развратомъ и цинизмомъ, не можетъ подавить въ себѣ нѣжнаго чувства къ этому юношѣ, будучи совершенно холоденъ къ двумъ старшимъ сыновьямъ, — онъ проситъ его молиться за отца, хотя самъ былъ только кощун-

никомъ (16, 40); любили его и товарищи по школѣ, и избалованные, плохо воспитанные городскіе мальчики; никогда не заботясь о себѣ, онъ всегда оказывался пристроеннымъ, даже у чужихъ людей, которые не только не тяготились имъ, но всегда радовались его пребыванію у нихъ (16, 35). Это былъ юноша, желающій дѣятельнаго подвига съ самопожертвованіемъ (16, 43). — Правда, авторъ не приводитъ картинъ близкаго его общенія съ простымъ народомъ, но выражается такъ: иногда подобный «чудакъ» носитъ въ себѣ сердцевину цѣннаго общественнаго объединенія (16, 4). И дѣйствительно, къ кому онъ ни придетъ, всѣ волнуются, всѣ исповѣдываются ему, всѣ требуютъ указаній и вразумленія себѣ — и оба брата его, и три гордыя дѣвицы разныхъ круговъ, пожилая барышня, и даже озлобленный, завистливый нигилистъ Ракитинъ, колеблющійся между ненавистью и дружбой къ этому юношѣ, который являлся для него живымъ обличеніемъ, но все-таки привлекательнымъ.

Однимъ словомъ, авторъ усваиваетъ своему любимому герою задачу гораздо труднѣйшую, чѣмъ объединеніе съ народомъ, которое писатель не раскрываетъ уже въ подробности, справедливо убѣжденный въ томъ, что этотъ «ранній народолюбецъ» Алеша Карамазовъ совершенно слился съ народомъ, сдѣлавшись послушникомъ и простымъ келейникомъ у великаго старца, обожаемаго народомъ, о. Зосимы. Зато въ біографіи послѣдняго онъ дорисовываетъ картину слиянія съ народомъ всякаго интеллигентнаго отщепенца, когда онъ утвердится на почвѣ религіозной. Бывши въ молодости легкомысленнымъ офицеромъ и одумавшись въ день дуэли, этотъ, впослѣдствіи схимникъ, немедля вышелъ въ отставку и, готовясь къ монашеству, пошелъ предварительно странствовать, по русскому обычаю. Въ одномъ мѣстѣ онъ встрѣчаетъ своего деньщика Афанасія, котораго передъ днемъ дуэли наградилъ пощечиной; запуганный деньщикъ и тогда не обидѣлся на оскорбленіе, считая барина и офицера существомъ иного порядка, чѣмъ тѣ, которые обязаны къ справедливости; но когда онъ встрѣчаетъ его смиреннымъ странникомъ, то принимаетъ, какъ своего собрата, какъ родного и, угостивъ его, какъ равнаго, не стѣсняется предложить ему отъ своей бѣдности полтинникъ на дорогу.

Въ этомъ эпизодѣ, какъ и въ заключительной главѣ «Бѣсовъ», авторъ представляетъ общество и народъ, какъ двѣ

націи, какъ два лагеря, хотя и не враждебныхъ другъ другу, но настолько чуждыхъ, что люди, только покинувъ одинъ, немедленно, какъ-то само собою оказываются въ другомъ, и только посвятившіе себя Богу и церкви могутъ безъ труда пребывать одинаково близкими тому и другому, какъ Алеша и старецъ Зосима. — Послѣдняя мысль автора не означаетъ того, что только иноки могутъ быть одновременно близки и обществу, и народу, но она поясняетъ мысли старца Зосимы о будущемъ призваніи русскихъ монастырей и монашества, которое, впрочемъ, въ извѣстной степени осуществлялось всегда, отъ временъ древнихъ и до настоящаго; но отъ него ожидается авторомъ нѣчто гораздо большее.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду предсмертныя наставленія старца Зосимы въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», представляющія исповѣдь всей его жизни и торжественный гимнъ Христу, какимъ Онъ пребываетъ на небесахъ, и въ сердцѣ русскаго народа. Старецъ говоритъ, и совершенно справедливо, что русскій монастырь всегда былъ съ народомъ (17, 58); въ восторженныхъ выраженіяхъ описываетъ онъ сущность монашескаго подвига (мы ихъ повторять здѣсь не будемъ) и, наконецъ, выражаетъ надежду, что отъ инока придетъ спасеніе всей Руси. Живое подтвержденіе всѣмъ этимъ убѣжденіямъ и упованіямъ приводитъ нашъ писатель раньше въ главѣ: «Вѣрующія бабы», гдѣ разсказываетъ съ какимъ обожаніемъ, съ какимъ восторженнымъ, исполненнымъ непоколебимаго довѣрія, чувствомъ взираетъ нашъ народъ на монастырскихъ старцевъ, съ какимъ примиреніемъ возвращается онъ отъ нихъ и какой духовной мудростью отъ нихъ обогащается. — И не только благочестивые богомольцы, странствующіе по обителямъ, но и почти оторванный отъ народа и нравственно извращенный барскій лакей Смердяковъ еще хранитъ въ своей душѣ общенародное убѣжденіе въ томъ, что праведная, истинная жизнь — не въ міру, а у отшельниковъ пустыни, и что такіе отшельники живутъ еще и донынѣ, хотя и далеко гдѣ-нибудь, хотя бы и въ небольшомъ числѣ, но все же два или три должны быть (16, 224).

Чтобы кончить рѣчь о монашескихъ симпатіяхъ нашего писателя, скажемъ, что онъ изучалъ монашество и старчество самолично въ Оптиной Пустынѣ, старцы которой Макарій и его ученикъ Амвросій (скончался въ 1892 г.) послужили ему оригиналомъ для типа о. Зосимы.

Пусть никто не думаетъ, что надежда Достоевскаго на такое апостольское призваніе русскаго монашества явилась плодомъ его собственной фантазіи. Напротивъ, не только русскіе иноки, всегда мыслившіе себя пастырями народа, но и древнѣйшіе основатели пустыннаго монашества, смотрѣли такими же очами на свое призваніе. Такъ, преп. Нилъ Синайскій (ск. 694) писалъ — «монахъ есть тотъ, который отъ всѣхъ удаляясь, пребываетъ въ духовномъ общеніи со всѣми, и въ каждомъ человѣкѣ видитъ самого себя». Было упомянуто, что въ высокіе торжественные моменты своей исторіи иногда все общество сбрасываетъ съ себя иноземныя наслоенія и сливается съ народомъ; таковы были годы 1812, 1877. Что же испытываетъ въ эти священныя годины общество, что обнаруживаютъ въ моменты своей личной жизни его отдѣльные представители того и другого пола, и въ чемъ напримѣръ? Въ поясныхъ или даже земныхъ мужицкихъ поклонахъ, совершенно неожиданно для окружающихъ, а можетъ быть, и для самихъ себя. Такъ Катерина Ивановна, пораженная великодушіемъ и цѣломудреннымъ благодѣяніемъ Дмитрія Карамазова, вдругъ кланяется ему въ ноги (16, 197); кланяется въ ноги Сонѣ и Раскольниковъ, впервые, когда узнаетъ, какой тяжелый крестъ самоотверженія, и притомъ самаго унизительнаго, она понесла въ своей жизни, а въ другой разъ, когда совершился рѣшительный переломъ въ его душѣ подъ вліяніемъ ея примѣра и собственныхъ его страданій. — Свидригайловъ передъ смертью посылаетъ свой поклонъ почти незнакомому ему Разумихину, понявъ, что онъ одинъ идетъ по правильному пути жизни — смиренія и самоотверженія.

Замѣтьте, что этотъ обычай земныхъ и поясныхъ поклоновъ по преимуществу различаетъ народъ и общество, Россію и Европу; тамъ охотно становятся на колѣна или на колѣно, но главы не наклоняютъ, а тѣмъ паче въ землю, даже предъ Богомъ; совершая такой поклонъ русскій человѣкъ на время какъ бы отрекается отъ общества и переходитъ къ народу.

ГЛАВА VIII.

ДОСТОЕВСКІЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ.

— о —

Мы остановились на монашествѣ съ нѣкоторою спеціальною цѣлью: мы желали показать, что даже о такомъ многовѣковомъ и не національномъ только, но древне-христіанскомъ учрежденіи, которое многіе почитаютъ отрѣшеннымъ отъ жизни, нашъ писатель разсуждаетъ все съ той же точки зрѣнія, какъ и о всѣхъ предметахъ своего наблюденія, — съ точки зрѣнія народной, съ точки зрѣнія служенія народу. Вотъ исходной центръ всей, такъ сказать, проповѣди Достоевскаго.

Пишетъ ли онъ о Пушкинѣ, или о революціи, или по Восточному вопросу, или о просвѣщеніи, или о вѣрѣ и безвѣріи, или по вопросамъ педагогическимъ: все это его интересуетъ со стороны пользы для народа, со стороны тѣснѣйшаго общенія съ народомъ. — Совершенно не понимаютъ нашего писателя тѣ критики, которые хотѣли его представить поборникомъ того или иного политическаго направленія или партіи. Отзываясь на всѣ вопросы дня въ своемъ журналѣ и въ повѣстяхъ, онъ, конечно, долженъ былъ высказываться по многимъ предметамъ и вопросамъ, въ коихъ выражается то или иное политическое направленіе или даже партія. Но иное дѣло сужденія о семъ Достоевскаго, и сужденія партизановъ со-

временныхъ лагерей. Для большинства послѣднихъ извѣстный политическій взглядъ является сущностью его міровоззрѣнія (напр. монархизмъ, или конституція, или панславизмъ, или украинофильство), съ точки зрѣнія которой онъ даетъ оцѣнку всѣмъ встрѣчающимся идеямъ, хотя бы послѣднія имѣли безконечно болѣе цѣнное значеніе, чѣмъ само его политическое знамя. Такъ, я понимаю, что можно быть за религію и противъ, за русскую поэзію и противъ. Но когда болгарскій шовинистъ отказывается отъ православія только для того, чтобы разорвать общеніе съ ненавистными ему греками, когда наши украинофилы, завѣдомо неискренно, стараются убѣдить учениковъ гимназіи, что Шевченко выше Пушкина, а послѣдній вообще ничтоженъ, когда монархистъ защищаетъ подчиненіе царю нашей Церкви и т. п., то въ этомъ я усматриваю полную дегенерацію и говорящихъ такъ, и самой ихъ идеи, подавившей ихъ разумъ и совѣсть.

Конечно, по большей части, такая выворoченная логика неискренна; по большей части, когда вашъ собесѣдникъ ставитъ выше всего какую-нибудь цѣнность весьма условную, какъ, напр., современные Достоевскому французы — республику (хоть пропадай сама Франція), а наши въ 1917 г. революцію (хоть пропадай Россія): то мы понимаемъ, что здѣсь не увлеченіе идеей, а связь послѣдней съ личными выгодами, а затѣмъ съ личной безопасностью адепта.

Въ странахъ, гдѣ уже давно вся общественная жизнь исчерпывается борьбою партій, борьба эта уже перестаетъ быть политическою, а становится персональною или групповою, руководимою корыстолюбіемъ партизановъ, а политическіе лозунги произносятся только для приличія, и всѣ это отлично понимаютъ. Такъ въ Сербіи боролись 40 лѣтъ либералы, радикалы и напредняки (прогрессисты); принципъ выставленъ былъ всѣми одинаковый, а борьба шла за министерскіе и другіе портфели. Но бываетъ и иное, особенно у насъ въ Россіи. Бываетъ, что иного человѣка его идея совершенно подавила, пишетъ Достоевскій, и какъ бы проглотила (12, 37). Таковы въ большинствѣ увлеченія революціонныя у юношей (какъ у Эркеля въ «Бѣсахъ») и у простолюдиновъ. Съ сильными умами такіе случаи невозможны на долго. Тѣмъ не менѣе могъ подлежать подобному увлеченію самъ Достоевскій. Упоминаемъ о семъ потому, что великую досаду причинили намъ тѣ критики, которые объясняли его высшія созерцанія религіознаго

характера, его психологическія наблюденія и выводы о жизни народа его принадлежностью къ славянофильскому направленію, его монархизмомъ, его націонализмомъ и т. п. Зависимость идей у него, какъ и у всякаго крупнаго и честнаго мыслителя, была совершенно обратная. Но бѣда нашей критики, — скажу болѣе нашей эпохи, — заключается въ томъ, что люди и въ другихъ представить себѣ не могутъ иной логики, кромѣ партійной. Наши историки всѣхъ міровыхъ геніевъ изображаютъ партизанами; даже для апостоловъ Петра и Павла выдумали партіи и съ этой нелѣпой точки зрѣнія изъясняютъ ихъ вдохновенные псалмы. Судя обо всемъ по себѣ, какъ Даламберова мамка, наши современники представляютъ себѣ даже лучшихъ людей такъ, будто они прежде всего подбираютъ себѣ какой-нибудь партійный мундиръ, а потомъ разсуждаютъ: я теперь монархистъ, и долженъ буду отстаивать: 1) религію, 2) патріотизмъ, 3) крупную собственность, 4) строгую школу для юношества, 5) милитаризмъ, 6) дружбу съ Германіей, 7) классическое образованіе и т. д., — а о томъ, учитъ ли религія истинѣ, или она есть застарѣлое суевѣріе, достойна ли Россія самостоятельной жизни или стоитъ пожалѣть о томъ, что она не была навсегда поглощена Франціей въ 1812 г., какъ жалѣлъ Смердяковъ, полезно ли для развитія классическое образованіе, или оно, напротивъ, тормозитъ развитіе мысли, какъ утверждалъ со словъ Ракитина Коля Красоткинъ, — объ этомъ членъ современной партіи и думать не желаетъ и повѣрить не хочетъ, чтобы другихъ все это интересовало и волновало. — Вотъ въ чемъ погибель нашего общества и всей современной культуры; вотъ въ чемъ объясненіе тому, что съ 1917 г. наша интеллигенція почти поголовно превратилась въ «перелетовъ» смутнаго времени.

Почитая своею обязанностью освободить Достоевскаго отъ того партійнаго мундира, который старались, хотя и неуспѣшно, и на него набросить его злостные и недалекіе критики, мы напомнимъ читателю, что онъ не щадитъ и консерваторовъ, и даже славянофиловъ, когда находитъ ихъ неправыми или неглубокими; не говоримъ уже о томъ, что круги правительственные, на которые, конечно, прежде всего опирался тронъ, онъ, какъ мы видимъ по его изреченіямъ, совершенно безцеремонно бичуетъ, какъ презрителей русскаго народа, а то и самой Россіи.

Теперь упомянемъ о томъ, что и представителей самой

вершины своихъ идеаловъ, т. е. религіи и Церкви, онъ тоже вовсе не склоненъ защищать въ ущербъ правдѣ и, отдавая честь идеѣ, не скрываетъ грѣховъ и промаховъ ея носителей, а иногда и цѣлаго направленія послѣднихъ. Такъ, начертавъ прекрасный образъ старца Зосимы и окружающей его монастырской жизни, нашъ авторъ не стѣсняется въ такихъ же яркихъ краскахъ представить изнанку монастырской жизни и разыгравшійся у гроба монашескій скандалъ, причемъ описываетъ не просто личные пороки отшельниковъ, а цѣлое ложное, самообольщенное направленіе религіозной мысли и жизни, имѣвшей мѣсто около живой святыни. Также откровенно выражается онъ о ложной религіозности среди просвѣщенныхъ міряхъ. Нѣкоторые гордецы, говоритъ онъ, признаютъ Бога только для того, чтобы не чтить ближняго (14, 85-86).

Съ другой стороны, мы предлагали вниманію читателей сочувственные отзывы Достоевскаго о наивныхъ атеистахъ, о совершенно юныхъ революціонерахъ, а въ своемъ мѣстѣ ознакомимъ съ его самыми симпатичнѣйшими отзывами о Западной Европѣ, т. е. о своихъ къ ней чувствахъ, да, наконецъ, и о человѣческой душѣ вообще, по которымъ увидимъ, что Достоевскій былъ убѣжденный оптимистъ, всегда увѣренный въ побѣдѣ добра надъ зломъ, и на злыхъ взиралъ такъ, какъ врачъ взираетъ на больного, но не безнадежнаго паціента.

Заботясь со своей стороны о раскрытіи передъ читателемъ правильнаго понятія не о формѣ, а о содержаніи русской жизни, которое могло бы сохраниться и развиваться даже въ томъ случаѣ, если бы Россіи не было суждено продолжать свое существованіе въ качествѣ самостоятельнаго государства, а пришлось бы быть колоніей чужого государства или чужихъ государствъ, мы такъ высоко цѣнимъ нашего писателя не только какъ геніальнаго знатока или діагноста отечественной жизни, но и какъ учителя жизни — терапевта, который въ состояніи помочь намъ даже и при условіи, если бы у нашего паціента, у Россіи, оказались ампутированы обѣ руки, т. е. государственная самостоятельность. — Вѣдь, что такое государство? Это, собственно, полиція народа съ тройнымъ шпіонажемъ и удесятеренными казнями, какъ показала исторія коммунъ французской и русской. Вбивать всю политику общественной жизни въ государственный мундиръ, хотя бы и

самый республиканскій, это прежде всего въ высшей степени нелиберально, и Достоевскій былъ совершенно правъ, когда въ своемъ эпилогѣ къ Пушкинской рѣчи убѣждалъ проф. Градовскаго, воздыхателя о правовомъ порядкѣ, что наши патріархально-народныя начала жизни не только гораздо нравственнѣе, но и либеральнѣе, чѣмъ порядки конституціонные или республиканскіе, ибо тамъ личному почину и нравственной правдѣ остается несравненно меньше мѣста, чѣмъ было у насъ, въ современной тому моменту Россіи. Оппозиціонный Алеко и пессимистъ Онѣгинъ, бѣжавшіе, по мнѣнію Градовскаго, не отъ европейской лжи, а отъ русскаго общества, сами очень сродны послѣднему, по мнѣнію Достоевскаго, ибо расправились съ цыганкой и съ другомъ — Ленскимъ болѣе, чѣмъ безцеремонно. — Не считайте же Достоевскаго представителемъ ни партій, ни политическихъ направленій: онъ былъ гораздо выше этихъ второстепенныхъ областей жизни и мысли, хотя, какъ мыслящій человѣкъ, не могъ не имѣть опредѣленнаго мнѣнія и по этимъ предметамъ. — Вслѣдъ за нашимъ писателемъ и мы призываемъ читателей къ тому, чтобы, во-первыхъ, не смѣшивать понятія общественности съ понятіемъ государственности, а во-вторыхъ, не возводить идеи государства въ абсолютъ, не считать его самой высшей цѣнностью, съ точки зрѣнія которой оцѣнивалась бы всякая другая цѣнность, всякая иная идея. Должно помнить, что именно въ этомъ заключается ложь древняго языческаго Рима и въ этомъ была причина его непримиримой трехвѣковой злобной вражды противъ христіанства, повторившаго первую заповѣдь Ветхаго Завѣта. Римское государство само желало быть высшимъ божествомъ для всѣхъ людей и потому съ безпримѣрною у варварскихъ народовъ жестокостью казнило христіанъ, и не за ихъ догматы, а за то, что они нравственную правду и добродѣтель, а не государство почитали за высшую цѣнность жизни и за высшій долгъ челвѣчества. Достоевскій подтверждаетъ подобное понятіе о древнемъ Римѣ. — Нѣтъ болѣе враждебной христіанству культуры и идеи, какъ идея древняго Рима (21, 492), пишетъ онъ.

Такой же фанатизмъ представляютъ собою государства, секуляризированныя отъ религіи, а особенно соціалистическія, которыя въ гоненіяхъ на религію поступаются всѣми своими юридическими нормами и даже приличіями, когда, напр., при-

знавая Церковь только частнымъ обществомъ, лишаютъ его того права, которое имѣютъ всѣ частныя общества, т. е. права собственности, и безцеремонно отнимаютъ у нея и капиталы, и земли, и даже учебныя заведенія, а подчасъ и прямо закрываютъ монастыри и храмы.

И, если Достоевскій, какъ и Л. Толстой (въ 1905 г.) предпочиталъ монархическое самодержавіе всякимъ республикамъ, то именно потому, что прежняя форма государственной жизни оставляла больше чисто общественныхъ, внѣгосударственныхъ отношеній среди людей, гдѣ было мѣсто свободному, нравственному воздѣйствію таланта и генія на общественную мысль и волю. Вотъ почему Достоевскій сохранитъ свое значеніе для русскаго народа даже въ томъ случаѣ, если бы Россія перестала существовать, какъ самостоятельное государство.

ГЛАВА IX.

ВЫСШАЯ ЦѢННОСТЬ ВЪ ЖИЗНИ ПО ДОСТОЕВСКОМУ.

—— о ——

Намъ могутъ сдѣлать касательно Достоевскаго возраженія съ другой стороны, и сказать такъ: — Допустимъ ,что ты совершенно оправдалъ Достоевскаго отъ обвиненія въ партійности, хотя бы даже чисто идейной; мы готовы согласиться съ тобою и въ томъ, что государство не есть понятіе самой высшей цѣнности; но, если такое понятіе нельзя принимать, какъ конечную ссылку мысли, какъ ея ultima ratio, то справедливо ли ставить въ такое господствующее положеніе въ своей логикѣ и своей морали понятіе народа? Конечно, это понятіе болѣе симпатично, чѣмъ понятія республики или монархіи, и притомъ болѣе прочно сравнительно съ послѣдними; но вѣдь Достоевскій въ своихъ созерцаніяхъ и въ своихъ совѣтахъ восходилъ значительно выше идеи народа: онъ пишетъ о вѣчности, о Богѣ, о Христѣ и Церкви; законно ли призывать людей къ такимъ началамъ, исходя только изъ идеи единенія съ народомъ? Неужели всѣ эти начала не имѣли бы цѣнности и помимо русской народности? вѣдь онѣ существовали въ жизни, и притомъ со всею силою, еще тогда, когда русскій народъ вовсе не существовалъ, т. е. не былъ извѣстенъ.

Наконецъ, если Достоевскій ко всѣмъ этимъ вершинамъ

мысли и чувства знаетъ дорогу только черезъ любовь къ русскому народу, то какое значеніе можетъ имѣть онъ и его творенія для нѣмца и француза?

На это мы отвѣтимъ, что Достоевскій вовсе не ставилъ религіозныхъ и нравственныхъ идей въ зависимость отъ началъ русско-національныхъ **по существу:** онъ былъ конечно, по преимуществу, проповѣдникомъ христіанства, а потому доступенъ и понятенъ для просвѣщенныхъ читателей всякаго народа. Послѣднее можно видѣть изъ того, что его сочиненія, переведенныя на разные языки, читаются за границей съ увлеченіемъ, а во Франціи существуетъ цѣлая школа писателей его направленія. И Поль Бурже, и Эдуардъ Родъ и, думается, Анатоль Франсъ и другіе могутъ быть названы его послѣдователями. Достоевскій, конечно, писатель не только народный, но и міровой; не напрасно писалъ Л. Толстой незадолго до его смерти философу Страхову: «Я читалъ «Братья Карамазовы»; эта повѣсть лучше всего, что когда-либо было написано въ Европѣ и въ Америкѣ; если увидите Достоевскаго, скажите ему, что я его люблю».

Однако, пора дать прямой отвѣтъ на предлагаемый вопросъ. — Достоевскій ставитъ вѣру въ Бога и призывъ къ нравственному подъему въ связь съ любовью къ русскому народу и близость къ нему считаетъ безусловно обязательной для просвѣщеннаго человѣка; всякое почти ученіе, а особенно ученія революціонныя, старались обосноваться на этой общественной нравственной аксіомѣ любви къ народу. Для большинства — тогда, по крайней мѣрѣ, — не было здѣсь лицемѣрія. Даже тѣ русскіе люди той и предыдущей эпохи, въ родѣ, напр., Базарова, которые почти совершенно потеряли евангельскую вѣру, не дерзали, однако, отрицать то нравственное правило евангелія, которое гласило: «большій въ васъ, да будетъ всѣмъ слуга», и хотя такое правило является ни на чемъ не обоснованнымъ, при отрицаніи христіанскихъ догматовъ (что Достоевскій постоянно напоминалъ читателямъ — 14,8 и др.; мы къ этимъ мыслямъ его скоро возвратимся), но вѣдь все общество, вплоть до философа Ницше не хотѣло замѣчать своей непослѣдовательности, и, благодаря Богу, продолжало считать вторую заповѣдь закона Христова для себя обязательною, отвергнувъ первую: даже болѣе, оно думало монополизировать эту вторую заповѣдь и посылало вѣрующимъ укоры въ забвеніи ея ради «отвлеченныхъ» догматовъ.

— Итакъ, то обстоятельство, что Достоевскій исходнымъ началомъ для своихъ высшихъ призывовъ къ человѣку и человѣчеству ставилъ принципъ любви къ народу и единенія съ нимъ, вовсе не съуживаетъ его идеи и не замѣняетъ порядка высшихъ цѣнностей нашей души и мысли, а только указуетъ путь, по которому его современники могутъ восходить къ совершенству съ того нравственнаго уровня, на коемъ они находились. Слѣдовательно, логика его — логика педагогическая. Подобно ей вѣдь было и первое христіанское увѣщаніе іудеямъ — чрезъ толкованіе древнихъ пророчествъ, а эллинамъ черезъ толкованіе ихъ поэтовъ и мифовъ; такъ поступалъ и Апостолъ Павелъ (Дѣян. XѴII, 23-29; Евр. I, 4-14; 1 Кор. IX, 20-22). — Итакъ, народническій духъ высшихъ философскихъ и религіозныхъ призывовъ Достоевскаго вовсе не ставитъ безусловнаго и вѣчнаго въ зависимость отъ современнаго, условнаго, но указываетъ только порядокъ постепеннаго къ нему восхожденія, какъ и Господь указывалъ въ своихъ притчахъ.

Кромѣ сего, должно принять во вниманіе, что, по убѣжденію Достоевскаго, самое русское народничество, т. е. усвоеніе духа русскаго народа, есть усвоеніе духа вселенской, общечеловѣческой любви и признанія и принятія всего добраго, что имѣется въ другихъ цивилизаціяхъ и племенахъ. Чтобы кончить объ этомъ, приведемъ изреченіе Достоевскаго объ его отношеніи къ Европѣ, которую онъ постоянно обличалъ и объ отношеніи къ ней истинно русскихъ людей. — «Никогда западники не любили такъ Европу, какъ мы, славянофилы» (21, 234). Правда, современная Европа, по его мнѣнію, «есть только кладбище, хотя и самое дорогое» (16, 394); но Шекспира, Байрона и др. писателей Европы въ Россіи знаютъ лучше, нежели въ другихъ европейскихъ странахъ (20, 193). Нѣкоторыхъ европейскихъ писателей мы, русскіе, любимъ больше, чѣмъ ихъ соотечественники, напр., Диккенса (19, 231).

Европа, — пишетъ Достоевскій въ «Дневникѣ Писателя», — наше второе отечество; я люблю Европу (21, 24).

Итакъ, Достоевскій былъ общечеловѣческимъ проповѣдникомъ и мыслителемъ. Онъ, собственно, былъ проповѣдникомъ христіанства, нравственнаго совершенства, но не отрѣшалъ личной морали отъ патріотическаго подвига и общечеловѣческихъ интересовъ, а все соединялъ въ своей душѣ,

въ своей свѣтлой мысли. Къ нему можно съ сугубой силой приложить то, что было сказано поэтомъ въ честь другого поэта Жуковскаго:

«Будь намъ путеводной,
Будь вдохновительной звѣздой,
Духъ цѣломудренно - свободный,
Умѣвшій все совокупить
Въ ненарушимомъ цѣломъ строѣ
Все человѣчески благое
И русскимъ чувствомъ закрѣпить».

Понявъ идею нашего писателя о томъ, что религія не только не есть личное дѣло каждаго человѣка, но и главная созидающая общественная сила, и что, въ частности, въ жизни русской безъ религіи, безъ искренняго религіознаго, даже церковно-православнаго убѣжденія, невозможно войти въ общеніе съ русскимъ народомъ, мы должны остановиться повнимательнѣе на религіозномъ ученіи Достоевскаго, какъ живой противоположности общественному предразсудку, низводящему религію на степень туманно-мистическаго чувства или внѣшняго ритуала, совершенно отрѣшеннаго не только отъ жизни общественной, но почти безразличнаго къ области личной нравственной жизни просвѣщеннаго человѣка.

Правда, кое-что изъ этихъ идей мы уже изложили, когда приводили его взглядъ на русскій народъ и на общество и на связь духа народнаго съ православіемъ; но теперь обратимся къ его болѣе широкимъ обобщеніямъ.

ГЛАВА X.

БЕЗЪ ВѢРЫ НЕВОЗМОЖНА, ПО ДОСТОЕВСКОМУ, ДОБРОДѢТЕЛЬ.

— o —

Прежде всего должно указать, что Достоевскій, чуть ли не первый вообще, громко и твердо возсталъ противъ нелѣпаго предразсудка, который въ его время и раньше повторяли съ настойчивостью тупого дятла наши либералы, даже вообще интеллигенты, — въ Германіи со времени Канта, а у насъ, вѣроятно, со времени вольтерьянства и особенно гегельянства. «Можно не вѣрить въ Бога и Христа и быть высоконравственнымъ человѣкомъ, благороднымъ, честнымъ и гуманнымъ, не исполняя никакихъ религіозныхъ обрядовъ и молитвъ». Тотъ, кто не на словахъ, а на дѣлѣ старался быть такимъ человѣкомъ, знаетъ по опыту, какъ трудно пребывать имъ даже и при искренней вѣрѣ и молитвахъ, какой борьбы съ самимъ собой это стоитъ. — Но не напрасно было написано въ одной, заграничнаго изданія, еврейской брошюрѣ, что достаточно любой парадоксъ смѣло и настойчиво трижды повторить во всеуслышаніе, чтобы не только люди, но и всѣ воробьи на крышахъ стали убѣжденно его повторять. Такъ и тотъ лживый и лицемѣрный парадоксъ о безрелигіозной добродѣтели стали громко и смѣло повторять не только пу-

блицисты и профессора, но и студенты, и офицеры, и гимназисты, и гимназистки, и уже такъ давно, что положительно запугали болѣе разумныхъ и искреннихъ людей, и они сами готовы были признать, что христіанская религія есть только собраніе отвлеченныхъ вѣрованій и условныхъ обрядовъ, и были благодарны, когда и за послѣдователями вѣры общественные авторитеты признавали правоспособность къ разумной и просвѣщенной жизни и дѣятельности.

Такъ обстояло дѣло, но Достоевскій съ горячностью возвысилъ свой голосъ противъ такой лжи и во многихъ типахъ своихъ повѣстей раскрывалъ логическую связь между невѣріемъ и безнравственностью, на вершинѣ которой является уже и преступленіе. Впрочемъ, кромѣ типическихъ изъясненій сей истины имѣются и прямыя изреченія нашего писателя. — Невѣрующій не можетъ различать добро и зло, пишетъ онъ (16, 119). Если Бога нѣтъ, то дѣлай всякую пакость, — многіе стали говорить, даже отцы дѣтямъ (21, 211). Идея безсмертія, пишетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, есть главное и единственное (т. е. незамѣнимое) побужденіе человѣка къ нравственной жизни (20, 400) .Безъ этой идеи невозможна и любовь къ человѣчеству (20, 401). — А слѣдовательно, заключаетъ вполнѣ правильно авторъ, безсмертіе существуетъ, ибо оно есть логическое условіе (философски выражаясь — постулатъ) разумной жизни человѣка (20, 402). — Въ томъ же «Дневникѣ Писателя» авторъ приводитъ письмо одного самоубійцы, пришедшаго къ своему гибельному рѣшенію только потому, что потерялъ вѣру въ Бога. Письмо его представляетъ собою краткій трактатъ о томъ, что такъ долженъ поступить съ собою всякій послѣдовательный отрицатель вѣры въ Бога (20, 329-332). Тѣ же мысли въ болѣе краткомъ изложеніи авторъ поясняетъ въ другомъ номерѣ журнала (20, 399-402). Въ частности, по его убѣжденію, при отрицаніи Бога и будущей жизни безсмысленна и любовь къ ближнимъ (14, 80), — ибо она и вообще не легко дается, хотя говорить о ней всѣ любятъ, но на самомъ дѣлѣ, какъ эти люди сами сознаются, любить ближняго не могутъ, а любятъ только «дальнихъ» (16, 405), т. е. не дѣйствительныхъ людей, а воображаемыхъ, что ихъ ни къ чему не обязываетъ.

Какъ мирятся такіе афоризмы нашего автора съ приведенными раньше изреченіями, въ коихъ указывается на то, что атеисты не всѣ злы, а многіе изъ нихъ даже Христовы

люди, хотя сами того не знаютъ? Такъ и «Подростокъ», когда заявилъ о себѣ своему мнимому отцу, старцу Макару, что онъ не вѣритъ въ Бога, то тотъ, засмѣявшись, сказалъ: «нѣтъ, ты не безбожникъ, ты веселый человѣкъ» (15, 148). Вообще онъ былъ убѣжденъ, что настоящій безбожникъ непремѣнно мраченъ и озлобленъ, а вѣрующій, даже бѣднякъ, веселъ.

Теряя вѣру, большею частью, подъ вліяніемъ нелѣпыхъ книгъ или злыхъ людей, какъ Коля Красоткинъ, почти сбитый съ толку злобнымъ нигилистомъ Ракитинымъ, люди, конечно, не сразу принимаютъ въ душу всѣ логическіе выводы и послѣдствія такого отрицанія, и вотъ иногда эта временная непослѣдовательность у нихъ длится десятки лѣтъ, и въ ней ихъ спасеніе, т. е. возможность остановиться передъ страшными, но неизбѣжными выводами изъ отрицанія, и вернуться къ вѣрѣ. — Да и самую вѣру человѣкъ отталкиваетъ отъ себя много времени спустя по объявленіи себя атеистомъ «на пробу». Выражая отрицательныя мысли, онъ какъ бы только примѣриваетъ ихъ къ своему уму и сердцу на подобіе покупателя «въ магазинѣ готоваго платья», а въ душѣ по прежнему таитъ вѣру, а иногда даже и молитву, какъ судья въ «Ревизорѣ» Гоголя. Вотъ почему часто бываетъ достаточно рѣшительнаго перелома **воли,** чтобы люди вновь исповѣдали вѣру во всю полноту и догматовъ, и преданій. Думается, что именно сюда относится такое изреченіе нашего писателя: есть нѣсколько убѣжденій, которыя тайно почти всѣ раздѣляютъ, но стыдятся въ томъ сознаться (19, 16).

Однако, относясь столь терпимо и небезнадежно къ атеистамъ мнимымъ или просто неустановившимся, нашъ писатель предупреждалъ людей о тѣхъ роковыхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводитъ, какъ мы видимъ изъ письма того самоубійцы, атеизмъ послѣдовательный, убѣжденный. Мы предложили уже вниманію читателя слова Достоевскаго, изъ коихъ видно, что для послѣдовательнаго отрицателя вѣры въ Бога и въ безсмертіе не остается никакой разницы между добромъ и зломъ въ отношеніи къ ближнимъ, а въ отношеніи къ себѣ ему остается только отчаяніе и самоубійство. Однако, плоды невѣрія не оканчиваются этими отрицательными выводами: не только безразличіе къ ближнимъ, но непремѣнно еще и преступленіе, и убійство, физическое или нравственное, совершитъ послѣдовательный атеистъ. Такъ Верховенскій съ наслажденіемъ совершаетъ нѣсколько убійствъ,

развращаетъ каторжника Федьку и склоняетъ его къ убійству; развращаетъ и полусознательно склоняетъ къ убійству и Иванъ Карамазовъ Смердякова, будучи по душѣ вовсе не злодѣемъ, но желая быть послѣдовательнымъ въ своемъ отрицаніи; совершаетъ практически почти безцѣльное убійство Раскольниковъ, ставши на тотъ же путь безбожнаго своеволія, который приводитъ къ самоубійству Кириллова, Ипполита, Ставрогина, также успѣвшаго нравственно убить или развратить нѣсколько молодыхъ жизней, хотя его собственная натура была не только симпатична, но и обаятельна.

Довольно, думается, всѣхъ этихъ примѣровъ неразрывной связи послѣдовательнаго невѣрія и преступности, хотя они далеко не исчерпываютъ всѣхъ картинъ, начертанныхъ авторомъ съ тою же идеей. А идея его была та, какъ мы сказали, чтобы разубѣдить общество въ установившемся нелѣпомъ предразсудкѣ, будто можно оставаться добрымъ и нравственнымъ человѣкомъ, отвергнувъ истины христіанской вѣры. И какимъ надо быть нежизненнымъ мыслителемъ, какимъ фальшивымъ фантазеромъ, чтобы подобно одному отрицательному типу Достоевскаго утверждать, будто съ потерею религіи люди, постоянно трепеща за свою жизнь, будутъ больше другъ друга любить и «беречь», чѣмъ когда вѣровали, и больше наслаждаться жизнью, зная, что за гробомъ уже ничего больше не будетъ; и тогда-де явится вмѣсто небеснаго Бога земной идеалъ — человѣко-богъ (18, 234-236). На самомъ дѣлѣ, разсуждая такъ, подобные резонеры всѣхъ ненавидѣли и тяготились жизнью.

Но это еще не все: Достоевскій зналъ первое Базаровское поколѣніе невѣрующихъ: оно не сразу и не во всѣхъ своихъ адептахъ (послѣдователяхъ) рѣшалось осуществить въ своихъ дѣлахъ практическіе выводы изъ невѣрія, о которыхъ такъ рѣшительно говоритъ нашъ писатель. Усвоенныя съ дѣтства въ христіанской семьѣ и хотя бы въ полухристіанской школѣ правила честности и человѣколюбія, вошедшія во всѣ изгибы нашихъ душъ, препятствовали современникамъ Достоевскаго быть послѣдовательными отрицателями, но ихъ дѣти, воспитанныя уже въ безрелигіозной обстановкѣ, кромѣ уголовнаго карательнаго закона не имѣютъ никакихъ помѣхъ къ тому, чтобы стать жестокими, безчеловѣчными злодѣями, какими они явились въ эти послѣдніе три года русской жизни. Правда, и это предсказалъ Достоевскій, утверждая, что его

дѣти доживутъ до кровавой страшной революціи, когда народъ обратится въ людоѣдовъ. Но, конечно, эти событія предсказаны въ общихъ чертахъ, а мы просимъ читателя остановить на нѣсколько секундъ вниманіе на детальной картинѣ такой эволюціи безнравственности, которую въ слѣдующемъ послѣ Достоевскаго поколѣніи наблюдалъ его послѣдователь французскій романистъ Поль Бурже въ романѣ «Этапъ». Здѣсь представленъ учитель гимназіи, невѣрующій, но честный человѣкъ и ученый, страстный классикъ и образцовый семьянинъ, загипнотизированный идеями прогресса и внѣрелигіознаго патріотизма, и горячо любившій своихъ уже взрослыхъ сыновей и дочку; онъ размечтался о томъ, какъ одинъ скоро выступитъ на поприще писателя и ученаго, другой — адвоката, третій — инженера, а дочь выйдетъ замужъ за такого же полезнаго гражданина. Вдругъ онъ сразу узнаетъ, что одинъ его сынъ живетъ на содержаніи у старухи, другой — воришка, дочь-дѣвица — беременна и собирается вытравить своего ребенка. — Онъ въ ужасѣ и отчаяніи, а одинъ изъ сыновей со смѣхомъ ему говоритъ: чего ты горюешь? Тебѣ нужно радоваться, что мы оказались болѣе послѣдовательными въ твоихъ же убѣжденіяхъ, которыя ты не рѣшался проводить въ дѣйствительную жизнь, а поступалъ согласно тѣмъ поповскимъ суевѣріямъ (т. е. христіанскому ученію), которыя ты же самъ отвергалъ въ теоріи. — Что могъ бы отвѣтить на это несчастный отецъ?

Намъ мало приходилось слѣдить за русской беллетристикой послѣднихъ лѣтъ, но нѣчто подобное представляетъ собою одинъ литературный шаржъ на довольно талантливую драму: «Дѣти Ванюшина», озаглавленный: «Внуки Ванюшина». — Если хотите, поколѣнія Верховенскихъ, т. е. отецъ и сынъ, тоже предуказываютъ такую эволюцію полнаго нигилизма и самой наглой преступности изъ безрелигіозности теоретической. Конечно, Степанъ Трофимовичъ не внушалъ сыну безбожнаго міровоззрѣнія, но онъ виновенъ въ его развращенности тѣмъ, что, пренебрегая по своему безвѣрію родительскими обязанностями, отдалъ сына на воспитаніе въ чужія руки и совершенно забылъ о немъ, пока онъ не явился къ своему папашѣ уже совершенно сложившимся молодымъ человѣкомъ, даже не юношей, а отъявленнымъ негодяемъ. негодяемъ убѣжденнымъ, нарочно убивавшимъ и убившимъ въ себѣ стыдъ и совѣсть.

Наши предки съ удивленіемъ прочитали бы всѣ эти раз сужденія и философскія доказательства очевидной нерасторжимости нравственной жизни отъ религіи, но въ нашу глупую эпоху, приходится тратить время на доказательство и такихъ положеній, которыя давно доказаны вѣками жизни человѣческой и здравымъ смысломъ. Ради окончательнаго уясненія истины укажемъ еще на то, что не только личное нравственное совершенство, но и вообще осмысленная жизнь и дѣятельность совершенно не давались тѣмъ героямъ Достоевскаго, которые, хотя и были одарены природными талантами и образованіемъ, но, не имѣя въ душѣ своей высшаго и безусловнаго обязательнаго регулятива (или правила), т. е. твердыхъ религіозныхъ вѣрованій, не могли приняться ни за какое постоянное и полезное дѣло, а всѣ годы жизни своей оставались праздными, никчемными межеумками. Таковъ былъ Версиловъ въ «Подросткѣ», — хотя и интересовавшійся иногда религіозными вопросами, но такъ и не подчинившій своей воли опредѣленному ученію вѣры. И чѣмъ крупнѣе натура такихъ людей, тѣмъ труднѣе имъ живется, тѣмъ безтолковѣе и преступнѣе протекаетъ ихъ жизнь и дѣятельность. Вотъ эти типы: Иванъ Карамазовъ, Николай Ставрогинъ, Свидригайловъ, Версиловъ, Кирилловъ и много другихъ второстепенныхъ персонажей.

Напротивъ, когда нѣкоторые изъ героевъ автора устанавливаются на началахъ религіозности, то не только обрѣтаютъ полное примиреніе съ жизнью, но и ощущаютъ радостный приливъ энергіи къ дѣятельности общественной и вступаютъ въ жизнь, какъ убѣжденные созидатели, какъ смѣлые борцы. Таковъ Шатовъ въ «Бѣсахъ» и Подростокъ, послѣ ихъ обращенія, таковы Алеша Карамазовъ, Коля Иволгинъ и князь Мышкинъ въ «Идіотѣ», Разумихинъ, другъ Раскольникова, «Смѣшной Человѣкъ» послѣ своего пробужденія и т. д.

Когда къ Шатову неожиданно притащилась изъ-за границы бросившая его жена и стала тутъ же разрѣшаться отъ бремени незаконнымъ ребенкомъ, то онъ не только ни единымъ словомъ не укорилъ несчастную женщину, не только ухаживалъ за нею съ нѣжностью матери, но искренно признавалъ себя виновнымъ передъ нею, хотя ничѣмъ виновенъ передъ нею не былъ (13, 316, 382). Ея ребенку онъ радовался такъ, какъ не всякій отецъ своему собственному ребенку, и осыпалъ родительницу нѣжными ласками. Эта чудная картина еван-

гельскаго всепрощенія, съ одной стороны, и смягченія ожесточеннаго сердца, съ другой, возвышаетъ перо нашего писателя до кисти Рафаэля и Нестерова, хотя для акушерки-нигилистки она явилась предлогомъ смѣха.

Здѣсь Достоевскій превзошелъ себя самого, потому что въ этой реальной картинѣ провелъ свою идею о неразумности человѣческаго самолюбія, о томъ, что смѣшнымъ въ свѣтской жизни почитается нерѣдко все самое великое въ жизни и что не надо бояться быть смѣшнымъ въ глазахъ неразумныхъ. Не только въ личной жизни, но и въ общественной дѣятельности человѣка добрая энергія, устойчивость и необходимое для сего одушевленіе имѣетъ религіозную идею; безъ нея невозможна никакая народная созидательная дѣятельность, а только разрушающая. — Народность, пишетъ Достоевскій въ «Дневникѣ», всегда создавалась религіозной идеей; послѣдняя опредѣляетъ собою всѣ культуры (21, 467), а неразумѣніе религіозной идеи разрушаетъ и культуру такого народа (21, 468). Даже всѣ народныя войны Достоевскій объясняетъ, какъ борьбу за религіозные идеалы. — Оставьте вашихъ боговъ, — говоритъ нападающій народъ, — и примите нашихъ, не то смерть вамъ и богамъ вашимъ. Въ частности, примѣнительно къ жизни русской, какъ мы видѣли, по Достоевскому, всѣ заграничныя отношенія Россіи народъ понимаетъ, какъ выступленія на защиту православія, за угнетенныхъ братьевъ или какъ самозащиту. Волна народнаго воодушевленія (конфессіональнаго и нравственнаго) постепенно охватываетъ и интеллигенцію, захватываетъ и волю правительства, и тогда въ геройскомъ порывѣ войны какъ бы исчезаетъ вѣковое раздѣленіе Россіи на общество и народъ, и на подвигъ устремляется уже нераздѣльная православная народная Россія или Русь Святая.

Теперь, переходя снова съ чисто религіозной нравственно-философской почвы на общественную и культурную или, какъ выражаются наши современники, реальную, мы должны раскрыть ту картину международныхъ отношеній культурныхъ и политическихъ, которыя тоже не мало занимали Достоевскаго, но не какъ важнѣйшія въ общественной жизни, а какъ примѣненіе идейныхъ убѣжденій къ наличной дѣйствительности.

ГЛАВА XI.

ЕВРОПА И РОССІЯ ПО ДОСТОЕВСКОМУ.

— o —

Объявивъ себя другомъ Европы, ея исторіи и культуры, Достоевскій не закрывалъ, однако, глазъ передъ глубокимъ расхожденіемъ современныхъ, наличныхъ верховъ европейской жизни, какъ съ ея прежними высокогуманными и просвѣщенными традиціями, такъ, въ особенности, съ культурой русской; не скрывалъ нашъ писатель, насколько насъ въ Европѣ ненавидятъ, какъ осторожно, и въ состояніи какой военной готовности должна себя держать Россія, какъ она должна цѣнить свои нравственныя преимущества передъ вырождающейся нравственной жизнью Европы и не увлекаться изящною внѣшностью послѣдней.

Приводимъ изреченія автора, выражающіе такія мысли. — Европа насъ очень не любитъ и считаетъ насъ революціонерами (20, 143, 203 — какъ римскіе язычники древнихъ христіанъ); поэтому намъ нельзя безнаказанно побѣждать въ Европѣ (20, 145; — вспомнимъ спасеніе Европы Александромъ I и затѣмъ столь унизительный для Россіи священный союзъ 1815 г. съ возвращеніемъ Австріи трехъ русско-галиційскихъ уѣздовъ съ полумилліоннымъ православнымъ населеніемъ, послѣ того насильно отторгнутымъ отъ Церкви; вспомнимъ позорный Берлинскій конгрессъ 1878 г. послѣ русскихъ побѣдъ

въ Турціи). Посему Россія не должна довѣрять прямотѣ европейской дружбы, но должна быть въ состояніи военной готовности и усиливать армію, ибо она всегда не свободна отъ опасности на границахъ и на инородческихъ окраинахъ (19, 258).

Кстати сказать, у Достоевскаго былъ своеобразный взглядъ на войну. — Война не бичъ человѣчества, пишетъ онъ, а лѣкарство (20, 144); подъемъ духа воюющей націи несетъ не озвѣрѣніе ея, а толчекъ впередъ (12, 111). Долгій миръ, а не война, понижаетъ духъ націи и можетъ ее озвѣрить. Въ своемъ Разговорѣ съ Оригиналомъ Достоевскій подробно излагаетъ подъ видомъ послѣдняго свои собственныя мысли по сему предмету. Мы не будемъ ихъ ни приводить въ полнотѣ, ни опровергать, ни подтверждать, а упомянемъ и подтвердимъ только одно изъ его наблюденій, которое подтвердили намъ за послѣдніе мѣсяцы очень многіе недавніе наши враги. Именно нашъ писатель подтверждаетъ, что война не разъединяетъ народы, но сближаетъ, знакомитъ и даже, въ лучшемъ случаѣ, дружитъ ихъ между собою, а въ худшемъ всегда поучаетъ взаимно уважать другъ друга. Долгое время находясь въ предѣлахъ бывшей Австріи, мы только и слышимъ похвалы Россіи и русскимъ отъ всѣхъ, особенно отъ бывшихъ военноплѣнныхъ-украинцевъ, и притомъ Мазепинской партіи, затѣмъ поляковъ, нѣмцевъ, австрійскихъ евреевъ, чеховъ, словаковъ и румынъ. Многіе изъ нихъ заявляли, что нигдѣ такъ хорошо не живется, какъ въ Россіи, что нѣтъ людей добрѣе, чѣмъ русскіе, что они, по водвореніи порядка, непремѣнно переселятся въ Россію. Особенно насъ заинтересовалъ одинъ разсказъ юнаго сѣчевика-украинца. «Когда приближались къ нашему селу русскіе въ 1914 году, говорилъ онъ, то насъ заранѣе предупреждали противъ нихъ. Говорили, что русскіе казаки и съ однимъ только окомъ (всѣ кривые), и что они разставятъ котлы на площади и будутъ хватать дѣтей, варить и ѣсть. При вступленіи ихъ войскъ мы всѣ прятались въ овесъ, въ канавы, но потомъ мало по малу стали вылѣзать, и, встрѣчая отъ нихъ только ласку и угощеніе, привязались къ нимъ всей душой». «И неужели вы, грамотные люди, и ты, юноша, бывшій тогда гимназистомъ среднихъ классовъ, повѣрилъ такимъ баснямъ?» — «Всѣ вѣрили въ деревнѣ, потому что намъ долго толковали такъ». — «А знаете, мнѣ въ 1886 году совершенно то же самое разсказывалъ о тѣхъ же бас-

няхъ и страхахъ и смѣнившей ихъ дружбѣ галичанъ съ русскими въ 1848 году одинъ старый протоіерей галичанинъ, бывшій тогда школьникомъ въ Самборѣ, и про одно око, и про котлы, и про вывариваніе дѣтей, и о томъ, какъ они всѣ полюбили пришедшихъ казаковъ и солдатъ Николая I; но тогда народъ вашъ былъ совершенно темный, а теперь вѣдь почти всѣ грамотные, да и село ваше отъ русской границы всего 25 верстъ, — какъ же вы могли повѣрить такой глупости?» — «Ну, ужъ теперь наши никогда этому не повѣрятъ, даже черезъ сто лѣтъ». — «Дай Богъ». —

Представляя цѣлью нашихъ войнъ освобожденіе христіанъ православныхъ, Достоевскій съ изумительной точностью предвидѣлъ всѣ разочарованія въ этомъ святомъ дѣлѣ и враждебныя противъ него предпріятія Европы. — Англіи нужно, чтобы восточные христіане насъ возненавидѣли, — пишетъ онъ (21, 80); освобожденные славяне вмѣсто благодарности заявятъ, что ничего добраго отъ Россіи не получили, что Европа и безъ насъ ихъ освободила бы (21, 358, 359), что ихъ парламенты и культура выше россійскихъ (ibidem), и между собой будутъ биться изъ-за границъ (21, 360). Вразумленіе ихъ, и благодарность, и единство настанутъ только лѣтъ черезъ сто (21, 361); тогда они и намъ принесутъ правильную пользу — расширятъ нашу душу (ibidem). Кто встрѣчался съ болгарскими и черногорскими дружинами, тотъ знаетъ, что эти предсказанія сбываются съ фотографической точностью. Вообще, Европа артистически обгадила наши освободительные подвиги среди православныхъ народовъ: у четырехъ вновь образовавшихся православныхъ государствъ, если не считать Черногоріи, оказались католическіе или лютеранскіе короли, — только сербамъ удалось получить православную династію; даже греки до послѣднихъ лѣтъ были подъ иновѣрцами. Послѣдніе вмѣстѣ съ Австріей всюду разводили католическую пропаганду — въ Румыніи, Болгаріи, Босніи, Черногоріи, подкупами и т. п. средствами. Но этого мало. — Непогрѣшимый папа, — пишетъ Достоевскій, — не стыдится выражать свою радость побѣдѣ турокъ (21, 143).

Вотъ какъ помогала Европа самоотверженному подвигу русскихъ. Впрочемъ, Европы, какъ чего-то цѣлаго, какъ просвѣщеннаго союза христіанскихъ народовъ, и нѣтъ; таковою она была только въ воображеніи Императора Александра I,

тоже потомъ разочаровавшагося въ ней, да въ неумныхъ головахъ русскихъ западниковъ; а на самомъ дѣлѣ въ Европѣ осталось только кладбище великихъ людей и идей, уже сошедшихъ съ лица земли. Такое изреченіе Достоевскаго мы приводили раньше, а теперь приведемъ вотъ какое: въ Европѣ нѣтъ европейцевъ, а только національные шовинисты, европейцы теперь только русскіе (15, 290). Европа — только маленькій кусочекъ на земномъ шарѣ (21, 46). Этими словами авторъ хочетъ выразить ту идею, что всемірные, общечеловѣческіе интересы чужды европейскимъ государствамъ; ихъ отвлекла и поглотила эгоистическая борьба сословій, борьба чисто животная. — Теперь въ Европѣ хотятъ утвердиться на жалкомъ принципѣ: спасти животишки (21, 169). Въ Европѣ стараются устроить общественный муравейникъ на одномъ только эгоистическомъ началѣ (4, 445), а потому напрасно тамъ хвалятся прогрессомъ; теперь (1871 г.) кровь льется рѣкой и въ Европѣ, и въ Америкѣ (2, 117). Авторъ разумѣетъ безпринципную, чисто эгоистическую франко-прусскую войну. Современныя волненія въ Европѣ, — писалъ авторъ въ 1876 году, — предвѣщаютъ громовыя событія (21, 4); онъ разумѣлъ соціальную революцію, и хотя предсказывалъ ея начало въ Россіи, но, какъ мы уже знаемъ, Россія, по его мнѣнію, выйдетъ изъ этого испытанія, а Европа въ немъ утонетъ, и еще въ 19-мъ вѣкѣ. Исполненіе этого послѣдняго предсказанія автора, видимо, отсрочено: «спасать животишки» европейскимъ политикамъ удалось до настоящихъ дней, но настоящіе дни ничего добраго ей не предвѣщаютъ.

Собственно, ненависть Европы противъ Россіи объясняется, пожалуй, ея полной неосвѣдомленностью о ней, но можетъ быть тутъ есть и обратная зависимость: непониманіе Россіи Европою имѣетъ причиною ненависть къ ней. Мы не нашли отвѣта на этотъ вопросъ у нашего писателя, но объ этой неосвѣдомленности онъ выражается достаточно сильно. — Россія — совершенно невѣдомая Европѣ страна, больше, чѣмъ Китай (19, 3). О томъ же писали, впрочемъ, и западники и, въ частности, самые крайніе, напр. Тургеневъ. Послѣ этого понятно, почему авторъ съ такимъ огорченіемъ отзывается о русскомъ пресмыкательствѣ передъ Европой. — Либералы 60-хъ годовъ желаютъ Россіи только аттестата зрѣлости отъ Европы (20, 321). Мы рабски виляемъ передъ Европой, а получаемъ въ отвѣтъ презрѣніе (21, 24). Съ неудовольстві-

емъ упоминаетъ авторъ о преобладаніи въ нашей администраціи нѣмцевъ (12, 427).

Впрочемъ, наряду съ этимъ, навязаннымъ намъ отъ предковъ глупымъ заискиваніемъ, наряду съ другими противорѣчіями въ широкомъ русскомъ характерѣ, умѣщается и немалый запасъ отвращенія и къ европейской холодной и неискренной культурѣ, которая даже, собственно, неизвѣстна русской душѣ (20, 203); и русскій втайнѣ очень любилъ, когда обличали Европу, напр., у Фонъ-Визина (4, 410). И вотъ нашъ авторъ не скупится на такія обличенія современно измельчавшей, и даже уже не существующей въ качествѣ одного цѣлаго, Европы и, преклоняясь предъ ея прошлымъ, бичуетъ настоящую жизнь ея обособившихся другъ отъ друга народностей: отъ него достается и нѣмцамъ, и французамъ, и англичанамъ, которыхъ отечества онъ объѣзжалъ и затѣмъ описывалъ въ своемъ журналѣ, еще какъ сотрудникъ «Гражданина». Отрицательный типъ нѣмца Достоевскій описываетъ въ разсказѣ «Крокодилъ» (особенно характерный), затѣмъ въ лицѣ доктора, лечившаго Ильюшу въ «Карамазовыхъ» и др.; онъ рисуетъ и симпатичную фигуру нѣмца другого типа, обрусѣвшаго душою, но сильно коверкающаго русскій языкъ: это — Герценштуббе и докторъ, лечившій Нелли въ «Униженныхъ». Но типъ чисто нѣмецкій былъ ему за границей не симпатиченъ. — Что такое нѣмецкая семья? Ея цѣль — нажива, ея идеалъ — созданіе семейнаго капитала, который растетъ черезъ поколѣнія. Капиталъ этотъ — высшая цѣль послѣднихъ, а личности только приложенія къ капиталу (5, 245). Впрочемъ, не знаю почему, Достоевскій стоялъ за союзъ съ Германіей и утверждалъ, что союзъ этотъ будетъ долговѣченъ (21, 174), и что онъ нужнѣе самой Германіи, чѣмъ Россіи: ей нуженъ такой прочный союзъ...

Автору особенно не полюбились картины жизни Лондонской. — Въ Лондонѣ 500.000 рабочихъ передъ воскреснымъ днемъ, вырвавшись на однодневный отдыхъ, всю ночь пьютъ въ пивныхъ (4, 448); тамъ бѣдные люди не могутъ ни войти въ церковь, ни тѣмъ менѣе повѣнчаться въ церкви, потому что и первое стоитъ денегъ, и второе — даже большихъ. Авторъ считаетъ англичанъ самыми большими эгоистами, ко всему прочему безучастными; встрѣтивъ ихъ въ Италіи съ Бедекерами, онъ замѣтилъ, что они вовсе не любуются красотами городовъ, а просто провѣряютъ свѣдѣнія этихъ печатныхъ путе-

водителей (4, 435). Автору, впрочемъ, и самому не нравятся многіе шедевры европейскаго искусства: «Рубенсъ рисуетъ только говядину» (4, 435), а соборъ Парижской Богоматери — безыдейный: на немъ только множество каменныхъ кружевъ, а нѣтъ общей красоты (4, 407).

Что касается современныхъ французовъ, то они заслужили у Достоевскаго едва ли не менѣе еще уваженія, чѣмъ англичане. Намъ уже извѣстенъ его отзывъ о томъ животномъ самосохраненіи, къ коему сводится общественная дѣятельность ихъ образованныхъ классовъ, но Достоевскому не могло быть извѣстно то возмутительное гоненіе, которое подняло французское правительство противъ народной религіи и церкви, и которое продолжается тамъ понынѣ, вотъ уже около 20-ти лѣтъ.

Гоняясь за республиканской свободой, «французы ужасно любятъ лакейничать передъ властью, даже иногда безкорыстно» (4, 471) — и при томъ всѣ, «даже самый подленькій французъ имѣетъ благородный видъ» — (4, 459), и тѣмъ кружатъ голову русскимъ дурамъ, не умѣющимъ различать позолоты отъ золота. На подобный обманъ, разбившій ихъ жизнь, наткнулись Полина въ «Игрокѣ» и Аглая въ «Идіотѣ». Между тѣмъ, женщины всего менѣе должны бы увлекаться, потому что тамъ исключительно чувственный, просто магометанскій, варварскій взглядъ на женщинъ (4, 490). Да и съ мужчинами они точно боятся заговорить о чемъ-либо серьезномъ, кромѣ обыденщины: русскія, даже грубоватыя натуры несравненно благороднѣй ихъ: у послѣднихъ общій шаблонъ и форма все замѣняетъ (5, 253, 271), а формы эти усвоены благодаря тому, что тамъ революція 18 вѣка и внѣшнее уравненіе сословій сразу слѣдовали за дворянской эпохой, и всѣ переняли себѣ дворянскія манеры, конечно, при прежней торгашеской и себялюбивой настроенности (5, 307). — Искусство во Франціи мало поднимаетъ духъ націи; по крайней мѣрѣ въ театрѣ зрители не найдутъ возвышающихъ душу картинъ и словъ: сочинители пьесъ стараются только о томъ, чтобы угодить французской буржуазіи (4, 494) и помочь ей въ борьбѣ съ пролетаріями.

Нужно, однако, сказать, что, если бъ Достоевскій прожилъ еще лѣтъ 20 или болѣе, то долженъ былъ бы нѣсколько улучшить свой отзывъ, по крайней мѣрѣ, о французской литературѣ, а то и о французской жизни вообще. Имѣемъ въ виду

уже упомянутую нами «молодую школу» его послѣдователей во французской литературѣ, которая въ лицѣ вышеназванныхъ писателей проводитъ идеи религіозныя, нравственныя и даже вѣроисповѣдныя, т. е. конечно, католическія. Впрочемъ, отзывы этихъ писателей о современномъ нравственномъ состояніи ихъ отечества еще болѣе пессимистичны, чѣмъ у Достоевскаго, который писалъ такъ: Бисмаркъ понялъ, что Франція отжила свой вѣкъ, ее ожидаетъ судьба Польши (21, 370, 371).

ГЛАВА XII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ОБЩЕСТВА КЪ ВѢРѢ И НАРОДНОСТИ.

—o—

§ 1. Помѣхи къ тому.

Приведя описаніе Достоевскимъ нашего народа въ столь привлекательныхъ очертаніяхъ и нашего общества и его неразумнаго пренебреженія къ своей Церкви и Отечеству съ еще болѣе неразумнымъ преклоненіемъ передъ Европой, которая того вовсе не заслуживаетъ, изложимъ главнѣйшія основанія свѣтлой надежды автора, что это возвращеніе Россіи **домой** все-таки совершится. — Однако, прежде упомянемъ о тѣхъ помѣхахъ къ возрожденію, которыя уже успѣли врости въ русскую почву, и въ нѣкоторомъ отношеніи перековеркали русскую душу, т. е. душу русскаго интеллигента, причастнаго къ извѣстнымъ областямъ жизни. Разумѣемъ тѣ области, которыя окончательно, или почти окончательно, объевропеились, т. е. лишились открытости, сердечности и широты, коими русское общество продолжаетъ разниться отъ похолодѣвшей и измельчавшей Европы, по поводу чего Достоевскій, наряду съ негодованіемъ на наше обезьянство, выражается такъ рѣшительно: мы совсѣмъ не похожи на прочихъ европейцевъ (20.

106). — Какія же это сферы жизни наименѣе національны, наиболѣе объевропеились?

Во первыхъ, наши суды. Достоевскій со вниманіемъ слѣдилъ за новыми судами; какъ бывшій осужденный старыхъ судовъ, онъ ожидалъ отъ нихъ только добраго, но разочаровался. Свое разочарованіе онъ обстоятельно выяснилъ въ описаніи судебнаго процесса Д. Карамазова, когда по всѣмъ правиламъ судебнаго дѣлопроизводства засудили невиннаго человѣка. Романъ «Братья Карамазовы» печатался въ Русскомъ Вѣстникѣ и тогда еще было извѣстно, что столичные адвокаты и другіе юристы хотя и со злостью, но и съ напряженнымъ интересомъ слѣдили за описаніемъ помянутаго процесса, бывали часто не въ состояніи дождаться выхода книжки журнала и еще наканунѣ выхода ея забѣгали въ редакцію, прося дать имъ корректурный экземпляръ. — Подъ именемъ Фетюковича авторъ, говорятъ, описалъ извѣстнаго адвоката Спасовича, котораго, впрочемъ, онъ и прямо обличалъ въ «Дневникѣ Писателя», какъ типичнаго представителя этого нерусскаго и несимпатичнаго ремесла, «дающаго эффектъ вмѣсто дѣла» (20, 64). Адвокатура засушиваетъ совѣсть людей, писалъ Достоевскій (20, 84), а адвокатъ Утинъ позволялъ себѣ съ этой трибуны правосудія кощунствовать надъ словомъ Христовымъ: «прощаются грѣси ея мнози, яко возлюби много», прилагая ихъ къ одному грязному процессу, едва ли не съ убійствомъ на эротической почвѣ (20, 170). — Вообще, заявляетъ авторъ: современный судъ не — русскій; адвокаты и прокуроры неправдивы; молодой Россіи нуженъ русскій судъ (21, 328 — т. е. менѣе казенно-формальный, а болѣе совѣстный).

Далѣе, самая любимая и самая уважаемая нашимъ авторомъ отрасль жизни — литература и наука, тоже обращается на западный манеръ въ ремесло и совершенно удаляется отъ завѣтовъ Пушкина поэту и мыслителю: «Ты царь, живи одинъ; дорогою свободной иди, куда влечетъ тебя свободный умъ». — Современные писатели, сѣтуетъ Достоевскій, пишутъ для новыхъ читателей (14, 3), и литературныя занятія развращаютъ человѣка (14, 4). — Не выношу, признается нашъ авторъ, когда изъ ученыхъ или литературныхъ занятій дѣлаютъ священнодѣйствіе (14, 209), — т. е. важничаютъ и надуваются, — Достоевскій съ глубокимъ отвращеніемъ относится къ тенденціозно-обличительной прессѣ, нерѣдко продажной и во вся-

комъ случаѣ не останавливающейся ни предъ какою клеветой. Въ разсказѣ «Крокодилъ» и въ повѣсти «Идіотъ» онъ приводитъ примѣръ такой гнусной клеветы, соединенной съ жестокой безчеловѣчной диффамаціей подъ видомъ прогрессивнаго увлеченія и священнаго негодованія (11, 388). — Да и наукой, по его же наблюденію, занимаются уже не безкорыстно, какъ прежніе профессора-идеалисты, а эгоистично (20, 197). Но ученаго патріота-идеалиста не пощадитъ своя же пресса въ ущербъ всякой правдѣ. Достоевскій останавливается на возмутительномъ случаѣ, когда въ Австріи арестовали нашего историка Иловайскаго, изслѣдовавшаго древности въ русской Галиціи, а петербургскіе педагоги склонны были оправдывать этихъ политическихъ инквизиторовъ и «обвинять» кабинетнаго ученаго въ русской пропагандѣ (21, 335). — Не напрасно бѣсенокъ въ гостяхъ у Карамазова оправдываетъ свою дѣятельность на землѣ тѣмъ, что, если онъ ее прекратитъ и вездѣ воцарится добродѣтель, то люди перестанутъ выписывать газеты и журналы (такъ крѣпко, слѣдовательно, связанные съ грѣхомъ и порокомъ), и произойдетъ остановка въ прогрессѣ и просвѣщеніи (18, 233). Но просвѣщеніе и такъ не прогрессируетъ, по справедливому даже въ то время мнѣнію автора (а послѣ его смерти оно упало еще ниже, особенно въ 20-мъ вѣкѣ), и вмѣсто прежняго типа широко-просвѣщеннаго русскаго интеллигента у насъ теперь, пишетъ Достоевскій, — подняли носъ необразованные техники, инженеры и другіе спеціалисты (15, 112), а оригинальныхъ мыслителей — говоритъ онъ — у насъ до странности мало (8, 370).

Лгущая пресса, наемническаго духа наука, подражаніе хвастунамъ иностранцамъ, создаетъ у насъ типы вралей, которые особенно теперь отличаются при новыхъ средствахъ обращенія съ людьми, не могущими провѣрить ихъ показаній, т. е. съ сосѣдями въ вагонахъ и пароходахъ; выработался типъ «русскаго интеллигента, который вретъ безъ конца и не стыдится»: это типъ лгуна совершенно безсовѣстнаго (19, 297). Такіе типы особенно любятъ лгать и представляться въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходахъ (19, 417), хотя такъ же не трудно встрѣтить и другое, совершенно безвредное явленіе — русскихъ людей, которые, какъ замѣчаетъ авторъ, вдругъ разскажутъ вамъ, совершенно незнакомому человѣку, всю біографію (19, 414). Это уже чисто русское явленіе.

Однако, въ общемъ, пореформенная Россія не очень радуетъ автора, такъ какъ накладываетъ на все петербургскій, нерусскій духъ.

Благодаря ему и вожделѣнная всѣмъ русскимъ народомъ воля 1861 года не исправила прежнихъ нелѣпыхъ сторонъ жизни (19, 263). — Да, петербургскій духъ не русскій. Характеръ петербургской жизни, говоритъ авторъ, мрачный и фатальный (7, 249), и самый лучшій ея видъ, т. е. видъ Петербурга съ Невы, пишетъ онъ, носитъ духъ холода, нѣмой и глухой (8, 162). Сонъ мертвитъ присущую русской душѣ открытость и искренность, и если это былъ духъ богатыхъ крѣпостниковъ самодуровъ, то послѣ реформы онъ еще болѣе отрѣшилъ столичное общество отъ народа и лишилъ его естественности. Ненавижу, писалъ Дстоевскій, великосвѣтскіе пріемы дѣлать видъ, что не слышишь непріятныхъ тебѣ словъ и, не стѣсняясь. перемѣнять разговоръ (7, 330). Вполнѣ современная эпохѣ петербургская барышня, Аглая, горячо укоряетъ идеалиста князя Мышкина въ томъ, что составляетъ высшую евангельскую добродѣтель: «зачѣмъ въ васъ гордости никакой нѣтъ» (11, 31).

При всемъ желаніи умолчать еще объ одной укоризнѣ современной автору русской жизни, не считаю себя на то въ правѣ, хотя и увѣренъ, что онъ выразился бы объ этой средѣ болѣе благопріятно, если бъ лучше ее зналъ, — разумѣю приходское духовенство. Освобожденный и предоставленный себѣ народъ нуждается болѣе всего въ духовномъ руководствѣ. Гибель народу безъ слова Божьяго, восклицаетъ нашъ писатель устами старца: должно быть и ученіе, но съ добрымъ примѣромъ (17, 23); однако, только истинные іереи-подвижники о томъ стараются, а прочіе безучастны къ народу (21, 204); лишь вѣчное нытье о жалованіи и неохота учить народъ (20, 25). При всемъ этомъ авторъ обезпеченію духовенства вполнѣ сочувствуетъ, но желалъ бы, чтобы духовные отцы независимо отъ сего занялись усерднѣе своимъ дѣломъ. — Причинъ равнодушія авторъ здѣсь не указываетъ, но ее искать должно въ ненародности и нецерковности семинарскаго и академичесакго образованія, что дало автору право называть семинаристовъ, наряду съ дворянами, людьми отъ народа отрѣшенными.

Наконецъ, въ числѣ печальныхъ явленій пореформенной жизни авторъ указываетъ на нѣкоторое развращеніе женскаго

пола, хотя въ общемъ онъ преклоняется предъ русской женщиной, какъ мы видѣли раньше, и стоитъ за предоставленіе ей высшаго образованія. Здѣсь же онъ, повидимому, разумѣетъ прежде всего великосвѣтскихъ столичныхъ дамъ. — Свѣтскія дамы крайне развращены и для такихъ дѣлъ на все способны (15, 255). Холодная распутница не потеряетъ себя до брака, но для нея мужъ только первый любовникъ (5, 453); вообще же она предается слѣпой, безумной ревности (7, 60). Впрочемъ, послѣднее въ нѣкоторой степени присуще вообще женской природѣ, а иногда и дѣтству (7, 415). — Какъ видите, нашъ писатель не закрываетъ глазъ на мрачныя стороны русской жизни и даже современныхъ ему русскихъ характеровъ, а потому, читая далѣе его изреченія и мысли о близкой возможности нравственнаго возрожденія русской души, не сочтите его за мечтателя, видящаго все только въ розовомъ свѣтѣ. Нынѣ, намъ открываетъ свѣтлыя перспективы человѣкъ, извѣдавшій зло жизни, изучившій человѣческую злобу и преступность и все-таки не потерявшій вѣры въ человѣка.

* * *

§ 2. Благопріятствующія условія, заложенныя въ душѣ человѣческой.

Читатель уже знаетъ изъ всего предыдущаго о томъ, что призывъ Достоевскаго къ обществу указывалъ послѣднему путь нравственнаго возрожденія чрезъ отказъ отъ языческаго взгляда на жизнь, чрезъ сознаніе своей виновности предъ Богомъ, и ближними и борьбу съ духомъ гордыни и самооправданія; отсюда и возникаетъ уже вѣра въ слова Христовы и въ будущую жизнь, а затѣмъ сочувствіе и уваженіе къ тому народу, который руководится этою вѣрою уже почти тысячу лѣтъ и усвоилъ себѣ на жизнь, воззрѣнія, предложенныя въ Евангеліи.

Какъ знаетъ читатель, Достоевскій учитъ, что хранить непоколебимую вѣру и утверждаться въ ней можетъ только тотъ русскій человѣкъ, который будетъ искать сердечнаго и бытового сближенія съ народомъ и пожелаетъ служить ему преимуществами своего образованія и общественнаго положенія.

Это не очень легко для исковерканнаго ненаціональнымъ бытомъ и чуждыми народу нехристіанскими и германскими предразсудками интеллигента, но въ сердцахъ и умахъ русской интеллигенціи осталось, не взирая на многія препятствія, не мало и благопріятныхъ условій для нравственнаго возрожденія и сліянія съ вѣрующимъ и любящимъ всѣхъ народомъ нашимъ. Тѣ изъ этихъ благопріятствующихъ условій, которыя представляютъ собою отличительныя черты русскаго человѣка отъ прочихъ европейцевъ, приближающія его къ обще-русскому народному типу, мы, по Достоевскому, уже указывали, но есть еще и другія, которыя нужно скорѣе признать общечеловѣческими, зовущими людей ко всему высокому и прекрасному вообще, а къ своему родному и святому въ особенности.

Должно, конечно, признать, что Достоевскій, вопреки мнѣнію о немъ противниковъ, былъ оптимистъ, оптимистъ послѣдовательный, вполнѣ установившійся въ своемъ міровоззрѣніи какъ въ философскомъ, такъ и въ національномъ вообще. По нѣкоторымъ своимъ изреченіямъ онъ можетъ показаться, какъ мы сказали, даже оптимистомъ наивнымъ, слишкомъ хорошо думающимъ и слишкомъ легко представляющимъ возможность перехода отъ зла къ добру, почитающимъ сліяніе общества съ народомъ и переходъ Россіи къ жизни по національнымъ и нравственнымъ началамъ слишкомъ близкимъ. Но мы надѣемся показать, что это не такъ просто по Достоевскому, а просто только первоначальная рѣшимость. Впрочемъ, чтобы не отпугнуть читателей отъ своихъ идей и упованій, Достоевскій усваиваетъ ихъ то «Смѣшному Человѣку», то «Идіоту», то спившемуся алкоголику Мармеладову, то полоумному маніаку Кириллову и т. п. персонажамъ, къ которымъ читатель отнесется съ большей терпимостью и снисхожденіемъ, чѣмъ если бъ все это авторъ говорилъ отъ себя или отъ положительнаго типа. Къ тѣмъ уродцамъ читатель отнесется безъ предубѣжденія и удостоитъ ознакомиться съ ихъ мыслями, какъ бы съ бредомъ, а ознакомившись, призадумается, и, призадумавшись, пойметъ, что не Смѣшной Человѣкъ глупъ, и не Идіотъ, а тѣ, которые ихъ такими почитаютъ.

Затѣмъ, заручившись уже авторитетомъ въ глазахъ читающаго общества, нашъ писатель началъ вырисовывать предъ нимъ, тоже съ осторожной постепенностью, положи-

тельный типъ русскаго интеллигента, нормальнаго въ физическомъ отношенiи, но на второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ роляхъ своихъ повѣстей. Они малымъ чѣмъ отличаются отъ Идiота и Смѣшного Человѣка, потому что тоже подавили въ себѣ самолюбiе (въ этомъ заключается половина или даже девять десятыхъ нравственнаго возрожденiя) и живутъ не для себя, а для другихъ. Съ современной, гвардейской точки зрѣнiя они тоже смѣшны, но послѣдовательность событiй, среди которыхъ они являются добрыми генiями своихъ близкихъ, показываетъ, что смѣшны не они, а тѣ, которые надъ ними смѣялись. Таковъ Ваня, самолично отведшiй охладѣвшую къ нему невѣсту къ ея ничтожнѣйшему любовнику; таковъ и Разумихинъ, няньчившiйся все время съ Раскольниковымъ; таковъ и Шатовъ, съ восторгомъ принимающiй измѣнившую ему жену и рождаемаго ею незаконнаго ребенка; таковъ и старецъ Макаръ, отецъ Подростка, уступившiй свою жену барину-любовнику. Впрочемъ, авторъ давно писалъ такъ: «самый великiй подвигъ человѣка — ограничиваться положенiемъ второго лица въ жизни» (7, 366); впослѣдствiи онъ выражался еще опредѣленнѣе о подобныхъ типахъ. — Приниженныя натуры иногда носятъ въ себѣ больше нравственныхъ сокровищъ, чѣмъ всѣ прочiя (14, 256); таковъ и его Макаръ Дѣвушкинъ, и «Кроткая», и несчастный женихъ въ «Слабомъ Сердцѣ», и Неточка Незванова и ея патронесса въ эпилогѣ повѣсти, и героиня «Маленькаго Героя» и много другихъ подобныхъ типовъ, особенно въ первыхъ томахъ его творенiй. И только за нѣсколько лѣтъ до смерти, когда все общество было подъ обаянiемъ генiя Достоевскаго, онъ рѣшается вывести тотъ же типъ, какъ центральный въ своей послѣдней большой повѣсти, и уже безъ всякихъ комическихъ къ нему аттрибутовъ; разумѣю Алешу Карамазова и старца Зосиму, до котораго онъ долженъ возрости.

Такимъ образомъ, Достоевскому, единственному изъ русскихъ, а можетъ быть и изъ мiровыхъ писателей, удалось не только привести своего героя къ покаянiю, чѣмъ занимались съ успѣхомъ всѣ наши романисты, но и начертить положительный типъ русскаго человѣка и народнаго дѣятеля, сперва прикрытаго облакомъ болѣзни, а потомъ и во всей его обаятельной духовной красотѣ. Это одно уже показываетъ, что Достоевскiй не былъ строителемъ воздушныхъ замковъ, не идеализировалъ людей, а зналъ ихъ слабости и порочность,

и зналъ, къ чему призывалъ ихъ и какимъ путемъ-дорогою придется имъ идти къ высокой цѣли. Легкимъ почиталъ Достоевскій, да и то не для всѣхъ, только первую рѣшимость обратиться къ добру и къ народу. Въ такомъ смыслѣ прошу читателя разумѣть большую часть афоризмовъ нашего писателя, которые мы сейчасъ начнемъ приводить.

Свой призывъ къ любви и правдѣ Достоевскій основываетъ на томъ, что и любовь и правда сами по себѣ дороги всякому человѣку. — Зачѣмъ я бываю золъ, спрашиваетъ онъ, когда такъ хорошо быть всегда добрымъ (4, 308). — Вѣдь во всякомъ человѣкѣ добра больше, чѣмъ кажется по началу (4, 312). — Люди смотрятъ суровѣе, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, а только они стыдятся своихъ добрыхъ чувствъ (2, 358). На этомъ основывается такое оригинальное наблюденіе автора. Портретъ не то, что фотографія, схватывающая ваше случайное выраженіе, ибо человѣкъ рѣдко бываетъ самъ на себя похожъ (15, 280 — только въ лучшія минуты), но художникъ умѣетъ угадать и написать васъ такимъ, какой вы есть по существу, т. е. лучше, чѣмъ въ разные моменты вашей жизни, въ минутномъ раздраженіи и т. п.

Авторъ нашъ признаетъ въ человѣкѣ присутствіе болѣе добраго и умнаго содержанія ума и души, чѣмъ это кажется окружающимъ. Писатели предпочитаютъ изображать типы рѣдкіе, пишетъ онъ: а ты найди рѣдкое (т. е. цѣнное) въ шаблонномъ человѣкѣ (11, 213, 215).

Отсюда видно, сколь неправы шаблонные критики, усвоившіе себѣ нелѣпое заключеніе, будто герои Достоевскаго поголовно психопаты, истерики, эпилептики и т. п. Это одна изъ нелѣпостей, сдѣлавшаяся трюизмомъ. Правда, въ твореніяхъ нашего писателя вы часто наталкиваетесь на трагическія картины, но въ чьей жизни ихъ не бываетъ? Кто не оплакивалъ смерти близкихъ? Измѣну жены или мужа? Разореніе и безславіе? Кто не выходилъ часто изъ себя — дома и въ обществѣ? Кто не мучился своими проступками? и т. д. Разница между Достоевскимъ и «писателями для гостиныхъ» не въ выборѣ героевъ, а въ томъ, что онъ описываетъ ихъ болѣе глубокія переживанія, а вторые — ихъ свѣтскую жизнь или грѣхи молодости. Здѣсь надо вспомнить анекдотъ Чичикова: полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Наконецъ, едва ли какой писатель избѣгалъ и трагическихъ событій изъ жизни своихъ героевъ, но мало

кто изъ нихъ описывалъ ихъ внутреннія переживанія столь подробно и мастерски, какъ Достоевскій: большинство прочихъ ограничивалось описаніемъ событій.

Авторъ выражаетъ мнѣніе, что люди сами не сознаютъ, насколько крѣпко въ нихъ заложено стремленіе къ правдѣ и любви. Когда, наконецъ, всѣ поймутъ, что напрасно отдалялись другъ отъ друга, тогда явится и знаменіе Сына Человѣческаго (17, 39). — Вѣдь рай вокругъ насъ и въ насъ самихъ: только пойми сіе (17, 12; 17, 38). Поэтому по Достоевскому, «кто внутренно счастливъ, тотъ исполнилъ предназначеніе Бога о человѣкѣ» (16, 93). И только ожесточеніе, доведшее до современной невозможности любить, есть знакъ погибели души, и потому вѣчное мученіе будетъ удѣломъ только тѣхъ, которые возненавидятъ Бога и дарованную Имъ жизнь (17, 73), — а не явится просто карою за содѣянные грѣхи. — Къ такому настроенію былъ близокъ ренегатъ изъ семинаристовъ, Кирилловъ, говорившій, что его всю жизнь Богъ мучилъ (12, 159). Впрочемъ, и ему — самоубійцѣ Достоевскій не отказываетъ въ добрыхъ чувствахъ и прекрасныхъ мысляхъ, которыя и самъ писатель раздѣляетъ: люди бываютъ злы только потому, что сами не знаютъ, что они хороши (12, 330).

Возвратившійся къ вѣрѣ Степанъ Трофимовичъ говоритъ, умирая, что жизнь есть безконечная радость (13, 444). Такого же духа исполнены предсмертныя рѣчи старца Зосимы и старичка Макара Долгорукова. Читатели повѣстей Достоевскаго и сами знаютъ, что одна изъ главныхъ его идей, къ которой онъ постоянно возвращается, заключается въ томъ, что въ каждомъ, даже въ злодѣѣ, много добраго, и добро сроднѣе его душѣ и глубже внѣдрено въ нее, чѣмъ зло. Таковы даже печальные герои Мертваго Дома, такъ искренно и горько каявшіеся передъ причащеніемъ Святыхъ Тайнъ. — Люди, даже злодѣи, заявляетъ нашъ писатель, гораздо наивнѣе, чѣмъ это кажется по началу, да и мы сами тоже (16, 14 — т. е. писатели и вообще передовые люди).

Такъ Достоевскій облегчаетъ возвращеніе отщепенцевъ отъ вѣры и народности къ роднымъ началамъ: онъ убѣжденно внушаетъ человѣку: ты лучше, чѣмъ тебѣ казалось, и Богъ и Россія къ тебѣ ближе, чѣмъ ты думалъ; твое горделивое пренебреженіе вѣрою и народностью граничило съ отчаяніемъ, но не отчаивайся: ты добрѣе, чѣмъ самъ о себѣ думалъ. Эту послѣднюю мысль нашъ писатель выясняетъ съ разныхъ

сторонъ во многихъ своихъ твореніяхъ: по послѣднимъ можно перечислить и причины, по которымъ люди и сами себя не понимаютъ, и съ ближними ладить не умѣютъ, и потому ожесточаются. Первая причина — привычка представляться, вторая — застѣнчивость. — Любятъ люди представляться даже иногда въ ущербъ своимъ выгодамъ (16, 14). Такимъ способомъ исковеркали окончательно свой и безъ того развращенный характеръ старый Карамазовъ, Версиловъ, Ставрогинъ, Свидригайловъ, юноша Ипполитъ, Ползунковъ, Лебедевъ въ «Идіотѣ», генералъ Иволгинъ и мн. др. Психологія ихъ такова: я испорченный человѣкъ и меня можно презирать, такъ пусть же презираютъ до конца; не хочу человѣческихъ похвалъ, ни даже благословенія Божія: не явился я праведникомъ, такъ и погибай душа моя съ демонами. Такова же и Настасья Филипповна и Грушенька, признававшіяся, что онѣ по нѣсколько лѣтъ жили злобою на людей за свою обиду (10, 250) и др. типы обоего пола. Особенно свойственно подобное настроеніе бываетъ людямъ, озлобленнымъ какою-либо тяжкою бѣдою, которая разбила ихъ жизнь; таковы въ большинствѣ своемъ сейчасъ поименованные типы. — Есть люди, пишетъ о Настасьѣ Филипповнѣ авторъ, находящіе злобное наслажденіе въ полученіи оскорбленій (11, 120, 174). Человѣкъ, особенно женщины, любятъ считать себя, и даже быть на самомъ дѣлѣ, оскорбленными (9, 6). Такія натуры, будучи огорчены, придираются къ ближнимъ и незаслуженно обижаютъ лучшихъ друзей (7, 1012). Таковъ отецъ Наташи въ «Униженныхъ», сама Нелли, Катерина Ивановна въ «Преступленіи» и мн. др. Если окружающіе понимаютъ значеніе такихъ вспышекъ, то домашній миръ не нарушается. Да и вообще по Достоевскому человѣческія ссоры больше недоразумѣнія, чѣмъ злая воля. Люди бранятся, по его мнѣнію, больше потому, что не умѣютъ толкомъ объяснить другъ другу своихъ мыслей; по сей послѣдней причинѣ и дѣти постоянно дерутся другъ съ другомъ (20, 46).

* * *

§ 3. Достоевскій и байронизмъ.

Честь и слава тому члену семьи или общества, который

все это понимаетъ и умѣетъ предотвратить такое неразумное раздразниваніе человѣкомъ самого себя или своихъ ближнихъ; но горе даже добрымъ людямъ, если они, не борясь со своимъ раздраженіемъ, изъ ложнаго стыда подавляютъ въ себѣ или скрываютъ свои добрыя расположенія къ ближнимъ.

Жребій геніевъ — открывать людямъ то, что было близко ихъ умамъ и сердцамъ, но чего они сами не умѣли замѣтить и сознать. Застѣнчивость и ложный стыдъ, конечно, явленія, давно извѣстныя всѣмъ: противъ ложнаго стыда имѣются наставленія еще въ глубокой древности, напр. въ библейской книгѣ Іисуса, сына Сирахова; но никто до Достоевскаго не придавалъ такого рокового значенія ошибкамъ человѣческаго сердца. Нашъ же писатель въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» поясняетъ, что даже самые любящіе и безупречной жизни родители, стѣсняющіеся обнаруживать свою любовь къ дѣтямъ, могутъ этимъ совершенно разстроить семью, такъ что она подвергнется фатальнымъ бѣдствіямъ. Добрѣйшая и чистая дѣвица, не встрѣчая ласки отъ отца, отдалась и отдала свою честь пустѣйшему мальчишкѣ, обладавшему нѣжнымъ обращеніемъ, и надолго бросила свою достойнѣйшую семью. Сдержанное отношеніе мужа «Кроткой», нежеланіе показать женѣ свою сердечную любовь, довело эту религіозную и честную женщину до самоубійства. Достоевскій вообще неоднократно возвращается къ той мысли, что болѣзненная застѣнчивость, свойственная людямъ, мѣшаетъ имъ обнаруживать свои чувства (5, 87). Бываютъ мужскіе и женскіе характеры, исполненные любви, но не могущіе по застѣнчивости ея обнаружить (21, 389). Даже о женщинахъ авторъ выражается подобнымъ же образомъ. — Нѣкоторыя очень нѣжныя натуры не могутъ никогда обнаружить чувствъ, и кажутся черствыми и безучастными, что весьма гибельно вліяетъ на семью. Ожесточенію семейныхъ ссоръ содѣйствуетъ еще и то, что женщина обыкновенно не сознается въ несправедливомъ поступкѣ, но потомъ (когда уже поздно) готова каяться горько (7, 259).

Таковъ современный человѣкъ, точнѣе современный интеллигентъ, не русскій только, но вообще всякій, усвоившій европейскую языческую культуру, унаслѣдованную отъ древнихъ римлянъ и германскихъ варваровъ. Она была наполовину смягчена въ эпоху рыцарей, но эти же рыцари придали ей долговѣчность, облекли многіе предразсудки язычества въ форму христіанскихъ вѣрованій и истолковали самый догматъ

искупленія въ формѣ дуэли. Что же побуждаетъ самолюбиваго тщеславнаго европейца, старающагося болѣе всего о томъ, чтобы нравиться людямъ и собирать похвалы за достоинства, которыхъ у него даже нѣтъ, скрывать свои дѣйствительныя достоинства и стыдиться ихъ даже передъ родителями? Въ холостой юной средѣ такое извращеніе понятій идетъ еще дальше: въ обществѣ юнкеровъ, студентовъ, прапорщиковъ хвалятся тѣмъ, чего должно стыдиться, и стыдятся того, что достойно похвалы; хвалятся развратомъ, пьянствомъ, задоромъ, непослушаніемъ родителямъ, а стыдятся цѣломудрія, трезвости, уступчивости, послушанія, ласки. Школьники, говоритъ Достоевскій, порознь — ангелы, а вмѣстѣ — чертенята: они жестоки, они замучаютъ товарища, если обиженный жалуется (21, 43). Поэтому никогда не должно допускать подобія дѣтскихъ республикъ съ самосудомъ (20, 22). — Впрочемъ, не только тупые подростки могутъ такъ сбиться съ пути, но и взрослые любятъ иногда клепать на себя, какъ дѣлалъ, напр., писатель Гейне (5, 47). Подобное же свойство, прибавимъ кстати, обнаруживаетъ одинъ изъ героевъ Идіота, когда общество у Настасьи Филипповны сговорилось, чтобы каждый признался въ самомъ безнравственномъ поступкѣ своей жизни. Тотъ типъ надѣялся этимъ способомъ вызвать и другихъ на откровенность, но это ему не удалось. Думается, что подобный опытъ произвелъ однажды и самъ Достоевскій надъ помянутымъ уже Страховымъ, а тотъ повѣрилъ и написалъ скверную статью Л. Толстому, которая не такъ давно проникла въ печать.

Возвращаемся къ вопросу: почему люди стыдятся добрыхъ чувствъ? почему хвалятся скверными? Потому, что европейская культура проповѣдуетъ, хотя и не ясно, но всѣмъ своимъ укладомъ, — поклоненіе силѣ, власти, своеволію, гордости. Мы уже читали слова Достоевскаго о томъ, что не было культуры враждебнѣе христіанству, чѣмъ культура римская; но она же есть и европейская, и сатанинская въ нѣкоторомъ смыслѣ. Не удивляйся, читатель: вѣдь ты знаешь, что поклоненіе сатанѣ происходитъ теперь во всѣхъ столицахъ Европы и притомъ въ самыхъ передовыхъ слояхъ общества. Если бы о семъ кто-либо предсказалъ лѣтъ 70 тому назадъ, то люди бы ужаснулись и не повѣрили, но на самомъ дѣлѣ и тогда уже, и еще раньше, съ конца 18-го вѣка, — правда, въ нѣсколько прикрытой формѣ, — почитаніе начало переходить отъ Спасителя къ Его врагу.

Съ этого времени дьяволъ становится однимъ изъ любимыхъ героевъ первоклассныхъ поэтовъ — Гете, Шиллера и др., сперва какъ олицетвореніе соблазна и протеста противъ Бога, но затѣмъ уже, какъ благородное существо, не пожелавшее рабствовать Промыслу. Такой типъ сталъ любимымъ въ поэзіи Байрона, если не въ формѣ дьявола, то во всякомъ случаѣ подобнаго ему по характеру — мрачный, непокорный, гордый, холодный и насмѣшливый. Такимъ же онъ перешелъ въ поэзію Лермонтова и даже Пушкина въ болѣе молодомъ періодѣ его жизни. При этомъ замѣчательно то, что эта эпоха, скажемъ — эпоха современная, лишила дьявола и той единственной добродѣтели, правда, въ его существѣ чисто формальной, которою его надѣляетъ богословіе, — т. е. цѣломудрія. У европейскихъ поэтовъ онъ является то сводникомъ, то даже влюбленнымъ. — Впрочемъ, бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что это погибельное существо или это погибельное состояніе души, столь отвратительное для послѣдователей ученія Христова, является не то идеаломъ, не то нормою для европействующаго интеллигента. Правда, все подобное проходитъ не въ ясномъ сознаніи человѣка, а усваивается незамѣтно и полусознательно, но довольно глубоко, хотя и не безъ постояннаго внутренняго протеста сердца, особенно сердца русскаго. Но, если въ своей внутренней и даже семейной жизни современный интеллигентъ и не примиряетя съ подобнымъ настроеніемъ и отталкиваетъ его отъ себя, то въ жизни общественной онъ готовъ рабствовать ему во всякомъ случаѣ гораздо исправнѣе, чѣмъ заповѣдямъ Евангелія. — Кто же возразитъ противъ того, что гнусный обычай дуэлей всецѣло основанъ на такомъ поклоненіи силѣ, гордости и злобѣ? А какъ жестоко поработилъ этотъ обычай нашу общественную жизнь и въ консервативныхъ, и въ либеральныхъ кругахъ!

Указанное поклоненіе протесту, злобѣ и отрицанію усилилось особенно съ тѣхъ поръ, какъ огромная часть силъ ученыхъ перешла въ лагерь профессіональныхъ враговъ религіи, враговъ Христа; это во-первыхъ, а во-вторыхъ, когда повсюду запахло революціей. Смиреніе, послушаніе, всепрощеніе стали представляться чѣмъ-то, хотя и милымъ, но слабымъ и глупенькимъ, а зло, или гордыня — чѣмъ-то могучимъ, величественнымъ и разумнымъ. Нѣмецкій философъ Ницше уже безъ всякаго укрывательства и смягченія объявилъ себя и міровой разумъ врагомъ евангельской любви и милосердія, и просла-

вилъ жестокость въ борьбѣ за существованіе. Онъ только болѣе искренно договорилъ то, что вытекало логически изъ эволюціонныхъ теорій, изъ дарвинизма и соціализма. Но до сихъ поръ люди не рѣшались на такую откровенность и замазывали безнравственный духъ своихъ системъ лицемѣрнымъ заявленіемъ, будто они сомнѣваются только въ догматахъ религіи, а нравственное ученіе Евангелія принимаютъ съ благоговѣніемъ. Ницше снялъ эту маску, и его съ восторгомъ читали 25 лѣтъ, особенно въ Россіи, гдѣ меньше умѣютъ лицемѣрить, чѣмъ заграницей. Онъ и его популяризаторы не мало помогли кровавымъ разстрѣламъ и безобразнымъ кощунствамъ послѣднихъ двухъ лѣтъ; а потомъ также и прежній байронизмъ.

И вотъ одною изъ огромныхъ и еще не оцѣненныхъ заслугъ Достоевскаго было **развѣнчаніе байронизма** и діавола. Вопреки величественному, хотя и мрачному облику діавола, въ которомъ его представляли нѣмецкіе классики и особенно байронисты, нашъ писатель представляетъ его ничтожнымъ приживальщикомъ (18, 214, 231). Такимъ онъ является Ивану Карамазову, и такимъ онъ чувствуется Раскольникову (9, 270), да пожалуй и Версилову (15, 351). — Онъ былъ именно мелкій бѣсъ (замѣчательно, что таковъ діаволъ и въ нашей народной поэзіи); онъ являлся въ видѣ господина, желавшаго казаться элегантнымъ, но выглядѣлъ поношеннымъ неудачникомъ, изгоемъ; послѣднее не сразу бросалось въ глаза при видѣ его моднаго костюма, но выяснялось внимательному взору. Исполнявшій волю діавола человѣкъ — Ставрогинъ — тоже казался своей юродивой женѣ чѣмъ-то великолѣпнымъ (онъ былъ красивъ, но имѣлъ мертвое выраженіе), а потомъ — поддѣлкой, двойникомъ, и она, прозрѣвъ ничтожность его души, кричала ему въ слѣдъ: самозванцу Гришкѣ Отрепьеву анафема.

Да не подумаетъ читатель, будто я ввожу его въ область мистическую или, какъ онъ, пожалуй, сказалъ бы, мифологическую: Достоевскій не о томъ заботился, чтобы сообщить свое ученіе о настоящемъ діаволѣ, а представляетъ въ его лицѣ то настроеніе, которымъ проникается человѣкъ, утвердившійся въ діавольскомъ намѣреніи, т. е. человѣкъ, гордо отрицающій послушаніе Богу и преклоняющійся передъ отрицаніемъ и своеволіемъ, которыя онъ возводитъ въ своего рода апофеозъ, и иногда дѣйствительно симпатизируетъ діа-

волу. Но, если онъ отрицаетъ даже самое существованіе последняго, а равно и бытіе Божіе, то онъ все-таки рисуетъ въ своемъ воображеніи отрицателя сверхчеловѣкомъ, гордымъ, сильнымъ и прекраснымъ, но таковымъ онъ кажется только тупымъ дѣвицамъ и то лишь на нѣкоторое время, какъ Ставрогинъ, на самомъ же дѣлѣ скоро **протухаетъ,** т. е. поддается мелкимъ ничтожнымъ страстишкамъ — разврата, какъ Ф. П. Карамазовъ, запоя, какъ Степанъ Трофимовичъ, или въ старости мелкому лакейскому тщеславію, какъ Карамазиновъ. Иногда такіе демоническіе типы уже и вовсе не могутъ скрыть своего ничтожества, — оказываются альфонсами и подлипалами, какъ Ракитинъ, и даже воришками, какъ гордый женихъ Грушеньки. Чтобы, служа страстямъ, сохранять независимый авторитетный видъ, они должны скрывать многое, а для сего обманывать и лгать и даже мошенничать, какъ и поступалъ другой демоническій типъ, князь Вальковскій въ «Униженныхъ». Онъ величественно издѣвался надъ людьми, свысока осмѣивалъ добродѣтель и никого не боялся. Но когда, послѣ одной гадости, получилъ отъ смиреннаго Вани оплеуху и плевокъ въ физіономію, то проглотилъ все это и ретировался.

Величіе и красота не можетъ принадлежать злу, ибо красота, по Достоевскому, есть норма, здоровье, почему всѣ къ ней и стремятся (19, 43); а если женщины временно увлекаются якобы красотою порока, то потому, что, поддаваясь фантазіи, онѣ, по Достоевскому, въ подобныхъ случаяхъ видятъ передъ собой не дѣйствительнаго человѣка, а совсѣмъ иного, воображаемаго. — Женщина, — пишетъ авторъ, обожаетъ свою мечту, хотя и въ ничтожномъ человѣкѣ; такъ поступала Грушенька, Аглая, Наташа (5, 408, 468).

Въ подтвержденіе того, что внѣшняя красота неотторжима отъ нравственной, можно привести нѣсколько оригинальныхъ наблюденій Достоевскаго. Онъ пишетъ: женщина, сохранившая ясность духа, носитъ на лицѣ своемъ до старости отпечатокъ красоты (8, 289). — Правда, бываетъ у людей чисто животная красота, какъ выраженіе страстности; она тоже привлекаетъ къ себѣ страсти другихъ, но это не истинная любовь, и не красота: въ этихъ случаяхъ страстная привязанность, судя по героямъ Достоевскаго, перемѣшивается съ ненавистью и бываетъ причиной преступленій. Такова любовь Иволгина къ Настасьѣ и Рогожина къ Екатеринѣ Ивановнѣ, любовь Версилова; да и много другихъ примѣровъ подобныхъ

двоякихъ отношеній представляетъ авторъ въ своихъ герояхъ — отношеній, приводящихъ къ фатальному исходу.

Итакъ, нашъ писатель сокрушаетъ ту мнимую твердыню, которая удерживала образованныхъ по-европейски людей отъ усвоенія духа Христова и духа народнаго: онъ низвелъ «печальнаго демона, духа изгнанія» на положеніе мелкаго бѣса и предупредилъ всѣхъ богопротивниковъ, что, удаляясь по гордости отъ Христа и отъ народа, они обратятся не въ лордовъ Байроновъ, не въ Наполеоновъ, а въ Феодора Карамазова или въ самого убійцу Ставрогина, который съ перваго взгляда кажется героемъ, богомъ протеста, а на самомъ дѣлѣ оказыается просто развратнымъ хулиганомъ-скандалистомъ. Пусть же люди не стыдятся своихъ добрыхъ чувствъ, ихъ сердечнаго нѣжнаго проявленія, пусть устраиваютъ свою семью и всякую сферу своего вліянія любовью и на вопросъ своего ума: взять ли силою или смиренною любовью? — отвѣчаютъ словами старца Зосимы: «возьму смиренною любовью».

* * *

§ 4. Въ чемъ авторъ видитъ дѣйствительную силу человѣческой души.

———

Безумцы мечтаютъ бороться съ Богомъ и въ противленіи Ему стараются усмотрѣть красоту и величіе, но они не уразумѣли своевременно того, что бороться имъ приходиться не только съ Богомъ и людьми, но и съ самими собою. Голосъ Божій заложенъ въ душѣ человѣка помимо того, хочетъ ли послѣдній ему повиноваться или нѣтъ. Ослушаться его можетъ человѣкъ каждую минуту: это даже легче, нежели постоянно ему повиноваться, но постоянное преслушаніе сему голосу или преслушаніе наглое, нарушающее самыя главныя заповѣди, дѣлаетъ человѣка не только врагомъ Божіимъ, но и врагомъ самого себя, и этотъ его врагъ неодолимъ. Какъ бы ни старался человѣкъ топить его въ винѣ, сжигать его въ пламени разврата, душить его жестокими злодѣяніями: онъ не можетъ его умертвить и, хотя можетъ все-таки упорствовать и не подчиняться ему, но этимъ онъ только себя самаго под-

вергаетъ новымъ страданіямъ, получая отъ совѣсти неусыпающія угрызенія и уколы. Иногда ему кажется, что онъ нашелъ средство убить, усыпить, по крайней мѣрѣ, свою совѣсть: онъ достаетъ книги, онъ отыскиваетъ людей, которые увѣряютъ его, что его совѣсть есть только голосъ слѣпой привычки, что его невѣріе и жестокость оправданы наукой. Въ такихъ мысляхъ онъ можетъ пребывать нѣкоторое время, конечно, бережно уклоняясь отъ всего того, что наукою написано въ опроверженіе другой науки — дарвиновой и ницшеанской; грубо обрываетъ такой юноша совѣты прочитать ту или иную книгу, учащую согласно голосу человѣческой совѣсти: но все это онъ можетъ дѣлать до времени, пока самая жизнь не пробудитъ въ его душѣ цѣлую плеяду новыхъ настроеній, добрыхъ, сострадательныхъ и нѣжныхъ, или пока онъ, слѣдуя своимъ теоріямъ, не оскорбитъ своей совѣсти ужъ слишкомъ грубо какой-нибудь уголовщиной или духовнымъ грѣхомъ, не менѣе тяжкимъ, напр. богохульствомъ. Тогда голосъ совѣсти поднимаетъ въ душѣ его такую бурю, что онъ въ настоящемъ своемъ нравственномъ состояніи не можетъ оставаться, но долженъ либо съ горькимъ раскаяніемъ возвратиться къ послушанію своей совѣсти, а, слѣдовательно, и къ вѣрѣ, а отсюда къ народу, — либо умертвить самаго себя для вѣчной погибели.

Повѣсти Достоевскаго имѣютъ одною изъ центральныхъ своихъ идей, — можно сказать, своею центральною драмой, — эту борьбу совѣсти со злою волею человѣка или же съ ложными воззрѣніями, усвоенными изъ книгъ по довѣрію, либо нарочно отысканными для оправданія своей злой воли. Иногда эта борьба разрѣшается переломомъ воли подъ добрыми вліяніями: тогда софизмы, на которые она опиралась, разлетаются въ прахъ: такъ было съ Подросткомъ и, пожалуй, съ Ипполитомъ; иногда же укоренившіяся страсти не поддаются вліянію святыхъ чувствъ, просящихся въ душу человѣка; онъ является рецидивистомъ своихъ страстей, и погибаетъ; такъ было со Ставрогинымъ и съ Свидригайловымъ, къ тому же шло дѣло у соперника Вѣчнаго Мужа. Но бываетъ, что теоретическія заблужденія человѣка гораздо упорнѣе, даже и безъ наличности такой лжи, которая вросла въ его извращенный умъ; такъ было у самоубійцы Кириллова. А если удается отъ нихъ освободиться, то послѣ горькаго опыта жизни и тяжелыхъ длительныхъ страданій: такъ было у убійцы Раскольни-

кова. Но во всѣхъ случаяхъ голосъ совѣсти бываетъ побѣдителемъ самообоготворенія человѣка; даже въ томъ, когда ему кажется, что онъ по собственному своеволію приговорилъ себя къ самоубійству, ибо на самомъ дѣлѣ онъ просто задыхался отъ тоски по правдѣ, но не желалъ ей поклониться; сознавалъ тупость и ничтожество своихъ нигилистическихъ увлеченій, но не хотѣлъ въ томъ передъ всѣми сознаться; такъ Кирилловъ, глубоко презирая всякую революцію и нигилистовъ и умиляясь нравственному возрожденію Шатова, солгалъ въ своей предсмертной запискѣ, назвавъ себя соціалистомъ.

Мы уже заявили, что Достоевскій не только діагностъ, но и терапевтъ. Онъ съ любовію изучилъ всѣ тѣ добрыя вліянія, которыми, въ условіяхъ нашей современной, русской, жизни, совершается вразумленіе и возрожденіе тѣхъ отщепенцевъ.

Авторъ прежде всего внушаетъ людямъ, что совѣсть сильнѣе ихъ мысли, сильнѣе ихъ воли. Онъ особенно любитъ описывать случаи, когда сознаніе человѣка не содержитъ въ себѣ ясныхъ воспоминаній о скверномъ поступкѣ, но какое-либо случайное впечатлѣніе, а иногда сонъ, пробуждаетъ въ немъ мучительное чувство, которое неотступно томитъ его иногда по нѣсколько дней, пока онъ не вспомнитъ, чѣмъ, т. е. какимъ поступкомъ его жизни, временно совершенно забытымъ, оно вызвано. Такъ обольститель жены «Вѣчнаго Мужа» мучится какимъ-то впечатлѣніемъ, ломаетъ себѣ голову о причинахъ своей тоски, и, наконецъ, припоминаетъ, что онъ встрѣтилъ кого-то, съ кѣмъ поступилъ скверно, но кого, гдѣ и какъ онъ не могъ вспомнить, пока снова не встрѣчаетъ лицомъ къ лицу «Вѣчнаго Мужа». Старецъ Зосима, когда былъ еще легкомысленнымъ офицеромъ, проснувшись ночью, наканунѣ своей дуэли, въ состояніи томительной тоски, не могъ дать себѣ отчета о своемъ настроеніи, только ясно сознавалъ, что оно зависитъ отнюдь не отъ ожидаемой дуэли; и, наконецъ, онъ припоминаетъ, что вчера ударилъ безъ всякой вины своего деньщика по лицу; онъ проситъ у него прощенія, а затѣмъ, понудивъ себя къ такому христіанскому, хотя и малому подвигу, сознаетъ безсмысленность и преступность дуэлей и, пренебрегая всѣми военными и свѣтскими предразсудками, подаетъ въ отставку и принимаетъ на себя подвигъ нищеты и странничества, а затѣмъ становится въ ряды иноковъ.

Названные два типа Достоевскаго даже и въ эпоху своего легкомыслія не были все-таки злыми людьми: они не могли любить своихъ проступковъ и хотя легкомысленно забывали о нихъ, но съ совѣстью своей не боролись. Другое дѣло у людей, болѣе сроднившихся со зломъ или богоборчествомъ: эти восприняли злое начало въ себя самихъ и хотя временно протестуютъ противъ него, но временами отстаиваютъ его въ себѣ, оправдываютъ его по существу. Въ нихъ идетъ глухая, не всегда сознаваемая борьба; личная воля такихъ людей переходитъ то на сторону совѣсти, то противъ нея, и это постоянное раздвоеніе, обостряясь больше и больше, создаетъ около нихъ фантазму двойника или діавола (быть можетъ, и на самомъ дѣлѣ не безучастнаго въ ихъ печальной жизни). Конечно, такой двойникъ или діаволъ чувствуется только тѣми раздвоенными нравственно людьми, которые эту борьбу переживаютъ мучительно, которые стремятся къ лучшему, но впадаютъ въ сомнѣніе или подвергаются страстямъ, и снова падаютъ.

Напротивъ, такой типъ, какъ Ставрогинъ или Алеша Волховскій, совершенно легко и, видимо, безъ глубокихъ укоровъ совѣсти перебѣгавшіе отъ одного настроенія къ противоположному, не видятъ бѣсовъ и двойниковъ, но зато сами справедливо кажутся людямъ двойными, поражая ихъ неожиданными поступками, иногда очень жестокими, но для нихъ совершенно естественными. Другое дѣло такіе типы, какъ Версиловъ, Раскольниковъ, Иванъ Карамазовъ. Временами одобряя зло, впитывая его въ себя, они оставаться такими постоянно все-таки не могутъ и хотя они сами сознательно воздѣлали его въ себѣ и привили своимъ привычкамъ и настроеніямъ, но оно подчасъ востаетъ въ ихъ совѣсти во всей своей отвратительной наготѣ, какъ ихъ сердцу враждебное, чужое, а, при крайней усталости или нервозности, оно кажется имъ особымъ существомъ, навязывающимъ себя человѣку и требующимъ отъ него послушанія себѣ. Такъ Раскольникову казалось, что около него діаволъ (9, 270). У Ивана Карамазова, прежде чѣмъ онъ опозналъ діавола, «стояло предъ сознаніемъ существо или предметъ, котораго онъ не могъ вспомнить», — какъ это случается со всякимъ поясняетъ авторъ: не можешь вспомнить, но мучительно страдаешь (16, 456); затѣмъ, оглянувшись, Иванъ увидѣлъ бѣса въ томъ видѣ, о коемъ писалъ раньше, и старается увѣрить послѣдняго, да и

себя самого въ томъ, что бѣсъ есть просто олицетворившееся въ больномъ воображеніи все низкое и злое, что поселилось въ его душѣ. — Также и Версиловъ чувствуетъ около себя двойника и какъ бы носитъ его въ себѣ самомъ (15, 351). Нѣсколько другое значеніе имѣетъ двойникъ г. Голядкина, появившійся уже въ періодѣ его постепеннаго помѣшательства. Голядкинъ былъ человѣкъ безвредный, но предавался постоянно тщеславнымъ мечтамъ, въ душѣ желая разыгрывать роль особенно благороднаго, уважаемаго человѣка и полезнаго дѣятеля и въ то же время сомнѣвавшійся въ своихъ достоинствахъ и подозрѣвавшій свое ничтожество, и притомъ болѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ этотъ вовсе не худой человѣкъ. Помѣшался онъ по другой причинѣ, не отъ внутренняго раздвоенія, а по условіямъ наслѣдственности и т. п.; но при развитіи душевной болѣзни переживаемая борьба сказалась въ немъ въ видѣ преслѣдовавшаго его двойника, за котораго онъ принималъ то увидѣнное имъ изображеніе свое въ зеркалѣ или въ стеклѣ кареты, то автора шуточнаго письма, посланнаго ему озорниками-сослуживцами. Мы уже упоминали, что эта повѣсть есть поправка «Носа» и «Записокъ Сумасшедшаго», написанныхъ Гоголемъ, который видѣлъ въ этихъ жалкихъ герояхъ только отрицательныя свойства; Достоевскій дорисовалъ и ту внутреннюю борьбу, и укоры совѣсти, которые переживаются такими типами. — Такъ вотъ какое значеніе имѣютъ у Достоевскаго бѣсы и двойники, являющіеся людямъ. Самое уклоненіе человѣка отъ добраго пути его вразумляетъ, т. е. вразумляетъ его совѣсть, показывая ему ложный путь его жизни въ безобразномъ видѣ и какъ бы говоря ему: вотъ кому ты себя уподобилъ, но знай, что ты не таковъ, не долженъ ты мириться съ твоимъ строемъ жизни: фатальный онъ и гибельный. Такимъ образомъ эти таинственныя видѣнія и эти смутныя и тягостныя томленія являются какъ предостереженія и угрозы сбившемуся съ пути человѣку. Но Достоевскому извѣстно и другое средство, которымъ человѣческая совѣсть призываетъ людей къ возрожденію и покаянію уже положительнымъ способомъ: это сонъ и болѣзни. Переломъ жизни героевъ Достоевскаго нерѣдко опредѣляется вѣщими снами. Таковъ Сонъ Смѣшного Человѣка, раскрывшій передъ нимъ цѣлое міровоззрѣніе и понудившій перемѣнить свою жизнь со злого на доброе; почти такое же вліяніе долженъ былъ оказать сонъ Версилова, но этотъ из-

ломанный человѣкъ, хотя и былъ долго подъ вліяніемъ этого сна, по своему содержанію подобнаго сну Смѣшного Человѣка, но не пожелалъ подчиниться открывшейся ему истинѣ (15, 289). Зато для Дмитрія Карамазова роковой сонъ имѣлъ всепримиряющее значеніе, раскрывъ ему призваніе человѣка среди тяжелыхъ страданій и лишеній нашего народа (отчего дитя плачетъ?). Такое же вразумляющее и приводящее къ раскаянію значеніе имѣлъ и сонъ Раскольникова въ Сибири, когда ему раскрыто было, къ какимъ ужасающимъ послѣдствіямъ приведетъ Россію и вообще всю землю то начало своеволія и преступности, къ которому онъ было склонился: онъ видѣлъ во снѣ картину войны всѣхъ противъ всѣхъ, чѣмъ и подарилъ Россію 1918 годъ, а Европу 1914 годъ. Напротивъ его брату Алешѣ, смущенному «тлетворнымъ духомъ» отъ тѣла умершаго старца и тяжелыми событіями въ его семьѣ, во снѣ открывается картина Брака въ Канѣ Галлилейской и старецъ въ числѣ ея блаженныхъ участниковъ. Примиренный и исполненный непоколебимой вѣры въ силу и побѣду добра и Христовой правды, встаетъ онъ отъ сна, чтобы всюду вносить любовь, покаяніе и примиреніе. Но не вразумился вѣщимъ сномъ Свидригайловъ и въ отчаяніи застрѣлился. — Подобно сну, человѣка вразумляетъ болѣзнь и особенно болѣзнь съ бредомъ. Такъ другимъ послѣ своей продолжительной болѣзни всталъ Подростокъ; его дѣйствительный отецъ — Версиловъ тоже долженъ былъ измѣниться послѣ постигшей его въ концѣ повѣсти болѣзни. Также смягчилось въ болѣзни ожесточенное сердце Нелли въ «Униженныхъ». Степанъ Трофимовичъ духовно прозрѣлъ въ своемъ смертельномъ недугѣ, а люди праведные, какъ старецъ Зосима и Макаръ Долгорукій, просвѣщаются въ этомъ состояніи чисто благодатнымъ свѣтомъ любви и разума. Не мало и еще примѣровъ можно привести изъ Достоевскаго для поясненія этой его идеи, но думается и этого довольно.

Теперь спросимъ, почему для просвѣщенія человѣческой души нужно нѣкое ослабленіе сознанія — сонъ, бредъ, галлюцинаціи? Конечно, скептики злорадно выведутъ отсюда, что разумъ враждебенъ вѣрѣ и энтузіазму; но дѣло не въ разумѣ, а въ той злой волѣ, которая борется съ совѣстью и закрываетъ передъ нею глаза разуму, хотя и защищается логическими софизмами. Но въ описанныхъ авторомъ состояніяхъ эта воля ослабѣваетъ, и совѣсть уже безпрепятствен-

но рисуетъ человѣку его самого и отвергаемую имъ истину, какъ Дядѣ Власу у Некрасова (это стихотвореніе привело въ восторгъ Достоевскаго). Еще Апостолъ Петръ писалъ: страдающій плотью перестаетъ грѣшить (I, 4, 1), а жизнь подтверждаетъ, что злѣйшимъ врагомъ истины, врагомъ разума бываетъ злая воля, а совѣсть открываетъ ему себя самого только тогда, когда ослабѣваетъ воля человѣка подъ вліяніемъ страданій. О послѣднихъ авторъ выразился однажды такъ: страданія единственная причина сознанія (5, 46). Воля здороваго человѣка можетъ бороться съ сознаніемъ, т. е. съ голосомъ совѣсти, и съ тѣмъ, что внушаетъ ему душа и непредубѣжденный умъ; но когда человѣкъ видитъ сонъ или бредъ, или подавляется страданіями и мыслью о близкой смерти во время болѣзни, — тогда душа и совѣсть вступаютъ въ свои права и раскрываютъ ему въ картинахъ то, что нашептывали ему на яву, но отъ чего онъ прежде упорно отклонялъ свое вниманіе или свое согласіе. Такъ каторжные, убійцы и грабители не любятъ говорить въ «Мертвомъ Домѣ» о своихъ преступленіяхъ, а если приходилось все-таки упомянуть о томъ, то всячески скрывали отъ собесѣдника всякое въ томъ раскаяніе, но въ сонномъ или въ горячечномъ бреду обнаруживали мученія совѣсти и память о всѣхъ ужасныхъ подробностяхъ своихъ преступленій. Сонъ и бредъ договариваютъ намъ то, что мы не хотѣли или не могли разсмотрѣть внимательно въ бодрственномъ состояніи. Такъ, если мы имѣемъ возможность выплакать свое горе по умершемъ, то рѣдко увидимъ его во снѣ; но если заботы о погребеніи или объ устройствѣ сиротъ не дали намъ возможности опознать и оплакать свое горе, то въ первую же ночь мы увидимъ родного покойника. Такое же значеніе имѣютъ вѣщіе сны для героевъ Достоевскаго, не желавшихъ слушать голоса совѣсти и правды на яву.

Не задерживая читателя еще надолго на этомъ же предметѣ, скажемъ все-таки два слова о томъ, почему мы здѣсь выражаемся: «совѣсть и душа», т. е. почему прибавляемъ послѣднее слово. — Въ одномъ фантастическомъ разсказѣ Гоголя душа спящей дѣвушки отдѣляется отъ нея, идетъ бесѣдовать съ нѣкимъ сверхъестественнымъ существомъ и, между прочимъ, говоритъ ему: «вѣдь Катерина и десятой части не знаетъ того, что знаетъ ея душа».

Въ послѣднее время, т. е. за послѣднее полустолѣтіе, опытная психологія начала различать **центръ сознанія** отъ **по-**

ля сознанія или отъ полусознательной области. Далеко не все богатство впечатлѣній и чувствъ, соприкасающихся нашему сознанію, замѣчаются имъ и присваиваются себѣ, особенно при нежеланіи, а иногда вслѣдствіе разсѣянности или утомленія. Вѣроятно, чаще всего такое невниманіе выпадаетъ на то, что намъ непріятно, и прежде всего на укоры совѣсти. Но рѣдко той же участи подвергаются и другія, даже мирныя, и очень тонкія и благородныя чувства, напр. симпатическія, которыя зато подъ какимъ нибудь сильнымъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ сразу организуются въ твердое настроеніе или направленіе воли. Такъ, напр., смерть или тяжелая болѣзнь матери или другого близкаго человѣка, которому вы нанесли много обидъ и оказали мало участія, вдругъ такъ поразитъ ваше сердце, что вы привязываетесь къ нему всей душой и восклицаете: я и не подозрѣвалъ, какъ дорогъ былъ мнѣ такой-то человѣкъ, какъ я его любилъ.

Иногда эти полусознательныя впечатлѣнія и не имѣютъ столь тѣсной связи съ совѣстью, но все же долго безпокоятъ человѣка, пока ему удастся дать себѣ въ нихъ отчетъ, т. е. ввести ихъ въ центръ сознанія. Изъ многихъ тому примѣровъ въ твореніяхъ Достоевскаго приведемъ одинъ. Князь Мышкинъ, готовясь къ своей почти невольной свадьбѣ съ Настасьей Филипповной, запомнилъ два устремленныхъ на него изъ толпы глаза и только потомъ догадался, что это глаза Рогожина (соперника; 10, 341).

* * *

§ 5. Состраданіе и Дѣти.

Таково самое очистительное и самое сильное средство возрожденія заблудшей души, ожесточившейся и оторвавшейся отъ ближнихъ, отъ своего народа и отъ своего Творца. Мы только что говорили о сердцѣ-вѣщунѣ, о душѣ человѣка, которая въ десять разъ больше знаетъ, чѣмъ «самъ человѣкъ». Вотъ въ этой-то душѣ по самой ея природѣ, а также вслѣдствіе сохранившихся воспоминаній дѣтства, въ душѣ даже изуродованной страстями, ложью и богоборчествомъ, остаются глубокія наклонности къ святому, спасительному состраданію.

Лишь бы человѣкъ не отталкивалъ грубо это святое чувство, послѣдовалъ его указаніямъ. Впрочемъ иногда, если даже отклонитъ, оно какъ бы противъ воли врывается въ его душу, даже во снѣ, и властно зоветъ его за собою. Такъ Смѣшной Человѣкъ оттолкнулъ просящую сиротку, продолжалъ было обдумывать злобный планъ самоубійства, но увидѣлъ тотъ вѣщій сонъ и, проснувшись, примиренный для новой жизни, уже и думать не хотѣлъ о самоубійствѣ, но воскликнулъ: а сиротинушку я разыщу сейчасъ же и устрою.

Достоевскій — оптимистъ, но въ то же время и реалистъ: онъ не хочетъ усыпить насъ сладкимъ убѣжденіемъ, будто всѣ люди по неволѣ добры, будто нѣтъ погибающихъ грѣшниковъ: оттолкнуть можно отъ злости или отъ развращенія сердца и это святое чувство состраданія. Такъ поступилъ герой подполья, такъ поступилъ въ своемъ вѣщемъ снѣ Свидригайловъ, и проснувшись, застрѣлился, такъ поступали и Версиловъ, и Ставрогинъ, и Феодоръ Павловичъ со святыми чувствами, врывавшимися въ душу. Авторъ — не проповѣдникъ розоваго христіанства, какъ обвинялъ его К. Леонтьевъ: его задача въ томъ, чтобы убѣдить людей въ доставляемой имъ Богомъ и собственною душою **возможности возрожденія,** а воспользоваться ею зависитъ уже отъ свободной воли.

Кто же ею хорошо воспользовался изъ героевъ Достоевскаго, кромѣ приведенныхъ уже нѣсколькихъ примѣровъ? Воспользовался и отсталъ отъ своего жестокаго намѣренія обогатиться Подростокъ, когда въ ихъ домъ подкинули ребенка, и дѣти Карамазовскаго города около постели больного Илюшечки, котораго страданія и смерть ихъ совершенно переродили, и дѣти въ Швейцаріи, друзья князя Мышкина, пожалѣвшіе оскорбленную дѣвушку, смягчаютъ навсегда въ заботахъ о ней свои души. Наконецъ, мы въ томъ увѣрены, сюда же должно причислить всѣхъ слушателей и, надѣемся, многихъ читателей того умилительнаго разсказа Достоевскаго: «Мальчикъ у Христа на Елкѣ», который иногда самимъ авторомъ, а иногда его другомъ, писателемъ Григоровичемъ, читался на литературныхъ вечерахъ, при чемъ на глазахъ многихъ слушателей даже мужского пола и у большинства слушательницъ навертывались слезы христіанскаго состраданія къ сироткѣ, замерзшему подъ освѣщеннымъ окномъ барскаго дома, гдѣ дѣти веселились около Рождественской елки. Къ мальчику подошелъ Христосъ Спаситель и унесъ его

на небо смотрѣть вѣчную елку; тамъ встрѣтила его мать, умершая за часъ передъ тѣмъ въ подвалѣ, лежа рядомъ съ дитятей и напугавшая его своимъ похолодѣлымъ трупомъ.

Вотъ какова сила состраданія. Не напрасно пишетъ нашъ авторъ: если пожалѣешь незащищенное существо, то привяжешься къ нему и привяжешься крѣпко (14, 14). Иногда такимъ незащищеннымъ существомъ, привлекающимъ къ себѣ крѣпкую волю, и нравственно возрождающимъ ее, являются у Достоевскаго не только милыя дѣти, объединившія около постели умирающаго товарища столько взрослыхъ въ его послѣднемъ романѣ, и не только чистыя, привлекательнаго характера, дѣвушки, какъ въ Бѣдныхъ Людяхъ, или Соня Мармеладова, возродившая Раскольникова, но и типы отталкивающіе, напр. въ разсказѣ «Честный Воръ». — И если даже холодные себялюбивые швейцарцы поддаются такому воздѣйствію состраданія (въ помянутомъ разсказѣ князя Мышкина), то людямъ русскимъ это служеніе слабѣйшимъ существамъ до того присуще, что даетъ поводъ одному спившемуся офицеру въ очень талантливой современной драмѣ: «Сильные и Слабые» изложить другому интеллигентному никудышнику цѣлую теорію о томъ, что у насъ на Руси «слабые» т. е. лѣнтяи, пьяницы, шеромыжники и являются «сильными», потому что люди честные, трудолюбивые и талантливые только и дѣлаютъ, что на нихъ работаютъ, за нихъ хлопочутъ, мучаются за нихъ и всячески выручаютъ.

Какъ видитъ читатель, самымъ сильнымъ побужденіемъ къ святому состраданію являются дѣти. Ихъ особенно любилъ Достоевскій! Онъ обѣщалъ написать особую большую повѣсть о дѣтяхъ (20, 6) сверхъ того, что писалъ въ молодости («Елка и Свадьба», «Неточка Незванова», «Маленькій Герой») и сверхъ того, что мы сейчасъ изложили кратко изъ его послѣдняго романа. Приведемъ здѣсь еще двѣ-три очень значительныя его мысли о нихъ. Дѣти страшно разнятся отъ взрослыхъ, они точно другой природы (16, 407). — Дѣти не бываютъ дурны лицомъ (ibidem). Поэтому драгоцѣннѣйшія наши воспоминанія — о семьѣ и о своемъ дѣтствѣ, если хоть малая любовь тамъ была (17, 16), ибо вѣдь семья создается только подвигомъ и подвигомъ любви постепенно скрѣпляется (20, 81). — Воспоминаніе, особенно дѣтское, есть наиболѣе возвышающее душу (21, 203). — Дѣти лучше насъ, и не должно приходить въ ужасъ отъ ихъ проступковъ: если го-

родскія дѣти (также школьные товарищи Алеши Карамазова) любятъ говорить непристойности, то вовсе не потому, что они уже развращены (17, 63), а скорѣе это напоминаетъ то какъ Адамъ и Ева не стыдились своей наготы, пока были невинны. Не приводимъ здѣсь ссылки на чудную рѣчь Алеши Карамазова, гдѣ такъ трогательно говорится о возрождающей силѣ святыхъ воспоминаній, потому что навѣрное читатель самъ ее помнитъ и цѣнитъ.

Не должно спѣшить выводить дѣтей и даже юношей изъ этого полуфантастическаго міра, въ которомъ они живутъ. — Давайте лучше юношамъ читать «Донъ Кихота» взамѣнъ поклоненія глупой средѣ (21, 291), — пишетъ авторъ. — Но ничего и таить отъ дѣтей не слѣдуетъ, говоритъ онъ, — ни обманывать ихъ; они все понимаютъ (10, 102). — Не надо все облегчать для дѣтей (20, 8), ибо ничего не стоитъ человѣкъ, не знавшій съ дѣтства труда, лишеній и подвига; отъ работы человѣкъ дѣлается добрымъ и честнымъ (5, 49). — Но мечтательность, собственно поэтическое настроеніе, свойственное юности, если оно не соединено съ праздностью, а съ благороднымъ трудомъ, особенно цѣнно въ жизни и настолько смягчаетъ душу, что, напримѣръ: «увлеченный наукой мечтатель горячо любитъ мрачныя стѣны своей конуры» (2, 311). Таковъ былъ герой симпатичнѣйшаго разсказа нашего писателя: «Бѣлыя ночи». Вотъ почему Достоевскій обратился разъ къ читателю съ такимъ пожеланіемъ: дай Богъ, чтобы молодыя свойства чаще посѣщали тебя, читатель (2, 304). Здѣсь разумѣется мечтательность, не чуждая жизни, но стремящаяся преобразовать жизнь къ лучшему, не закрывая глазъ передъ ея изъянами и ложью.

Люди взираютъ на дѣтей, какъ на существа почти неразумныя, которыхъ они должны учить и развивать; также взираютъ они и на простой народъ. Достоевскій велитъ намъ самимъ учиться у народа, а также учиться черезъ дѣтей, но, конечно, требуетъ и того, чтобы мы учили и дѣтей и народъ, но согласно съ природою однихъ и убѣжденіями другого. При всемъ томъ мы уже видѣли, что нашъ писатель не закрывалъ глазъ на недостатки народа; не отрицалъ онъ и дѣтскихъ недостатковъ, но былъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ прочихъ, оптимистомъ, только не ослѣпленнымъ, не одностороннимъ. Именно еще въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ написалъ очеркъ: «Елка и Свадьба», гдѣ описывается начи-

нающееся еще съ дѣтскаго возраста раздѣленіе въ играхъ между богатыми и бѣдными, угодничество послѣднихъ передъ первыми и т. д. Въ дѣтской повѣсти «Неточка Незванова» описанъ дѣтскій деспотизмъ и мучительство ея подруги Кати; въ Братьяхъ Карамазовыхъ описана злоба и мстительность оскорбленнаго Ильюши, дѣтское тщеславіе Коли Красоткина и т. д. Исцѣленіемъ этихъ начинающихся страстей являются **дѣтскія страданія,** напр. болѣзнь Неточки и, особенно болѣзнь, и смерть Ильюшечки, принесшая съ неба на землю всѣмъ окружающимъ большимъ и малымъ, благодать любви и примиренія. — Это отвѣтъ автора на «Бунтъ» Ивана Карамазова, который не могъ примирить божественнаго правосудія съ наличностью страданія невинныхъ дѣтей. Увы, невинность, т. е. полная безгрѣшность — безгнѣвіе и смиреніе — теряются съ пробужденіемъ сознанія, дѣлающаго ощутительными страданія, такъ что страданія сознаются одновременно съ начинающеюся грѣховностью и очищаютъ отъ нея сердца дѣтей добрыхъ. — Критика до сихъ поръ не поняла заявленіе автора о томъ, что эта послѣдняя его повѣсть была отвѣтомъ на «Бунтъ» и на «Великаго Инквизитора», — если не считать нашей статьи, напечатанной въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1893 года (потомъ въ П. Собраніи Сочиненій), но ею, конечно, незамѣченной. Въ той же статьѣ приведено объясненіе касательно отвѣта автора на «Великаго Инквизитора»: къ этому мы вернемся ниже.

* * *

§ 6. Рецидивы зла. Прямыя указанія къ возрожденію себя и другихъ.

Если читатель еще не убѣдился въ томъ, что оптимизмъ Достоевскаго былъ не розовый, внѣжизненный, а самый реальный, основанный на личномъ опытѣ и широкомъ изученіи жизни, то пусть ознакомится и съ тѣми картинами ея, по коимъ видно, что уже придпринятая рѣшимость стать на путь добродѣтели и нѣкоторые шаги, пройденные къ нему, далеко еще не обезпечиваютъ ея достиженія, какъ хочется вѣрить протестантскимъ проповѣдникамъ и богословамъ, по которымъ

обращеніе человѣка къ покаянію и вѣрѣ есть уже совершившееся спасеніе, и дальше ему нечего сѣтовать и нечего бороться и напрягаться, — вопреки словамъ Апостола: «братья я не почитаю себя достигшимъ, а только, забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли» и проч. (Фил. III, 13). — Такъ велъ духовную борьбу съ собой Апостолъ: мудрено ли, что глубоко падшіе нерѣдко снова падаютъ въ этой борьбѣ и возвращаются къ своимъ страстямъ. Достоевскій не закрываетъ глазъ передъ силою зла въ человѣкѣ и въ человѣчествѣ. Читатель, конечно помнитъ, съ какою художественной правдой описываетъ онъ деспотическую несвязную власть грѣховныхъ страстей надъ своими жертвами: какъ неодолима пьяная страсть Мармеладова, какъ неукротимъ огонь распутства въ старомъ Карамазовѣ, какъ неподатливъ доброму вліянію другъ Алеши — Ракитинъ, какъ черство сердце дѣда Нелли — того полунищаго нѣмца, который не хотѣлъ простить своей дочери даже на ея смертномъ одрѣ. Да что толковать: едва ли найдется другой писатель, могущій столь правдиво описать упорство человѣческихъ страстей, какъ Достоевскій. Шекспиръ описываетъ преступленія людей, внушаемыя страстями, и ихъ борьбу со своимъ врагомъ, а Достоевскій описываетъ ихъ упорство противъ призыва ихъ къ любви и исправленію. Это также далеко отъ наивнаго оптимизма, какъ и отъ пессимизма и «жестокаго таланта», какъ осмѣлился назвать Достоевскаго озлобленный на его вліяніе среди общества и юношества литературный критикъ западническаго направленія Михайловскій. Впрочемъ, не одинъ Михайловскій. Не зная, чѣмъ опачкать Достоевскаго, критика мало по малу усвоила себѣ такой пріемъ фальсификаціи его твореній, который напоминаетъ эпоху Магнитскаго и судьбу извѣстной кухонной книги съ Вольнымъ Духомъ; при всемъ томъ этотъ пріемъ до того пришелся по вкусу нашимъ литераторамъ, даже крупнымъ въ родѣ Мережковскаго, что они почти поголовно стали его повторять — изъ рѣчи Карамазовскаго прокурора, который говоритъ, что эта семья можетъ одновременно созерцать бездну вверху и бездну внизу, т. е. восхищаться и добродѣтелью и безбожнымъ порокомъ (18, 322). И вотъ художественное изображеніе Достоевскимъ человѣческихъ страстей дало поводъ его завистникамъ перенести такое подозрѣніе на самого автора, и даже на его ученіе. То, что можно сказать о порнографіи, въ родѣ Куприна, Арцы-

башева и т. п., не стыдятся говорить о Достоевскомъ и его произведеніяхъ, въ нихъ **никогда** порокъ и грѣхъ не изображаются въ привлекательномъ видѣ, а напротивъ обличается, и всякое ложное ученіе его героевъ опровергается или ходомъ событій или возраженіями ихъ собесѣдниковъ. Нашимъ критикамъ остается обвинять Гоголя въ проповѣди взяточничества и Ал. Толстого въ проповѣди пьянства, ибо они такъ мастерски изображаютъ эти пороки.

Мы желаемъ остановить вниманіе читателя на рецидивизмѣ злыхъ наклонностей и предубѣжденій у тѣхъ героевъ Достоевскаго, которые или уже стали на путь раскаянія, или, казалось бы, совсѣмъ готовы перемѣнить свою жизнь въ сторону добра, правды и вѣры. Едва ли не самый характерный типъ въ этомъ смыслѣ — Версиловъ. Человѣкъ широко образованный, любознательный, почти философъ, онъ, поддавшись благородному порыву подъ вліяніемъ переселившагося къ нему юноши-сына, его свѣтлой чистой души, добровольно отказывается отъ выиграннаго по тяжбѣ большого имущества, и остается бѣднякомъ; осыпанный восторженными ласками сына, обвѣянный благодѣтельнымъ вліяніемъ пришедшаго къ нему умереть праведнаго старца, отъ котораго онъ прежде переманилъ жену, и, прощенный имъ, онъ, кажется, окончательно смягчился и является апостоломъ добродѣтели и патріотизма: но пріѣзжаетъ одна изъ многихъ его бывшихъ пріятельницъ, которыхъ доброе имя отъ него зависитъ и онъ старается вновь сдѣлать ее рабой своей страсти и въ своемъ злобномъ раздвоеніи разбиваетъ о печку образъ, завѣщанный ему помянутымъ старцемъ и уклоняется отъ брака съ обольщенной имъ женой, матерью его сына. Таковъ и Мармеладовъ, человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ, женившійся на заброшенной благородной вдовѣ исключительно изъ жалости. Послѣ многихъ неудачъ этой нищей семьи, его, наконецъ, пристраиваютъ на мѣсто; чахоточная жена и оборванныя дѣти готовы вернуть себѣ радость жизни, но онъ снова устремляется въ грязные притоны пьянства, погибаетъ самъ на улицѣ, пьяный, и тѣмъ добиваетъ жену, истекающую чахоточной кровью тоже на улицѣ. — И не только эти люди, погрязшіе съ молоду въ грѣхахъ, но и подростокъ Нелли, честная и чистая, не легко разстается со своей озлобленностью противъ людей всѣхъ вообще, которые на ея глазахъ обнаружили столько жестокости, и нѣсколько разъ раздраженно отверга-

етъ самыя безкорыстныя услуги полюбившихъ ея новыхъ друзей, хотя сама оставалась въ нищетѣ и безпомощности. Смягчилась она не скоро, да и то не вполнѣ, даже передъ смертью.

Мы указывали, что Достоевскій не только діагностъ, но и терапевтъ душевныхъ недуговъ. Терапіей являются всѣ его творенія, разоблачающія тѣ ложныя воззрѣнія, теоретическія и нравственныя, на которыя опираются зло и неправда человѣческой жизни. Люди призываются имъ къ общенію съ Богомъ и своимъ народомъ для своего нравственнаго возрожденія. Но нашъ писатель утверждаетъ, что ошибки ума легче одолѣть, чѣмъ ошибки сердца, т. е. человѣческія страсти и злую волю людей, имъ преданныхъ и не хотящихъ подчиниться добрымъ совѣтамъ и увѣщаніямъ. Если они согласятся говорить съ увѣщателемъ, то будутъ всякими софизмами оправдывать свое настроеніе и свое уклоненіе отъ праваго пути, а если замѣтятъ въ собесѣдникѣ сильную логику и настойчивость въ продолженіи бесѣды, то постараются ее прекратить либо благовиднымъ предлогомъ, либо грубостью. Ne persuadere nolentem — не увѣщевай нехотящаго, — говоритъ латинская пословица. Какъ же тутъ помочь дѣлу?

У нашего писателя можете найти прямой отвѣтъ на такой вопросъ и неоднократно. — Заблуждающемуся, говоритъ онъ, должно противопоставить равносильное **чувство** (равносильное съ его увлеченіемъ): тогда онъ согласится провѣрить себя (14, 76). Чтобы отвратить человѣка отъ злого желанія, — говоритъ авторъ въ другой повѣсти, — должно противопоставить ему иное, лучшее желаніе (5, 43), т. е. какъ бы переманить его на другой путь. Наглядный примѣръ такого воздѣйствія представленъ въ «Униженныхъ». Старикъ, отецъ Наташи, проклиналъ свою дочь, ушедшую къ любовнику, и не хотѣлъ ее простить. Его друзья приводятъ къ нему жертву такой же т. е. еще болѣе жестокой, родительской строгости, дѣвицу-подростка Нелли и просятъ ее подробно разсказать, въ какой нищетѣ и горѣ влачила и кончила свою жизнь несчастная мать, проклятая своимъ отцомъ за такое же увлеченіе и не могшая добиться у него прощенія до самой смерти. Разсказъ былъ потрясающій, и отецъ Наташи подъ такимъ впечатлѣніемъ опомнился и съ нѣжною лаской принялъ свою подошедшую въ это время и уже раскаявшуюся дочь. Подобное же вліяніе на вѣчно негодующаго Подростка имѣло

примиренное настроеніе Макара Ивановича, исполненное постояннаго умиленія и непоколебимой вѣры въ вѣчное торжество вѣчной правды. Къ тому же правилу сводятся всѣ приведенные случаи радикальнаго воздѣйствія на страстныя или на черствыя сердца дѣтскихъ страданій и безпомощной нужды. Эти картины возбуждали въ людяхъ святое состраданіе, испытывая которое они охладѣвали къ прежнимъ своимъ преступнымъ цѣлямъ и отталкивали съ отвращеніемъ то, что ихъ прежде къ себѣ манило.

Въ этомъ **противопоставленіи другого или даже сильнѣйшаго чувства** заключается вся тайна вліянія на человѣческія сердца старца Зосимы и Алеши. Полные любви къ людямъ, мягкаго благожелательства къ нимъ, носящіе въ своей душѣ постоянный гимнъ Творцу и жажду общаго обращенія къ Нему, свѣтящіе черезъ свою личность свѣтомъ иного лучшаго міра, постоянно сходящаго съ неба на землю, эти люди-ангелы самимъ видомъ своимъ, самымъ своимъ приближеніемъ влагаютъ въ окружающихъ цѣлый концертъ новыхъ святыхъ созвучій, т. е. сердечныхъ стремленій и свѣтлыхъ упованій и производятъ въ ихъ душахъ рѣшительную борьбу подобныхъ зачатковъ новой жизни съ прежними противоположными имъ страстями. Окончательно рѣшить эту борьбу въ ту или иную сторону зависитъ, конечно, отъ свободной воли человѣка: ее облегчаетъ, конечно, такой провозвѣстникъ, который можетъ присоединить къ являемой имъ нравственной красотѣ добра и правды еще и разумное ихъ оправданіе и опроверженіе заблужденій собесѣдника; но не столько сила этихъ опроверженій, сколько сила святой настроенности и участливаго чувства самого увѣщателя вліяетъ на грѣшника и отрицателя. Поцѣлуй, братскій и нѣжный, которымъ Алеша закончилъ свою бесѣду съ Иваномъ послѣ обмѣна мыслей по поводу «Великаго Инквизитора», конечно, гораздо болѣе взволновалъ Ивана и болѣе доставилъ ему переживаній, чѣмъ теоретическія, хотя тоже разумныя, возраженія младшаго брата. Борьба въ немъ между вѣрой и невѣріемъ, покорностью Богу и преступностью, усилилась до крайней степени, какъ это понялъ Алеша во время своей ночной молитвы, и довела упорнаго скептика до галлюцинацій и нервной горячки. Подобную же внутреннюю борьбу, то съ благопріятнымъ, то съ неблагопріятнымъ исходомъ, возбуждали бесѣды Алеши въ его отцѣ, и въ братѣ Димитріи, и въ Грушенькѣ, и въ Лизѣ и въ

Колѣ Красоткинѣ, и прочихъ товарищахъ Илькюши. — Конечно, еще несравненно большую силу нравственнаго воздѣйствія носитъ въ себѣ старецъ Зосима. Обратите вниманіе на замѣчательную по своей глубинѣ картину посѣщенія сего старца цѣлой группой совершенно нецерковныхъ интеллигентовъ, изъ коихъ большинство взирало на церковь свысока; но при видѣ старца, и особенно при его словахъ, они сразу почувствовали въ своей душѣ сильнѣйшее волненіе и начали высказывать свои недоумѣнія и стремленія, и чуть ли не хулы однимъ словомъ, не могли въ себѣ удержать того, что интересовало ихъ и наполняло ихъ душу не только въ личной жизни, но и во взаимныхъ отношеніяхъ между собой; съ ними дѣлалось почти то же, что съ евангельскими бѣсноватыми при встрѣчѣ со Спасителемъ. Одни умиляются и каются, другіе бранятся между собою, третьи кощунствуютъ. — Иную картину представляютъ собою «вѣрующія бабы», которыя съ покаяніемъ, умиленіемъ и съ духовнымъ восторгомъ воспринимаютъ назиданія старца и его совѣты, буквально, какъ словеса Божіи, расходятся отъ него нравственно возрожденныя и очищенныя отъ грѣха и примиренныя со своими ближними.

Въ этомъ отвѣтъ на вторую причину для отрицанія христіанства, которую выставилъ Иванъ Карамазовъ въ Великомъ Инквизиторѣ. Достоевскій признавалъ эти двѣ выставленныя его героями причины болѣе серьезными, чѣмъ все, до чего додумалась отрицающая Европа и заявилъ, что онъ опровергъ ихъ своимъ романомъ. О первой причинѣ и ея опроверженіи мы уже сказали, а теперь пояснимъ вторую и ея опроверженіе.

Великій Инквизиторъ заявляетъ Спасителю, что его ученіе слишкомъ возвышенно для жалкаго человѣческаго рода, слишкомъ крѣпко порабощеннаго тѣломъ, даже желудкомъ, чтобы идти путемъ самоотверженія и цѣломудрія. Люди могутъ подчиняться только деспотическому правленію, соединенному съ обманомъ и духовнымъ порабощеніемъ. Овладѣй хлѣбами, дѣйствуй чудомъ, тайной и авторитетомъ, и тогда тебѣ подчинится человѣчество, а свободному убѣжденію оно подчиняться не станетъ, исключая немногихъ нравственныхъ героевъ. Это именно и внушалъ искуситель Іисусу Христу въ пустынѣ, но былъ отвергнутъ, а потому никогда Спаситель не подчинитъ Себѣ всего человѣчества, пока Его послѣдователи не измѣнятъ существенно Его ученія сообразно совѣтамъ искусителя, что мы и исполнили, говорилъ Инкви-

зиторъ. А чистое христіанство останется, по его мнѣнію и по мнѣнію Ивана, религіей не человѣчества и не народовъ, а только нравственныхъ героевъ. — Эти мысли о христіанствѣ и объ искупителѣ занимали Достоевскаго и раньше. Еще въ Подросткѣ, въ духѣ Инквизитора говорилъ, кажется, о людяхъ Версиловъ «Обрати камни въ хлѣбъ и ты овладѣешь людьми, но пока не надолго; этого средства недостаточно: нужно еще чудо» (14, 316, — т .е. для порабощенія ихъ умовъ и совѣстей).

Какъ же отвѣчаетъ повѣсть Достоевскаго на такое возраженіе? Критика отказалась объяснить это, а объясненія или отвѣтъ заключаются въ типахъ старца Зосимы и Алеши Карамазова и въ томъ всеохватывающемъ вліяніи, которое оказываютъ они и подобные имъ праведники, напримѣръ, Макаръ Ивановичъ и князь Мышкинъ въ «Подросткѣ» и «Идіотѣ». Вотъ этотъ отвѣтъ: да, полное и окончательное проникновеніе себя христіанствомъ есть удѣлъ немногихъ, а не всего народа и тѣмъ менѣе — человѣчества, но зато эти немногіе, какъ вожделѣнные свѣточи народа или общества, просвѣщаютъ, смягчаютъ и привлекаютъ ко Христу всѣхъ или почти всѣхъ, съ кѣмъ имъ приходится соприкасаться, такъ что могущественное вліяніе христіанства обнаруживается на огромномъ большинствѣ людей, слышавшихъ о Христѣ, вростаетъ въ ихъ бытъ, создаетъ нравы, обычаи, законы и цѣлыя культуры и вовсе не остается индивидуальной склонностью немногихъ, какъ говорили и писали нѣкоторые недалекіе современные публицисты, философы, а затѣмъ и студенты, и юнкера, и гимназистки, но пребываетъ огромною общественною народною и международною силою, опредѣляя собой жизнь вѣрующихъ народовъ въ несравненно болѣе значительной степени, чѣмъ всѣ прочія ихъ народныя и общечеловѣческія качества. Послѣднюю приблизительно мысль можете найти въ монологахъ Шатова и въ отвѣтѣ самого автора Градовскому и въ прежнихъ номерахъ его «Дневника Писателя». Таковъ способъ привлеченія ко Христу людей и народовъ.

Мы нѣсколько вышли за предѣлы этой послѣдней мысли, остановившись на Инквизиторѣ, но такимъ способомъ намъ удалось раскрыть передъ читателемъ, интересующимся Достоевскимъ, самую главную его идею, самую святую и дорогую для него мысль о христіанствѣ, о человѣчествѣ и его судьбахъ. Прибавимъ еще, что спасительное вліяніе хритіан-

ства, если и сказывается на большинствѣ изображенныхъ авторомъ характеровъ не во всей своей полнотѣ, то оно получаетъ эту полноту ко времени перехода людей въ жизнь будущую, о нравственномъ значеніи которой такъ глубоки и сильны выраженія Достоевскаго, приведенныя нами раньше. Теперь же скажемъ о томъ, что нашъ писатель любилъ особенно изображать предсмертное возрожденіе человѣка, какъ залогъ раскрывшейся въ немъ вѣчной жизни. Мы уже напоминали читателю о предсмертномъ просвѣщеніи и просвѣтлѣніи старика Верховенскаго, Макара Долгорукова, старца Зосимы; прибавимъ теперь Ипполита, Честнаго Вора, Ильюшу, даже Нелли, брата старца Зосимы, умершаго въ юныхъ годахъ, и другихъ, иногда заурядныхъ людей, не опредѣлившихся въ чисто религіозномъ отношеніи въ настоящей жизни, но сподобившихся таковаго при вступленіи въ жизнь грядущую. т. е. вѣчную.

Итакъ, Христіанское ученіе, вопреки рѣчамъ Инквизитора, пребываетъ всегда огромною общественною силою, обуславливающею собою все то доброе, на что оказывается способнымъ каждое человѣческое поколѣніе, и, хотя въ возможной полнотѣ оно усваивается только лучшими людьми и лучшими поколѣніями лучшихъ народовъ, эти послѣдніе привлекаютъ къ нему сердца прочихъ людей, менѣе возвышенныхъ духомъ, которые въ земной жизни продолжаютъ колебаться между благочестіемъ и нечестіемъ, но въ жизнь будущую (а вѣдь въ ней весь смыслъ жизни вообще), вступаютъ по большей части очищенные покаяніемъ, т. е. усовершенствованные. При отрицаніи же будущей жизни исчезаетъ, по приведенному выше мнѣнію Достоевскаго, всякій смыслъ жизни настоящей, ибо пропадаетъ разница между добромъ и зломъ, — какъ привлекательность перваго, такъ и предосудительность послѣдняго.

Таковы отвѣты Достоевскаго на тѣ два труднѣйшія возраженія противъ христіанства, до которыхъ не додумалась вся отрицающая Европа. Эти отвѣты и являются совѣтами или указаніями для ревнителей вѣры и любви, какъ привлекать къ нимъ удалившихся отъ нихъ ближнихъ: должно обвѣять ихъ своимъ благодатнымъ настроеніемъ вѣры и сочувствія.

Разумѣется, это не рецептъ и не подробный курсъ пастырскаго богословія: здѣсь указанъ писателемъ только общій законъ нравственнаго, возрождающаго вліянія одной личности

на другую, и не указывается, какъ первой пріобрѣсти потребныя для того душевныя свойства; но начертанныя писателемъ картины такого возрожденія представляютъ собою безпримѣрную драгоцѣнность во всемірной литературѣ, будучи исполнены несомнѣнной красоты и умилительности: онѣ и душу читателя наполняютъ самыми возвышенными чувствами человѣколюбія и религіозности и, кромѣ того, раскрываютъ ему высочайшія свойства человѣческой природы, какъ предназначенной къ нравственному совершенству и къ исполненному любви единству съ душами прочихъ людей.

Прежде чѣмъ закончить эту главу, главу психологическую и моральную, отвѣтимъ еще на одинъ вопросъ: а какое указаніе найдетъ себѣ у Достоевскаго такой человѣкъ, который и самъ уже рѣшилъ перемѣнить свою жизнь и стать на путь нравственнаго возрожденія. Подобный вопросъ полусерьезно и полуиздѣвательски задалъ старцу Зосимѣ Федоръ Карамазовъ. Что же ему отвѣтилъ старецъ? Отвѣтилъ прямо и опредѣленно, безъ всякой уклончивости, но такъ, что когда я читалъ впервые эту повѣсть въ 16-лѣтнемъ возрастѣ, то отвѣтъ этотъ меня удивилъ и не удовлетворилъ; я оцѣнилъ его значеніе, когда я заканчивалъ половину столѣтія своей жизни.

Старецъ отвѣтилъ: начни съ того, чтобы никогда не лгать, особенно самому себѣ (16, 74, 98). Такой же совѣтъ дается въ «Подросткѣ» интеллигентному юношѣ въ качествѣ основного руководства всей жизни: «Никогда не лги и помни 10-ую и всѣ 10 заповѣдей» (14, 315).

У меня былъ добрѣйшій братъ; старше меня на 5 лѣтъ, очень умный, но безвольный, любознательный, но неаккуратный ученикъ; нерѣдко онъ получалъ въ гимназіи двойки и, видя, какъ это разстраиваетъ мать, скрывалъ отъ нея эти неудачи и ради этого прибѣгалъ ко лжи, что повергло родителей въ глубокую печаль. Правда, въ свое время братъ сталъ магистромъ естествовѣдѣнія, но, имѣя до крайности мягкую душу и не перенося никакихъ тяжелыхъ разговоровъ, онъ и потомъ скрывалъ свои долги, бывавшіе слѣдствіемъ того, что онъ раздавалъ все, что получалъ. Вотъ такому, почти праведному, человѣку можно дать подобный совѣтъ: не лги, потому что иныхъ грѣховъ у него почти не было; но учить правдивости въ словахъ человѣка, насквозь пропитаннаго сотнею пороковъ, прямо преступнаго, это казалось мнѣ, тогда юношѣ

(даже мальчику), все равно, что больного скоротечной чахоткой лечить отъ случайно полученнаго насморка.

Долгій опытъ жизни и наблюденія надъ людьми показалъ мнѣ, что старецъ Зосима далъ именно тотъ совѣтъ, съ исполненія котораго и **долженъ начинать** свое нравственное возрожденіе грѣшникъ, запутавшійся въ бездну лжи и порока. Порочная жизнь невозможна безъ постояннаго самообмана, и потому она почти всегда, или даже всегда, сопровождается наркозомъ — преимущественно пьянствомъ, такое средство всего легче содѣйствуетъ самообману, дѣлаетъ вѣроподобной всякую пріятную неправду и успѣшно отыскиваетъ оправданіе для всякаго гнуснаго дѣла. Не будь водки, вина, гашиша, опіума, морфія и другихъ наркозовъ, не было бы девяти десятыхъ преступленій, какъ явствуетъ изъ уголовной статистики со времени воспрещенія Государемъ продажи водки до новой возможности винокуренія со времени революціи: почти такова же статистика самоубійствъ.

Справедливое убѣжденіе нашего писателя въ томъ, что ложь самому себѣ и другимъ есть главное и необходимое условіе для укорененія въ злѣ и порокѣ, тѣснѣйшимъ образомъ связано съ его убѣжденіемъ о томъ, что въ душѣ люди лучше, чѣмъ ихъ поведеніе, и что, если бы они провѣряли свои минутныя намѣренія и дѣйствія болѣе глубокими и постоянными стремленіями своей души, то не опускались бы ниже и ниже и не давали бы окончательно зачерствѣть своему сердцу. Изреченія автора такого оптимистическаго характера мы приводили въ достаточной степени, а теперь напомнимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ были высказаны именно по поводу личности самого Карамазова, его пожертвованій въ память умершей, почти замученной имъ первой жены и нѣкоторыхъ проявленій нѣжныхъ чувствъ къ Алешѣ, своему младшему сыну, поступившему въ монастырь.

Глубина и практичность указаннаго не однажды въ твореніяхъ нашего писателя **перваго совѣта** порочному человѣку, **свободно пожелавшему** исправить свою жизнь заключается въ томъ, что совѣтъ этотъ имѣетъ характеръ внѣшній, такъ сказать, физическій и притомъ **спеціальный.**

Это важно потому, что, если обрушиться на первый запросъ проснувшейся слабой совѣсти и развращенной воли цѣлымъ потокомъ совѣтовъ и требованій, то она почувствуетъ себя совершенно подавленной, и человѣкъ съ безнадеж-

ностью отступитъ отъ раскрывшагося передъ нимъ терноваго пути.

Конечно, другое дѣло, если этотъ человѣкъ обладалъ глубокою вѣрою во Христа, какъ дядя Власъ. Такой, чѣмъ рѣзче опредѣлитъ путь своего исправленія, тѣмъ будетъ благонадежнѣе.

«Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ».

Но человѣкъ невѣрующій или полувѣрующій, такой не можетъ ни устоять сразу въ тяжеломъ аскетическомъ подвигѣ, ни даже внушить себѣ сразу какое либо положительное добродѣланіе, ибо изолгавшаяся душа сейчасъ же при помощи привычныхъ софизмовъ начнетъ уклоняться въ сторону отъ принятаго подвига. Достаточно, если онъ все свое вниманіе устремитъ на то, чтобы устранить главную помѣху своего оздоровленія, чтобы человѣкъ пересталъ самъ себя дурить и коверкать. Злыя страсти еще пожалуй не разъ и не два натолкнутъ его на какую-нибудь гадость, но если онъ устоитъ въ томъ маломъ подвигѣ, которому научилъ его старецъ Зосима, то не будетъ себя оправдывать въ своихъ проступкахъ и паденіяхъ и черезъ одно это наполовину охладѣетъ къ тому, что его привлекало. А если начнетъ охладѣвать ко всему скверному, то душа его станетъ все доступнѣй и доступнѣй къ чувствамъ благороднымъ и мягкимъ; все чаще и чаще онъ, поддаваясь имъ, будетъ поступать человѣколюбиво и честно, а черезъ то получитъ и дѣятельный вкусъ къ добродѣтели и тогда будетъ въ состояніи обречь себя на болѣе широкую борьбу со зломъ въ себѣ самомъ, почувствуетъ потребность научиться вѣрѣ и молитвѣ, а затѣмъ уже откроется передъ нимъ свѣтлая дорога къ совершенному возрожденію и новой праведной жизни.

———o———

ГЛАВА XIII.

ДОБРОДѢТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ.

§ 1. Православная Церковь.

Двѣнадцатая глава заняла въ нашей рукописи цѣлую половину того числа страницъ, которое потребовалось для одиннадцати предыдущихъ вмѣстѣ. Трактуя о нравственной жизни человѣческой души, она разсматривала ту часть ученія Достоевскаго, которая была для него самой дорогой, ибо писатель нашъ, будучи и народникомъ, и государственникомъ, и юристомъ-любителемъ, все-таки выше всего цѣнилъ и болѣе всего любилъ человѣческую душу и ея возрожденіе.

Въ другой, давнишней своей статьѣ мы поясняли, что почти всѣхъ своихъ героевъ нашъ писатель ставилъ предъ этимъ призывомъ Промысла, предъ призывомъ ихъ къ возрожденію. Тѣ герои его, которые идутъ навстрѣчу этому призыву, обрѣтаютъ смыслъ жизни, а тѣ, которые его отталкиваютъ, погибаютъ нравственно, а часто и физически черезъ самоубійство.

Упоминали мы о томъ, что Достоевскій ставитъ отношеніе русскаго человѣка къ религіи въ неразрывную связь съ его отношеніемъ къ народу; это, во-первыхъ, соотвѣтствуетъ наличной нашей дѣйствительности, а, во-вторыхъ, привлекаетъ къ религіознымъ и моральнымъ матеріямъ вниманіе свѣтскихъ

читателей, боязливо отодвигающихся отъ такихъ темъ, если онѣ не связаны съ вопросомъ народнымъ и общественнымъ. У Достоевскаго же указанная связь естественна еще и по той причинѣ, что онъ, какъ мы видимъ, признаетъ въ основѣ всѣхъ крупныхъ общественныхъ, политическихъ и историческихъ движеній начало религіозное или противорелигіозное, но тоже мистическое, т. е. инфернальное.

Теперь пора обратиться къ тѣмъ его немногочисленнымъ, но очень цѣннымъ изреченіямъ, которыя касаются спеціально религіозной организаціи жизни, т. е. Православной Церкви, — явленія космополитическаго, но въ тоже время въ Россіи въ высшей степени народнаго, болѣе народнаго, чѣмъ государство, особенно послѣпетровское.

Народъ нашъ мыслитъ себя и свою страну, т. е. Святую Русь, прежде всего какъ общество православныхъ христіанъ, совершающихъ свое спасеніе, т. е. какъ Церковь, какъ часть Вселенской Православной Церкви, а на государство онъ взираетъ лишь какъ на ея внѣшнюю охрану. На своего царя — благочестивѣйшаго — народъ взиралъ прежде всего, какъ на дѣятеля церковнаго, т. е. охранителя Церкви на Руси и внѣ Руси, о чемъ прямое изреченіе Достоевскаго мы приводили выше.

Мы сказали, что изреченій Достоевскаго о церкви немного ,и это потому, что нашъ авторъ, какъ и вообще всѣ высоко-талантливые писатели, избѣгаетъ толковать о томъ, о чемъ не имѣетъ спеціальныхъ познаній, а, кромѣ того, какъ человѣкъ въ высшей степени искренній, заговаривалъ о разныхъ предметахъ лишь по мѣрѣ того, какъ они становились центромъ его переживаній.

Того же мудраго правила держались до времени и другіе наши талантливые писатели: Чеховъ, Горькій, Тимковскій, и поэтому отъ ихъ повѣстей вѣяло прекрасной, возвышающей душу правдой; но послѣдніе два автора, къ сожалѣнію, поступили на службу революціи и рѣзко измѣнили указанному правилу и тѣмъ загубили свой талантъ; таковы грубо тенденціозныя повѣсти ихъ о нашемъ духовенствѣ, лишенныя всякой художественной правды и даже какого-либо солиднаго знакомства съ этой средой, а набирающіе краски изъ западныхъ романовъ о жизни іезуитовъ, какъ и Мельниковъ-Печерскій свои анекдоты о заволжскихъ старовѣрческихъ монахахъ бралъ изъ «Декамерона» (объ игуменѣ и поломойкѣ).

Да, плохо, когда вдохновеніе писателя отдается въ рабство. Не говорю уже о Купринскихъ, Чириковскихъ повѣстяхъ, гдѣ стало обязательно почти въ каждой повѣсти выводить идеальный типъ еврейки, преслѣдуемой злобой русскихъ и рѣшающейся на принципіальное самоубійство.

Порядокъ центральныхъ идей повѣстей Достоевскаго можно приравнять къ тому порядку нравственнаго возрожденія, который мы приблизительно изложили въ предыдущей главѣ: сперва жалость и совѣсть, сознаніе грѣха и борьба, потомъ отреченіе отъ гордости или, напротивъ, нарочитое нарушеніе заповѣди и преступленіе, тяжкія муки совѣсти, вторичное покаянное обращеніе и начало вѣры, наконецъ, положительная работа надъ собой и среди ближнихъ и въ завершеніе тѣснѣйшее соединеніе своей жизни и дѣятельности съ наличною жизнью Православной Церкви, съ ея молитвами, догматами и монастырями. Если вы начнете припоминать порядокъ повѣстей нашего писателя: «Бѣдные Люди», дальнѣйшія его краткія повѣсти, затѣмъ «Униженные», «Преступленіе» «Идіотъ», «Бѣсы», «Подростокъ» и, наконецъ, «Братья Карамазовы», то замѣтите, что центральныя идеи каждаго изъ этихъ твореній шли именно въ такой послѣдовательности, а чисто церковныя перспективы открылись передъ читателями, и передъ авторомъ, и притомъ въ нѣкоторой типичной обстоятельности, только въ послѣдней его повѣсти, занявшей и поглотившей уже послѣдніе годы его жизни.

Не теряемъ случая еще разъ поэтому заявить, что вдохновеніе автора шло впереди формъ его убѣжденій, что онъ менѣе всѣхъ своихъ современниковъ былъ человѣкомъ партіи или тенденціи. Не потому онъ писалъ о смиреніи, покаяніи и братолюбіи, что былъ православнымъ, а потому становился и сталъ православнымъ, что уразумѣлъ и возлюбилъ добродѣтель и высоту души человѣческой. Такова же причинная зависимость его общественныхъ и государственныхъ воззрѣній: они были не посылками, а выводомъ изъ его психологическихъ наблюденій и нравственныхъ созерцаній и переживаній.

Проповѣдникъ нравственной автономіи и категорическаго императива, Кантъ, долженъ былъ бы остаться вполнѣ доволенъ послѣдовательностью идей Достоевскаго, хотя идеи послѣдняго радикально разнились отъ общественнаго и богословскаго ученія Кенигсбергскаго философа, но при всемъ томъ оба эти мыслителя сходятся въ той мысли, что выше все-

го ставятъ и дороже всего цѣнятъ нравственное благо, а отсюда уже такъ или иначе цѣнятъ религію, отечество, другія культуры, наконецъ даже формы правленія и т. п. Итакъ, Достоевскій не сразу, а только понемногу сталъ толковать въ своихъ повѣстяхъ о религіи вообще, или о Богѣ, потомъ, и не сразу же, о Христѣ и только въ послѣдней повѣсти о Церкви Православной. Въ прежнихъ же повѣстяхъ онъ позволялъ себѣ только уголкомъ, эпизодически, коснуться послѣднихъ двухъ предметовъ, хотя самые факты его наблюденій надъ душой человѣка и ея нравственной борьбой предсказывали дальнѣйшее направленіе его идей, развитіе или эволюція которыхъ посему должна быть признанной самой правильной или органической: отъ болѣе яснаго и шутливаго и въ то же время жизненно-фактическаго къ болѣе спорному и въ то же время высшему.

Такъ было въ повѣстяхъ нашего писателя, гдѣ читатель требуетъ прежде всего художественной правды и поученія отъ самой изображенной жизни, а не лично отъ автора. Другое дѣло въ статьяхъ Дневника Писателя, гдѣ послѣдній непосредственно дѣлился съ публикой своими личными наблюденіями и личными убѣжденіями. Здѣсь авторъ и раньше, хотя почти одновременно съ написаніемъ послѣдняго романа, позволялъ себѣ высказываться о православіи, особенно тамъ, гдѣ это было неизбѣжно, т. е. въ своихъ статьяхъ по Восточному Вопросу.

Что же касается до его повѣстей, то даже въ Братьяхъ Карамазовыхъ Достоевскій касается церковныхъ матерій почти только въ эпической формѣ, описывая бытъ и нравы монастыря. Развѣ только предсмертная исповѣдь старца Зосимы, гдѣ проведены уже положительныя религіозныя идеи, есть нѣчто большее, чѣмъ эпосъ. Но и здѣсь о Церкви, какъ учрежденіи, какъ о фактѣ, очень мало рѣчи, а ведется она о душѣ человѣка, о настоящей и будущей жизни, о покаяніи и паденіяхъ, о господахъ и крестьянахъ, о Христѣ и Евангеліи и тому подобное.

Итакъ, о церкви въ спеціальномъ смыслѣ Достоевскій говоритъ очень мало, хотя жизнь народа нашего и его идеалы, онъ, какъ мы видѣли раньше, понималъ какъ жизнь и идеалы церковные. Подробнѣе и замѣчательно сильно и смѣло Достоевскій говорилъ о ложныхъ религіяхъ Запада, преимущественно со стороны ихъ нравственно-общественныхъ воз-

зрѣній, пріемовъ, и цѣлей. Къ этому мы скоро возвратимся, а теперь приведемъ то немногое, что касается организаціи нашей религіозной жизни и религіозныхъ идеаловъ.

Первою ласточкой церковныхъ насажденій, т. е. церковной весны, является въ предпослѣдней повѣсти Достоевскаго, въ Подросткѣ, одна предсмертная фраза простеца, но религіознаго философа-моралиста Макара Ивановича, фраза не сопровождаемая никакими поясненіями, ни предвареніями, но сказанная торжественно въ качествѣ завѣщанія своему мнимому сыну, котораго онъ узналъ только въ своей предсмертной болѣзни и также горячо его полюбилъ, какъ и тотъ юноша привязался къ отходящему старцу. Слова эти въ повѣсти являются почти неожиданными: «поревнуй о святой Церкви, мой милый» (11,340).

Впрочемъ, назвавъ завѣщаніе старца Макара Ивановича первой ласточкой чистаго церковнаго ученія Достоевскаго, мы должны оговориться, что разумѣемъ именно **его ученіе**, приводимое въ повѣстяхъ, что же касается до **его убѣжденій**, то этотъ путь и путь жизни и подвига церковнаго, предносился ему, какъ нормальный и высшій, давно. Именно въ одной изъ давнишнихъ его повѣстей: «Село Степанчиково», идеальная и просвѣщенная дѣвушка Настенька, взятая замужъ богатымъ и добрымъ помѣщикомъ изъ тяжкой нужды, что дѣлаетъ? Читаетъ житія святыхъ, пишетъ о ней Достоевскій, и толкуетъ, что надо раздать имѣніе и быть бѣднымъ (318).

Возвращаемся къ Подростку. О томъ, принялъ ли къ сердцу Подростокъ совѣтъ старца, повѣсть не говоритъ ни слова, но слѣдующая и послѣдняя повѣсть нашего писателя изображаетъ другого подростка, посвятившаго себя этой идеѣ — Алешу Карамазова. Правда, писатель послѣ смерти старца Зосимы удаляетъ его изъ монастыря, чтобы онъ «трудился для Бога» въ міру, согласно завѣту самого старца. Но этотъ эпизодъ не вытекалъ изъ смысла повѣсти, ибо осталось совершенно неизвѣстнымъ, въ чемъ долженъ состоять этотъ трудъ, который сверхъ того съ такимъ успѣхомъ проводилъ въ своемъ общеніи съ людьми Алеша-монахъ, и который въ мірскомъ человѣкѣ будетъ не совсѣмъ даже естественнымъ. Здѣсь не болѣе, какъ педагогическій пріемъ, допущенный авторомъ ради своихъ молодыхъ читателей, которые, подъ обаяніемъ типа Алеши, готовы были тогда покидать училища и университеты и поступать въ монастыри, изъ чего ничего

добраго не вышло бы, ибо эти ревнители, не имѣя никакой религіозной и церковной подготовки, только разочаровались бы въ монашествѣ, и монастырь разочаровался бы въ нихъ самихъ. Достоевскій долженъ былъ допустить, по педагогическимъ побужденіямъ, такой даже грѣшокъ противъ художественной правды, ибо никогда монастырскій старецъ не отошлетъ въ міръ ревностнаго послушника, а особенно такого, какъ Алеша Карамазовъ.

И такъ Алеша Карамазовъ смолоду является монахомъ и дѣятелемъ церковнымъ, но послѣднее не мыслится имъ въ качествѣ опредѣленной планомѣрной или организованной дѣятельности. Свое прямое призваніе онъ видитъ въ служеніи старцу и въ монашескомъ подвигѣ, а, если и выходитъ нерѣдко въ городъ къ роднымъ и другимъ людямъ, обращающимся къ его нравственной помощи, поддержкѣ и утѣшенію, то по необходимости и съ благословенія старца. Поэтому напрасно искали бы мы въ дѣятельности или рѣчахъ Алеши какихъ-либо указаній автора о церковной жизни. Однако типъ Алеши имѣетъ въ ученіи Достоевскаго то значеніе, что этотъ юноша является у него нашедшимъ истинный путь жизни разумнаго человѣка, христіанина, народника, тотъ правый путь въ жизни, котораго искали такъ горячо и страстно положительные типы прежнихъ повѣстей автора: Униженные, Идіотъ, Преступленіе, Бѣсы, Подростокъ и пр. Рисуя образъ Алеши, авторъ говоритъ черезъ него русскому обществу и юношеству: «вотъ гдѣ путь къ осмысленной жизни, примиренный съ совѣстью и объединенный съ нашимъ народомъ».

О томъ, какимъ неоцѣненнымъ благомъ является для народа убѣжденный священникъ и инокъ, говоритъ въ предсмертной бесѣдѣ своей старецъ Зосима. Рѣчи эти глубоки и трогательны, но значеніе ихъ входило бы въ содержаніе такъ называемаго «Пастырскаго Богословія», т. е. ученія о религіозномъ руководительствѣ нашей паствы ея пастыремъ; самого же существа церковной жизни, какъ организаціи онѣ мало касаются. Поэтому мы не будемъ передавать ихъ мыслей, ибо таковыхъ столь много, что намъ пришлось бы передавать все содержаніе этихъ бесѣдъ, а не намѣчать только главныхъ идей автора по разнымъ предметамъ; отсылаемъ читателя къ непосредственному ознакомленію съ бесѣдой старца Зосимы, что было бы полезно не только для мірскихъ читателей, но и для іереевъ и для иноковъ.

Для нашей цѣли — составить словарь идей Достоевскаго — важнѣе остановить вниманіе читателя на тѣхъ двухъ-трехъ его изреченіяхъ, которыя касаются жизни самой церкви, а ея руководственное значеніе для русскаго народа намъ достаточно извѣстно изъ вышеприведенныхъ мыслей автора о нашемъ народѣ и его чисто церковной культурѣ, въ коей заключается все содержаніе народной жизни и ея идеаловъ (21, 498). Напомнимъ вторично только одно, самое опредѣленное изрѣченіе о семъ автора: идея нашего народа, или его православіе, есть идея Вселенской Церкви, а ея идея — соединеніе всѣхъ во Христѣ (21, 498). Именно черезъ идею Церкви мысль Достоевскаго и чувство нашего народа выходитъ отъ своего нравственно-индивидуальнаго начала — народно-бытового ко всемірному; здѣсь соединеніе личнаго подвига, или индивидуализма (въ которомъ столь неразумно укоряла критика самого Достоевскаго и славянофиловъ), къ общественному и міровому. — Для насъ особенно цѣнно то, что нашъ писатель, одинъ изъ очень немногихъ свѣтскихъ писателей, знаетъ православную религію, нашу Церковь не только какъ русскую или народную, но въ то же время, и прежде всего, какъ Вселенскую, которую мы исповѣдуемъ въ девятомъ членѣ Символа Вѣры. А еще важнѣе для насъ то, что церковь эта ему представляется не только какъ предметъ вѣры, но и какъ живое **дѣло,** требующее живого общаго проявленія. Толкуя много о восточномъ вопросѣ, Достоевскій указываетъ на то наиважнѣйшее его значеніе, о коемъ 90 процентовъ прочихъ писателей по сему вопросу и не думали. Онъ пишетъ: необходимъ по освобожденіи восточныхъ христіанъ **Вселенскій Соборъ** (21, 80). Замѣчательно, что и въ такомъ, въ то время почти изолированномъ заключеніи, Достоевскій явился тоже пророкомъ, ибо черезъ 25 лѣтъ о соборѣ заговорили со всѣхъ сторонъ, хотя и по разнымъ побужденіямъ; заговорили многіе и о соборѣ вселенскомъ, а въ 1917 году осуществился и дѣйствительный соборъ, хотя и не вселенскій, а помѣстный и съ нѣкоторымъ отпечаткомъ революціонныхъ и протестантскихъ стремленій при своемъ открытіи, но совершенно ихъ отринувшій и оказавшій православію и Церкви великія услуги.

Еще болѣе замѣчательно то, что нашъ писатель могъ признать и тѣ проблемы нашей церковной жизни, которыя были слѣдствіемъ ея насильственнаго обособленія отъ прочихъ православныхъ церквей Петромъ и послѣдовавшимъ за тѣмъ

двухвѣковымъ лютеранскимъ европеизмомъ. Авторъ именно заявляетъ, что самое высшее духовное руководство русской паствы и русскаго монашества, т. е. «старчество» завяло у насъ вслѣдствіе прекращенія сношеній съ православнымъ Востокомъ (17, 45). — Итакъ онъ разумѣлъ, что религіозное и нравственное общеніе должно быть шире жизни національной и непремѣнно охватывать всю полноту Христовой Церкви, ибо только полнотѣ ея, т. е. общенію всѣхъ православныхъ народовъ обѣщано Богомъ совершенное познаніе и уразумѣніе истины и усвоеніе завѣщанной Имъ святости.

Вотъ почему онъ такъ волновался Восточнымъ вопросомъ. — Восточный вопросъ, — писалъ онъ, — есть разрѣшеніе судебъ православія и христіанскаго возрожденія Европы (21, 366).

Такова широта религіозно-общественнаго горизонта Достоевскаго. Она выражается и болѣе опредѣленно. — Въ Европѣ идетъ всемірно - католическій заговоръ (21, 276), но Господь отвергнетъ его и поставитъ на его мѣсто восточное православіе (21, 288).

— Бисмаркъ и протестанты, — пишетъ авторъ, — надѣются остановить революцію, но ее остановитъ Православный Востокъ (21, 373). Мы оцѣнимъ значеніе этой мысли, когда припомнимъ, что въ начавшемся тогда и разгорѣвшемся теперь европейскомъ революціонномъ движеніи авторъ видѣлъ не преобразованіе государственнаго управленія или экономическаго строя, а демоническое возстаніе противъ Бога и совѣсти и попытку устроить жизнь человѣчества не токмо помимо этихъ началъ, но и въ постоянной борьбѣ съ ними. Посему пусть никто не думаетъ, будто нашъ писатель придавалъ этимъ своимъ предсказаніямъ характеръ мистическій, будто онъ представлялъ себѣ будущую славу Православной Церкви и будущее вліяніе православія на жизнь Европы, только какъ небесную награду ей за сохраненіе апостольскаго христіанства. Нѣтъ, онъ мыслилъ событія въ строгой исторической причинной связи или прагматизмѣ и выражался о семъ столь кратко, и въ данномъ случаѣ аподиктически, что для уразумѣнія его мысли необходимо привести его наблюденія надъ религіозной жизнью Западной Европы, чтобы понять, почему тамъ, по его мнѣнію, изсякъ источникъ нравственно возрождающей силы христіанства.

* * *

§ 2. Инославныя исповѣданія.

Конечно, Достоевскій не берется судить о наличности или напротивъ, о потерѣ тамошними церквами благодати Божіей, о возможности или невозможности тамъ вѣчнаго спасенія для вѣрующей души, — словомъ онъ не вступаетъ въ вѣроисповѣдное обличеніе или въ конфессіональную полемику. Если бы дѣло у него шло дальше, то мнѣ было бы невыразимо трудно пересказывать подобныя мысли здѣсь, въ католическомъ монастырѣ подъ Краковомъ, гдѣ добрѣйшіе монахи осыпали насъ знаками своего братскаго вниманія и участія.

Къ счастью, такихъ предметовъ истолкователю Достоевскаго совсѣмъ не приходится касаться, ибо нашъ писатель говоритъ объ общественномъ вліяніи папской политики на жизнь народовъ, нисколько не отрицая того, что внутри не только церкви католической, но и католическаго клира и монашества могутъ существовать и существуютъ личности, и общины, и цѣлыя направленія, исполненныя самыхъ чистыхъ стремленій къ святости, къ небу, ко Христу и вовсе не сочувствующія тому неправильному наклону политики и управленію Ватикана, которое лишаетъ Европу возможности вырваться изъ когтей атеизма и соціализма. Сверхъ того должно замѣтить, что врагамъ папства въ Европѣ Достоевскій сочувствуетъ еще меньше, чѣмъ самому папству. — Папство поражено въ Италіи, — пишетъ онъ, — а что вышло? Еще хуже (21, 166), т. е. масонство и деморализація итальянской народности. Достоевскій нападаетъ, какъ мы сказали, не на догматы католической религіи, а на стремленіе Ватикана удержать свѣтскую власть папы, въ чемъ авторъ справедливо видитъ подрывъ основнымъ идеямъ христіанства, ибо каждый государь поневолѣ является палачомъ, какъ утверждающій смертные приговоры, объявляющій войну и руководящій ею, т. е. цѣлою системою убійствъ. Все это составляетъ печальную необходимость жизни даже христіанскихъ народовъ, но ею не долженъ руководить пастырь церкви, ибо такая дѣятельность несовмѣстима въ одномъ лицѣ съ призывомъ всѣхъ людей къ покаянію и къ изреченіямъ прощенія всѣмъ кающимся. Въ этомъ смыслѣ нашъ писатель заявляетъ: — Па-

пизмъ, провозгласивъ гражданскую власть папы, впалъ тѣмъ самымъ въ ересь (20, 102). Во время Достоевскаго, при папѣ Піѣ IX, эти мірскія стремленія Ватикана были особенно сильны, и съ ними тѣсно связанъ догматъ de infallibilitate, существующій въ практической жизни каждаго государства, какъ свойство его высшей власти и въ данныхъ условіяхъ свойство необходимое: противъ опредѣленія высшей государственной власти, т. е. автократовъ или парламента, возраженія невозможны. Папа, пишетъ Достоевскій, — нарекъ себя царемъ надъ царями въ 1870 г. (20, 103).

Въ этомъ же смыслѣ онъ въ другомъ мѣстѣ пишетъ такъ: католическая (читай — ватиканская, папская) идея — идея древнеримская, т. е. насильственное объединеніе человѣчества черезъ подчиненіе Риму (21, 5). Римъ ведетъ свою идею всемірнаго владычества, а Бисмаркъ борется за Германію (т. е. за ея господство — 21, 176, 177). Риму нуженъ не Христосъ, а всемірное владычество (21, 187). — Эта идея прямое продолженіе языческой идеи (29, 329): первый шагъ въ этомъ планѣ — возстановленіе свѣтской власти папы (19, 341, — уничтоженной возстаніемъ Гарибальди) — Достоевскій притомъ убѣжденъ, будто такое усиленіе этой идеи не есть временное увеличеніе римской куріи, но что «латинская идея» о всемірномъ владычествѣ не умираетъ до конца вѣка (19, 328), а о современномъ ему демократическомъ направленіи нѣкоторыхъ круговъ католическаго духовенства (направленіе это усилилось особенно при Львѣ XIII) выражаетъ увѣренность, что только ради возстановленія свѣтской власти папы «предпринимаются демократическія вылазки католическаго духовенства» (19, 342), и что во Франціи католичество войдетъ въ союзъ съ соціализмомомъ (21, 372 — пока этого однако нѣтъ), ибо оно надѣется, что соціализмъ, послѣ неудачи своей, обратится къ католической іерархіи (21, 373). Въ тоже время королей въ революціи поддерживаетъ пока только католическая церковь (20, 109).

Вмѣшиваясь въ политику не съ цѣлью народнаго блага, а для своихъ римскихъ цѣлей, клерикалы на самомъ дѣлѣ суть «самые оторванные отъ народной почвы элементы» (19, 318), и армія папы (тѣ же клерикалы, особенно клерикальное духовенство) состоитъ не изъ гражданъ (той или иной народности) а есть status in statu (т. е. особое римское государство въ государствѣ, 21, 190) и клерикалы вовсе не счита-

ются съ народомъ и общественнымъ мнѣніемъ (19, 317). Характеризуя католичество со стороны дѣятельности клерикаловъ, одинъ изъ положительныхъ типовъ Достоевскаго, долго проживший въ католической Швейцаріи, заявляетъ: «католичество вѣра не христіанская, даже не вѣра, а древнеримское (политическое) завоеваніе всего міра (11, 340).

О протестантствѣ Достоевскій не лучшаго мнѣнія: онъ ссылается на писателя Сиднея Дюббеля, характеризующее изжившееся католичество и протестантство (20, 111) и говоритъ уже отъ себя объ отрасли послѣдняго въ Россіи такъ: штунда лжива и фанатична (21, 11) и объ обоихъ: католичество идетъ къ идолопоклонству, а протестантство въ атеизмъ (21, 450). Когда лѣтъ 14 тому назадъ, прибавимъ отъ себя, была разослана анкета ко всѣмъ пасторамъ въ Германіи съ вопросомъ: за кого они почитаютъ Іисуса Христа? — то двѣ трети пасторовъ отвѣчали, что признаютъ его только человѣкомъ, а одна лишь треть ихъ исповѣдала Его Сыномъ Божіимъ. — Подобныя выходки у католическаго духовенства были индивидуальны; такъ, Достоевскій сообщаетъ, что — аббатъ Риго плюетъ на все и говоритъ, что причастіе «пустяки» (14, 43), но теперь и тамъ существуетъ цѣлое направленіе подъ именемъ модернизма, отрицающее основные догматы Символа Вѣры. — Черезъ эти недобрыя стороны клерикальныхъ элементовъ произошло то, «что и самый атеизмъ, и соціализмъ порождены католичествомъ, какъ пропасть» (11, 342). Однако римско-завоевательное направленіе, какъ мы видимъ, по мнѣнію Достоевскаго, никогда не оставитъ латинства, но если «оно кончится, то и протестантство исчезнетъ, ибо противъ чего будемъ тогда протестовать?» (19, 391).

§ 3. Жизненная сила православія.

Двоякую цѣль имѣли мы передъ собою, когда брались знакомить читателя съ мыслями Достоевскаго о западно-европейскихъ исповѣданіяхъ. Во-первыхъ, мы желали предупредить возраженія: стоитъ ли толковать объ общественномъ и всенародномъ значеніи церкви или церквей теперь, когда религія вообще потеряла почти совсѣмъ свое вліяніе на жизнь?

Какъ видите, нашъ писатель не только русскую жизнь, но и жизнь западныхъ народовъ и государствъ, ставитъ въ тѣснѣйшую связь, то положительную, то отрицательную, съ мѣстными религіями, въ которыхъ **несмотря на все,** и донынѣ заключается узелъ общественныхъ движеній, даже и на безбожномъ западѣ; тѣмъ невозможнѣе отрицать такую причинную зависимость жизни русской отъ нашей родной церкви, и въ частности въ отношеніи русскихъ къ заграничнымъ братьямъ по вѣрѣ, и вообще къ заграничному міру. Это одно, а другое, т. е. вторая цѣль напоминанія читателю вышеприведенныхъ мыслей Достоевскаго о главнѣйшихъ религіяхъ западной Европы (и въ частности противоположность ихъ центральной идеи съ идеей Православія), заключается вотъ въ чемъ .— Мы уже видѣли, что оригинальная идея самого Достоевскаго заключается въ томъ, что онъ, вопреки всѣмъ современнымъ публицистамъ и свѣтскимъ мыслителямъ, не только не желаетъ разъединять теоріи общественнаго и государственнаго благоустройства отъ личнаго подвига людей, но первое ставитъ въ полную зависимость отъ второго, почитаетъ первое безъ второго невозможнымъ, и всѣ движенія, усовершенствованія и реформы перваго порядка ставитъ въ подчиненіе второму. Организація же личнаго подвига, т. е. указаніе людямъ дѣятельнаго идеала и обоснованіе его на соотвѣтствующихъ вѣрованіяхъ и упованіяхъ опредѣляется исповѣдуемой ими религіей и церковью. Посему та церковь, которая даже въ руководствѣ совѣстью своей паствы утеряла спеціальную задачу, перестала считать небо и вѣчность и личную святость людей своею высшей цѣлью и высшей цѣнностью въ жизни, а поставила себѣ иныя цѣли, т. е. напр., всемірное подчиненіе Риму или возможное возвышеніе своей германской расы, такая церковь, или такія церкви, при всей ловкости своихъ пріемовъ и искусномъ разыгрываніи мистификаціи, обречены на Сизифову работу, и вотъ почему: поставляя себѣ цѣли внѣшнія, и подчиняя имъ безусловныя цѣнности, т. е. спасеніе душъ и проповѣдь евангельской добродѣтели, въ качествѣ только служебныхъ средствъ для внѣшней централизаціи и подчиненія народовъ, — эти церкви, быть можетъ, незамѣтно для себя самихъ, начинаютъ (и уже давно продолжаютъ) дѣйствовать не на высшія побужденія души человѣческой, не черезъ то, чтобы дѣлать и примѣромъ призывать людей къ высшимъ подвигамъ добра и самопожертвованія, какъ Спаситель и Апо-

столы, — а дѣйствуютъ на ихъ чувства самосохраненія и выгоды, привлекая ихъ подъ знамена папства или германизма по мотивамъ эгоистическимъ, т. е. политическимъ (національнымъ, экономическимъ и т. п.), которыя постепенно и заполняютъ собою наличность церковной жизни, слѣдовательно и жизни вообще, такъ что начало подвига постепенно вовсе утрачивается изъ кругозора общества и народа, и вся атмосфера жизни принимаетъ характеръ утилитарный. Но лишь только подобное настроеніе становится преобладающимъ, то тѣ народы правильно должно признать вырождающимися, и ихъ озвѣреніе, т. е. животная борьба за существованіе, становится только вопросомъ времени, за которымъ наступаетъ революція и антропофагія.

Правда, послѣдняя обнаружилась не въ Западной Европѣ, а въ Россіи, и это предвидѣлъ самъ Достоевскій, но, какъ было уже сказано, здѣсь она является не какъ естественный результатъ эволюціоннаго процесса, а какъ случайное и наслѣдственное завоеваніе страны внѣшними, съ европейскаго запада пришедшими обманщиками при разслабленіи администраціи; поэтому наше ослѣпленіе и антропофагія должна быть выброшена такъ далеко, какъ издалека она налетѣла. Сбѣсившіяся свиньи старика Верховенскаго потонутъ въ озерѣ, а исцѣлившійся и наученный опытомъ страдалецъ, русскій народъ, повѣдаетъ всюду и всѣмъ о благодати Исцѣлителя. Вотъ этого-то Исцѣлителя, это-то начало не себялюбиваго самосохраненія, а самоотверженнаго подвига, эту-то вѣру въ силу самой Христовой истины, въ ея побѣду надъ жизнью чрезъ подвигъ и святость ея провозвѣстниковъ, вотъ такой-то именно девизъ и несетъ съ собой и несла всегда Православная Вселенская Церковь, не объединенная никакою единоличною, ни вообще вооруженною властью, даже неоднократно, какъ бы временно, подавляемая еретиками или магометанами, но хранимая силою подвиговъ и самопожертвованія. Старецъ Зосима и монашество — вотъ та организующая, но лишенная внѣшнихъ гарантій сила, чрезъ которую по преимуществу Церковь простираетъ свое возрождающее вліяніе на жизнь. То и замѣчательно, что Достоевскій противопоставляетъ организаціи Великаго Инквизитора не силу организованной православной іерархіи, не Правительствующій Синодъ и даже не Восточныхъ Патріарховъ, не русскихъ ученыхъ архіереевъ, а совершенно внѣ ихъ активнаго вліянія выросшую

изъ нѣдръ самой Церкви и народа скромную монашескую общину близъ уѣзднаго города. Отступленіе и вырожденіе латинской церкви онъ находитъ въ томъ обстоятельствѣ, что она провозгласила гражданскую власть папы и тѣмъ выразила свое невѣріе въ пастырское правленіе нашего Вѣчнаго Первосвященника, Который, по Апостолу, всегда живъ и можетъ спасать приходящихъ черезъ Него къ Богу, имѣя непреходящее священство, т. е. управлять церковью и охранять ее непоколебимою отъ враговъ.

А такъ какъ Христосъ близокъ тамъ, гдѣ соединяется преимущество подвига и любви, то и благодатное вліяніе церкви сосредоточивается не тамъ, гдѣ наивысшая церковная власть или ученость, а гдѣ высшая святость. Это не отвлеченныя идеи Достоевскаго, а правда русской жизни. Не Петербургъ, и даже не Москва — столица православія, а Св. Афонъ, Оптина Пустынь, Валаамъ и тому подобныя святыя мѣста. Туда стремятся народныя сердца, тамъ и оттуда утверждается его вѣра, укрѣпляется надежда и умножается любовь.

Замѣчательно, что жизненную силу всего этого въ русскомъ народѣ съ особенной наглядностью выразилъ любимый нашимъ авторомъ творецъ баллады «Дядя Власъ», т. е. Некрасовъ, бывшій западникъ и чуть не республиканецъ; который, однако, почти незамѣтно для критики и даже для самого себя, постепенно къ концу жизни перешелъ въ противоположный лагерь, какъ, впрочемъ, дѣлали почти всѣ русскіе писатели и вообще всѣ добрые и умные люди.

Помнитъ ли читатель, какую увѣренность выражаетъ Некрасовъ въ живучесть русскаго народа и его побѣду надъ всѣми своими язвами и на чемъ основываетъ свою увѣренность?

На картинѣ повѣствованія въ крестьянской хатѣ старика о святыхъ мѣстахъ и о подвигахъ праведниковъ Божіихъ, древнихъ и современныхъ. Съ какимъ нѣмымъ восторгомъ слушаютъ его всѣ члены семьи, старые и молодые, большіе и малые, мужчины и женщины, забывъ о снѣ и усталости, почти замеревъ, одна съ веретеномъ въ рукахъ, другой съ невытертыми на щекахъ слезами. Второй разъ Некрасовъ предается тѣмъ же свѣтлымъ надеждамъ на великое будущее нашего народа, описывая на деревенскомъ праздникѣ идеальное настроеніе двухъ семинаристиковъ, дьячковыхъ сыновъ, будущихъ народныхъ пастырей. Обоихъ поэтовъ охватыва-

етъ сознательная и провѣренная опытомъ увѣренность въ томъ, что сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ и влiятельнѣе всего на человѣчество дѣйствуетъ не какая-либо внѣшняя физическая или государственная сила, но сила добродѣтели самоотверженной, опирающейся только на вѣру въ Бога и во Христа, и въ будущую загробную жизнь и ея правду.

Въ такомъ случаѣ, пожалуй, спроситъ читатель: почему же вы называете церковь организацiей, если творческая сила жизни предполагается въ личномъ, субъективномъ настроенiи людей? Отвѣтъ: Церковь есть прежде всего организацiя самыхъ религiозныхъ функцiй: молитвы, священнодѣйствiй, духовной науки, назначенiя духовныхъ лицъ и руководства ими. Принудительнаго въ Церкви нѣтъ ничего: кто не желаетъ принимать ея вѣрованiй, тотъ, послѣ увѣщанiй, отлучается отъ нея, т. е. выключается изъ ея состава, но его не подвергаютъ никакимъ физическимъ ограниченiямъ. Сила религiознаго одушевленiя пастырей и паствы создаетъ собою **церковный бытъ,** т. е. цѣлый огромный капиталъ нравственныхъ привычекъ и общепринятыхъ правилъ жизни, которыя получаютъ и получили въ русскомъ народѣ болѣе устойчивую мощь, чѣмъ принудительные государственные законы, дѣйствуя двумя сильнѣйшими мотивами человѣческаго общежитiя: мотивомъ убѣжденнаго **подражанiя** и **стыда,** которыми и строилась и держалась жизнь народа отъ временъ Ярослава и до XX вѣка. Объ этомъ можно бы много говорить, но Достоевскiй не оставилъ о семъ никакихъ опредѣленныхъ изреченiй, а потому мы ограничиваемся этой договоркой къ его мыслямъ на случай какого-либо недоумѣнiя со стороны читателей. Называемъ эти строки договоркой, потому что хотя ихъ нѣтъ у нашего писателя, но во всѣхъ повѣстяхъ онъ рисуетъ картину мощнаго влiянiя религiозной воли на окружающихъ и особенно на народъ («Вѣрующiя бабы»); это суть картины воспитанiя **коллективной воли** православнаго народа, которая выражается не только въ храненiи православной вѣры и ея обычаевъ, но еще болѣе въ признанiи нравственной обязательности отношенiй къ ближнимъ и къ самому себѣ, установленныхъ Церковью. Эти-то вотъ начала сохраняютъ свою жизненность даже въ томъ случаѣ, если русской государственности суждено совершенно погибнуть, а народу нашему быть подѣленнымъ между другими государствами. Но эти же начала, а не страхъ кары, держали крѣпко и расширяли нашу

государственность: именно за нихъ, за вѣру святую стоялъ нашъ народъ противъ врага на полѣ брани, пока эту вѣру не постаралось у нашего войска отнять его Временное Правительство. Но у народа вѣры этой отнять не удастся никому и ничему, и, конечно, онъ, или, вѣрнѣе, она, т. е. вѣра, возсоздастъ его прежнюю государственность, но уже свободную отъ рабства европейскому вліянію. Впрочемъ, если и не возсоздастъ, то народъ нашъ, прежній нашъ народъ, православный, все равно не изгибнетъ; не изгибнетъ даже наше полуправославное общество, а, напротивъ, можетъ быть, наученное горькимъ опытомъ послѣднихъ лѣтъ, станетъ вполнѣ православнымъ и народнымъ.

Намъ хочется присоединить къ нашему словарю еще двѣ дополнительныя главы, не входящія прямо въ нашу задачу, но соприкасающіяся съ нею по содержанію. Именно мы желаемъ привести изреченія Достоевскаго и о насущныхъ нуждахъ внѣшней русской жизни, о нуждахъ государственныхъ, сверхъ тѣхъ, о которыхъ онъ проговаривался въ выше приводившихся своихъ афоризмахъ и сужденіяхъ; затѣмъ мы не хотѣли бы оставить внѣ своего Словаря тѣхъ изреченій автора, въ которыхъ онъ выражалъ свойства и вкусъ своей жизни и своего характера и оригинальныя наблюденія надъ свойствами человѣческой души вообще и русскаго народа въ частности.

—o—

ГЛАВА XIV.

ДАЛЬНѢЙШІЯ НУЖДЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Сверхъ тѣхъ мыслей нашего писателя, которыя нашли себѣ мѣсто въ предыдущихъ главахъ Словаря и имѣли значеніе не только нравственное и психологическое, но и государственно-административное, намъ остается привести еще нѣсколько заявленій Достоевскаго, значеніе которыхъ оказалось тоже не только практическимъ, но и пророческимъ, а его недальновиднымъ современникамъ казалось фантастическимъ и парадоксальнымъ.

Таковы прежде всего его мысли о Сибири, которая въ настоящее время становится для Россіи Мининскимъ Нижнимъ. — Россіи, — писалъ Достоевскій о Турціи и Сибири, — полезно на время забыть о Петербургѣ и быть душой на Востокѣ (21, 365). И далѣе уже совсѣмъ незадолго до своей смерти: — Отдайте намъ Азію, а Европѣ мы мѣшать не будемъ (21, 515). Если бы мы обратились къ устроенію нашей Азіи, то было бы у насъ великое національное возрожденіе (21, 517). — Тогда бы создалась Россія новая, которая возродитъ старую (21, 520).

Критика подняла автора на смѣхъ. «Довольно и того, что славянофилы зовутъ насъ въ старую и суевѣрную Москву, подальше отъ окна въ просвѣщенную Европу, а Достоевскій тащитъ насъ въ дикую Сибирь, чтобы еще глубже погрузить

въ мракъ невѣжества» и т. п. Черезъ два мѣсяца послѣ выхода послѣдняго номера «Дневника» и смерти самого редактора раздался вновь мощный голосъ другого нашего великаго публициста И. С. Аксакова, можно сказать, надъ неохладѣвшимъ еще тѣломъ умерщвленнаго Царя Александра II, повторявшій предсмертныя слова Государя: «Да, домой. Домой въ Москву, призываетъ новаго Царя вся Россія», — такъ начинается передовица въ его знаменитой «Руси». Опять поднялся смѣхъ, критика и издѣвательство грошовыхъ писакъ. Но вотъ свергли еще одного царя и убили. И что же? Ужъ не царское правительство, а большевистское сочло за лучшее перейти въ Москву, гдѣ въ это же время возсіяла заря церковнаго возрожденія въ лицѣ возстановленнаго Патріаршества. Такъ поднялась Москва, но кто тогда, при жизни Достоевскаго, кромѣ его самого, могъ предусматривать то значеніе для Россіи заброшенной Сибири, каковое послѣдняя теперь получила? Замѣтьте сверхъ того, что нашъ писатель имѣлъ въ виду не только нравственно-патріотическое значеніе своей идеи, но и культурно-экономическое, первые шаги котораго предсказалъ тоже съ фотографической точностью. — Начинайте съ того, что проведите двѣ желѣзныя дороги: одну въ Сибирь, другую въ Среднюю Азію (21, 519). Первое дѣло начато черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти Достоевскаго новымъ Государемъ при самыхъ неблагопріятныхъ отзывахъ печати: и казна разорится на такую колоссальную постройку, и ѣздить по этой дорогѣ будетъ некому, и возить нечего, и медвѣди будутъ въ вагоны влѣзать, и т. п. А между тѣмъ вскорѣ оказалось, что по огромному количеству товаровъ и пассажировъ не хватаетъ одного рельсоваго пути, и пришлось прокладывать другой Такою же бойкой и выгодной для казны оказалась и Туркестанская желѣзная дорога, хотя четверть вѣка успѣло пройти, прежде чѣмъ правительство рѣшилось приняться за осуществленіе этой идеи Достоевскаго.

Насколько широкій полетъ творческой фантазіи и умъ моралиста — религіознаго философа не препятствовалъ Достоевскому усматривать самую реальную истину, это видно изъ того, что благодаря его статьямъ въ Дневникѣ Писателя столичный уголовный судъ долженъ былъ, пересмотрѣть, отмѣнить свой приговоръ по обвиненію мачехи Кирилловой въ убійствѣ своей падчерицы. Знакомясь съ процессомъ по газетамъ, Достоевскій догадался, что убійство (дѣвочку мачеха

выбросила въ окно 4-го этажа, но Богъ сохранилъ ее невредимою) было совершено беременной женщиной въ состояніи временнаго помѣшательства. Провѣдавъ ее лично въ тюрьмѣ, нашъ писатель окончательно убѣдился въ своей догадкѣ и на радость всѣмъ убѣдилъ и судъ пересмотрѣть дѣло и освободить Кириллову (21, 375). Сѣтуя на жестокое и невнимательное отношеніе къ арестантамъ, каковымъ былъ самъ авторъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ далекой Сибири, Достоевскій, всегда искренній и вѣрный совѣсти, а не исканію популярности, не стѣснялся высказывать такія, напримѣръ, мысли, что строгость наказанія арестанта ограждаетъ его отъ худшихъ преступленій (19, 170). Зато онъ былъ безусловный врагъ смертной казни, безчеловѣчной къ преступнику раскаивающемуся, лишающей возможности покаяться на землѣ.

Достоевскій требовалъ большаго довѣрія и, главное, большаго общенія правителей съ народомъ, чего не удавалось никогда ни нашимъ начальникамъ, ни тѣмъ менѣе земцамъ, такъ что, при всей своей непопулярности въ обществѣ и литературѣ, становые и исправники были къ народу ближе и симпатичнѣе земцевъ, если не слишкомъ обирали его и не обходились слишкомъ жестоко.

Одинъ симпатичнѣйшій писатель, Сладкопѣвцевъ, выражается въ какой-то своей сценкѣ приблизительно такъ: становой нашъ былъ добродушный человѣкъ, распорядительный и мало бралъ, а потому былъ буквально обожаемъ народомъ.

Но не въ становыхъ дѣло, и не ихъ мы желаемъ прославить, а указать на ту бездну расхожденій между обществомъ и народомъ, которая въ пореформенныхъ учрежденіяхъ разверзлась еще шире, чѣмъ была въ полунѣмецкую эпоху Николая Перваго. Недовѣріе къ народу возросло еще болѣе въ предреволюціонные годы XX вѣка, когда и благороднѣйшій Столыпинъ началъ безъ толку плодить земства на окраинахъ и, что всего печальнѣе, уничтожать сельскія общины. О послѣдней-то мы и хотѣли привести слова Достоевскаго: сельская община желательна уже потому, что ограждаетъ народъ отъ разоренія (21, 97).

Что касается до довѣрія къ народу и до непосредственнаго общенія съ нимъ, хотя бы, напримѣръ, по дѣламъ сельскаго хозяйства ,то взамѣнъ учрежденія мертвыхъ сельскохозяйственныхъ школъ, которыя не вводили въ народъ разумныхъ хозяевъ изъ его же среды, а напротивъ, только

вырывали изъ этой среды талантливыхъ подростковъ (ибо эти послѣдніе, пройдя школу, никогда не возвращались въ свою деревню, а поступали въ кондукторы и въ писаря или, въ лучшемъ случаѣ, въ приказчики и управляющіе къ помѣщикамъ), — нужно улучшать земледѣліе. Все это предвидѣлъ Достоевскій, хотя при его жизни такія школы только-только начали насаждаться; онъ писалъ: не школа создаетъ лучшее земледѣліе, а наоборотъ (21, 160), т. е. улучшенное земледѣліе создаетъ въ народѣ потребность въ такихъ школахъ.

Правда, въ послѣднее царствованіе земства создали цѣлые баталіоны агрономовъ - инструкторовъ, но они дружно инструктировали не сельское хозяйство, а революцію да разоряли общины; на первое ихъ подталкивали сами земцы, а на второе губернаторы ради разселенія крестьянъ на хутора. Менѣе горячіе, но, кажется, болѣе многочисленные изъ этихъ инструкторовъ успокоились на томъ же, на чемъ большинство сельской интеллигенціи — акцизники, инспектора, врачи (эти, впрочемъ, менѣе другихъ), лѣсоводы и т. д., т. е. на картежной игрѣ, домашнихъ спектакляхъ, охотѣ, рыболовствѣ и т. п. развлеченіяхъ.

При томъ агрономы оправдывали себя тѣмъ, что народъ относится съ полнымъ недовѣріемъ къ ихъ совѣтамъ и даже назвать не умѣетъ ихъ должности. Одинъ молодой господинъ, служившій на сей должности въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, сѣтовалъ мнѣ: «Помилуйте, какую тутъ «интенсивную агрономію» возможно насаждать среди этихъ невѣждъ. Подходятъ ко мнѣ, почтительно снимаютъ обѣими руками шапки и говорятъ: «Мы до васъ пришли, Господинъ Граммофонъ», а что скажешь имъ, ничего не слушаютъ. — «И вашихъ сотоварищей не слушаютъ?» — «Нѣтъ, слушаютъ Иванова, да тотъ у нихъ по церквамъ разъѣзжаетъ, свѣчи ставитъ и въ крестныхъ ходахъ съ ними ходитъ, а я не могу уже потому, что не такъ воспитанъ». Вотъ тутъ и поясненіе причины взаимнаго недовѣрія и непониманія, о чемъ много писалъ Достоевскій и о чемъ приводили изъ него выписки въ началѣ Словаря.

Народомъ былъ съ неудовольствіемъ встрѣченъ законъ 1903 года объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по приговору сельскихъ судовъ. И это замѣтилъ Достоевскій: одинъ герой говоритъ: «Господа перестали драть мужиковъ, такъ они сами дерутъ другъ друга въ волости». Мы не высказываемъ ни своего согласія, ни своего порицанія подобнымъ явленіемъ или

вкусамъ русской народности, но обязаны сообщить приведенныя наблюденія надъ ними Достоевскаго.

Конечно, такой объективизмъ не остановитъ рецензентовъ въ обвиненіи составителя Словаря въ самыхъ злобныхъ намѣреніяхъ и желаніяхъ, но чтобы дать имъ возможность не только посредствомъ клеветы, но и съ нѣкоторой примѣсью правдивости осмѣивать послѣдняго, не умолчимъ въ заключеніе сей главы и о томъ частномъ предметѣ, въ которомъ мы безусловно съ Достоевскимъ несогласны.

Авторъ писалъ въ «Дневникѣ Писателя» цѣлыя статьи о томъ, что Константинополь долженъ быть русскимъ: иначе его заберутъ англичане (20, 290, 293). — Послѣднее опасеніе тоже оказалось пророческимъ. Кажется, уже пять или шесть пророчествъ, приведенныхъ въ нашемъ Словарѣ, сбылось на самомъ дѣлѣ. И, конечно, если бы присоединеніе къ Россіи Царьграда было единственнымъ средствомъ не дать его Англіи, то я бы охотно посочувствовалъ такому присоединенію. Но прежде чѣмъ продолжать свою мысль, приведемъ другія слова Достоевскаго; Россія нужна славянамъ, иначе ихъ поглотятъ греки, также и югъ Россіи будетъ ими поглощенъ безъ Россіи (20, 215).

Весной 1915 года вопросъ о принятіи Россіей Константинополя подъ свою власть казался вопросомъ нѣсколькихъ недѣль; на предметъ управленія Церковью Константинопольскою былъ запрошенъ словесный отзывъ Синода, и я былъ вызванъ изъ Харькова въ частное засѣданіе. Тамъ я доказывалъ въ продолженіе получаса или болѣе, что Константинополь должно возвратить грекамъ и возстановить Византійскую имперію, а Россіи брать Святую Землю и широкую полосу земли отъ Яффы до Южнаго Кавказа. Затѣмъ я напечаталъ о семъ статью въ журнальчикѣ «Пастырь и Паства» (№ 1) и перепечаталъ ее въ VI томѣ своихъ сочиненій (Кіевъ 1918 г.). Резоновъ своихъ я повторять не буду, ибо не собой, а Достоевскимъ желаю заинтересовать читателя, а только добавлю, что слѣдовало бояться не греческаго, православнаго вліянія на южныхъ славянъ на югѣ Россіи, а того коему подверглись и славяне и Украина, т. е. католическаго, распространяющагося съ 1917 года по Украинѣ и Бѣлоруссіи и добивающаго православныя симпатіи у галичанъ грекокатоликовъ съ уничтоженіемъ сотни православныхъ приходскихъ общинъ, приходовъ, которые по желанію прихожанъ были возстановлены въ періодъ 1908-1915 года.

———o———

ГЛАВА XV.

СОБСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА ДОСТОЕВСКАГО И ЕГО НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ЛЮДЬМИ И ЖИЗНЬЮ.

Хотя содержаніе сей главы мало имѣетъ отношенія къ нашей ближайшей задачѣ, но, вѣроятно, читателю не безынтересно узнать и то, что Достоевскій писалъ о самомъ себѣ. Эти автобіографическія свѣдѣнія касаются его авторства, его вкусовъ, его наблюденій надъ другими людьми. Такъ въ «Дневникѣ Писателя» онъ сообщаетъ интереснѣйшія свѣдѣнія о началѣ своего писательства, о своемъ волненіи въ ожиданіи отзыва Бѣлинскаго о «Бѣдныхъ Людяхъ» и совершенно искренно сознается, какъ онъ радовался доброму отзыву Бѣлинскаго о своемъ первомъ трудѣ (21, 31). Но гораздо цѣннѣе его сознаніе въ томъ, что «Бѣдныхъ Людей» онъ писалъ «со страстью и со слезами». Кромѣ того, онъ сообщаетъ, что Некрасовъ и Григоровичъ пришли къ нему съ дружескимъ привѣтомъ (21, 28). Только вдохновенный писатель съ пророческимъ талантомъ можетъ въ 24 года отъ роду писать со слезами и страстью. Это возможно, сверхъ того, лишь въ томъ случаѣ, когда писатель переливаетъ въ свою повѣсть все содержаніе своей души, весь свой опытъ и все, что она перестрадала и любила. А любила она человѣка, человѣческое горе и чело-

нѣческую надежду, судя по содержанію «Бѣдныхъ Людей» Естественно, что послѣ такого удачнаго изліянія души юнаго автора она временно истощилась, пока не набралась новаго опыта и наблюденій. — По написаніи первой повѣсти, — заявляетъ Достоевскій, — вдохновеніе мое испарилось, и я перехожу къ составленію короткихъ разсказовъ (7, 119). Авторъ разумѣетъ тѣ свои творенія, которыя помѣщены во второмъ, третьемъ и прочихъ томикахъ Полнаго Собранія до-ссылочнаго періода, и хотя тоже блестятъ талантомъ, но не имѣютъ той цѣльности, силы, какъ «Бѣдные Люди», ибо писались, видимо, для литературнаго заработка. Самъ авторъ не скрывалъ недовольства своей второй повѣстью. «Двойникъ мнѣ не удался, хотя его хвалятъ» (21, 342). Очень немногіе авторы соглашаются хотя одно свое произведеніе признать неудавшимся, а Достоевскій подобный же отзывъ даетъ о своемъ «Крокодилѣ». Впрочемъ онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что умный человѣкъ умнѣе того, что написалъ и бываетъ недоволенъ написаннымъ (14, 4). — И мнѣ пріятнѣе, — пишетъ авторъ, — обдумывать свои повѣсти, чѣмъ писать ихъ (7, 1).

Всѣ эти признанія показываютъ, что нашъ писатель человѣкъ непосредственный и правдивый, что весьма рѣдко встрѣчается среди людей, стоящихъ предъ толпою, — т. е. среди ораторовъ, адвокатовъ, профессоровъ, писателей, актеровъ и т. п. Актерство людей подобныхъ профессій было для Достоевскаго совершенно противно: онъ обличалъ въ этомъ адвоката Спасовича въ «Дневникѣ Писателя», а затѣмъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», гдѣ изобразилъ его въ лицѣ адвоката Фетюковича, прибывшаго въ чужой городъ и поставившаго цѣлью своей защитительной рѣчи прежде всего очаровать собою публику. — Фетюковичъ, — пишется о немъ въ романѣ, — заговорилъ такимъ тономъ, какъ говорятъ съ друзьями въ интимномъ кругу (18, 366), а не въ залѣ суда.

Съ этой же почти точки зрѣнія нашъ авторъ издѣвается надъ писателемъ Кармазиновымъ (въ «Бѣсахъ»), подъ фигурой котораго читатель легко узнаетъ Тургенева.

Прежде чѣмъ привести еще нѣсколько признаній Достоевскаго о себѣ самомъ (ихъ всего три или четыре), выпишемъ его афоризмы объ искусствѣ вообще, что тѣснѣйшимъ образомъ связано съ приведенными заявленіями его о своемъ собственномъ авторствѣ.

«Люблю реализмъ въ искусствѣ, но въ современномъ искусствѣ нѣтъ нравственнаго центра», — говоритъ Достоевскій (21, 102). Думается, что авторъ желаетъ, чтобы реализмъ, т. е. художественная правда, чуждая тенденціознаго искаженія дѣйствительности, не переходилъ бы въ нравственное безразличіе, т. е. не закрывалъ бы глазъ передъ той нравственной правдой, которая открывается непремѣнно во всякомъ явленіи, поддавшемся художественному изображенію въ словѣ или картинѣ или въ музыкальной пьесѣ. Въ этомъ же смыслѣ авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: — Искусство не должно быть вполнѣ отрѣшеннымъ отъ жизни; вѣдь не могло же бы оно въ 1812 году, напримѣръ, не откликнуться на все пережитое русскимъ народомъ (19, 45). — Истинное искусство, въ этомъ смыслѣ, всегда бываетъ современнымъ, — заключаетъ авторъ (19, 73).

Своимъ пророческимъ взоромъ авторъ провидѣлъ и нравственное паденіе Л. Толстого, о которомъ никто тогда еще не думалъ, что онъ такъ изолжется. Послѣдніе годы Достоевскаго были временемъ наибольшаго приближенія Толстого къ вѣрѣ и народности, хотя въ 1879 году онъ уже началъ снова склоняться къ пантеизму, выраженіемъ чего явилась его «Исповѣдь», а съ 1882 года стали появляться его глубоко кощунственные атеистическіе трактаты. Мы уже приводили отзывы Достоевскаго о главномъ героѣ Толстого Левинѣ, а о самомъ романѣ («Анна Каренина») Толстого Достоевскій заявляетъ, что сначала онъ ему понравился въ эпизодахъ, а потомъ нѣтъ (21, 55). Нашъ писатель особенно негодовалъ на Толстого за то, что послѣдній совершенно отказался отъ русскаго народа въ пониманіи послѣднимъ войны съ турками въ защиту восточныхъ христіанъ. Впрочемъ, о художественной критикѣ Достоевскій отзывается въ томъ смыслѣ, что когда она ведется безъ направленія, то это лучше все-таки, чѣмъ критика тенденціозная (19, 235), т. е. такая, которая ради направленія погрѣшаетъ противъ художественной правды.

Что касается до формы слова, то нашъ писатель убѣжденъ въ томъ, что тѣ, которые могутъ хорошо говорить, говорятъ кратко (12, 305). Въ «Бѣсахъ» онъ негодуетъ на растянутый разсказъ - фантазію знаменитаго писателя подъ заглавіемъ «Merci», при чемъ разумѣлъ, кажется, Тургеневскую фантазію «Довольно», и заявляетъ въ другомъ мѣстѣ, что «отвлеченно говорить любятъ только эгоисты» (14, 390). Какая связь меж-

ду себялюбіемъ и отвлеченной рѣчью, авторъ не поясняетъ, но, присматриваясь къ людямъ, мы убѣждались въ правильности сего заключенія.

Переходя къ сообщенію нѣсколькихъ личныхъ переживаній и вкусовъ Достоевскаго, укажемъ на то, что онъ любилъ въ окружающей жизни. Въ его сочиненіяхъ объ этомъ можно найти только двѣ-три оговорки. Онъ любилъ лѣсъ осенью и запахъ березняка (20, 54). «Люблю я пышное природы увяданье», — писалъ и Пушкинъ. Думается, что любовь къ осени, какъ къ образу умиранія, свойственна душамъ примиреннымъ, не протестующимъ внутренне противъ смерти, какова и была душа любимаго Достоевскимъ поэта — Пушкина («Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ»). Примиренное настроеніе души нашего писателя сказывалось еще и въ томъ, что онъ умѣлъ полюбить видъ того самаго Петербурга, о несимпатичности коего онъ упоминалъ, какъ мы видѣли уже, нерѣдко. Но, какъ упомянутый имъ ученый мечтатель бѣднякъ можетъ привязаться къ своей конурѣ, такъ Достоевскій любилъ посѣщать нѣкоторыя улицы столицы, связанныя съ радостными воспоминаніями его жизни, и тѣмъ разсѣивалъ свою грусть (14, 206). Особенно онъ любилъ Петербургское холодное утро и считалъ его ободряющимъ душу (14, 201), что особенно ясно испытываютъ люди нервные (13, 400). Почерпать добрыя настроенія въ воспоминаніяхъ и при томъ чрезъ одно только созерцаніе знакомыхъ мѣстъ есть тоже свойство душъ добрыхъ и благожелательныхъ, созданныхъ для любви къ людямъ, какъ и у Пушкина, черпавшаго при посѣщеніи родныхъ лицейскихъ садовъ источникъ восторженныхъ вдохновеній.

Благостное, примиренное отношеніе Достоевскаго къ жизни сказывается и въ томъ, что онъ любитъ замѣчать все, что радуетъ людей, особенно простыхъ русскихъ людей. Такъ въ большомъ городѣ лѣтомъ люди, жившіе когда-либо въ деревнѣ и участвовавшіе въ народномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, которое для народа всегда является предметомъ поэтическихъ переживаній, — такіе люди чувствуютъ себя въ городѣ лѣтомъ, какъ въ изгнаніи или тюрьмѣ. Другой поэтъ, Ал. Толстой чудесно выразилъ это настроеніе въ разговорѣ мифическаго Садко съ Водянымъ Царемъ, къ которому онъ попалъ въ плѣнъ. Подобное же настроеніе съ большою силою чувствуютъ петербургскіе дворники, мастеровые и другіе простолюдины, не забывшіе деревни и природы. Достоев-

скій имъ сочувствуетъ и замѣчаетъ, какъ «жители дворовъ въ Петербургѣ лѣтнимъ вечеромъ всѣ высыпаютъ на улицу къ воротамъ» (11, 432). Нашъ писатель замѣчаетъ въ народѣ не одно только доброе; онъ описываетъ, не однажды, какъ мужикъ забиваетъ лошадь, а его герои даже во снѣ видятъ эту отвратительную картину, настолько она ихъ поражала. Однако, и въ самыхъ грѣхахъ народа нашъ писатель умѣетъ находить такія смягчающія обстоятельства, указаніе которыхъ поражаетъ своею правдивостью и тѣмъ, что другіе не догадались этого замѣтить. Такъ нашъ обличитель всего русскаго прожужжалъ уши своимъ негодованіемъ на дѣйствительно скверную привычку нашего народа къ непечатной ругани, а Достоевскій указываетъ на то, что «крѣпкими словами ругаются въ нашемъ народѣ немногіе» (21, 150). Проживъ въ деревнѣ все дѣтство и наслушавшись вдоволь этой ругани, я могу подтвердить, что хотя она часто раздается изъ пьяныхъ, а иногда и трезвыхъ устъ, но изъ немногихъ, а большинство имъ не подражаетъ, исключая, впрочемъ, представителей тѣхъ профессій, гдѣ это дѣло считается необходимымъ для успѣшности самой работы, напримѣръ, у ломовыхъ извозчиковъ, которые крѣпкими словами добиваются, чтобы имъ дали дорогу на перекресткѣ улицъ или у водопоя.

Всѣ осуждаютъ русскій народъ за пьянство (хотя образованные люди пьютъ и больше и чаще, чѣмъ простые); печалится о томъ и Достоевскій, но онъ указываетъ на то, что здѣсь имѣетъ значеніе симпатическая общительность, о которой еще говорилъ Св. Владиміръ. — Русскіе, пишетъ Достоевскій, — съ особеннымъ удовольствіемъ берутся сходить за водкой, даже для другихъ (13, 410). И съ этой точки зрѣнія его интересуетъ и тотъ подмѣченный имъ фактъ, что «русскаго человѣка веселитъ всякая скандальная суматоха» (13, 165).

Нашъ писатель вообще сочувствовалъ человѣческому веселью, безгрѣшной радости. Помните отвѣтъ Макара Ивановича Подростку: «Нѣтъ, ты не безбожникъ: ты веселый». Достоевскій признаетъ веселье и въ частности смѣхъ наиболѣе искреннимъ проявленіемъ души. — Хорошо смѣются только хорошіе люди: смѣхъ выдаетъ человѣка даже противъ его воли (15, 117). Но и печаль, принятую съ покорностью, авторъ почитаетъ. — Печаль со временемъ переходитъ въ тихую радость (15, 205, также въ бесѣдѣ старца Зосимы).

Соберемъ еще нѣсколько мѣткихъ наблюденій автора надъ людьми и жизнью безъ всякихъ примѣчаній и системы чтобы показать, какую разнообразную и всестороннюю наблюдательность надъ реальною жизнью имѣлъ этотъ, прозванный мистикомъ и даже мизантропомъ, а на самомъ дѣлѣ любвеобильнѣйшій учитель жизни.

«Уединеніе на долго вмѣстѣ съ кѣмъ-либо часто разрушаетъ дружбу» (12, 109), (также дружбу Кириллова и Шатова въ «Бѣсахъ»).

«Страхъ предъ врагомъ уничтожаетъ злобу на него» (12, 289). — «Безхарактерные люди вдругъ начинаютъ дыбиться (упрямствовать) по пустякамъ, а въ остальномъ остаются подъ чьимъ-либо башмакомъ» (13, 4). — «Мелкія натуры подчиняются не идеѣ, а ея носителямъ, и бываютъ исполнительны до фанатизма» (13, 324). — «Нѣкоторая тупость ума необходимое свойство наживателя денегъ» (11, 6). — «Старикъ, ослѣпленный страстью, надѣется добиться взаимности, хотя не имѣетъ на то никакихъ резоновъ» (10, 76, — то же и Феодоръ Павловичъ Карамазовъ, предусматривавшій даже потомство отъ своей нелѣпой надежды). — «Вторая половина жизни человѣка состоитъ изъ накопленныхъ привычекъ первой половины» (12, 366).

По поводу осязанія Фомой Христовыхъ реберъ, авторъ писалъ: «Реалистъ, если и вѣритъ въ Бога, то и въ чудо, а не обратно» (16, 42), т. е. не чудо понуждаетъ его вѣрить, а признаніе бытія Божія заставляетъ его признать возможность чудесъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ описанію еще одного личнаго свойства автора, никѣмъ еще, кажется, не отмѣченнаго, скажемъ, что съ нѣкоторыми выраженіями и, можетъ быть, мыслями автора мы не можемъ согласиться.

Не говоримъ уже объ его проскальзывающихъ кое-когда, но едва ли согласимыхъ съ ученіемъ Спасителя и Апостоловъ, надеждахъ на всеобщее примиреніе человѣчества съ Богомъ и на наступленіе Золотого Вѣка; объ этомъ писали мы давно въ названной статьѣ (П. С. т. II); оставляемъ это безъ повторенія того, что было писано нами раньше, ибо на ряду съ такими оговорками автора мы съ читателемъ знаемъ и его изреченія о вѣчныхъ мученіяхъ нераскаянныхъ грѣшниковъ-богоненавистниковъ. Остановимся вотъ на какомъ выраженіи нашего писателя о Чацкомъ, какъ неоцѣненномъ тогда прав-

долюбцѣ и народолюбцѣ: «Мы надѣемся, что Чацкій воскреснетъ гордымъ, могучимъ и любящимъ» (4, 433).

Въ другомъ мѣстѣ (7, 193) Достоевскій тоже пишетъ что-то о благородной гордости. Правда, это писалось въ молодые годы, но еще тогда писатель поднялъ свой голосъ именно за смятенныхъ сердцемъ и противъ всякой принципіальной гордости, какъ главной помѣхи для разумной жизни, для общенія съ народомъ. Остатокъ ли это военной амбиціи, того ложнаго нѣмецкаго воспитанія въ военной школѣ, на которое онъ самъ сѣтовалъ, или просто неудачное выраженіе, — ибо по его же повѣстямъ выходитъ, что «гордый» не можетъ быть «любящимъ», но мы бы предпочитали видѣть воскресшаго Чацкаго не гордымъ, а только торжествующимъ о воскресеніи русской жизни, русскаго общества, ибо Евангеліе не знаетъ благородной гордости, а только гордость бѣсовскую, какъ пояснялъ одному помѣщику тотъ самый Оптинскій Старецъ о. Амвросій, который вмѣстѣ со старцемъ Макаріемъ послужилъ автору оригиналомъ для начертанія типа о. Зосимы.

Особенное вниманіе читателя мы желаемъ остановить на тѣхъ строкахъ автора, гдѣ сообщается, что передъ припадкомъ падучей болѣзни человѣка охватываетъ восторженное чувство всемірнаго синтеза (10, 344). Это авторъ говорилъ не однажды, и это испытывалъ его герой эпилептикъ князь Мышкинъ предъ своими припадками. Испытывалъ это и самъ Достоевскій, страдавшій той же болѣзнью.

Но я знавалъ нѣсколькихъ эпилептиковъ, и они этого радостнаго чувства не испытывали. Можетъ быть, мои свѣдѣнія по этому предмету скудны, но я наблюдалъ нѣсколько иное явленіе, хотя въ подобныхъ же сему случаяхъ.

Просыпающіеся послѣ хлороформа послѣ операціи, даже еще и во время своего обморочнаго состоянія, охватываются тѣми мыслями и настроеніями, которыя имъ свойственны по преимуществу: одни бранятся непечатными словами, другіе поютъ, третьи жалуются, а нѣкоторые твердятъ слова молитвы. Вотъ этому всему мы были свидѣтелями. То же самое должно сказать о захмелѣвшихъ людяхъ: одни лѣзутъ драться, другіе — цѣловаться или кланяются всѣмъ въ поясъ и просятъ прощенія; одни воображаютъ себя генералами, другіе учеными и философами, а нѣкоторые тоже молятся Богу. Многіе совмѣщаютъ въ быстрой смѣнѣ всѣ эти противоположныя настроенія; это натуры еще не установившіяся. Вообще

же на такихъ явленіяхъ оправдывается пословица: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.

Остановимся еще вотъ на какомъ соприкосновенномъ сюда явленіи. Случалось ли вамъ слышать разсказы утопавшихъ или вообще умиравшихъ людей, но затѣмъ оставшихся живыми. Они свидѣтельствуютъ, что въ ихъ сознаніи съ быстротой молніи проносилась вся ихъ жизнь и пережитыя ими въ разное время сильнѣйшія чувства. Одинъ профессоръ Петроградской Духовной Академіи, Болотовъ, умиравшій въ возрастѣ моложе 50-ти лѣтъ, хотя не принявшій ни священнаго сана, ни монашества, но прожившій жизнь дѣвственникомъ и добрымъ сыномъ Церкви, всецѣло отдавшійся богословской наукѣ и любившій молиться Богу, шепталъ, умирая: «Какъ хороши предсмертныя минуты».

Припомнимъ, наконецъ, изъ повѣстей самого Достоевскаго, какъ въ бреду, во снѣ и въ болѣзни въ сознаніе его героевъ вступало то подлинное содержаніе души, которое было отъ нихъ самихъ сокрыто до того времени подъ вліяніемъ заботъ, страстей и заблужденій.

Если князь Мышкинъ испытывалъ, впадая въ эпилептическій обморокъ, состояніе блаженства и всемірнаго синтеза, то чѣмъ это обуславливалось? Свойствами ли самой болѣзни? Причинами ли физіологическими? Или тѣмъ, что начало и чаяніе такого синтеза этотъ праведникъ, какъ мы знаемъ, всегда носилъ въ своемъ сердцѣ? Думаю, что причина заключается въ этомъ послѣднемъ его свойствѣ.

О послѣднихъ минутахъ земной жизни Ф. М. Достоевскаго извѣстно, что онѣ протекали при чтеніи его супругой Св. Евангелія. Читано было о благословеніи Спасителемъ дѣтей. На слова: «Іисусъ же сказалъ: «Не удерживайте ихъ», умирающій обратился къ женѣ: «Слышишь: не удерживайте. И ты меня не удерживай». Это были его послѣднія слова. Душа его неудержимо стремилась въ лучшій міръ, гдѣ по слову Христову, спасенные «во едино будутъ» (Іо. 17).

Пусть меня остановятъ господа невропатологи, если я выскажу такое предположеніе, что нашъ великій писатель испытывалъ передъ припадками эпилепсіи восторженное чувство всемірнаго синтеза не потому, чтобы оно посѣщало въ этихъ случаяхъ всѣхъ эпилептиковъ, а потому, что онъ такое

чувство, или, по крайней мѣрѣ, такое предчувствіе, такое стремленіе носилъ всегда въ своей душѣ и съ такимъ именно чувствомъ перешелъ въ лучшій міръ и продолжаетъ сохранять его въ своемъ духѣ и донынѣ и на вѣчныя времена, а отраженіе этого чувства оставилъ намъ въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ.

IV

ТРИНАДЦАТЬ СТАТЕЙ О ДОСТОЕВСКОМЪ[1])

(СЪ 1929 по 1934-ый ГОДЪ).

1) Напечатаны въ IX томѣ "Жизнеописанія Блаженнѣйшаго Антонія Митрополита Кіевскаго и Галицкаго" Архіепископа Никона (Рклицкаго) стр. 164-211.

1. ГЕНЕЗИСЪ ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ ДОСТОЕВСКАГО [2].

—o—

(Принципъ нравственнаго совершенствованія, какъ основа жизни).

Заграницей мнѣ приходилось въ различныхъ городахъ и странахъ предлагать свыше 20 рефератовъ о Достоевскомъ; не разъ читалъ я о немъ и въ Югославіи, но его творчество представляетъ собой настолько неисчерпаемый источникъ для размышленій, что я вновь предлагаю свое слово о немъ моимъ Бѣлградскимъ слушателямъ.

Достоевскій былъ воспитателемъ цѣлаго поколѣнія. Онъ предлагалъ свои воспитательныя идеи обществу постепенно, по мѣрѣ усвоенія этихъ идей обществомъ. Такую постепенность можно легко прослѣдить въ его твореніяхъ, почти по томамъ. Сначала онъ осторожно указалъ на цѣнность нравственныхъ началъ жизни, затѣмъ онъ смѣлѣе заявилъ о вѣрѣ въ Бога и въ Христа и, наконецъ, только впослѣдствіи указалъ практическій путь для достиженія этой вѣры черезъ Церковь, частнѣе черезъ монашество, или же черезъ общеніе свѣтскаго общества съ монастырями и монахами. Вообще у каждаго талантливаго писателя можно усмотрѣть генезисъ, но обычно этотъ генезисъ начинается и заканчивается въ одной и той же повѣсти, въ развитіи ея главнѣйшихъ героевъ. Такъ у Гоголевскаго Плюшкина постепенно растетъ страсть корыстолюбія, у Тургеневскаго Санина, у Шекспировскихъ героевъ постепенно развиваются порочныя, главнымъ образомъ, половыя страсти, или же месть. Особенность же Достоевскаго, сравнительно съ другими великими писателями, заключается въ томъ, что генезисъ проходитъ черезъ все его творчество.

---

2) Краткое содержаніе рѣчи владыки Антонія произнесенной 11 ноября 1929 года въ г. Бѣлградѣ на собраніи, организованномъ трудами г. Павлиница по случаю 107 годовщины со дня рожденія Ф. М. Достоевскаго.

Въ русскомъ обществѣ принято было говорить, что холодность къ религіи происходитъ не отъ порочности и лжи самого общества, а главнымъ образомъ отъ недостатковъ духовенства и поэтому взывали, чтобы въ религіи на первое мѣсто была поставлена нравственная сторона, а обрядовая и догматическая сторона религіи отводилась на второе мѣсто или же совсѣмъ отрицалась. На дѣлѣ же сводилось къ тому, что, кто отрицалъ догматическую сторону религіи, тотъ не могъ держать и ея нравственныхъ требованій. Верховенскій — отецъ — былъ не лишенъ идеаловъ и, въ общепринятомъ смыслѣ, могъ бы быть названъ христіаниномъ, однако, Верховенскій — сынъ, воспитанный имъ, оказался настоящимъ извергомъ. Въ Библіи есть замѣчательное мѣсто, въ которомъ изображается, какъ изъ змѣиныхъ яицъ вылѣзаетъ ехида, а всякій, кто съѣстъ эти яйца, умираетъ [3]). Вотъ, точно также Достоевскій изображалъ постепенное рожденіе злодѣяній изъ злыхъ плодовъ.

Въ нашемъ матеріалистическомъ обществѣ особенно подвергалась осмѣянію заповѣдь смиренномудрія, вообще еще со времени Екатерины въ русскомъ обществѣ осмѣивалось не только внѣшнее, но и внутреннее благочестіе. Однако, въ русскомъ обществѣ появилось и другое теченіе, которое все смѣлѣе и смѣлѣе подымало свою голову. Эти два теченія русской жизни были подобны Волгѣ и Сурѣ: въ разстояніи четырехъ верстъ одна рѣка течетъ съ сѣвера на югъ, а другая въ противоположномъ направленіи, съ юга на сѣверъ. Теченіе противоположное западническому, матеріалистическому, были славянофилы. Существенное свойство славянофиловъ заключается не въ любви къ славянамъ, **а въ признаніи ими принципа нравственнаго усовершенствованія, какъ основы жизни.** Въ послѣднее время Достоевскій и возглавилъ это теченіе. Послѣ этого уже никто, кромѣ несчастныхъ газетныхъ шавокъ, не осмѣливался открыто смѣяться надъ славянофилами. Созданіе новаго типа интеллигентнаго человѣка было главной заслугой этого теченія. Нѣсколько отдѣльно отъ нихъ стоялъ А. С. Пушкинъ. Онъ своимъ всеобъемлющимъ геніемъ и показалъ, что нельзя Россію хаять, что въ ней было много хорошаго. Ужасное явленіе русской жизни подъ названіемъ нигилизма не было присуще всѣмъ за-

3) Ис. LIX, 5.

падникамъ, но Ф. М. прорицалъ, что появившіеся террористы — прямые предтечи большевиковъ, не были чѣмъ-то новымъ въ русской жизни. Въ своемъ письмѣ къ Цесаревичу Александру Александровичу, при коемъ онъ посылалъ свое твореніе «Бѣсы», Ф. М. писалъ, что эти террористы являются родными духовными сыновьями такихъ писателей, какъ Бѣлинскій, Грановскій и имъ подобные. Некрасовъ когда-то сѣтовалъ, что русскій мужикъ покупаетъ на базарѣ наивныя сказки Бову Царевича и выражалъ пожеланія, что бы русскій мужикъ пріобрѣталъ Бѣлинскаго и Гоголя. О Гоголѣ ничего сейчасъ не скажемъ, о Бѣлинскомъ же скажемъ, не дай Богъ, чтобы русскій мужикъ когда-нибудь его покупалъ. Въ романѣ «Бѣсы» Достоевскій описалъ, какъ на одномъ литературномъ вечерѣ одинъ изъ либеральныхъ профессоровъ, разсказывая «о безобразіяхъ предшествующихъ эпохъ русской жизни», заявилъ, что все-таки Россія никогда не была въ такомъ глупомъ положеніи, какъ сейчасъ, и притомъ привелъ примѣръ, что въ Новгородѣ поставили безсмысленный шаръ (памятникъ въ честь 1000-лѣтія Россіи) противъ безполезной Софіи (собора) и при этомъ ораторъ ударилъ съ гнѣвомъ кулакомъ по столу. Залъ завылъ отъ восторга, покрывая позоромъ все, что было въ Россіи дорогого и добраго.

Представители либерализма заявляютъ, что они отрицаютъ догматы и обряды, но уважаютъ мораль. Достоевскій показалъ, что это ложь, что тотъ, кто отрицаетъ бытіе Божіе, тотъ не можетъ твердо держаться моральныхъ принциповъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него потребуется не теоретическое изложеніе морали, а практическая борьба за нее, онъ не удержится въ ея принципахъ. Не понимая заповѣди смиренномудрія, наше общество добродѣтель терпѣнія смѣшивало съ рабствомъ и ему постоянно грезилась конституція. Наши либералы не могли понять, какое значеніе для общественной жизни можетъ имѣть личное усовершенствованіе. Они говорили: что хорошаго въ томъ, что если Гоголевская Коробочка будетъ молиться и бить своихъ крестьянъ. Они не понимали, что законами государства далеко не исчерпывается необходимый для общества нравственный минимумъ, что законы караютъ лишь выдающіяся преступленія и что характеръ общественной жизни опредѣляется наличностью доброй воли, имѣющейся въ данномъ поколѣ-

ніи, которую создаютъ возвышенныя души. Эти души, даже совершенно не занимаясь общественными дѣлами, являются свѣтомъ для общества, ихъ или всѣ любятъ, или ненавидятъ, какъ ненавидѣли Христа Спасителя Его современники.

Подъ вліяніемъ такихъ людей общество преображается, начинаетъ философствовать и богословствовать и объединяется на принципѣ нравственнаго совершенствованія. Вотъ эту великую идею Достоевскій неизмѣнно и проповѣдывалъ въ теченіе всего своего литературнаго служенія. Всѣ его униженные и оскорбленные свѣтили міру, а его идіотъ былъ единственнымъ не идіотомъ въ обществѣ дѣйствительныхъ идіотовъ. Толстой, необычайно завистливый, ко всякому генію, признавался, что самое лучшее, что создалъ человѣческій умъ во всей міровой литературѣ — не только въ русской, но въ европейской и американской — — это «Братья Карамазовы».

Одинъ изъ героевъ Достоевскаго Макаръ Алексѣевичъ (въ Подросткѣ), на вопросъ о христіанствѣ сказалъ: — не мудри, помни 10-ую заповѣдь, а за ней и остальныя. Это великая мысль, 10-ая заповѣдь, единственная въ десятисловіи, касается внутренней стороны человѣка, остальныя же внѣшняго поведенія.

Одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ думалъ, что онъ сдѣлалъ великое открытіе, установивъ сходство заповѣдей Моисея съ индійскимъ сборникомъ Гумораби. Конечно, всякое общество можетъ существовать только тогда, когда будутъ соблюдаться правила внѣшняго поведенія, заключенныя въ заповѣдяхъ, но Божественное происхожденіе заповѣдей Моисея доказывается именно 10-ой заповѣдью, касающейся внутренней стороны человѣческой жизни — настроенія его души.

Есть у Достоевскаго нѣкоторыя неясности (пропуски), которыя однако становятся вполнѣ понятными при послѣдовавшихъ открытіяхъ о его творчествѣ. Такъ для читателя не вполнѣ понятно, почему Смердяковъ убилъ своего отца и почему Ставрогинъ былъ такъ мраченъ и чѣмъ-то подавленъ. Казалось, что въ описаніи ихъ жизни есть что-то недоговоренное. Только теперь выяснилось, что по первоначальной рукописи Смердяковъ былъ подвергнутъ Содомскому оскверненію своимъ отцомъ Федоромъ Павловичемъ, эта

часть рукописи была упущена авторомъ по настоянію его друзей Побѣдоносцева и Каткова, а Ставрогинъ изнасиловалъ малолѣтнюю дѣвочку, которая затѣмъ повѣсилась. Достоевскій самоубійство русскаго человѣка изображалъ какъ результатъ борьбы съ самимъ собой, страшной борьбы добра со зломъ, завершившейся побѣдой зла.

Смерть Достоевскаго была завершеніемъ его праведной жизни. Онъ, умирающій, просилъ свою жену читать надъ нимъ Евангеліе и когда жена прочла слова Евангелиста: «Іоаннъ же удерживалъ Его», Достоевскій произнесъ: «и ты меня не удерживай, мнѣ пора въ путь» и съ этими словами скончался.

Кн. Мышкинъ передъ припадками эпилепсіи переживалъ восторженное чувство любви ко всему міру. Это было содержаніе души Достоевскаго. Напрасно говорятъ, что Достоевскій былъ жестокій талантъ (Михайловскій). Когда онъ скончался мнѣ было 18 лѣтъ и черезъ его близкихъ я лично зналъ, что Ф. М. былъ человѣкъ мягкой, нѣжной, любящей, почти сентиментальной души, онъ лишь воспламенялся противъ зла и порока; такъ же поступали и всѣ пророки древности.

Когда говоришь объ этомъ великомъ человѣкѣ, тѣснятся мысли одна на перебой другой, но время и мѣсто побуждаетъ насъ закончить наше краткое слово, посвященное свѣтлой памяти Ф. М. Достоевскаго.

* * *

2. Откровеніе въ творчествѣ Достоевскаго [4]).

——o——

Не помню, какой именно лѣвый литераторъ, однажды, возвратясь въ свое общество съ литературнаго вечера, очень удивилъ своихъ собесѣдниковъ такимъ характернымъ сообщеніемъ: «поздравляю васъ, Достоевскій сошелъ съ ума». Затрудняюсь сказать, было ли это произнесено со злорадствомъ или сочувствіемъ, но, во всякомъ случаѣ, съ извѣстной долей искренности. А когда собесѣдники потребовали отъ него разъясненія этой новости, то онъ съ запальчивостью отвѣтилъ: «да представьте себѣ, когда одинъ изъ нашихъ сказалъ, какое это несправедливое дѣло было ваше осужденіе и ссылка, то Достоевскій, потеревъ себѣ лобъ, отвѣтилъ: «Нѣтъ! справедливое: русскій народъ осудилъ бы насъ, разузнавъ въ чемъ дѣло».

А дѣло было въ томъ, что Достоевскій и его компанію приговорили было къ смертной казни, замѣнивъ ее, по милости Государя, ссылкою на каторжныя работы въ Восточной Сибири, а затѣмъ этотъ срокъ сокращали до 4 лѣтъ и замѣнили ссылкою безъ принудительныхъ работъ и, наконецъ, совсѣмъ освободили писателя отъ строгой кары, принявъ во вниманіе его раскаяніе и нѣкоторые благодѣтельные манифесты, изданные въ благодарность Богу за нѣкоторыя радостныя событія въ Царской фамиліи.

Вообще нужно сказать, что уже въ то время, а тѣмъ болѣе во времена позднѣйшія, всякую судебную кару публика принимала, какъ выраженіе произвола и жестокости правительства, не желая даже вникнуть въ существо дѣла.

Когда уголовный судъ объявилъ приговоръ по дѣлу Димитрія Карамазова, то по всей судебной залѣ раздался визгливый голосъ барыни: «это еще что такое?».

При этомъ авторъ замѣтилъ, что по настойчивому тону той дамы можно было заключить, что она увѣрена будто все это еще можно перемѣнить и исправить.

4) "Ц. В." № 363 — 1933 г.

Я не былъ свидѣтелемъ этого, будучи еще 16-лѣтнимъ юношей, но помню, какъ тогда послѣднее охватило собою взволнованное вниманіе интеллигентной публики и надолго стало предметомъ общихъ разговоровъ, споровъ и разнообразныхъ предположеній.

Да, Достоевскій владѣлъ умами и сердцами русскаго общества еще задолго передъ тѣмъ, когда послѣднее начало давать себѣ отчетъ въ степени вліянія великаго писателя.

Надо при этомъ прибавить, что самое его вліяніе было признаваемо, какъ фактъ въ обществѣ и въ литературѣ, только значительное время спустя послѣ его Пушкинской рѣчи, смиренной кончины и торжественнѣйшаго погребенія.

Какъ объяснить такую медленность усвоенія правильныхъ взглядовъ? какъ понять, что Достоевскій и при жизни и еще лѣтъ десять послѣ своей кончины, считался въ нашемъ обществѣ, хотя и талантливѣйшимъ писателемъ, но только лишь однимъ изъ писателей, а находить въ его твореніяхъ цѣлое откровеніе, цѣлую бездну свѣта, какъ бы ворвавшагося въ темную комнату, люди рѣшались такъ постепенно и робко, пока имъ не сказали о томъ авторитеты ихъ, начиная съ Л. Н. Толстого, который при всей своей осторожности на похвалы, заявилъ печатно въ 1881 году, что онъ вновь перечиталъ «Бр. Карамазовыхъ» и пришелъ къ убѣжденію, что это лучшее изъ всего прочитаннаго имъ, т. е. изъ всей русской и иностранной литературы. — «Увидите Достоевскаго и скажите, что я его люблю» — заключилъ свое письмо объ этомъ помянутый авторъ.

Правда, съ того же 81-83 года явились въ русской публикѣ и печати восторженные и смѣлые панегиристы Феодора Михайловича, среди которыхъ отличался достойнѣйшій профессоръ университета, славянофилъ О. Ф. Миллеръ [5]), выступившій съ цѣлымъ рядомъ лекцій о Достоевскомъ, которыя онъ говорилъ или читалъ при огромномъ стеченіи публики въ различныхъ общественныхъ залахъ. Это былъ высоко искренній, христіанскаго направленія, публицистъ и ораторъ съ душою кристальной чистоты, всегда окруженный восторженными слушателями студентами, которые во главѣ многочисленной публики, почтили профессора поднесеніемъ огромнаго вѣнка съ надписью: Достоевскому и его истолковате-

5) Объ О. Ф. Миллерѣ см. стр. 99 т. I "Жизнеописанія".

лю». Публика долго и радостно рукоплескала, привѣтствуя своего трибуна.

Невольно приходитъ на мысль, насколько искреннѣе и честнѣе была тогдашняя публика, особенно сравнительно съ позднѣйшей.

Найдутся ли теперь, среди современниковъ, подобные общественные трибуны и при томъ въ такой же степени чуждые всякаго низкопоклонства и лести предъ слушателями.

Кстати упомянуть о томъ, что лѣтъ черезъ 5-6 послѣ описаннаго событія, самъ Орестъ Федоровичъ былъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ, претерпѣвъ предъ смертью несправедливое гоненіе отъ министерства народнаго просвѣщенія по поводу одного неосторожнаго выраженія, которое такъ жестоко сократило его жизнь.

Прибавимъ отъ себя, что онъ былъ глубокій христіанинъ, любившій читать въ университетской церкви пареміи и часы, правда тономъ декламатора, нѣсколько шокировавшимъ часть наиболѣе строгихъ слушателей, но не лишавшимъ самого чтенія непосредственной искренности.

Онъ, какъ родился, такъ и умеръ, чистымъ дѣвственникомъ. Думаю, что ему теперь было бы лѣтъ 90-95 отъ роду.

Пора намъ возвратиться къ отвѣту на вопросъ о столь медленномъ проникновеніи новыхъ идей въ умы и сердца публики.

Садоводы и земледѣльцы знаютъ, что благородныя зерна на хорошемъ черноземѣ не такъ скоро даютъ ростки, какъ сорныя травы на песчаной почвѣ, посыпанной по каменью.

Зато это вліяніе, это усвоеніе новыхъ идей, постепенно, какъ «зерно горушнее» усиливается все крѣпче и крѣпче, даетъ прекрасные ростки, которые, по слову Христову, разростаются постепенно въ пышный кустъ и даже дерево, укрывающее своими вѣтвями птицъ небесныхъ и звѣрей земныхъ.

* * *

3. Достоевскій любящій другъ человѣчества [6]).

О Достоевскомъ я печатался не однажды, но все-таки его творенія, какъ неисчерпаемое море, еще далеко не всѣ разъяснены мною, а другіе публицисты, писавшіе о немъ, особенно лѣвые, только затемнили смыслъ его идей, его образовъ, его моральныхъ и богословскихъ разсужденій. Большинство послѣднихъ удовлетворялось тѣмъ, чтобы какъ-нибудь опачкать его память и не могло удержаться на почвѣ безпристрастія, а прежде всего обнаруживало свою личную злобу на этого несравненно великаго человѣка и писателя, который подобно другимъ геніямъ-гигантамъ, то бѣсилъ атеистовъ своими вполнѣ объективными разсужденіями, то примирялъ между собою идейныхъ враговъ и возвращалъ ихъ къ вѣрѣ во Христа и къ любви къ Россіи и къ русскому народу.

Мы уже упоминали въ печати, что рядъ его повѣстей можно уподобить всенародному училищу съ классами низшими, средними и высшими, черезъ которые онъ проводитъ читающее русское общество. Онъ начинаетъ съ того, что чувства добрыя онъ пробуждалъ не «лирою», а печатнымъ словомъ. Затѣмъ, взявъ въ свои авторскія руки сердце читателя, онъ влечетъ его къ признанію высшихъ качествъ въ русскомъ народѣ взамѣнъ того презрѣнія, съ которымъ къ послѣднему относился нашъ интеллигентъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Въ дальнѣйшихъ своихъ повѣстяхъ онъ укрѣплялъ читателя, уже отдавшагося въ его нравственное руководство, — укрѣплялъ въ томъ убѣжденіи, что русскій народъ и добрѣе и лучше представителей «просвѣщеннаго общества», которое на самомъ дѣлѣ погружено въ глубокую тину сословныхъ предразсудковъ, хотя и утверждаетъ свою полную отъ нихъ отрѣшенность.

Вспомните его «Идіота», «Униженныхъ и Оскорбленныхъ» и «Бѣсовъ» да еще раньше того изданную авторомъ повѣсть «Бѣдные люди» и сопоставьте содержащіяся тамъ

6) "Ц. В." № 274 и 276 — 1932 г.

идеи съ церковными пѣснопѣніями въ честь Св .Іоанна Златоуста, которому мы поемъ:

«Устъ твоихъ яко же свѣтлость огня возсіявши благодать, вселенную просвѣти: не сребролюбія (безкорыстіе) мірови сокровища сниска, высоту намъ смиренномудрія показа».

Достоевскій доказываетъ въ своихъ типахъ, что смиреніе, вопреки общему мнѣнію о немъ, не есть только индивидуальная добродѣтель, и при томъ въ глазахъ многихъ современниковъ сомнительная, а и сила общественная, оказывающая громадное вліяніе на окружающую среду, вліяніе по большей части незамѣтное для послѣдней, а иногда и для того, кто его оказываетъ.

Вотъ кн. Мышкинъ, скромный молодой человѣкъ, только что вышедшій изъ психіатрической больницы. Онъ не читаетъ собесѣдникамъ нарочитой морали, даже самъ стѣсняется ихъ, но они, почуявъ благодатную струю его откровеній, волнуются, смягчаются сердцемъ, переживаютъ внутреннюю бурю борьбы и, наконецъ ледъ застарѣлой гордыни и сердечной черствости незамѣтно таетъ и освобождаетъ ихъ сердце для воспріятія высшихъ Евангельскихъ настроеній, сначала довольно поверхностно воспринимаемыхъ и даже съ рецидивами прежней порочности и злобы, а потомъ постепенно усваиваемыхъ ими, какъ подлиннаго содержанія своей души. Подобный же внутренній процессъ переживаютъ подъ перомъ автора и другіе типы, то быстро и бурно, какъ центральный типъ другой повѣсти «Подростокъ», то чрезвычайно медленно и несознательно для самихъ себя, какъ Раскольниковъ въ «Преступленіи и наказаніи» — то въ своемъ внутреннемъ сознаніи, то при участіи и даже подъ активнымъ воздѣйствіемъ или даже подъ прямымъ вліяніемъ по христіански настроенныхъ идеалистовъ, таково нравственное возрожденіе «Подростка» подъ вліяніемъ Макара Алексѣевича, Димитрія Карамазова подъ вліяніемъ его брата Алеши, наконецъ, мальчика Коли Красоткина подъ его же вліяніемъ

Конечно, такому благодѣтельному возрожденію въ повѣстяхъ Достоевскаго являлись нерѣдко способствующія обстоятельства со стороны, напримѣръ, болѣзни, смерть близкихъ, семейныя несчастья и т. п. («Подростокъ», «Братья Карамазовы», «Преступленіе и наказаніе», «Униженные и оскорбленные»). Можно и должно сказать, что такое нравственное возрожденіе, предваряемое мучительною внутрен-

нею бурею въ человѣческомъ сердцѣ, является центральной и главной темой всѣхъ повѣстей нашего автора, его любимою темой, и не «жестокій талантъ», какимъ хотѣлъ изобразить нашего писателя глупый и лживый публицистъ Михайловскій, а любящій другъ человѣчества открылся въ геніальной личности Достоевскаго.

Да. Онъ любилъ прежде всего человѣка, какъ бы глубоко не искаженъ былъ въ немъ образъ Божій, какъ бы не упорны были его заблужденія и развращенность его души.

Эта любовь къ человѣку, какъ къ таковому, и была основнымъ свойствомъ нашего писателя.

Онъ былъ прежде всего человѣколюбцемъ, а затѣмъ уже, не по нисходящей градаціи его симпатіи, а по постепенности обнаруженія этихъ свойствъ для читателя, — христіаниномъ, православнымъ христіаниномъ, русскимъ патріотомъ, славянофиломъ, монархистомъ и т. д. Послѣднія три качества имѣли въ его душѣ значеніе выводныхъ изъ первыхъ трехъ, какъ абсолютныхъ и совершенно свободныхъ.

Итакъ, далеки отъ истины, а по большей части и отъ искренности, тѣ критики и публицисты, которые видятъ въ нашемъ писателѣ либо политическаго, либо клерикальнаго трибуна.

Сободно предавшій свою душу Христу и страстно работая надъ проповѣдью нравственнаго возрожденія человѣчества, Достоевскій дѣлалъ это великое дѣло не потому, что былъ сыномъ Православной Церкви, славянофиломъ и монархистомъ, но самое Православіе и славянство и русскаго царя и Св. Церковь онъ любилъ потому, что считалъ эти начала во-первыхъ согласными съ истиною, а во-вторыхъ потому, что считалъ ихъ дѣйственными для нравственнаго возрожденія человѣка вообще и согласными съ народно-патріотическими стремленіями, сохраняющимися въ благороднѣйшихъ душахъ лучшихъ людей.

Перейдемъ же теперь поближе къ самому содержанію его повѣстей и выскажемъ тѣ выводы, которые замалчиваетъ нашъ великій писатель, предоставляя дѣлать эти выводы самимъ читателямъ, что свойственно вообще наиболѣе талантливымъ писателямъ, какъ напримѣръ Крылову, въ большинствѣ его басней, Грибоѣдову въ его «Горе отъ ума», далѣе Пушкину въ его «Онѣгинѣ», Лермонтову въ его «Странномъ человѣкѣ», Гончарову въ его «Обыкновенной исторіи» и «Обрывѣ» и т. д.

Правъ былъ, далеко несимпатичный намъ, критикъ Бѣлинскій и многіе другіе писатели, нетерпѣвшіе въ литературныхъ произведеніяхъ прямой морали, но требовавшіе, чтобы моральные выводы изъ ихъ писаній дѣлали сами читатели: такой способъ — предоставленіе выводовъ на волю читателя, конечно, доступный только крупнымъ талантамъ литературы, является самымъ дѣйственнымъ и прочнымъ. Такого правила держался и Достоевскій, который долгое время удерживалъ свое перо отъ прямой проповѣди религіозныхъ истинъ въ повѣстяхъ и романахъ и допускавшій ее наряду съ проповѣдью патріотическою только въ тѣхъ немногихъ публицистическихъ статьяхъ, которыя выходили изъ подъ его пера въ «Дневникѣ писателя» и въ знаменитой Пушкинской рѣчи, но не въ повѣстяхъ и романахъ.

Самое упоминаніе о христіанской религіи онъ допустилъ только въ позднѣйшихъ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ, начиная съ «Подростка» (около 1870 года), а раньше о Богѣ и Христѣ, за и противъ, говорили только его герои, а самъ онъ заговорилъ о Нихъ и о Православной Церкви только въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», да и то словами своихъ литературныхъ героевъ, когда его вліяніе на умы и полное довѣріе къ нему читателей достигли уже полной силы, а критика, хотя подчасъ и грубая, приняла участь Моськи, лающей на слона; большинство же, огромное большинство читателей, было настроено къ нему такъ, какъ выражался Некрасовъ о геніальныхъ талантахъ:

«Становись передъ нимъ на колѣни,
Увѣнчай его кудри вѣнкомъ».

Мы упомянули о томъ, что основной идеей Достоевскаго была идея религіозная, православная и на ней-то основывались всѣ его политическія и патріотическія симпатіи и идеалы. Таковы его статьи по Восточному вопросу, а равно и тѣ, которыя касались внутренняго строительства Россіи, преимущественно въ «Дневникѣ писателя», гдѣ онъ писалъ о походѣ Скобелева въ Ср. Азію и о проведеніи въ Сибирь и Туркестанъ желѣзной дороги, что осуществилось только черезъ 10 и 20 лѣтъ со времени выхода соотвѣтствующей книжки и журнала, оказавшейся его предсмертной исповѣдью.

* * *

4. Религіозныя убѣжденія Достоевскаго [7]).

Прошу заочнаго разрѣшенія у читателей остановиться еще на нѣкоторое время на личности Достоевскаго.

Мы подчеркнули руководящія идеи его религіозно-философскихъ взглядовъ и упомянули о томъ, что авторъ избѣгалъ до выхода «Бр. Карамазовыхъ» излагать свои религіозныя убѣжденія, подводя къ нимъ читателя, какъ бы добровольно, черезъ выясняемую связь событій жизни своихъ героевъ и черезъ указаніе ихъ жизненныхъ исходовъ — обыкновенно трагическихъ, но иногда свѣтлыхъ и примиряющихъ.

Но мы намѣренно умолчали пока о двухъ малозамѣтныхъ его очеркахъ фантастическаго характера — «Сонъ Смѣшного Человѣка» и еще менѣе замѣтнаго краткаго разсказа «Бобокъ».

Между тѣмъ, въ этихъ двухъ литературныхъ очеркахъ авторъ болѣе открыто излагаетъ свои религіозныя убѣжденія, прикрывая ихъ фантастической вуалью, дабы отклонить отъ себя обвиненіе въ тенденціозности.

Позволимъ себѣ остановиться на этихъ небольшихъ разсказахъ нашего автора, черезъ которые раскрываются подъ свѣтскою формою его чисто церковныя убѣжденія высокаго философскаго и психологическаго достоинства. Своего «Смѣшного Человѣка» авторъ издалъ въ видѣ очередного номера журнала «Дневникъ Писателя» извиняясь, однако, передъ читателями въ томъ, что, вслѣдствіе переутомленія и недомоганія, онъ отступаетъ отъ программы публицистическаго изданія въ область безбрежной фантазіи, но и въ этой области авторъ проводитъ совершенно опредѣленно идеи своего религіозно-философскаго міровоззрѣнія.

Въ «Снѣ Смѣшного Человѣка» нашъ авторъ прикровенно излагаетъ христіанское ученіе, слѣдуя за повѣствованіями Библіи о паденіи нашихъ праотцевъ, Вавилонскомъ столпотвореніи и другихъ откровеній Божьяго Домостроительства.

7) "Цар. Вѣст." № 176 — 1932 г.

Этотъ Сонъ былъ для автора реакціей противъ одного черстваго поступка и направилъ его волю къ искупленію послѣдняго. Именно Достоевскій представляетъ себя отказавшимся отъ требовавшагося благодѣянія сиротѣ, а весь его Сонъ заключается въ раскрытіи міровыхъ судебъ, которыя призываютъ людей къ сердечному взаимоучастію, причемъ этотъ принципъ является подъ его перомъ двигателемъ Божественнаго мірозданія и совершенно исцѣляетъ его желчное настроеніе на сентиментальное. такъ что, когда авторъ проснулся отъ своего сна, то первымъ его рѣшеніемъ является «непремѣнно разыскать того сиротку и устроить его участь».

Самая повѣсть представляетъ автора летающимъ по эфиру между планетами и восторженно привѣтствующаго дорогую родную землю.

Какъ это далеко отъ взгляда на него, какъ на суроваго пессимиста, и обладателя «жестокаго таланта!»

Паденіе рода человѣческаго авторъ представляетъ нѣсколько подобно Льву Толстому, какъ отступленіе отъ непосредственнаго послушанія Творцу въ область самочиннаго умственнаго развитія, а послѣдствіемъ таковаго паденія являются у него историческія заблужденія людей, война и другія явленія ложной цивилизаціи, за которыми ослѣпленные люди гонятся «въ надеждѣ славы и добра», а встрѣчаютъ вѣчно разочарованіе.

«Сонъ Смѣшного Человѣка» явился какъ поправка къ Тургеневскому разсказу: «Довольно», на каковой разсказъ нашъ авторъ написалъ ѣдкую сатиру въ «Бѣсахъ», изобразивъ Тургенева подъ видомъ Кармазинова, а его фантазію «Довольно» подъ видомъ тоже фантастическаго очерка «Мерси».

Что касается до другого фантастическаго разсказа «Бобокъ», то здѣсь авторъ изображаетъ себя задремавшимъ на городскомъ кладбищѣ и вслушивающимся въ разговоры недавно умершихъ покойниковъ подъ землей.

Трагизмъ тутъ перемѣшивается съ комизмомъ. Покойники жалуются на неудобство своего положенія и на невыносимый смрадъ, которымъ они обдаютъ другъ друга. Но смрадъ этотъ не физическій, а духовный, выражающій ихъ нравственную порочность.

Самое же положеніе этихъ покойниковъ, на которое они приговорены на 40 дней, является, по разсказу, послѣд-

нимъ увѣщаніемъ къ покаянію. Однако, никто изъ нихъ каяться не желаетъ и они единодушно рѣшаютъ эти послѣдніе дни своего сознательнаго существованія въ полусгнившемъ состояніи провести какъ можно веселѣе и для этого развлекаются автобіографическими разсказами при условіи «отнюдь ничего не стыдиться, а говорить все откровенно». Конечно, содержаніе ихъ разсказовъ оказывается еще болѣе отвратительнымъ, чѣмъ тотъ смрадъ, который исходитъ изъ ихъ могилъ. Читатель, вѣроятно, понимаетъ, что здѣсь раскрыта нераскаянность грѣшниковъ и ихъ ожесточенность въ злѣ.

Мы проговорились, что Достоевскій въ этихъ двухъ разсказахъ, написанныхъ имъ, въ разное время, вполнѣ опредѣленно выразилъ свои церковныя вѣрованія, хотя и въ шуточной формѣ.

Наконецъ, пора намъ обратиться и къ его главной повѣсти «Братья Карамазовы», въ которой онъ уже совершенно неприкровенно излагаетъ свои религіозные идеалы, однако, ни на шагъ не отступая отъ задачи объективнаго описанія жизни. Онъ смѣло приводитъ читателя въ монастырскую обстановку ,которую и раскрываетъ во всей ея духовной красотѣ, впрочемъ не замалчивая и тѣхъ уродливыхъ явленій монашеской жизни, которыя, однако, изображаются авторомъ именно, какъ отступленіе отъ нормы монастырскаго быта подъ вліяніемъ человѣческихъ недостатковъ или ложно понимаемыхъ задачъ монашества, а равно и обще-народныхъ суевѣрій.

Совершенно не права критика этого обширнаго романа, обвиняющая автора въ томъ, будто онъ искусственно противопоставляетъ жизнь монастырскую жизни свѣтской, находя въ послѣдней только одно злое, а въ монастырѣ только одно доброе.

Конечно, такіе типы, какъ Ф. П. Карамазовъ и его компанія при самомъ безпристрастномъ описаніи ихъ встрѣчъ съ монахами не могутъ не обнаружить рѣзкаго контраста, но и монастырь не чуждъ отрицательныхъ типовъ въ родѣ изувѣреннаго о. Ферапонта, лукаваго и льстиваго монашка изъ обители Сильвестра Обдорскаго (читай — Павла Обнорскаго) и такъ далѣе.

Впрочемъ, обходя второстепенныхъ героевъ повѣсти и въ частности притекавшихъ въ обитель глупыхъ барынь, а

также и противоположныхъ типовъ народныхъ, т. е. глубоко вѣрующихъ смиренныхъ женщинъ-богомолокъ, исполненныхъ высокаго стремленія души къ христіанской праведности, пора намъ уже сосредоточить вниманіе на главномъ авторитетѣ монастыря — старцѣ Зосимѣ.

Уже писано было въ нашей литературѣ, что въ этомъ старцѣ Достоевскій объединилъ два реальныхъ типа — старца Макарія († 1860) и старца Амвросія († 1892), а самый монастырь съ его скитомъ возстановляетъ и свнутри и снаружи Введенскую Оптину пустынь Калужской губерніи, сосредоточившую въ своихъ стѣнахъ не только деревенскихъ простецовъ, но и людей интеллигентныхъ — благочестивыхъ юношей, офицеровъ, оставившихъ военную службу ради спасенія души, а также и нѣкоторыхъ писателей (К. Н. Леонтьевъ), а частнѣе — цѣлый кустокъ молодыхъ идеалистовъ. собравшихся въ 50-хъ годахъ подъ крылышко старца Макарія сперва въ качествѣ простыхъ послушниковъ, а потомъ разосланныхъ Синодомъ в духовныя миссіи въ Палестину, Константинополь и др. мѣста.

Они-то и собирали въ Оптиной пустыни большую свято-отеческую и вообще богословскую, а отчасти и философскую библіотеку и пользуясь знаніями греческаго и другихъ восточныхъ языковъ, переводили съ нихъ на языкъ русскій нѣкоторыя святоотеческія творенія, привлекая къ своей работѣ вниманіе даже такого высокаго авторитета, какъ блаженной памяти митрополитъ Филаретъ, дававшій на отзывы Оптинскихъ старцевъ нѣкоторые переводы святоотеческихъ твореній, сдѣланные профессорами Московской Духовной Академіи.

Вотъ почему нельзя согласиться съ критиками Достоевскаго, не признававшими возможности пребыванія въ монастырѣ «высокоученыхъ монаховъ» и находившихъ въ упоминаніи о нихъ только тенденцію автора восхвалять и превозносить монашество.

Долженъ прибавить къ этому, что самые симпатичные и возвышенные типы среди русскаго монашества — это тѣ представители послѣдняго, которые совмѣщали долголѣтній подвигъ въ суровыхъ простонародныхъ монастыряхъ съ богословскимъ образованіемъ.

Наше свѣтское общество относилось къ нимъ съ исключительнымъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ, а ихъ сочи-

ненія духовнаго, аскетическаго содержанія расходились по рукамъ даже мірскихъ людей съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ сочиненія профессоровъ Духовной Академіи, обыкновенно невыходившія за предѣлы круговъ духовнаго сословія.

Именно Оптина пустынь соединяла въ своихъ стѣнахъ представителей обоихъ разрозненныхъ сословій — дворянства и простого народа, какъ это мы видимъ въ населеніи монастыря, описаннаго въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Духовный возглавитель этого разнороднаго монастырскаго братства старецъ Зосима изображенъ, какъ бывшій офицеръ, оставившій военную службу по влеченію своего сердца, причемъ послѣдній толчекъ, выведшій его изъ военнаго строя, былъ его отказъ принять участіе въ глупой дуэли.

Такой автобіографическій разсказъ этого старца содержитъ въ себѣ еще и указаніе на непосредственно послѣдовавшее послѣ его удаленія изъ привиллегированнаго сословія тѣснѣйшее сближеніе его съ простымъ народомъ въ лицѣ своего бывшаго деньщика, а затѣмъ и всѣхъ добрыхъ христіанъ, жителей деревни.

Кстати сказать, подобный переходъ, какъ бы изъ одного лагеря въ противоположный, описывается Достоевскимъ и въ болѣе раннихъ его повѣстяхъ, когда онъ еще ничего не писалъ о монастыряхъ и монашествѣ, но послѣднее замѣнялось въ подобныхъ картинахъ вообще народомъ, какъ живущимъ на совершенно другихъ основаніяхъ сравнительно съ образованнымъ обществомъ. Такъ въ «Бѣсахъ» одинъ изъ центральныхъ героевъ повѣсти, Степанъ Трофимовичъ, покинувшій интеллигентную среду, сейчасъ же принимается народомъ, какъ свой человѣкъ, а въ еще болѣе ранней повѣсти «Идіотъ», кн. Мышкинъ, удаленный изъ общества въ психіатрическую больницу и вышедшій оттуда нравственно возрожденнымъ, привлекаетъ къ себѣ симпатіи уже огрубѣвшаго и порочнаго полуинтеллигента и полумужика Рогожина, да и множество другихъ примѣровъ подобной ассимиляціи ренегатовъ общества съ простымъ народомъ можно привести изъ повѣстей Достоевскаго.

Оторванность общества отъ русскаго простого народа была для Достоевскаго постоянною болью, а сближеніе съ простымъ народомъ ему представлялось какъ панацея разно-

образныхъ, скажемъ болѣе, — всякихъ нравственныхъ аномалій въ жизни русскаго интеллигента.

Эту мысль съ особенною силою и красотою нашъ авторъ изложилъ въ «Пушкинской рѣчи», подведя подъ такое опредѣленіе и Пушкинскаго героя Алеко въ «Цыганахъ» и Евгенія Онѣгина и многихъ другихъ.

Сближеніе съ народными типами оказываетъ по Достоевскому благодѣтельное вліяніе на оторвавшагося отъ народа интеллигента, даже на каторгѣ при непроизвольномъ сближеніи революціонера нигилиста съ уголовными преступниками.

Любилъ Достоевскій указывать и на обратное вліяніе потерявшихъ вѣру интеллигентовъ на простыхъ людей, которыхъ первые сознательно или безсознательно развращали и губили; таковы нѣкоторые типы въ «Бѣсахъ», въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» и другихъ повѣстяхъ нашего автора, ламентаціи котораго о раздѣленіи русскаго народа на интеллигенцію и простецовъ производили даже тягостное впечатлѣніе на первую и считались преувеличеніемъ, но совершенно напрасно, въ чемъ читатель убѣждается изъ чистосердечныхъ автобіографическихъ признаній автора, настолько искреннихъ, что устраняется всякая возможность возражать противъ его принциповъ.

«Благородный пансіонъ въ Петербургѣ отнялъ у меня вѣру, а каторга Сибирская въ лицѣ своихъ узниковъ мнѣ ее возвратила». Таковы слова великаго писателя.

5. Добро и зло въ душѣ человѣка по Достоевскому [8].

На сихъ послѣднихъ дняхъ мы возвратились къ изложенію идей и идеаловъ Достоевскаго и, оставаясь вѣрными его воззрѣніямъ на жизнь, обнаружили извѣстную дедукцію его убѣжденій, которымъ онъ оставался вѣренъ въ своей разнообразной писательской дѣятельности и какъ романистъ, и какъ мыслитель, и какъ христіанинъ. Именно мы упоминали о томъ, что его авторская мысль была сначала совершенно чужда не только политической, но и религіозной тенденціи, хотя убѣжденія его были самыя опредѣленныя, а центромъ его вниманія были живые люди, такъ что онъ выступалъ изъ области нравоописательной въ область публицистическую только тогда, когда его къ тому нудила логика вещей; слѣдовательно, какія бы то ни было его религіозныя и политическія сужденія были не предпосылкой нраво - описательныхъ эпизодовъ, а только выводами изъ того разнообразнаго матеріала ,которымъ наполнялись страницы его твореній.

Другое дѣло въ его чисто публицистическихъ сочиненіяхъ: здѣсь уже невозможно было ему уклониться отъ рѣшенія **по существу** различныхъ нравственныхъ и общественныхъ проблемъ. Но и къ таковымъ рѣшеніямъ онъ приближался съ великою постепенностью, помѣщая ихъ въ своихъ толстыхъ романахъ, иногда какъ бы не охотно, но по возможности, предоставляя читателю самому дѣлать соотвѣтствующіе въ этихъ случаяхъ выводы. Впрочемъ и здѣсь онъ по возможности отдалялъ такіе выводы отъ предшествовавшаго имъ матеріала, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ читатель даже затруднялся отвѣчать на вопросъ, на сторонѣ какого героя лежитъ симпатія автора и начиналъ понимать это только уже въ концѣ повѣсти, потому что авторъ долго долго держалъ читателя на эпизодахъ, хотя всегда характер-

8) "Ц. В." № 399 — 1934 г.

ныхъ, но настолько отдаленныхъ имъ отъ окончательныхъ выводовъ этическаго характера, что только широко развитой умъ читателя могъ безошибочно раскрывать планъ многочисленныхъ драмъ его романовъ.

Задержимъ нашу мысль на нѣкоторое время на одной чисто спеціальной темѣ автора.

Не сомнѣваюсь при этомъ, что любимой темой его твореній была христіанская истина, именно бытіе Божіе, какъ всеправеднаго управителя жизни человѣческой и пастыря человѣческихъ душъ. Въ этомъ смыслѣ особенно интересно для читателей Достоевскаго дать совершенно опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, на который постоянно наталкивались его читаели. Это вопросъ не о бытіи Божіемъ, а о бытіи діавола. По сему вопросу заявлялись различныя и съ большой горячностью высказывавшіяся мнѣнія и сомнѣнія въ томъ, признавалъ ли Достоевскій реальное бытіе діавола, о которомъ онъ довольно часто и довольно пространно писалъ въ своихъ романахъ: — или же, не касаясь этого предмета по существу, нашъ авторъ, съ соотвѣтствующей ему глубиной мысли, ограничивался тѣмъ, что преимущественно передъ всѣми писателями русскими и иностранцами, рисовалъ діавольскіе элементы въ душахъ своихъ героевъ, и хотя представлялъ на страницахъ своихъ романовъ какъ бы совершенно реальныя явленія злого духа среди человѣческаго общества, но олицетворялъ въ нихъ безличную человѣческую ожесточенность, злобу и лживость.

Русскимъ читателямъ въ большинствѣ, особенно женщинамъ, весьма хотѣлось находить доказательства, что нашъ авторъ желалъ внушить читателю вѣру въ личнаго живого діавола, искушающаго людей, но такое стремленіе читателей не было увѣнчано успѣхомъ, и при внимательномъ перечитываніи повѣстей и романовъ Достоевскаго не трудно убѣдиться въ томъ, что въ явленіяхъ діавола, или какъ онъ выражался чорта, своимъ героямъ, обыкновенно въ состояніи горячечнаго бреда, или глубокаго сна, нашъ писатель сумировалъ внутренніе процессы такихъ лицъ, какъ Иванъ Федоровичъ Карамазовъ, Свидригайловъ и т. п. Въ наиболѣе сильномъ изображеніи авторъ обращается къ этой темѣ, озаглавленной «Чортъ» въ Бр. Карамазовыхъ, когда описываетъ горячечный бредъ Ивана Федоровича и изображаетъ такой бредъ въ видѣ продол-

жительнаго разговора съ явившимся ему діаволомъ. Онъ дѣлаетъ это съ такою жизненною правдою, что многіе даже вполнѣ серьезные читатели, остаются въ недоумѣніи, было ли это явленіе реальнымъ, или оно служило только изображеніемъ той внутренней борьбы, которую переживалъ Иванъ Федоровичъ, уже рѣшившійся на тяжкое преступленіе Божіей заповѣди.

Подобное же состояніе то бреда болѣзненнаго, то глубокаго сна нервно потрясеннаго героя изображено авторомъ въ «Бѣсахъ» въ лицѣ (кажется) Свидригайлова, переживавшаго бурную борьбу голоса совѣсти своей съ богохульнымъ замахомъ.

Бѣсъ — искуситель является на страницахъ Достоевскаго еще не одинъ разъ, хотя тамъ тоже нѣтъ послѣдняго слова автора (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ подобныхъ эпизодовъ), взираетъ ли онъ на эти явленія, какъ на реальныя, или какъ чисто субъективныя переживанія его героевъ, — но въ этихъ второстепенныхъ самооткровеніяхъ нашего писателя уже легче понять, что онъ имѣетъ въ виду только субъективныя состоянія своихъ героевъ, а не явленія міра сверхъестественнаго.

Съ своей стороны мы не раздѣляемъ страха большинства нашей публики признаться въ своей вѣрѣ въ нечистую силу, а напротивъ, заявляемъ совершенно спокойно, что мы признаемъ ея реальное существованіе въ качествѣ личныхъ и сознательныхъ злыхъ духовъ и съ своей стороны даже сожалѣемъ, что Достоевскій смотрѣлъ на эти вещи иначе, т. е. считалъ ихъ субъективными состояніями своихъ героевъ. Однако, не можемъ отказать себѣ въ преклоненіи передъ тою глубиною анализа духа человѣческаго и гнѣздящагося въ немъ часто зла, которое авторъ объективировалъ въ вымышленныхъ имъ явленіяхъ бѣсовъ передъ грѣховнымъ сознаніемъ его порочныхъ героевъ.

Глубоко запускалъ Достоевскій ножъ своего анализа въ порочное человѣческое сердце, но всякій разъ извлекалъ его неповрежденнымъ тѣми преступными картинами, въ которыя погружалась душа его героевъ.

Эти картины грѣха и богоборчества предъявлялись сознанію послѣднихъ и при томъ не только ожесточившихся въ своихъ порокахъ и грѣхахъ, какъ Карамазовы, но и въ людяхъ меньше испорченныхъ, даже почти- невинныхъ, какъ

подростки дѣвочки въ «Бѣсахъ», не говоря уже о такихъ типахъ, какъ Ставрогинъ и ему подобные.

Большинство этихъ людей, связавшихся съ бѣсами, кончаютъ свою жизнь самоубійствомъ и при томъ обыкновенно въ кощунственной позѣ, какъ Кирилловъ и, сколько помню, тотъ же Свидригайловъ, но во всякомъ случаѣ представить этихъ грѣшниковъ, какъ совершенно чуждыхъ намъ, обыкновеннымъ людямъ, и провести глубокую грань между ними и нами, скромными обывателями, это значитъ погрѣшить противъ истины. Элементы преступности гнѣздятся въ душѣ человѣка, даже искренно вѣрующаго и потому считать Достоевскаго пессимистомъ нѣтъ достаточнаго основанія. Напротивъ ,повторяемъ, что онъ былъ опредѣленный оптимистъ, но справедливо говорятъ тѣ писатели, которые утверждаютъ, что большинство героевъ Достоевскаго, ходили между двумя безднами — доброю и злою, а его геніальность выражалась въ томъ, что онъ съумѣлъ показать постепенность роковыхъ колебаній и роковыхъ паденій и постепеннаго благодатнаго возрожденія человѣческаго духа изъ тенетъ грѣха, невѣрія и злобы. Подобная опасность нашего нравственнаго положенія на этомъ свѣтѣ есть высшая мораль, начертанная геніемъ нашего единственнаго міроваго писателя и геніальный варіантъ древняго изреченія, т. е. «memento mori».

Впрочемъ болѣе глубокое проникновеніе читателя въ творенія Достоевскаго успокаиваетъ наши души свѣтлою надеждою въ неистощимое милосердіе Божіе и нравственное возрожденіе человѣка.

О таковомъ возрожденіи Достоевскій писалъ, конечно, гораздо рѣже и короче, чѣмъ о паденіи и погибели грѣшниковъ и особенно самоубійцъ, но его очерки о покаяніи до того умилительны, реальны и привлекательны, что назвать его «жестокимъ талантомъ», — какъ это сдѣлалъ Михайловскій, — это значитъ воспроизводить картину злой Моськи, лаявшей на слона, при чемъ побужденія этой Крыловской Моськи и господина Михайловскаго совершенно одинаковы: «ай Моська знать она сильна, что лаетъ на слона».

Если бы картины человѣческаго возрожденія писалъ сладкорѣчивый Григоровичъ, или подобный ему писатель, то это была бы небольшая диковина, но такъ какъ таковыя писалъ геніальный знатокъ человѣческой души и человѣческаго порока Ф. М. Достоевскій, то такой фактъ

возлагаетъ на него вѣнецъ неувядаемой славы.

Переходить ли теперь на описаніе картинъ нравственнаго возрожденія въ жизни обще-народной, русской и государственной?

При жизни своей, окончившейся болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ, Достоевскій нисколько не смягчалъ своихъ обличеній окружающей жизни русскаго общества и народа. Объ этомъ распространяться мы не будемъ, но онъ утверждаетъ при томъ, что русскій народъ имѣетъ то огромное преимущество передъ прочими народами, что онъ предавался злу, т. е. разврату, жестокости и даже богохульству, только въ страстныхъ увлеченіяхъ, а изъ глубины совѣсти не могъ никогда похвалить злое начало, ни преклониться передъ ложью и порокомъ.

Нѣчто подобное утверждалъ и его антиподъ Щедринъ -Салтыковъ въ своемъ эпизодѣ: «Мальчикъ въ штанахъ и мальчикъ безъ штановъ».

Если же мы переведемъ свой взоръ отъ всѣхъ такихъ нравственныхъ низинъ на возвышенные ландшафты жизни русскихъ праведниковъ, то найдемъ здѣсь такое огромное по числу и такое мощное по силѣ количество праведныхъ душъ, въ чемъ намъ поможетъ тотъ же Достоевскій со своими положительными героями, — что взамѣнъ оплакиванія людей порочныхъ мы получимъ полное право заключить нашъ очеркъ словами поэта:

«Въ надеждѣ славы и добра
Впередъ смотрю я безъ боязни».

* * *

6. Плодотворность проповѣди добра по Достоевскому [9])

Достоевскій былъ, вопреки заявленію его критиковъ, оптимистъ, непоколебимо вѣровавшій въ побѣдительную силу добра и плодотворность проповѣди послѣдняго.

Подъ проповѣдью, какъ уже сказано, мы разумѣемъ не прямое наставленіе, но раскрытіе того прагматизма, который на внутренней борьбѣ человѣка съ самимъ собой и съ окружающими его вліяніями, обнаруживаетъ побѣду добра надъ зломъ.

При этомъ не должно думать, что нашъ авторъ считаетъ доброе начало всюду побѣждающимъ, какъ это дѣлалъ въ своихъ повѣстяхъ одинъ изъ главныхъ его почитателей, тоже писатель и довольно талантливый, но черезчуръ сентиментальный, Д. Григоровичъ.

Отношеніе къ возрождающему вліянію моральныхъ началъ у людей двоякое, потому что свобода воли не можетъ быть отрицаема, а потому наряду съ картинами нравственнаго вразумленія, покаянія и исправленія, у Достоевскаго встрѣчаются типы, упорствующіе въ своихъ порокахъ и заблужденіяхъ.

Какъ же они реагируютъ на проповѣдь нравственнаго возрожденія?

Одни борются противъ нея долго и только тогда уступаютъ, когда къ этой проповѣди присоединяется жизненная школа въ видѣ семейнаго или личнаго несчастья, разоренія или тяжкой болѣзни. Въ продолженіи такой внутренней борьбы люди допускаютъ самыя рѣзкія выходки, нерѣдко озлобляются и если такъ и останутся въ своемъ ожесточеніи, то кончаютъ помѣшательствомъ и нерѣдко самоубійствомъ.

Самый характерный типъ такого озлобленнаго человѣка это Кирилловъ въ «Бѣсахъ», маніакъ своей борьбы съ религіознымъ чувствомъ, объявившій борьбу съ Господомъ Богомъ, и при томъ семинаристъ.

---

9) "Ц. В." № 275 — 1932 г.

Позволимъ себѣ сдѣлать маленькое отступленіе. Многіе писатели изъ духовнаго сословія не возлюбили Достоевскаго, какъ яко бы недоброжелателя духовенства и духовной школы, каковымъ Достоевскій, конечно, не былъ, и если онъ изобразилъ нѣсколько весьма антипатичныхъ типовъ духовнаго сословія, то это были у него не священники и не монахи, а такъ называемое сѣрое духовенство, т. е. лица съ духовнымъ образованіемъ, но непожелавшіе принять духовнаго сана, а обратившіеся въ чиновниковъ-карьеристовъ, какъ водится съ самымъ лжелиберальнымъ флагомъ.

Таковъ былъ, кромѣ Кириллова, который былъ впрочемъ искреннимъ нигилистомъ, еще другой типъ, мало на него похожій, но очень характерный представитель этого самого «сѣраго духовенства» — Михаилъ Ракитинъ (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ») давшій поводъ недоброжелателямъ автора обвинять его въ антипатіи къ духовной школѣ и къ сословному духовенству, впрочемъ такой типъ въ многочисленныхъ повѣстяхъ Достоевскаго, какъ вполнѣ обрисованный, является единственнымъ, чего не было бы, если бы антипатія автора касалась всего духовнаго сословія и духовной школы, о которой онъ ничего не говоритъ.

Справедливымъ остается только то, что положительные типы духовнаго званія у Достоевскаго берутся не изъ духовно-наслѣдственнаго сословія, а изъ міра монастырскаго, и типы эти иносословные, т. е. бывшіе военные, или юноши-гимназисты, какъ напримѣръ, Алеша Карамазовъ.

Остановившись на такомъ отступленіи отъ главной темы статьи, мы должны оговориться въ томъ смыслѣ, что остаемся глубокими почитателями духовной школы, какъ безусловно самой лучшей въ Россіи, хотя далеко не чуждой глубокихъ нравственныхъ ранъ.

Кромѣ того нужно сказать, что великіе церковные авторитеты, даже тѣ, которые проходили не духовную школу, а военную или гражданскую и вообще стали выше всякихъ случайныхъ симпатій, относились къ первой съ полнымъ уваженіемъ и благодарили Бога, если они прошли, хотя бы часть этой школы.

Впрочемъ излюбленный Достоевскимъ и его послѣдователями Оптинскій старецъ о. Амвросій былъ студентомъ духовной семинаріи и сохранилъ къ ней самое сердечное отношеніе.

Не говоримъ уже о духовныхъ авторитетахъ, прошедшихъ полный курсъ духовной школы, какъ напримѣръ тотъ самый, созданный Достоевскимъ типъ на покойнаго епископа Тихона (Задонскаго), а равно и живые дѣйствительные воспитанники духовной школы, ставшіе впослѣдствіе народными нравственными трибунами, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, при всякомъ удобномъ случаѣ восхвалялъ духовныя семинаріи и академіи и посѣщая ихъ, изливалъ самыя нѣжныя чувства къ ихъ питомцамъ.

Чтобы не отвлекаться еще дальше отъ нашей темы мы воздержимся здѣсь отъ подробной характеристики послѣднихъ, представляющихъ собой совершенно оригинальный типъ, а скажемъ только, что антипатичныя фигуры изъ ихъ среды, описанныя у Достоевскаго, хотя и характерны, но отнюдь не являются преобладающими въ духовной школѣ, а нѣкоторымъ уродливымъ явленіемъ, безъ каковего не обходится ни одна среда.

Мы остановились на одномъ типѣ, который въ противовѣсъ Раскольникову, такъ и не подчинился возрождающему вліянію добраго начала и послѣ бурной борьбы съ самимъ собой наложилъ на себя руки.

Типъ этотъ не единственный у Достоевскаго: онъ же воспроизводится у него и въ другихъ литературныхъ герояхъ, хотя бывшихъ въ совершенно иныхъ условіяхъ жизни, чѣмъ Кирилловъ. Таковъ Свидригайловъ въ «Преступленіи и Наказаніи», тоже умертвившій самого себя, а въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Смердяковъ, котораго загубили, т. е. лишили вѣры въ Бога и довели до самоубійства, высокообразованные сверстники, а именно Иванъ Карамазовъ. Самоубійствомъ же окончилъ свою земную жизнь и главный герой «Бѣсовъ» — Ставрогинъ, долго колебавшійся между вѣрой и невѣріемъ и въ концѣ жизни склонившійся въ сторону послѣдняго. Его-то и уговорилъ положительный герой той же повѣсти Шатовъ, покаявшійся атеистъ и революціонеръ, пойти на совѣтъ къ заштатному епископу Тихону, но не воспринявшій его увѣщаній.

Кстати сказать эта картина бесѣды заштатнаго Владыки съ нигилистомъ Ставрогинымъ не была введена авторомъ въ свой печатный романъ, но хранилась въ рукописи съ нѣкоторыми другими повѣствованіями, подвергшимися той же участи и нашедшими свое мѣсто въ печати благодаря уча-

стію оттуда, откуда всего менѣе можно было его ожидать т. е. отъ нѣмцевъ.

Приходится опять сдѣлать отступленіе, благодаря которому мы имѣемъ возможность обобщить всѣ эти самоубійства героевъ Достоевскаго, описанія которыхъ вошли въ его сочиненія въ урѣзанномъ видѣ или не вошли вовсе.

Мы уже печатали о томъ сообщеніи, которое мы слышали отъ достопочтеннаго старца Ефрона (крещеннаго еврея), сдѣлавшаго мнѣ послѣднее уже на смертномъ одрѣ. Онъ лично хорошо зналъ Достоевскаго и многихъ другихъ литераторовъ и раскрылъ мнѣ интимную сторону нѣкоторыхъ описанныхъ авторомъ событій, въ томъ числѣ и о причинѣ злобы Смердякова противъ своего отца Федора Карамазова, чего авторъ не ввелъ въ печать по дружескому совѣту К. П. Побѣдоносцева и М. Н. Каткова. Возможно, что они же отсовѣтывали Достоевскому печатать о посѣщеніи Ставрогинымъ Епископа Тихона, но уже, конечно, по другимъ побужденіямъ, для меня пока неизвѣстнымъ, ибо въ бесѣдѣ покойнаго архіерея со Ставрогинымъ ничего, конечно, неприличнаго не было, что имѣло мѣсто въ отношеніяхъ Федора Карамазова со Смердяковымъ.

Все-таки тотъ фактъ, что эти драгоцѣнныя страницы романа появились въ печати первоначально въ нѣмецкомъ переводѣ, долженъ заставить покраснѣть издателей русскихъ, отдавшихъ въ чужія руки такое драгоцѣнное литературное достояніе.

Впрочемъ такое постыдное явленіе далеко не единственное въ исторіи нашей литературы, вѣдь и извѣстная апологія величайшаго русскаго человѣка, Патріарха Никона, осталась ненапечатанной на русскомъ языкѣ, а появилась на англійскомъ языкѣ въ 6-томной исторіи Патріарха Никона, составленной англійскимъ богословомъ Пальмеромъ.

Но возвращаемся къ Достоевскому. Роковая участь его отрицательныхъ героевъ, приговорившихъ себя къ самоубійству, обусловливается въ повѣстяхъ Достоевскаго не только ихъ ложными взглядами, но и тяжкими преступленіями, въ которыхъ они не хотѣли покаяться по своей гордости, таковы и Свидригайловъ и Ставрогинъ, изнасиловавшій двухъ малолѣтнихъ и такимъ же оказался бы и Раскольни-

ковъ, тоже убійца, если бы его не привела къ покаянію Соня Мармеладова, тоже грѣшница, но каявшаяся впродолженіи всей своей молодой жизни.

Такова схема жизненной драмы у героевъ Достоевскаго: или покаяніе и возвращеніе къ христіанскимъ началамъ, или ожесточеніе, невѣріе и самоубійство. Эта схема господствуетъ въ большинствѣ его твореній и совершенно освобождаетъ автора отъ обвиненія его въ томъ, будто у него было «розовое христіанство», какъ писалъ, неустановившійся до старости въ своихъ убѣжденіяхъ, Константинъ Леонтьевъ, хотя и проведшій послѣдніе годы своей жизни въ чинѣ монашескомъ и отпѣтый мною въ Троицко-Сергіевской лаврѣ въ началѣ 90 годовъ.

Кстати сказать совершенно непонятно, почему К. Н. Леонтьевъ привлекъ къ себѣ вниманіе публицистовъ Парижской ИМКИ, вѣроятно, именно вслѣдствіе своей незаконченности и неопредѣленности, которою характеризуются названные современные «философы» разныхъ возрастовъ и положеній. Во всякомъ случаѣ участь Леонтьева разрѣшилась гораздо болѣе благопріятно и достойно, чѣмъ его почитателей.

Немногимъ судилъ Богъ возникнуть отъ колебаній молодости и даже преступленій въ ту высокую гармонію духа и въ то искреннее общеніе съ Церковью и русскимъ народомъ, котораго достигъ Достоевскій.

По его словамъ его духовное возрожденіе и нравственное общеніе съ вѣрующимъ народомъ началось на каторгѣ въ 60-хъ годахъ 19-го столѣтія и завершилось еще задолго до его кончины, выразившись въ своей совершенной формѣ въ его «Дневникѣ Писателя».

* * *

7. Побѣда Христа надъ зломъ по Достоевскому [10].

—o—

Еще много, очень много можно писать и говорить о Достоевскомъ, и хотя то, что до послѣднихъ дней пишется о немъ въ самыхъ разнообразныхъ журналахъ по большей части также мало относится къ дѣлу, какъ напримѣръ, извѣстный трактатъ 18 вѣка о пользѣ стекла, но это происходитъ по той причинѣ, что въ головахъ и сердцахъ рецензентовъ просто не хватаетъ регулятивныхъ понятій, опредѣляющихъ значеніе нашего писателя и даже самое содержаніе его убѣжденій: но все же нельзя отрицать ни живого интереса большинства такихъ статей, ни той несомнѣнной пользы, которая оказываетъ ознакомленіе съ ними читателя.

Я прекрасно сознаю, что мои очерки не только не исчерпываютъ содержанія этого великаго ума и великаго духа, но оставляютъ нетронутымъ еще огромный запасъ идей, образовъ и, скажемъ прямо, откровеній, разбросанныхъ на его безсмертныхъ страницахъ. Однако, держась принципа, лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, мы взяли на выборъ нѣсколько особенно потребныхъ для нашего общественнаго сознанія уроковъ этого единственнаго человѣка, которому съ полнымъ правомъ можно отнести вдвойнѣ, то привѣтствіе, которое группой русскихъ поэтовъ было направлено къ личности покойнаго Жуковскаго:

«Будь намъ путеводной,
Будь вдохновительной звѣздой,
Духъ цѣломудренно - свободный,
Умѣвшій все совокупить
Въ ненарушимомъ цѣломъ строѣ
Все человѣчески благое
И русскимъ чувствомъ закрѣпить».

---

10) "Ц. В." № 289 — 1932 г.

Дѣйствительно, такого совмѣщенія нравственнаго космополитизма и русскаго патріотизма наше общество стыдилось, и хотя оно далеко было отъ нигилизма, но, чтобы опознать свое духовное родство съ чисто русской народной жизнью и народными вѣрованіями, понадобились особенно потрясающія событія, къ которымъ нужно отнести во первыхъ Отечественную войну 1812 года, затѣмъ войну Балканскую 1877 года, а равно и поразившія насъ въ самое сердце народныя бѣдствія, какъ напримѣръ, звѣрское убійство благодѣтеля нашего народа Императора Александра II, а равно и кончина самого Достоевскаго, послѣдовавшая черезъ полгода послѣ Пушкинскихъ торжествъ въ Москвѣ и черезъ годъ послѣ кончины незабвеннаго Государя.

Многосторонни были откровенія и открытія Ф. М. Достоевскаго. Колумбъ открылъ Америку, а Достоевскій открылъ русскому обществу Господа Іисуса Христа, Котораго раньше знало духовенство, простой народъ и отдѣльные мыслители нашего общества.

Силу вліянія христіанскихъ идей и Христова ученія Достоевскій наглядно показывалъ въ совершенно объективно раскрытыхъ имъ картинахъ русской жизни. Въ нихъ онъ не уменьшаетъ силу человѣческаго зла и его упорство въ покореніи своей воли Христу и Евангелію. Напротивъ, никто изъ писателей русскихъ не могъ такъ картинно и глубоко описать упорство, съ которымъ горделивая душа человѣка долго борется противъ благодатнаго воздѣйствія на нее Христа и его проповѣдниковъ.

Наиболѣе сильныя картины подобной роковой борьбы вы найдете въ его романахъ: «Бѣсы», «Преступленіе и Наказаніе», «Униженные и Оскорбленные», скажу прямо — во всѣхъ его произведеніяхъ, почти безъ исключенія.

Вотъ почему одинъ изъ его рецензентовъ и критиковъ (правда неискренній) такъ и застрялъ своимъ неглубокимъ умомъ на картинахъ этой борьбы и, закрывая глаза на то, что она кончается у Достоевскаго побѣдой добра и вѣры (смерть Стефана Трофимовича въ «Бѣсахъ») и разрѣшается либо въ искреннемъ покаяніи грѣшника, либо въ его полномъ отчаяніи и самоубійствѣ, если онъ не послушался призывающаго голоса Божьяго и самъ на себя наложилъ руки. Такова печальная участь Свидригайлова, Ставрогина и другихъ, о которыхъ мы уже упоминали.

Въ такомъ двоякомъ исходѣ нравственной борьбы въ человѣческомъ сердцѣ Достоевскій показалъ себя строго объективнымъ мыслителемъ и писателемъ.

Конечно, онъ могъ повести за собой довѣрившихся его авторитету читателей и довести всѣхъ своихъ типовъ до раскаянія и спасенія душевнаго, какъ это было свойственно писателямъ 19 вѣка сентиментальнаго направленія, но, дорожа истиною, какъ самымъ драгоцѣннымъ достояніемъ литературнаго генія, Достоевскій не могъ закрывать глаза на то, что среди его современниковъ, да и вообще среди людей, несомнѣнно есть погибающіе на вѣки, какъ это ни грустно признать. Сюда относятся всѣ случаи самоубійства его героевъ, такъ мастерски имъ описанные, что побудили одного изъ недалекихъ, хотя и съ большими претензіями писавшихъ, критиковъ его, признать Достоевскаго въ качествѣ — «жестокаго таланта» вопреки другимъ его критикамъ, упрекавшимъ его за сентиментализмъ.

Еще другимъ преимуществомъ Достоевскаго предъ прочими писателями-психологами является то обстоятельство, что онъ разсматриваетъ своихъ героевъ не только въ опредѣленный моментъ ихъ жизни, ихъ внутренней борьбы, но и въ продолженіи цѣлыхъ періодовъ послѣдней до самой гробовой доски, и даже пытается въ нѣсколькихъ штрихахъ коснуться ихъ посмертной участи, какъ напримѣръ въ фантастическомъ разсказѣ «Бобокъ», написанномъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ церковныхъ преданій, а еще болѣе — подъ вліяніемъ анализа ихъ душевнаго состоянія передъ смертью.

Чтобы оградить себя и свое перо отъ кощунственныхъ насмѣшекъ, нашъ писатель вводитъ въ этотъ разсказъ фантазію — сатиру, но глубокій богословско-философскій смыслъ его при всемъ томъ сохраняетъ свое непоколебимое значеніе.

Чтобы освоиться съ богословскими убѣжденіями Ф. М. Достоевскаго, должно внимательно прочитать «Сонъ смѣшкого человѣка», затѣмъ монологъ Мармеладова въ «Преступленіи и Наказаніи», а въ особенности предсмертную бесѣду старца Зосимы въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», которую я никогда не могъ читать безъ слезъ; надѣюсь и вы прослезились, любезный читатель.

Итакъ, не закрывая своихъ глазъ надъ печальной уча-

стью нераскаянныхъ грѣшниковъ, Достоевскій вездѣ и совершенно справедливо видитъ побѣду Христа надъ зломъ, либо въ видѣ окончательнаго раскаянія его враговъ, либо въ безутѣшной и безсильной погибели послѣднихъ.

Болѣе отрадное будущее нашъ авторъ предусматриваетъ въ жизни русскаго народа. Онъ постоянно подчеркиваетъ ту особенность народной совѣсти, что она всегда готова признать зло — зломъ, а добро — добромъ. Призваніе же Божіихъ избранниковъ въ родѣ старца Зосимы, Алеши Карамазова и другихъ заключается по Достоевскому въ томъ, что они имѣютъ силу и врожденную способность вызвать къ жизни то таящееся въ глубинѣ человѣческихъ сердецъ или безсильно борющееся въ нихъ **доброе начало,** которое, получивъ опору въ сочувствіи искренняго ближняго, быстро крѣпнетъ и вызываетъ своего носителя, хотя бы еще неустановившагося подростка, на активный бой за правду, за вѣру, за добродѣтель. Таково было вліяніе Алеши Карамазова на Колю Красоткина и къ подобной же эволюціи подводилъ нашъ авторъ и другого Колю въ «Бѣсахъ» и, наконецъ, Подростка.

Касательно приближавшагося революціоннаго переворота Достоевскій не раздѣлялъ того самоувѣреннаго мнѣнія большинства русскаго общества, которое, по поводу всякаго неудавшагося покушенія на Высочайшихъ особъ, горделиво насмѣхалось надъ затѣями революціонеровъ, признавая эти затѣи безсильными угрозами, какъ лягушка на вола. Напротивъ, въ «Бѣсахъ» онъ хотя и съ презрѣніемъ, но и съ признаніемъ опасности этихъ затѣй, заявляетъ, что, если даже революція будетъ имѣть успѣхъ въ Россіи, то ея разрушительныя дѣйствія не оставятъ глубокаго слѣда на жизнь нашего государства и народа, но черезъ нѣсколько лѣтъ эти слѣды безрезультатно исчезнутъ, а жизнь народа, вразумленнаго горькимъ опытомъ, пойдетъ вновь по своему историческому руслу и русскій народъ, какъ исцѣленный Евангельскій бѣсноватый, усядется къ ногамъ Спасителя оболченный и смыслящій и будетъ по примѣру того исцѣленнаго повѣдать всюду, какъ исцѣлилъ его Господь отъ бѣснованія.

Первая часть пророчества Достоевскаго, какъ мы видѣли, исполнилась во всей силѣ: исполнится ли вторая — от-

радная часть этого предсказанія, на то надо ждать указанія свыше.

Все это касается событій политическихъ и вообще событій, а внутреннее вразумленіе народа нашего слѣдуетъ признать уже совершившимся. Теперь всѣ поняли, что никакого освобожденія революція народу не дала, а напротивъ подвергла его, еще недавно свободнаго и смѣлаго, тягчайшему рабству своимъ же подонкамъ, отнимающимъ у него не только насущный хлѣбъ и жилище, но и то, что всего ему дороже, т. е. св. вѣру и Православную Церковь. Будемъ надѣяться, что народъ нашъ вскорѣ разогнетъ богатырскую свою спину и покажетъ поработителямъ своимъ «суковатую дубину».

И чѣмъ глубже и всестороннѣе постарались большевики подавить въ нашемъ народѣ все святое, тѣмъ сильнѣе онъ, какъ рѣка, опрокинувшая запруду, сброситъ съ себя постыдное иго рабства и заживетъ широкою свободною жизнью, завѣщавъ своему младшему поколѣнію не вѣрить впредь лукавымъ обольстителямъ, а дорожить самому данною ему законностью и свободою.

* * *

8. Опроверженіе Достоевскимъ возраженій противъ Евангелія [11].

—o—

Пора спросить самого Достоевскаго, что онъ особенно цѣнитъ въ своихъ произведеніяхъ, — какую идею и въ частности философскую, онъ въ нихъ отмѣчаетъ. Объ этомъ мои болѣе усердные читатели должны знать, но къ сожалѣнію на такой вопросъ, до послѣдняго почти времени, никто не брался отвѣчать. Да и я самъ отвѣтилъ на него какъ бы вскользь, въ своей книжкѣ о Достоевскомъ (Словарь и т. д.), подавленный огромнымъ матеріаломъ идейнаго содержанія его твореній. Именно я упоминалъ о такихъ его словахъ, которыя привожу теперь по памяти.

Мерзавцы упрекали меня за простонародную мужицкую вѣру, а того не понимаютъ, что вѣра моя прошла черезъ огонь такихъ возраженій противъ нея, до которыхъ не додумалась вся современная Европа. Первое возраженіе — сравнительно малая распространенность христіанскихъ истинъ, ихъ сравнительная непопулярность, а также то обстоятельство, что сила общественная дѣйствуетъ все по прежнему по эгоистическимъ мотивамъ, какъ бы игнорируя тѣ разъясненія и указанія, которыя даны намъ въ ученіи Евангелія. Напротивъ ученія политическія и моральныя направляются по прежнему языческому руслу, не желая считаться съ Евангеліемъ и вообще съ ученіемъ Спасителя.

Вотъ это и составляетъ предметъ перваго возраженія, высказаннаго Великимъ Инквизиторомъ противъ Евангелія, возраженія повтореннаго и опровергнутаго нашимъ писателемъ.

Второе возраженіе — наличность въ мірѣ тяжкихъ страданій и при томъ незаслуженныхъ, страданій невинныхъ младенцевъ.

---

11) "Ц. В." № 282 — 1932 г.

Первое возраженіе составляетъ содержаніе «Бунта Ивана Карамазова», а второе, — его разсказа о смерти Илюшечки и прочихъ повѣствованій изъ жизни дѣтей, изъ послѣднихъ можно заключить, что такъ называемая дѣтская невинность — вещь весьма условная, что злое начало вкрадывается въ дѣтскую душу вмѣстѣ съ пробужденіемъ сознанія хотя на первыхъ порахъ земной жизни добрыхъ началъ въ дѣтскомъ сердцѣ несравненно больше, чѣмъ злыхъ.

А что касается сѣтованій героевъ повѣстей Достоевскаго о слишкомъ узкомъ, яко бы, вліяніи Евангельскихъ идей на общественную жизнь, т. е. о томъ, что христіанство не удалось и остается достояніемъ только немногихъ нравственныхъ героевъ, то здѣсь справедливо лишь указано на послѣднее обстоятельство: нравственныхъ героевъ дѣйствительно на землѣ немного, но именно черезъ нихъ Евангельскія идеи широко разливаются по поверхности человѣческихъ сердецъ. Ихъ немного этихъ героевъ, но куда бы они не появились, вездѣ происходитъ религіозно-нравственное броженіе, послѣдствіемъ котораго является раскаяніе однихъ, мучительная борьба въ сердцахъ другихъ и нравственная смерть, а то и прямое самоубійство, третьихъ, нежелающихъ исправиться и немогущихъ оставаться носителями этой борьбы. Таковы типы Ставрогина, Смердякова, Кириллова и вообще всѣхъ немалочисленныхъ самоубійцъ, выведенныхъ на страницахъ повѣстей Достоевскаго. Послѣдній прямо заявляетъ, что отвѣтомъ на оба радикальныхъ возраженія противъ христіанства служитъ весь его романъ «Братья Карамазовы».

Критика не бралась кажется ни разу пояснить читателямъ, въ чемъ заключается его опроверженіе обоихъ возраженій противъ Евангельскаго ученія, но мы категорически убѣждены въ томъ, что иного объясненія названныхъ опроверженій и быть не можетъ. Кратко формулируя ихъ, должно установить такъ — невинныхъ страданій среди людей нѣтъ, а Христова вѣра и Евангельскіе идеалы всепобѣдительнымъ потокомъ наполняютъ жизнь и преодолѣваютъ встрѣчающіяся препятствія, но обыкновенно не непосредственно черезъ своихъ первоначальныхъ проповѣдниковъ, а черезъ ихъ учениковъ и послѣдователей.

Таковы были Алеша Карамазовъ, а впослѣдствіи Коля Красоткинъ и еще раньше, и въ высшей степени, старецъ Зо-

сима (бывшій прежде офицеромъ), а косвенно многіе другіе герои Достоевскаго, не исключая женщинъ вродѣ Сони Мармеладовой, далѣе, подруги Ставрогина и другихъ. Къ числу ихъ относятся менѣе отчетливо начертанные типы, напримѣръ, мать главнаго героя «Подростка», а также свѣтлые, хотя и недорисованные типы, «Бѣдныхъ людей» и вообще второстепенныхъ положительныхъ героевъ и героинь, которые являлись главными симпатіями автора, какъ проповѣдника, правда осторожнаго, но нерѣдко возвращающагося къ своей излюбленной идеѣ христіанскаго смиренномудрія. Кто лишенъ послѣдняго, тотъ является не учителемъ, а мучителемъ, своихъ друзей, какъ напримѣръ, тотъ ростовщикъ, влюбленный въ свою жертву, но своей гордостью доведшій ее до самоубійства.

Въ этомъ смыслѣ основного вопроса, который усвоенъ авторомъ для всѣхъ поборниковъ добра и правды: «взять ли силою или смиренною любовію»; надо отвѣчать: «возьму смиренною любовію».

Отсюда выводъ общаго характера — разницы между общественными добродѣтелями и добродѣтелями личными не существуетъ, но усвоенная добродѣтель, даже независимо отъ рѣшенія ея носителя, вырывается изъ его внутренняго міра, какъ свѣтлый свѣтильникъ и привлекаетъ къ себѣ окружающихъ, какъ сказалъ Господь объ отшельникѣ Іоаннѣ Крестителѣ: «Онъ былъ свѣтильникъ горящій и свѣтящій, а вы хотѣли малое время порадоваться при свѣтѣ его» (Іоаннъ V, 35).

Замѣтимъ кстати, что слова эти были сказаны о суровомъ отшельникѣ, обличителѣ, котораго популярность была, однако, такъ сильна, что авторизовала другого высшаго учителя, Іисуса Христа, неоднократно ссылаться на указаніе Своего Предтечи.

Искренніе почитатели Достоевскаго должны были бы прежде всего узнать, какія заслуги передъ человѣчествомъ онъ самъ себѣ приписываетъ, но въ ихъ многочисленныхъ изданіяхъ сочиненій нашего автора и въ ихъ статьяхъ о немъ, намъ не удалось найти, даже намѣченной, задачу разгадки его идеаловъ: послѣдніе просто обходились и разборъ ихъ замѣнялся обсужденіемъ вопросовъ весьма второстепенныхъ,

а расписаться въ своей неспособности проникнуть въ глубину помянутыхъ идеаловъ, о! для этого у нашихъ публицистовъ и критиковъ не хватало ни глубокомыслія ни честности.

Вообще, если Достоевскій на Пушкинскомъ юбилеѣ справедливо закончилъ свою вдохновенную рѣчь словами, что Пушкинъ оставилъ намъ послѣ своей смерти загадку о значеніи своего творчества, — то Достоевскій такихъ загадокъ оставилъ намъ по нѣсколько въ каждой своей повѣсти.

Искренніе читатели его произведеній усваивали себѣ хотя нѣкоторую часть его идеаловъ и даже проникались его энтузіазмомъ, но выразить причины своихъ восторговъ они не умѣли главнымъ образомъ по двумъ причинамъ. Во первыхъ, самая рѣчь свѣтскихъ людей такъ бѣдна терминами, опредѣляющими духовную жизнь человѣка, что обычный читатель, хотя и чувствуетъ высоту и трогательный характеръ авторскихъ идей, но чтобы повторить ихъ, не находитъ соотвѣтствующихъ выраженій. Другая причина того, что главные принципы великаго писателя остаются невыясненными, заключаются въ антипатичности ихъ для поверхностныхъ и шаблонныхъ мыслителей, которые чувствуютъ себя неудовлетворенными пока не обнаружатъ пресловутаго «оппозиціоннаго элемента» въ своемъ твореніи. Намъ извѣстно, что многіе редакторы наиболѣе распространенныхъ журналовъ и газетъ отказывались иногда печатать прекрасныя, по ихъ же отзыву, произведенія пера только потому, что не находили въ нихъ «оппозиціоннаго элемента».

* * *

9. Отношеніе Достоевскаго къ дѣтямъ и женщинамъ [12]).

— о —

Свою любовь къ ближнимъ вообще и къ русскому народу въ особенности Достоевскій изливалъ прежде всего на русское юношество, начиная съ маленькихъ дѣтей и кончая взрослыми молодыми людьми.

Вторая персона его главной повѣсти «Братья Карамазовы» былъ 13 - 14 - лѣтній мальчикъ Коля Красоткинъ, души котораго успѣла уже коснуться преступная рука озлобленнаго нигилиста и завистника Ракитина.

По своей дѣтской довѣрчивости Коля повторялъ его фразы атеистическаго характера, но высоко цѣня нравственное начало жизни и русскую правдивость, этотъ мальчикъ не далъ скверному нигилисту врости въ свою душу, но, какъ натура богато-одаренная, онъ носилъ въ своемъ сердцѣ зачатки высокихъ идеаловъ, ненавидѣлъ ложь и притворство, заступался за страдальцевъ и вообще за правду, и хотя онъ могъ бы совсѣмъ пропасть, если бы не встрѣтился съ Алешей Карамазовымъ, но привязавшись къ послѣднему всей силой своей молодой души, онъ началъ быстро и глубоко усваивать его убѣжденія и, повидимому, даже отказался отъ всѣхъ догматовъ нигилизма.

Кромѣ того, этотъ живой и подвижной, какъ ртуть, юный подростокъ, являвшій собою примѣръ необыкновенно ранняго развитія, былъ исполненъ непосредственнаго глубокаго состраданія ко всѣмъ обиженнымъ людямъ и даже къ домашней собачкѣ.

Подобныя черты Достоевскій указывалъ и въ «Подросткѣ» и въ, нѣсколько напоминавшемъ такой типъ, мальчикѣ Иволгинѣ, а въ раннѣйшихъ его повѣстяхъ — въ «Маленькомъ Героѣ», а равно и въ товарищахъ умиравшаго Илюши, которыхъ онъ всѣхъ объединилъ въ комнаткѣ послѣдняго, сперва живого, а потомъ умершаго.

---

12) "Ц. В." № 280 — 1932 г.

Вообще въ изображеніи дѣтей и подростковъ Достоевскій превосходилъ самого себя въ живости изложенія и въ поразительномъ реализмѣ бытовыхъ картинъ дѣтской жизни.

Кто любитъ дѣтей и юношей, тотъ никогда не забудетъ такихъ страницъ его послѣдняго романа, какъ тѣ, въ которыхъ описана смерть и погребеніе Ильюшечки и знаменитая «Рѣчь у камня» Алеши Карамазова.

Нашъ авторъ такъ любилъ эту зеленую молодежь, быть можетъ главнымъ образомъ потому, что въ ея лицѣ болѣе сохранился чисто русскій характеръ и русскія убѣжденія, чѣмъ въ людяхъ зрѣлыхъ и пожилыхъ.

Онъ выражался прямо: «я на молодежь нашу надѣюсь», т. е. какъ на будущее возрожденіе русскаго общества; въ ней неистребимое стремленіе къ правдѣ жизни, хотя иногда оно же и повергаетъ болѣе нетерпѣливыя натуры въ дебри нигилизма и революціи.

Въ «Дневникѣ Писателя» Достоевскій прямо выражается такъ: «если, читатель, васъ подчасъ охватываетъ какое-либо сладкое воспоминаніе о пережитыхъ высокихъ моментахъ молодой жизни, то я васъ горячо поздравляю».

Алеша Карамазовъ въ своей «Рѣчи у камня» увѣщеваетъ своихъ молоденькихъ слушателей вспоминать часы, проведенные у болѣзненнаго одра, а затѣмъ у гроба Ильюшечки и говоритъ такъ:

«Если кому-либо изъ васъ суждено развратиться душею и низко пасть въ безнравственность, то такія воспоминанія, которыя связаны, съ послѣдними днями и съ погребеніемъ нашего друга, могутъ поднять изъ самой глубокой нравственной пропасти всякаго человѣка».

Гоголь, котораго, по замѣчанію извѣстнаго философа Страхова, Достоевскій дополнялъ и исправлялъ, тоже черкнулъ однажды эту же мысль: глубоко павшій скупецъ Плюшкинъ, когда случайно вспомнилъ о своемъ школьномъ товарищѣ, то его черствая душа моментально согрѣлась мягкимъ свѣтомъ и въ голосѣ появился оттѣнокъ даже нѣкоторой нѣжности.

Вотъ почему намъ думается, что перечитывать дѣтскіе разсказы и вообще повѣсти о дѣтяхъ должно предлагать не этимъ послѣднимъ, а напротивъ людямъ совершенно зрѣлымъ, пожилымъ и даже престарѣлымъ.

Во всякомъ случаѣ тѣ недалекіе и неискренніе люди, ко-

торые называли Достоевскаго жестокимъ талантомъ и меланхоликомъ, должны устыдиться такой безсмысленной клеветы и, прочитавъ хотя бы эти главы «Братьевъ Карамазовыхъ», признать, что Достоевскій, переживъ столько страданій и прожившій 4 года въ обществѣ каторжниковъ, сохранилъ нѣжную душу и остался неизмѣннымъ оптимистомъ.

Такъ нашъ авторъ самъ сознается, что свою первую повѣсть, «Бѣдные люди», онъ писалъ «съ восторгомъ и со слезами», а его глубоко-сочувственное отношеніе ко всѣмъ типамъ, податливымъ на благородное вліяніе, показываетъ, что такое же отношеніе къ жизни ближнихъ было свойственно ему и въ дальнѣйшіе годы и до самой смерти.

Чтобы закончить очеркъ объ отношеніи Достоевскаго къ дѣтямъ, заглянемъ еще разъ въ одинъ изъ болѣе раннихъ его романовъ — «Идіотъ».

Мы видѣли, что симпатичный характеръ русскихъ дѣтей Достоевскій представляетъ какъ черту національную, которая сохраняется въ молодомъ возрастѣ отчетливѣе, чѣмъ въ пожиломъ.

Но въ отношеніи къ дѣтямъ Достоевскій готовъ находить тѣ же свойства и въ иностранцахъ, особенно когда они войдутъ въ соприкосновеніе хотя бы съ однимъ русскимъ человѣкомъ.

Такое соприкосновеніе испытали швейцарскія дѣти, познакомившись съ «Идіотомъ», подъ вліяніемъ котораго они совершенно измѣнились и изъ самолюбивыхъ эгоистовъ обратились въ добрыхъ христіанъ съ нѣжнымъ сердцемъ.

Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что патріотизмъ Достоевскаго, его восторженное поклоненіе всему русскому не только не суживали его симпатій и не удаляли послѣднихъ отъ иностранцевъ, но нашъ авторъ не только не лишалъ своего сочувствія иностранцевъ и иновѣрцевъ, но умѣлъ привлечь таковое къ самымъ типичнымъ, напримѣръ, нѣмцамъ, и притомъ не только въ области чисто моральной, но и религіозной.

Таково его описаніе судебнаго доклада нѣмецкаго доктора Герценштубе о Димитріи Карамазовѣ, который десятки лѣтъ помнилъ и съ любовью повторялъ свой разсказъ о томъ, какъ этотъ, съ виду глубоко развращенный человѣкъ, растрогалъ его старческое сердце, неожиданно возвративъ ему подаренный имъ Димитрію мѣшечекъ съ орѣхами и со

словами — Gott der Vater, Gott der Sohn, Gott der Heilige Geist.

Вообще Достоевскій объединилъ въ этомъ типѣ всѣ черты характера благочестиваго лютеранина и типичнаго нѣмца.

Даже въ чисто отрицательномъ типѣ смѣшного, ходульнаго полячка авторъ нашелъ симпатичную черту и въ его горячемъ патріотизмѣ.

Нѣсколько затруднительно мнѣ писать объ авторѣ, какъ о почитателѣ русской женщины, хотя несомнѣнно, что и объ этомъ предметѣ Достоевскій открылъ высокоцѣнныя страницы для читателей. Именно онъ начерталъ громадную силу женскаго сердца и его способность къ безкорыстной самоотверженной любви супруги и матери, и что особенно цѣнно. — любви совершенно отрѣшенной отъ романтическаго начала и направленной къ опекаемой ею родственницѣ или просто подругѣ.

Только когда эта совершенно безкорыстная и сверхприродная любовь сталкивается съ любовью чисто женскою. тутъ возникаетъ мучительная борьба, а иногда и проявленіе черствости и даже жестокости.

Нѣсколько омрачающимъ значеніе этой любви является то обстоятельство, что женщины нерѣдо живутъ воображеніемъ и принимаются любить или даже обожать не дѣйствительный характеръ своего возлюбленнаго, но того воображаемаго героя, котораго они создали въ своей фантазіи.

Такова любовь Аглаи въ «Идіотѣ», Грушеньки въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», неудавшейся невѣсты Ставрогина въ «Бѣсахъ» и невѣсты князя Алеши въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ». Это столкновеніе симпатій бываетъ для женщины источникомъ тяжкихъ мукъ, наполняющихъ горькою чашею иногда всю ихъ жизнь.

Во всякомъ случаѣ привязанность женскаго сердца и глубже и постояннѣе, чѣмъ у мужчинъ, почему и обрекаетъ первыхъ на тяжкія и продолжительныя страданія то ревности, то состраданія порокамъ и паденіямъ любимаго человѣка.

Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи привязанность Сони Мармеладовой къ Раскольникову, долго и постепенно, но неуклонно смягчавшей и, наконецъ, растопившей его ледяное сердце.

* * *

10. Пушкинская рѣчь Достоевскаго [13].

—o—

Особенную злобу критики возбуждало уваженіе Досто евскаго къ монастырямъ и монашеству, а его заявленіе, высказанное устами старца Зосимы о томъ, что изъ монастыря выйдетъ спасеніе Россіи, приводило ихъ прямо въ бѣшенство. Напротивъ, самое неприкрытое издѣвательство надъ Россіей вызывало въ либеральной публикѣ дикій восторгъ и доставляло ругателямъ отечества бурныя оваціи. Вспомните лекцію одного полупомѣшаннаго оратора въ «Бѣсахъ». который, упомянувъ о новыхъ, сравнительно гуманныхъ, порядкахъ въ современной ему русской жизни, высоко поднялъ кулакъ надъ головой и, покрутивъ имъ въ воздухѣ, заключилъ свою нелѣпую рѣчь такими словами: «но никогда Россія не доходила до такого безумнаго позорнаго положенія, въ коемъ она находится въ настоящее время». —

«Зала завыла отъ восторга, продолжаетъ авторъ, ибо что можетъ быть отраднѣе слышать для русскаго интеллигента, какъ не подобныя слова, которыми топталось въ грязь его отечество». Оратора на рукахъ вынесли изъ залы, но онъ продолжалъ выкрикивать подобныя же ругательства при неумолкавшихъ аплодисментахъ публики. А все это происходило въ 60-ыхъ годахъ 19-го вѣка, каковая эпоха считается въ либеральныхъ кругахъ временемъ высокаго подъема русской мысли и благородныхъ чувствъ.

Перейти ли намъ къ лебединой пѣснѣ Феодора Михайловича Достоевскаго, т. е. къ его Пушкинской рѣчи и послѣдовавшему за нею номеру «Дневника Писателя», которымъ и закончилось его литературное творчество.

О Пушкинѣ писали давно и много. Его единодушно восхваляли, какъ поэта національнаго, великолѣпнаго стилиста (таково выраженіе о Пушкинѣ отвратительнаго критика Пи-

13) "Ц. В." № 284 — 1932 г.

сарева) и даже (впрочемъ сравнительно рѣдко) какъ русскаго патріота, но Достоевскій обнаружилъ въ немъ нѣчто гораздо большее и прямо потрясающее, нѣчто такое, что яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ черезъ Пушкина дальнѣйшій путь русской мысли и жизни въ ихъ устремленіи къ совершенству.

Достоевскій указываетъ на то, что геній Пушкина былъ столько же національнымъ, сколько и всемірнымъ. Онъ, едва ли не онъ одинъ, умѣлъ такъ перевоплощаться въ души своихъ героевъ, что въ нихъ сказывались для читателя всѣ національныя черты послѣднихъ, и въ то время, когда всѣ герои Шекспира, Шиллера и др. геніальныхъ писателей представляются читателю, какъ переодѣтые англичане, итальянцы или турки. На страницахъ повѣстей Пушкина они являются характерными выразителями своихъ собственныхъ народныхъ чертъ. Особенно характерно въ этомъ отношеніи, прибавимъ отъ себя, изображеніе Пушкинымъ въ «Борисѣ Годуновѣ» нѣмцевъ, поляковъ и французовъ, заставляющее читателя, какъ бы передъ собственными глазами, видѣть цѣлую разнообразную толпу, собранную Самозванцемъ.

Описатель Пушкинскаго генія, т. е. Достоевскій, справедливо утверждаетъ, что въ этомъ умѣніи перевоплощаться въ духъ и бытъ любой національности Пушкинъ обнаружилъ въ себѣ чисто русское національное свойство, по которому русскій человѣкъ, оставаясь пламеннымъ патріотомъ, умѣющимъ талантливо уловить характерныя свойства всякаго чужестранца, не только не становится чуждъ послѣднему по своей душѣ, но напротивъ умѣетъ всегда оттѣнить все то, что заслуживаетъ сочувствія въ любомъ иностранцѣ и инородцѣ, не исключая евреевъ, татаръ и цыганъ. Поэма съ заглавіемъ «Цыгане» извѣстна всѣмъ, но у Пушкина имѣется и менѣе извѣстная картина благочестивой жизни вѣрующаго іудейскаго семейства, сидящаго надъ Библіей.

Отсюда выраженіе Достоевскаго о Пушкинѣ, какъ о всечеловѣкѣ, къ удивленію моему больше всѣхъ разсердившее тѣхъ, которые бы должны цѣнить эту всечеловѣческую симпатію нашего писателя выше, чѣмъ прочіе народы, т. е. евреевъ. Между тѣмъ мои товарищи по гимназіи изъ евреевъ болѣе всѣхъ негодовали на Пушкинскую рѣчь автора и заявляли, что понятіе «всечеловѣкъ» также мало осмысленно, какъ сказать «всезаяцъ» и т. п.

А какое впечатлѣніе произвела эта рѣчь на русскихъ слушателей? Лично я ее не слышалъ, но хорошо помню, что цѣлые номера «Новаго Времени», тогда еще неопредѣлившагося окончательно, какъ газеты патріотической, отъ первой до послѣдней страницы были наполнены прославленіемъ нашего автора, при чемъ заявлялось, что Достоевскій является божественнымъ пророкомъ русскаго христіанства и русскаго разумнаго патріотизма. Тамъ же сообщалось, что непосредственные слушатели этой рѣчи бросались другъ другу въ объятія и цѣловались, какъ во дни Св. Пасхи; враги торжественно мирились другъ съ другомъ и открыто заявили Феодору Михайловичу, что его Пушкинская рѣчь открыла имъ новый міръ, въ которомъ уже нѣтъ мѣста ихъ многолѣтней враждѣ другъ противъ друга.

Однако, это временное просвѣтленіе русскихъ головъ и сердецъ не осталось безъ временной реакціи. Слѣдующія же книжки мѣсячныхъ толстыхъ журналовъ и отрицательные типы профессоровъ, вродѣ А. Градовскаго, не постыдились обливать помоями того, передъ кѣмъ за двѣ недѣли раньше чуть не становились на колѣни.

Только почтенный, хотя и западническаго направленія, публицистъ Евгеній Марковъ, не отрекаясь отъ своихъ прежнихъ убѣжденій, пытался въ длинной статьѣ (если не ошибаюсь) «Русскаго Вѣстника» написать не опроверженіе, а нѣкоторыя разъясненія смущавшихъ его мыслей и предъявилъ читающему міру обстоятельное изложеніе того, какова должна быть безпристрастная критика. Его достойнѣйшій сынъ Николай Евгеньевичъ сталъ непоколебимо на почву правдивости и искренности въ писательскомъ дѣлѣ.

* * *

11. Нравственное возрожденіе русскаго общества [14]).

(Статья Владыки Антонія по случаю 50-лѣтія со дня кончины Ф. М. Достоевскаго (28 января 1881 — 28 января 1931 г.г.) .

«Возносите лѣто, пятидесятое лѣто» (Лев. 25). — Итакъ, единственно законный юбилей число 50, а всѣ тридцатипятилѣтніе, сорокалѣтніе и т. п. юбилеи незаконные и являются плодомъ человѣческаго тщеславія. Вотъ почему прежній Синодъ Россійскій давалъ разрѣшенія архіереямъ и іереямъ праздновать только 50-тилѣтній юбилей своей службы. Мы же теперь предполагаемъ отмѣтить 50-ти-лѣтній юбилей отъ кончины Ф. М. Достоевскаго, послѣдовавшей 28 января 1881 года.

Скажутъ: это едва ли согласно съ установленіями Св. Библіи: подъ юбилеемъ разумѣютъ 50-лѣтіе какого-либо радостнаго событія, а не смерти. Смерть же не имѣетъ юбилеевъ; тѣмъ болѣе, что кончину Достоевскаго горько оплакивала Сѣверная столица, да и вся Русь, 50 лѣтъ тому назадъ. Да, оплакивала, но тутъ же она убѣждалась, что эти траурные дни являются воскресеніемъ новой жизни русскаго общества, его духовнымъ возрожденіемъ. Здѣсь мы не будемъ воспроизводить явленій, точнѣе говоря событій, сопровождавшихъ дни его кончины и погребенія. Событія эти, впрочемъ, начались еще раньше смерти великаго писателя, великаго человѣка, а ихъ кульминаціонное проявленіе имѣло мѣсто болѣе чѣмъ за полгода до его кончины на торжественныхъ поминкахъ Пушкина, по случаю освященія его памятника въ Москвѣ лѣтомъ 1880 года. Тогда Достоевскій выступилъ съ такой геніальной, патріотической и миссіонерской рѣчью, которая потрясла сердца не только ея слушателей, но и читателей по всей Россіи. Не будемъ повторять описанія тѣхъ впечатлѣній, которыя производились на слу-

14) "Ц. В." № 131 — 1931 г.

шателей всякими выступленіями Достоевскаго за послѣдніе три-четыре года его жизни, — самыя бурныя театральныя оваціи примадоннамъ итальянскихъ оперъ и русской драмы ничто сравнительно съ тѣмъ, какъ русское общество встрѣчало и провожало Ф. М. Достоевскаго, когда онъ показывался на ораторской трибунѣ, даже просто въ положеніи декламатора стихотвореній Пушкина, Алексѣя Толстого и другихъ.

Но весь этотъ энтузіазмъ собрался вмѣстѣ и вылился въ необыкновенную, единственную за послѣднее столѣтіе картину при его погребеніи, о чемъ мы не будемъ распространяться теперь, ибо неоднократно говорили и писали о семъ раньше. Приведемъ только слова одного русскаго публициста объ эпохѣ, послѣдовавшей за его смертью: «Всѣмъ казалось, что Россія вступила въ новую эру христіанскаго возрожденія и что впредь уже не будетъ нигилистовъ, — и Базаровыхъ, и Ракитиныхъ, — а если будутъ, то останутся одинокими».

Конечно, такъ и должно было бы быть и преступное убійство добрѣйшаго Государя Александра II не ослабило а усилило это наростаніе, точно усилило преданность народа русскому Царскому Престолу, а дерзкая, но искренняя выходка тогда еще не падшаго Вл. С. Соловьева на литературномъ вечерѣ, черезъ три четыре недѣли послѣ Цареубійства, не нарушила тоже общаго настроенія. Именно Соловьевъ требовалъ во имя христіанства, чтобы къ преступникамъ не была примѣнена смертная казнь. Въ залѣ поднялся шумъ и ораторъ прекратилъ свою рѣчь краткимъ и сбивчивымъ объясненіемъ о томъ, что онъ не требовалъ амнистіи, а только непримѣненія смертной казни, которая, конечно, состоялась, при сочувствіи огромныхъ толпъ зрителей. Нужно добавить, что тогда Соловьевъ былъ подъ обаяніемъ личности и ученія Достоевскаго, о чемъ свидѣтельствуютъ его прекрасныя «Три рѣчи въ память Достоевскаго», сказанныя и отпечатанныя около того же времени въ Петроградѣ (1881-1883 г.г.).

Да, то были идеальные годы, когда высшіе принципы славянофильства готовы были овладѣть умомъ и сердцемъ общества. Началось все это съ героической войны 1877 года, даже нѣсколько ранѣе, съ возстанія христіанъ въ Херцеговинѣ и Босніи, къ которому примкнула значительная часть русскаго юношества въ качествѣ добровольцевъ подъ упра-

вленіемъ генерала Черняева (съ 1876 г.). Тогда же начались ораторскія выступленія Достоевскаго и изданіе имъ «Дневника писателя» пріобрѣло шумную извѣстность и общія симпатіи, не взирая на нападки его враговъ и яко бы серьезной критики, каковы, напримѣръ, отвратительныя статьи Михайловскаго, этого литературнаго ничтожества, подъ заглавіемъ «Жестокій талантъ». Но, какъ мы упомянули, тѣ явленія начавшейся славы Достоевскаго были ея предтечей, а явленіе міру его генія, его побѣды надъ сердцами и умами русскихъ людей совершились на Пушкинскомъ торжествѣ въ Москвѣ и въ дни погребенія его тѣла въ Петроградѣ 1 февраля 1881 года.

Итакъ, не юбилей смерти того великаго человѣка, а юбилей нравственнаго возрожденія русскаго общества празднуемъ мы на этихъ дняхъ. Увы, все это было, но надолго ли? Приходится припоминать читанное въ Второзаконіи. Вотъ умирающій Моисей передаетъ старѣйшинамъ и всему народу іудейскому свое предсмертное завѣщаніе, а народъ въ духовномъ восторгѣ обѣщаетъ ему вѣчное послушаніе Божіему Закону, но Моисей все-таки сказалъ имъ: «Я знаю, что по смерти моей вы развратитесь и уклонитесь отъ пути и впослѣдствіи времени постигнутъ васъ бѣдствія за то, что вы будете дѣлать зло передъ очами Бога, раздражая Его дѣлами рукъ своихъ» (Второзаконіе XXXI, 29).

Вотъ то самое произошло съ совѣстью народа русскаго, православнаго. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ былъ преданъ волѣ Божіей, былъ преданъ Христу, а нигилисты, соціалисты, сектанты и революціонеры казалось совершенно освободились отъ еврейскаго вліянія и православный философъ Ф. М. Достоевскій былъ поставленъ во главу угла русской мысли и русской жизни, и такъ длилось лѣтъ десять, и только, а потомъ опять потянулъ гнилой смрадъ нигилизма, и второй авторитетъ русской мысли, уже обратившійся въ зрѣлаго лѣтами мужа, но потопившій въ винѣ свой разумъ и совѣсть, В. С. Соловьевъ ,громче другихъ сталъ говорить и писать «развращенныя» кощунственныя статьи и едва ли не кончилъ тѣмъ, что перешелъ въ латинскую ересь (1891 г.). Объ этомъ пагубномъ переломѣ въ его душѣ я писалъ въ «Царскомъ Вѣстникѣ» подъ заглавіемъ: «Ранняя знаменитость». Прошло еще десять лѣтъ и появился ядовитый бурьянъ первой революціи

1905 года, принятый къ исполненію въ одномъ заграничномъ собраніи революціонеровъ въ 1899 году. Что было дальше — это всѣ знаютъ, — дай Богъ, чтобы какой-либо пророкъ предсказалъ намъ вторичное возстановленіе, послѣ нынѣшняго юбилея Достоевскаго.

Приходилось намъ говорить, что наши газетныя моськи печатно лгали на великаго писателя при его жизни, а замолчали только послѣ его смерти, точнѣе послѣ его Пушкинской рѣчи, да и то покойный сѣтовалъ на такое непостоянство русской публики: превозносили-де выше небесъ, а спустя малое время опять залаяли. Впрочемъ, послѣ его погребенія, соединеннаго съ такимъ тріумфомъ, и тѣ замолчали и теперь осталась только одна, продолжающая лаять и теперь, напоминающая Крыловскую поговорку. Впрочемъ, болѣе, чѣмъ погребальный тріумфъ нашихъ мосекъ удержалъ... примѣръ иностранцевъ, въ частности нѣмцевъ, по подражанію коимъ русскіе публицисты стали восхищаться Московскимъ Соборомъ Василія Блаженнаго, также геометромъ Лобачевскимъ, чего раньше не дѣлали, а только прочитавъ отзывы объ этихъ двухъ совершенно разрозненныхъ предметахъ въ нѣмецкихъ книжкахъ. И вотъ теперь никто иной, какъ тѣ же нѣмцы окончательно объединили русскихъ въ благоговѣйномъ почитаніи къ личности и къ литературному генію Достоевскаго, котораго восхваляютъ и усердно читаютъ и французы, и итальянцы, и славяне всѣхъ временъ, и даже восточныя народности. Нѣмцы же сдѣлали нѣчто большее: они розыскали, купили за большія деньги, перевели на нѣмецкій языкъ и отпечатали (въ 17 томахъ) всѣ оставшіяся въ рукописяхъ творенія Достоевскаго, такъ что его варіантъ на «Бѣсовъ», «Братьевъ Карамазовыхъ» читаемъ по нѣмецки. При семъ долженъ оговориться, что сравнительно съ другими читателями я удостоенъ особаго счастья — получить объясненіе происхожденія этихъ варіантовъ отъ близкаго человѣка покойному писателю и вообще литературному міру. Это крещеный еврей Эфронъ, одинъ изъ издателей энциклопедіи «Эфронъ и Брокгаузъ», старый іудей, почти умиравшій во время нашего знакомства, потомъ умершій въ сербскомъ монастырѣ Петковица. Онъ былъ другъ и сотрудникъ Гилярова-Платонова и близкій знакомый К. П. Побѣдоносцева, Т. И. Филиппова, М. Н. Каткова и другихъ.

Вскользь я уже упоминалъ о томъ, на какомъ-то своемъ чтеніи, что въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» остается не совсѣмъ понятнымъ, почему Смердяковъ убилъ своего незаконнаго отца Ф. П. Карамазова, который держалъ его при себѣ лакеемъ. Если читать этотъ романъ безъ поясненій, то дѣло представляется такъ — будто Смердякова къ преступленію отцеубійства побудили отвлеченныя разсужденія о томъ, что внушалъ ему атеистъ Иванъ Федоровичъ: «все дозволено и преступленія нѣтъ». Этого мало, согласитесь, чтобы рѣшиться на уголовное злодѣяніе съ опасностью быть обличеннымъ на судѣ. Эфронъ объяснилъ мнѣ, что Смердяковъ имѣлъ достаточную причину, чтобъ ненавидѣть Карамазова, ибо подвергся отъ него содомскому изнасилованію и хотѣлъ отомстить, — тогда все становится яснымъ и художественная правда повѣсти сохраняется во всей силѣ. Это поясненіе, насколько мнѣ извѣстно, не вошло въ составъ печатныхъ варіантовъ у Достоевскаго, но передававшій мнѣ его, Эфронъ, разсказывалъ, что выпустить изъ своихъ рукописей эту подробность упросили автора Побѣдоносцевъ и Катковъ. Они же еще раньше повліяли на Достоевскаго, чтобы онъ не ввелъ въ свой романъ «Бѣсы» обѣихъ бесѣдъ Ставрогина съ заштатнымъ епископомъ Тихономъ (несомнѣнно, Тихономъ Задонскимъ), коего бесѣды умѣстны только въ духовныхъ книгахъ, а не въ свѣтскихъ, а равно и признанія Ставрогина объ обезчещеніи и изнасилованіи имъ девятилѣтней дѣвочки, которая послѣ этого повѣсилась. Вотъ эти-то признанія не попали въ печатный варіантъ романа и безъ нихъ остается для читателя непонятнымъ надменный загадочный характеръ Ставрогина, этого преступнаго типа по преимуществу. На этомъ его преступленіи, какъ и на Смердяковскомъ отцеубійствѣ, сказалась пагубная послѣдовательность безбожному правилу: «Все дозволено», каковое авторъ считаетъ убѣжденіемъ всякаго послѣдовательнаго атеиста. Наши большевики своими безчеловѣчными жестокостями показали тому многочисленные примѣры, въ качествѣ послѣдовательныхъ атеистовъ. А вѣдь когда я еще былъ мальчикомъ, сколько разъ мнѣ приходилось слышать отъ старшихъ меня молодыхъ людей: «я могу совершенно не вѣрить въ Бога и быть чистымъ и порядочнымъ человѣкомъ». Таковъ начиналъ быть Тургеневскій Базаровъ, но догадался умереть въ молодости, — таковъ былъ, вѣрнѣе, та-

ковъ сталъ бы Верховенскій-отецъ, тоже умершій въ день своего прозрѣнія, но не таковъ былъ Верховенскій — сынъ, болѣе послѣдовательный отрицательнымъ убѣжденіямъ, но поэтому же совершенно безсовѣстный.

Вообще убѣжденіе въ томъ, что религія есть единственная и ничѣмъ незамѣнимая основа для честной жизни, вотъ одно изъ главныхъ положеній нашего великаго писателя.

Въ дополненіе къ своей статьѣ о Достоевскомъ, считаю долгомъ благодарнаго чувства добавить еще нѣсколько о помянутомъ писателѣ, крещенномъ іудеѣ Эфронѣ. Именно онъ былъ, хотя и вѣрующій христіанинъ, но послѣдовательный христіанинъ изъ евреевъ, — таковыхъ я высоко уважаю и страшно негодую, когда послѣ крещенія новообращеннымъ ставятъ въ вину ихъ происхожденіе. Я былъ глубоко опечаленъ, когда однажды, въ силу только что изданнаго неразумнаго закона, уже окрещенному іудею, студенту Г. отказали въ правѣ поступить въ военное училище, хотя онъ окончилъ курсъ гимназіи первымъ ученикомъ съ золотой медалью, чѣмъ и озлобили его и изъ русскаго патріота сдѣлали революціонера. Впрочемъ, возвратимся къ Эфрону. Этотъ почтенный старецъ искренне признавалъ всѣ догматы нашей Христовой вѣры, но всегда хранилъ въ своей душѣ слѣдующія слова Апостола Павла: «Великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти (т. е. израильтянинъ), которымъ принадлежитъ усыновленіе, и слава, и завѣты, и законоположенія, и богослуженія, и обѣтованіе: ихъ и отцы, и отъ нихъ Христосъ по плоти, сущій надъ всѣми Богъ, благословенный во вѣки» (Рим. IX, 3-5). Это писалъ тотъ Павелъ, котораго іудеи гнали всю жизнь и довели его до обезглавленія, что онъ и предвидѣлъ (2 Тит. IV, 6). Многіе наши глупые современники утверждаютъ, будто Ветхій Завѣтъ вовсе не Боговдохновенная книга, а нѣкоторые дошли до такого безумія, что говорятъ, будто Господь (Іегова) Ветхаго Завѣта есть самъ діаволъ и тѣмъ наводятъ хулу и на Господа Іисуса Христа и святыхъ Апостоловъ, которые говорили, что «все Писаніе боговдохновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, да будетъ совершенъ Божій человѣкъ ко всякому доброму дѣлу приготовленъ» (2 Тит. III, 17).

* * *

12. Общественный подъемъ въ Россіи и погребеніе Достоевскаго [15].

Гоголевскій волостной старшина, о чемъ бы не разсказывалъ, всегда сводилъ свою рѣчь на повѣствованіе о томъ, какъ онъ возилъ однажды Императрицу Екатерину. Въ моихъ жизненныхъ воспоминаніяхъ подобное, отчасти, мѣсто занимаютъ воспоминанія о годахъ съ 1876 по 1883-ій, когда мыслящее русское общество, и особенно русское юношество, было увлечено возстаніемъ Балканскихъ Славянъ противъ турокъ, затѣмъ войной русскихъ съ турками, далѣе трагическою кончиною Государя Александра II и, наконецъ, воспоминаніемъ о томъ же Достоевскомъ нашихъ болѣе видныхъ литераторовъ и профессоровъ.

Эти воспоминанія о немъ, а дальше объ историческихъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ, приводили меня, неопустительно посѣщавшаго литературныя собранія въ столицѣ, въ восторженное состояніе, начиная съ 14-го л. возраста моей жизни, впрочемъ съ тою разницею противъ Гоголевскаго волостного старшины, что у послѣдняго эти воспоминанія были, повидимому, единственно цѣнными въ его жизни, а моя ранняя юность была чрезвычайно богата цѣнными впечатлѣніями, при чемъ воспоминанія изъ литературнаго міра оставались въ моей душѣ далеко не на первомъ планѣ, уступая свое мѣсто воспоминаніямъ церковно-богослужебнымъ, школьнымъ, деревенскимъ и т. д., и если я теперь такъ сравнительно много времени посвящаю первымъ, то главнымъ образомъ, — уступая желаніямъ своихъ друзей, интересующихся исторіей новѣйшей русской литературы и столичной Петербургской жизнью. Эта жизнь, говоря безъ преувеличеній, въ указанный семилѣтній періодъ ничѣмъ такъ не интересовалась, особенно въ средѣ школьной и литературной, какъ тѣми событіями, о которыхъ мы упоминали выше.

15) "Ц. В." № 285 — 1932 г.

Пусть читатели не удивляются безсвязности настоящихъ сообщеній; пишу о томъ, что меня самого интересовало, а не научно историческій трактатъ, а потому позволяю себѣ перейти къ описанію моихъ знакомствъ съ нѣкоторыми личностями, особенно ярко отпечатлѣвшими себя на картинахъ общественности т о й эпохи. Но прежде нужно отмѣтить тотъ несомнѣнный подъемъ серьезности, патріотизма и религіозности, который имѣлъ мѣсто въ указанные годы русской жизни.

Подъемъ этотъ обнаружился прежде всего (не по времени, а по своему общественному значенію) въ жизни Высочайшаго двора и сказался въ взаимномъ сближеніи различныхъ слоевъ общества между собою, чему благой примѣръ далъ молодой тогда Царь Александръ III. Впрочемъ не помню, онъ ли или еще покойный Государь Александръ II, не въ примѣръ прочимъ, опредѣлилъ пенсію, «внѣ правилъ», семьѣ Достоевскаго по 2 т. рублей въ годъ, что было встрѣчено русскимъ обществомъ съ такимъ восторгомъ, что хулиганскія выходки оппозиціи не могли ни на минуту ослабить послѣдняго, а выходки эти выражались въ безсильной попыткѣ подмѣнить народное настроеніе такими, напримѣръ, неудачными способами.

Когда центральныя улицы Петербурга бывали покрыты въ продолженіи трехъ дней, дней смерти и погребенія Достоевскаго, огромной толпой движущагося народа между Кузнечнымъ переулкомъ и Александро-Невской Лаврой, гдѣ и былъ погребенъ нашъ писатель, то на вопросъ публики: «кого же это хоронятъ», нѣкоторые разставленные на перекресткахъ хулиганы (впрочемъ тогда такого слова еще не было), отвѣчали съ вызывающей рѣзкостью: «бывшаго каторжника»; однако, проходившіе участники процессіи благодушно отмахивались рукой и отвѣчали: да, покойникъ былъ и на каторгѣ, а передъ смертью удостоился нарочитой Царской пенсіи и въ надгробныхъ панихидахъ по немъ участвовало нѣсколько великихъ князей, а митрополитъ Исидоръ и братія Лавры отвели безвозмездно на Невскомъ кладбищѣ мѣсто для его могилы, расцѣнивавшееся въ 2 т. рублей.

Кстати о митрополитѣ Исидорѣ. Этотъ старецъ на 9-омъ десяткѣ лѣтъ своей жизни, вдругъ обнаружилъ небывалую прежде участливость къ событію.

Совершенно чуждаясь какихъ бы то ни было отношеній къ обществу и тѣмъ паче къ такъ называемой свѣтской литературѣ, никогда не покидая своихъ роскошныхъ покоевъ въ Невской Лаврѣ, кромѣ выѣздовъ въ Синодъ или въ церкви на богослуженія, — онъ наканунѣ погребенія Достоевскаго, котораго тѣло лежало уже въ гробу, въ Духовской церкви Св. Лавры, вдругъ появился въ шубѣ и въ бѣломъ клобукѣ у дверей названной церкви поздно вечеромъ, но не могъ войти въ нее, припертою изнутри толпою народа, переполнившаго храмъ, да такъ бы и не вошелъ, если бы не догадался обойти дворомъ смежную Благовѣщенскую церковь Лавры и взобраться, несмотря на свои преклонные годы (ему было тогда 82 г.) въ ея верхній этажъ, выходившій окнами въ Духовскую церковь, гдѣ стоялъ гробъ, предъ которымъ люди всѣхъ возрастовъ и сословій, а преимущественно студенты, вслухъ читали Псалтирь надъ покойникомъ, сопровождая чтеніе многочисленными поклонами, къ немалому удивленію маститаго старца, который послѣ погребенія Достоевскаго выражалъ свое сочувственное удивленіе о происшедшемъ вдовѣ и маленькой дочери писателя; эта самая дочь — Людмила внесла это краткое повѣствованіе въ свой печатный некрологъ о почившемъ.

Когда наступилъ девятый, потомъ двадцатый, сороковой, полугодовой и годовой день послѣ его смерти, церковь Св. Духа вновь и вновь наполнялась толпой народа и потому говорившій слово о почившемъ протоіерей Янышевъ предъ панихидой въ Казанскомъ соборѣ, заказанной обществомъ литераторовъ, имѣлъ полное право сказать, что погребеніе Достоевскаго, собравшее къ его гробу почти весь Петербургъ, было похоже не столько на траурную процессію, сколько на шествіе тріумфатора. Явленіе это особенно замѣчательно потому, что такой «тріумфъ» устроился совершенно неожиданно для всѣхъ и безыскусственно, ибо раньше того Петербургъ, да и вся Россія ничего подобнаго не устраивали, но самое погребеніе Достоевскаго явилось примѣромъ и поводомъ такихъ чрезвычайныхъ печальныхъ торжествъ, которые постепенно становились привычными для русскаго общества.

Исключительное значеніе Достоевскаго для русскихъ людей, да и для всей Европейской интеллигенціи, сказывается

еще въ томъ, что въ то время, какъ прочихъ знаменитостей постепенно забываютъ послѣ ихъ смерти, — но интересъ къ твореніямъ Достоевскаго послѣ его смерти все возрастаетъ до настоящихъ дней, и при томъ не только въ русскомъ обществѣ, но и заграницей. Едва ли не болѣе десяти изданій его твореній вышло въ протестантской Германіи, странѣ совершенно нецерковной и казалось бы по своему Лютеранскому вѣроисповѣданію, отрицающему всякій аскетизмъ, едва ли могущей имѣть тѣсное отношеніе къ идеямъ Достоевскаго. Кромѣ того его творенія переведены на всѣ европейскіе языки и на разныхъ языкахъ выдержали уже нѣсколько изданій.

Въ заключеніе скажемъ, что уже давно **не принято** въ обществѣ какъ бы то ни было унижать или обезцѣнивать талантъ нашего писателя, каковой участи удостоился только Пушкинъ, и то въ значительной степени благодаря прославленію его Достоевскимъ.

* * *

13. О старцахъ по Достоевскому.

Достоевскій ознакомилъ русскую читающую публику съ тѣмъ, что такое монастырское старчество и старцы, о которыхъ онъ пишетъ, уже не обинуясь, краткій, но обстоятельный докладъ.

Старчество, такъ пишетъ онъ, современно по своему происхожденію съ восточнымъ православнымъ монашествомъ, но въ Россіи оно появилось только около 100 лѣтъ тому назадъ, хотя еще раньше въ чинъ постриженія помѣщалась особенная краткая молитва на врученіе новопостриженнаго брата старцу, къ которому настоятель обращается съ такими словами: «се вручаю тебѣ предъ Богомъ сего новоначальнаго, его же во страсѣ Божіи и во всѣхъ добродѣтеляхъ жити поучай, блюдый опасно, да не, нерадѣнія ради твоего, погибнетъ душа его: имаши бо отвѣтъ дати Богу о немъ въ день судный», новопостриженному же настоятель говоритъ такъ: «ты же, яко Христовѣ во всемъ повинійся старцу и во всемъ терпѣливъ буди, смиренъ же, послушливъ, кротокъ и молчаливъ и обрящеши благодать передъ Богомъ и спасешися».

Въ большинствѣ монастырей эти слова остаются только словами и отношенія новаго монаха къ старцу становятся такими же, почти формальными, какъ и отношенія крестника къ крестному отцу.

Однако, знаемъ мы всѣ и тѣ монастыри, въ которыхъ это **врученіе старцу** имѣетъ полную силу и новоначальный монахъ, даже послушникъ, принимаетъ ихъ буквально и почитаетъ надъ собой власть старца выше всякой власти, согласно преданію древнихъ обителей, дающему примѣры такого безусловнаго послушанія старцу, что всякое его слово выполняется ученикомъ безъ всякаго сомнѣнія и колебанія. Преданіе говоритъ, напримѣръ, что одинъ старецъ повелѣлъ своему ученику взять и принести къ нему нѣкую

вещь, брошенную въ море. Тотъ, не усумнившись, пошелъ прямо въ воду и она не поглотила его и превратилась какъ бы въ стеклянный полъ и послушливый ученикъ, проходя по водѣ, какъ по суху, исполнилъ данное ему порученіе въ точности.

Въ Россіи духъ старчества возстановленъ былъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ царствованіе Екатерины II, когда монашество гнали и преслѣдовали.

Въ то время явился одинъ геніальный старецъ игуменъ Паисій Величковскій, принужденный нѣсколько разъ перемѣнить монастыри, въ которыхъ онъ спасался, пока не водворился въ Румыніи въ Новонямицкой Лаврѣ, гдѣ онъ и скончался въ началѣ 19 вѣка.

Онъ воспиталъ цѣлую группу своихъ учениковъ и единомышленниковъ, которые эти правила старчества, т. е. безусловнаго послушанія старцу, наряду съ обязательнымъ изученіемъ Святоотеческихъ твореній и Священнаго Писанія преподавали своимъ ученикамъ; а эти, по мѣрѣ ослабленія гоненій на монастыри и монашество, передали помянутыя правила и самый духъ монашества черезъ своихъ учениковъ въ нѣкоторые русскіе монастыри, до того времени съ трудомъ влачившіе свое существованіе, а послѣ благодѣтельнаго вліянія этихъ, такъ называемыхъ молдавскихъ старцевъ (хотя они были русскіе люди), процвѣтшіе теперь обиліемъ братства, какъ духовнымъ, такъ и хозяйственнымъ.

Къ помянутымъ монастырямъ, возродившимъ русское монашество, должно причислить слѣдующіе, — безусловно лучшія русскія обители: Саровскую пустынь (Тамбовской губерніи), Валаамъ, Глинскую пустынь, (Курской губерніи), Бѣлобережскую пустынь (Орловской губерніи), Св. Горы (Харьковской губерніи), а впереди всѣхъ Оптину пустынь (Калужской губерніи) и нѣкоторыя другія обители, изъ коихъ однѣ были преобразованы по неписанному уставу Паисія Величковскаго во всемъ своемъ быту, а другія прославились однимъ или нѣсколькими подвижниками того же духа и подвига, но не распространили послѣдняго на все устройство монастыря. Перечислять мы ихъ не будемъ, ибо современные читатели потеряли изъ своей памяти эти второго рода монастыри и изъ нашего очерка усвоятъ себѣ только рядъ именъ.

Конечно, Карамазовскій отецъ Зосима имѣлъ въ виду

именно эти, духовно возрожденные монастыри, возродившие самое монашество для Россіи, когда говорилъ, что изъ монастыря выйдетъ спасеніе русской земли. Замѣчательно, что не знаменитыя обители, прославленныя находившимися въ нихъ святынями, — чудотворными иконами и нетлѣнными мощами угодниковъ, а убогія и сперва мало людныя, на ладанъ дышавшія и мало извѣстныя обители были призваны Промысломъ Божіимъ къ духовному и внѣшнему возрожденію русскаго монашества.

Впрочемъ Божій Промыселъ обычно направляетъ свою десницу такъ, что спасеніе Его получается оттуда, гдѣ люди его не ждали. Такъ родиною предковъ Христа Спасителя явился скромный малый Вифлеемъ, а въ самомъ Вифлеемѣ прославился младшій сынъ Іессея, пастушокъ Давидъ, о которомъ отецъ его вспомнилъ только по настоянію пришедшаго къ нему пророка Самуила. Подобныхъ же примѣровъ по Священной исторіи и по исторіи церковной можно насчитать многія сотни: Господь показываетъ людямъ, что не по ихъ расчетамъ, а по Своей волѣ Онъ посылаетъ Свои милости на землю.

Возвращаясь къ очерку возрожденія монастырей въ Россіи, укажемъ на то, что, если они не были въ чести у земныхъ властей, а нерѣдко и у властей церковныхъ, то православный народъ всѣхъ сословій съ замѣчательной чуткостью, отзывался на ихъ призывъ къ духовному просвѣщенію, не книжному, а благодатному, и монастырскіе старцы, безъ помощи телеграфа и даже желѣзныхъ дорогъ, становились извѣстными всѣмъ вѣрующимъ, которые все умножающеюся толпой и при томъ по преимуществу пѣшею, протаптывали дороги къ этимъ новопрославленнымъ святымъ мѣстамъ.

Въ эту толпу богомольцевъ, конныхъ и пѣшихъ, вступали нерѣдко и представители и литературы и науки, широко распространявшіе свѣдѣнія о Божіихъ подвижникахъ и учителяхъ вѣры и благочестія. Во главѣ ихъ бывали и крупные таланты и вельможи, покидавшіе за воротами обители свою важность и всякую надменность.

Вотъ все это движеніе, которое въ послѣднее время воспроизвелъ знаменитый Нестеровъ на своей картинѣ «Св. Русь», изображаетъ Достоевскій въ «Бр. Карамазовыхъ».

Здѣсь у него и «вѣрующія бабы» и помѣщикъ — ни-

гилистъ, уже близкій къ покаянію, и исковерканный, оторванный отъ народа дворовый человѣкъ; наконецъ, здѣсь появляются и монахи прежней формаціи съ недоброжелательствомъ взирающіе на «это новшество», т. е. на введеніе старчества.

Самъ Достоевскій изучалъ всѣ эти явленія церковной жизни черезъ личное ознакомленіе съ бытомъ возрожденнаго старцами монашества; изучалъ онъ его настолько усердно и добросовѣстно, что рѣшился раскрыть этотъ бытъ только въ періодъ полнаго расцвѣта своего вліянія на русскіе умы и сердца, лѣтъ за пять до своей кончины, а до того времени хранилъ свои записи у себя въ столѣ, такъ что часть изъ нихъ появилась въ печати только послѣ его смерти и при томъ въ заграничномъ изданіи на нѣмецкомъ языкѣ.

Замѣчательно, что именно этотъ философскій народъ, т. е. нѣмцы — лютеране, явились лучшими оцѣнщиками изобразителя русскаго монашества, чѣмъ литераторы русскіе, запуганные нашими нигилистами и полунигилистами, у которыхъ суетный страхъ передъ тѣмъ, «что будетъ говорить княгиня Марія Алексѣевна», сковалъ уста и приклеилъ пальцы къ перу такъ, что они писали для своихъ соотечественниковъ обо всемъ кромѣ того, что было «едино на потребу».

Совсѣмъ другое непониманіе или нежеланіе понять нашего великаго писателя обнаружили нѣкоторые крайне правые элементы нашей литературы, въ родѣ Константина Леонтьева, называвшаго міровоззрѣніе Достоевскаго «розовымъ христіанствомъ».

Впрочемъ въ томъ и другомъ нежеланіи цѣнить нашу литературную драгоцѣнность сказалось крѣпостническое верхоглядство нашихъ литераторовъ — господъ, обусловленное прежде всего лѣностью избалованныхъ барычей, нежелавшихъ научно провѣрить свои вѣковые предразсудки.

Отдѣльно стоитъ отъ нихъ нашъ талантливый диллетантъ, но нравственно разстроенный В. С. Соловьевъ, сперва безусловно благоговѣвшій передъ Достоевскимъ и написавшій о немъ самые цѣнные очерки подъ заглавіемъ: «Три рѣчи въ память Достоевскаго», а потомъ поклонившійся

золотому тельцу, чтобы избавиться отъ разоренія, причиненнаго ему нетрезвою жизнью.

Читатель съ полнымъ правомъ можетъ поставить мнѣ упрекъ за то, что я, обѣщавъ писать о старцахъ и старчествѣ, уклонился опять въ сторону литературы свѣтской и свѣтскихъ литераторовъ, но я допустилъ это не потому, что послѣдніе меня интересовали болѣе чѣмъ старчество, а потому, что я сомнѣваюсь въ должномъ вниманіи читателей къ намѣченной темѣ, а болѣе усерднымъ изъ нихъ рекомендую опять же взяться за «Братьевъ Карамазовыхъ» и еще разъ перечитать то, что пишетъ въ нихъ о старчествѣ самъ Достоевскій.

Къ сожалѣнію не могу вспомнить въ точности его выраженій, но сущность послѣднихъ въ томъ, что старецъ совершенно сливаетъ свою душу съ душами учениковъ.

Въ заключеніе этого очерка приведемъ слова изъ Пролога на 29 мая:

«Глаголаху старцы, яко подобаетъ коемуждо яже искренняго своего сотворити, якоже имать: якоже облачитися въ онъ плотію, и всего носити человѣка, и страдати съ нимъ о всемъ, и радоватися, и плакати: и просто рещи: быти съ нимъ яко туюжде плоть носити, и туюжде душу и яко о себѣ скорбѣти, аще когда прилучится ему печаль. Тако писано есть: яко едино тѣло есмы о Христѣ. И многимъ вѣровавшимъ бѣ сердце и душа едина».

Вотъ такъ-то относился старецъ Зосима къ своимъ ученикамъ, а потому его духовная природа переливалась въ душу и Алеши Карамазова и послушника Порфирія и втягивала ихъ, а отчасти всѣхъ встрѣчавшихся со старцемъ, въ его духовную жизнь и нравственно возрождала.

V

КАКЪ ОТНОСИТСЯ СЛУЖЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННОМУ БЛАГУ КЪ ЗАБОТѢ О СПАСЕНІИ СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ ДУШИ? [1])

Настоящая статья Митрополита Антонія не имѣетъ прямого отношенія къ твореніямъ Ф. М. Достоевскаго. Однако, статья эта можетъ служить дополненіемъ и разъясненіемъ къ мыслямъ о возрожденіи, высказанныхъ въ статьяхъ о Ф. М. Достоевскомъ. А. Н.) .

1) Въ первый разъ была напечатана въ журналахъ — "Вопросы Философіи и Психологіи" 1892 г., февраль и "Богословскій Вѣстникъ", 1892 г. іюнь.

V

КАКЪ ОТНОСИТСЯ СЛУЖЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННОМУ БЛАГУ КЪ ЗАБОТѢ О СПАСЕНІИ СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ ДУШИ?

(Письмо въ редакцію).

Слѣдя за поднимающимися въ русскомъ обществѣ религіозными спорами, я съ грустью убѣждался каждый разъ, что главною причиною враждебнаго настроенія противъ церкви со стороны мыслителей-раціоналистовъ бываетъ незнаніе церковнаго ученія, сужденіе о немъ по свѣтскимъ предразсудкамъ, а не по словамъ св. Писанія и св. Преданія. Подобное же явленіе лежитъ въ основаніи и тѣхъ споровъ, когда обѣ стороны мнятъ себя на чисто церковной почвѣ: или одна изъ нихъ, или обѣ заблуждаются въ этомъ своемъ мнѣніи.

Цѣль настоящей статьи — выяснить понятіе о спасеніи, по источникамъ Божественнаго откровенія, и оцѣнить съ точки зрѣнія послѣдняго наше свѣтское пониманіе этой религіозной идеи.

Православная вѣра всегда будетъ имѣть враговъ (1 Іоан. IV, 6), но на насъ будетъ отвѣтъ за враговъ **по недоразумѣнію,** за тѣхъ, которые уклоняются отъ нея только потому, что не знаютъ ея истиннаго ученія, а слышатъ о немъ отъ непонимающихъ его литераторовъ, воспитанныхъ на свѣтскихъ сословныхъ предразсудкахъ. Сознательно отвергать раскрытое ясно ученіе вѣры можетъ только сознательный ненавистникъ всякаго добра и свѣта (Ін. III, 19-21): Содому и Гоморрѣ будетъ отраднѣе въ день суда, чѣмъ такому человѣку (Матф. X, 15). Къ счастью, но отчасти и къ стыду нашему, большинство нашихъ невѣрующихъ не вѣруетъ по недоразумѣнію. Я прошу редакцію дать мѣсто одной попыткѣ къ разъясненію нѣкоторыхъ подобныхъ недоразумѣній.

I

Значеніе этого, повидимому, слишкомъ простого вопроса выясняется изъ поднятаго въ Психологическомъ Обществѣ уже годъ тому назадъ литературнаго вопроса о томъ, что должно быть главнѣйшей цѣлью нашей жизни — личное спасеніе, или общественное благо? Извѣстный Вл. С. Соловьевъ стоитъ за послѣдній отвѣтъ, а его противники, публицисты «Московскихъ Вѣдомостей», за первый. Споръ этотъ, впрочемъ, не новый. Въ общественномъ сознаніи обѣ названныя идеи давно представляются во взаимной враждѣ, хотя съ нѣсколько иныхъ точекъ зрѣнія. Литература, да и жизненная практика, особенно учащагося поколѣнія, выставляетъ предлогъ служенія обществу, какъ лучшее извиненіе своего религіознаго индифферентизма; ими же оправдываются и прямыя сдѣлки съ христіанскою совѣстью, какъ въ личной жизни, такъ и въ общественной, напр., педагогической. Съ другой стороны подъ предлогомъ спасенія души люди оправдываютъ и лѣность мысли, не хотящей знакомиться съ врагами вѣры и сознательно ихъ побѣждать, — и апатію воли, отказывающейся стоять за правду **Божію предъ человѣки** (Мф. X, 32). Новость теперешней постановки вопроса заключается собственно въ томъ, что онъ перенесенъ на почву религіозную, и оба противоположныя рѣшенія стараются обосновать себя на почвѣ Откровенія, тогда какъ прежніе поборники общественнаго блага осуждали не только личный аскетизмъ, но и вообще стояли за независимую мораль и противъ религіозной. Къ твердому и ясному отвѣту на поставленный вопросъ наше вѣрующее общество, увы, неподготовлено, что, конечно, весьма печально, ибо знать его было бы гораздо существеннѣе съ религіозной точки зрѣнія, нежели умѣть перечислить наизусть двѣнадцать Малыхъ Пророковъ, или сказать хронологію Вселенскихъ Соборовъ, за что могутъ взяться многіе, даже изъ свѣтской среды вѣрующихъ.

Въ чемъ же затрудненіе современнаго вопроса? Да въ томъ, конечно, что религія любви, повидимому, не могла бы давать убѣжища для отрекающагося отъ служенія общественному благу, а съ другой стороны — всѣ пожившіе на свѣтѣ видятъ, что всякое общественное положеніе въ условіяхъ современной

жизни побуждаетъ человѣка на постоянныя сдѣлки совѣсти, на хитрости и угодничество самолюбіямъ, такъ что люди съ особенно чуткою и религіозною совѣстью не могутъ оставаться въ качествѣ общественныхъ дѣятелей и, удалившись отъ круговорота жизни, становятся, повидимому, совершенно равнодушны къ послѣднему, живутъ, повидимому, только личною жизнію. Неужели они дѣйствительно теряютъ любовь къ ближнимъ? Неужели христіанская религіозность является какъ бы враждебною для любви? Одинъ изъ участниковъ московской полемики, правда, попытался примирить обѣ цѣли жизни, признавъ, что хотя **побужденіемъ** къ религіозности является вовсе не любовь, но эгоистическій **страхъ** загробнаго воздаянія, но поскольку этотъ страхъ необходимо побуждаетъ человѣка къ исполненію воли Божіей, постольку и научаетъ его благотворить, даже жертвовать собою. Подобное представленіе дѣла, конечно, только обличаетъ несостоятельность нашихъ понятій о христіанской жизни, ибо страхъ можетъ побудить человѣка лишь къ внѣшнимъ **поступкамъ,** но никакъ не къ любви, какъ **чувству,** которое требуется Откровеніемъ (1 Кор. XIII). **Изъ страха за себя я никогда никого полюбить не могу.** Впрочемъ, наши публицисты и не отреклись бы, что они могутъ признать только «холодно - христіанскую» (?) любовь [2]), то-есть, вовсе не любовь, а самоограниченіе внѣшнее во имя долга.

Вообще же весь этотъ споръ показываетъ со всею ясностью, какъ оскудѣло наше разумѣніе слова Божія, такъ какъ послѣднее совершенно не допускаетъ раздѣленія между общественнымъ благомъ и тѣмъ личнымъ, внутреннимъ самоусовершенствованіемъ человѣка, къ которому сводятъ понятіе спасенія души.

II

Вотъ изреченія, изъ коихъ видно, что лишь то дѣло можетъ принести благо обществу, которое вытекаетъ изъ христіански-чистаго настроенія души; безъ послѣдняго первое невозможно. **«Можетъ ли Ефіоплянинъ перемѣнить кожу свою,**

2) См. Леонтьевъ: "Востокъ, Россія и Славянство".

или барсъ пятна свои?» спрашиваетъ пророкъ, **«такъ и вы, можете ли дѣлать доброе, привыкши дѣлать злое?»** (Iер. XIII. 23). **«Порожденія ехидны»,** такъ укоряетъ Господь фарисеевъ, **«какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста. Добрый человѣкъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе; а злой человѣкъ изъ злого сосокровища выноситъ злое»** (Мф. XII, 34-36). **«Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы?»** спрашиваетъ Онъ въ другомъ мѣстѣ и заключаетъ, **«не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приноситъ плоды добрые»** (Мф. VII, 16-10). Поэтому-то Господь называетъ тщетными миссіонерскіе труды злочестивыхъ книжниковъ: **«Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что обходите море и сушу, дабы обратить хоть одного, и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геенны, вдвое худшимъ васъ»** (Мф. XXIII, 15). Плодоносною будетъ лишь та проповѣдь, учитель которой чрезъ исполненіе заповѣдей пребываетъ во Христѣ (Іоан. XV, 4), въ Его любви (10). Вотъ подлинныя слова Господа: **«какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ».**

Изъ другихъ мѣстъ св. Писанія мы убѣждаемся, что существуетъ и обратная зависимость между личнымъ внутреннимъ усовершенствованіемъ и дѣлами любви, такъ что и первое невозможно безъ второго. Извѣстны слова Апостола, что **«чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцомъ есть то, чтобы призирать вдовъ и сиротъ въ ихъ скорбяхъ и хранить себя неоскверненнымъ отъ міра»** (Іак. I, 27; ср. II, 15, 16). По слову другого Апостола, чисто аскетическая добродѣтель, господство надъ чувственностью, зависитъ отъ дѣлъ духа, т. е. дѣлъ любви: **«поступайте по духу и вы не будете исполнять вождѣленій плоти»** (Гал. V, 16 и Рим. VIII, 13). Самъ Господь, когда обличалъ фарисеевъ за ихъ обрядовую скрупулезность, опасавшуюся вездѣ нечистоты, то указалъ истинный источникъ внутренняго очищенія въ слѣдующихъ словахъ: **«подавайте лучше милостыню изъ того, что у васъ есть, тогда все будетъ у васъ чисто»** (Лк. XI, 41). Спасеніе дому Закхееву было обѣщано послѣ его словъ: **«се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею»** (Лк. XIX, 8).

Итакъ, нѣтъ спасенія безъ участія въ общественномъ благѣ, но и это участіе неосуществимо мѣрами внѣшними, безъ

проникновенія его духовною силою христіанской любви. При всемъ томъ современная мысль раздробляетъ эти двѣ цѣли жизни: очевидно, что или спасеніе, или общественное благо понимается неправильно, не по разуму Божественнаго Откровенія. Думаемъ, что спасеніе понимается ею узко, а общественное благо — прямо таки искусственно. Разумѣемъ, конечно, не всю современность, ибо мы отметаемъ возможность хотя временнаго оскудѣнія церкви; разумѣемъ даже не всѣхъ представителей литературы (ибо, напр., Достоевскій представлялъ дѣло совершенно вѣрно и весьма отчетливо: см. «Братья Карамазовы»), но разумѣемъ представленіе обычное, ходячее.

Теперь и поведемъ рѣчь о томъ, какія же именно своеобразныя мысли о спасеніи и объ общественномъ благѣ могли быть причиною ихъ разрозненія у современныхъ писателей того и другого направленія — общественнаго и личнаго.

III

Каковъ обычный типъ современнаго человѣка, заботящагося о спасеніи души, и къ какимъ дѣламъ побуждаетъ его эта забота? По большей части подъ такими людьми нашей литературѣ и нашему обществу извѣстны или отшельники, или живущіе въ мірѣ постники, посѣтители храмовъ Божіихъ, уединяющіеся отъ людей, чтенія мірскихъ книгъ и интереса общественными событіями. Послѣдній видъ спасающихся мірянъ далеко не есть свѣтлый образъ древнихъ христіанъ, но типъ людей суровыхъ и нерѣдко безучастно-недружелюбныхъ. Если такихъ называютъ эгоистами, то вполнѣ справедливо. Правда, они ставятъ себѣ рядъ серіозныхъ и подчасъ тяжелыхъ ограниченій, не служатъ плоти и удовольствіямъ, но поступаться дозволенными себѣ правами они никогда не будутъ: напротивъ, съ сильнымъ раздраженіемъ даютъ отпоръ всякому, кто бы на нихъ вздумалъ посягнуть. Правда, они часто не позволяютъ себѣ даже копить денегъ и не прочь жертвовать на храмы или на бѣдныхъ, но это дѣлается настолько же холодно и по обязанности, что ихъ милостыня не утѣшаетъ, но угнетаетъ. Они избѣгаютъ пересудовъ, но въ

ихъ неосужденіи ближняго словомъ вовсе не видно сострадательнаго къ нему участія, а лишь уклоненіе отъ словеснаго выраженія своей враждебной настроенности, ради страха религіозной отвѣтственности. Присмотрѣвшись къ прочимъ добродѣтелямъ этихъ людей, вы скоро замѣтите, что они держатся ихъ нехотя, даже съ ожесточеніемъ. Отсюда и объясняется ихъ мрачно-холодное настроеніе, ихъ совершенная неспособность исполнять заповѣдь Апостола **еже радоватися о Господѣ** (1 Фесс. Ѵ, 16), ихъ несогласіе съ тѣмъ, что заповѣди Божіи — заповѣди не тяжкія (1 Ін. Ѵ, 3), но иго благое и легкое бремя (Мф. XI, 30). Впрочемъ, ихъ мрачное настроеніе вовсе не єсть тотъ покаянный плачъ, который христіанину обязателенъ и вполнѣ совмѣщается съ жизнерадостнымъ прославленіемъ Господа, напр. у Григорія Богослова и Ефрема Сирина; нѣтъ, это мрачное недовольство узника, лишеннаго возможности творить желаемое и принужденнаго ради страха творить нежелаемое. Ихъ всѣ симпатіи лежатъ въ чувственной жизни, ихъ духъ **не соуслаждается закону Божію** (Рим. ѴII, 22), и, конечно, очень немногіе изъ нихъ остаются вѣрны своему долгу, но подобно древнимъ іудеямъ, не возмогая носить ига закона (Рим. II, 17-25; Дѣян. XѴ, 10), впадаютъ то въ чувственность, то въ невозможную горделивость и нетерпимость. Ради этого многіе считаютъ ихъ просто лицемѣрами, напр. Іоанна Грознаго. Но это несправедливо. Ихъ переходы отъ молитвъ къ оргіямъ вполнѣ понятны: сухая религія долга не даетъ силъ для борьбы съ чувственностью, даже и при аскетизмѣ внѣшнемъ; къ нимъ примѣнимо все, что говоритъ Ап. Павелъ о безсиліи Ветхаго Завѣта дать человѣку святость, ибо эти люди относятся къ закону Божію именно, какъ іудеи доблагодатные (Рим. IX, 31-33). Заботы ихъ о спасеніи души за гробомъ очень мало отличаются отъ заботы напр., о стяжаніи земного обогащенія и соединеннаго съ нимъ подавленія страстей въ торговцѣ или чиновникѣ, которыхъ этого рода забота точно также заставляетъ смиряться, воздерживаться, неустанно трудиться, т. е. быть внѣшнимъ аскетомъ. Разница только въ томъ, что описываемые религіозные подвижники добиваются услажденій, болѣе прочныхъ и долговременныхъ; въ существѣ, они тотъ же себялюбивый эгоизмъ со всею его самозамкнутою исключительностью переносятъ въ міръ загробный, думая заработать себѣ вѣчную жизнь лишь внѣшними подвигами или исполненіемъ внѣшнихъ отдѣльныхъ, прямо и

опредѣленно выраженныхъ требованій закона, какъ чиновники исполненіемъ устава своей должности, но объ измѣненіи самого содержанія своихъ чувствъ они заботятся не болѣе этихъ послѣднихъ. Къ такимъ людямъ, хотя бы и искреннимъ, примѣнимо выраженіе Апостола: **«имѣющіе образъ благочестія, силы же его отвергшіеся»** (2 Тим. III, 5). Характернымъ примѣромъ ихъ религіозныхъ воззрѣній могутъ служить весьма распространенныя въ церковной части нашего общества «Письма Святогорца» [3]). Въ нихъ авторъ говоритъ противъ общественной дѣятельности монаховъ и прибавляетъ, что онъ почитаетъ совершенно неразумнымъ предпочесть спасеніе ближнихъ своему собственному, сколько бы его ни укоряли за себялюбіе. Такимъ образомъ, авторъ допускаетъ возможность самому лишаться спасенія за доставленіе его другимъ. Не ясно ли, между тѣмъ, что если бы онъ могъ кого-либо спасти, то въ этомъ нашелъ бы лучшее средство для собственнаго спасенія, по слову Писанія: **обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его, спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ»** (Іак. Ѵ, 20). Правда, Моисей (Исх. XXXII, 32) и Павелъ (Рим. IX, 3) соглашались быть отлученными отъ жизни или отъ Господа за братій своихъ, но это было лишь выраженіемъ готовности на логически неосуществимое условіе, ибо самая эта рѣшимость есть доказательство богоподобія названныхъ святыхъ. «Святогорецъ» совершенно чуждъ подобнаго настроенія: условіями спасенія онъ признаетъ просто рядъ аскетическихъ обязанностей, къ числу которыхъ, по его мнѣнію, не относится учительство; если бы кто имъ занялся, это было бы, конечно, высоко, благородно, но вовсе-де не угодно Богу, — даже напротивъ, удалило бы его отъ Бога.

Не такъ однако учатъ Отцы Православной Церкви. «Не могу повѣрить», — говоритъ св. Златоустъ, — «чтобы тотъ спасеніе получилъ, кто о спасеніи ближняго не радитъ». Эти слова вселенскаго учителя любилъ приводить Св. Тихонъ Задонскій и прибавлялъ отъ себя: «никто не можетъ болѣе Христа любить, какъ тотъ, который спасенія ближняго ищетъ» (II, 319, ср. 321). Ту же мысль нѣсколько подробнѣе поясняетъ Св. Димитрій Ростовскій: «Христіанинъ человѣкъ по Божьей заповѣди долженъ есть любити ближняго, яко себе. Аще же лю-

---

3) Сочиненіе, имѣющее множество литературныхъ и нравственныхъ достоинствъ, но не чуждое ошибокъ.

бити, яко себе, убо и спасеніе ему, яко себѣ желати и искати долженствуетъ. Небрегій же о спасеніи ближняго, не любитъ того, яко самъ себе, ниже имать истинныя любве къ Богу. Но речетъ кто: довлѣетъ ми себе смотрѣти, а не другого, довлѣетъ ми своему спасенію внимати, а не о прочихъ спасеніи пещися. Таковому отвѣчаетъ Св. Златоустъ, глаголя: аще и вся исправитъ, а ближняго не пользуетъ, не внидетъ въ царство. Ни едино исправленіе велико быти можетъ, егда пріобрѣтенія другихъ не преподаетъ (Еф. прав. 4), сія есть не довлѣетъ мужу добродѣтельному къ спасенію свое исправленіе. аще прочихъ ни пользуетъ, ни исправляетъ... Паки кто речетъ: нѣсмь учитель, ни іерей, ни духовникъ, ни пастырь душъ; не належитъ ми кого учити. Такому отвѣщаетъ Св. Феофилактъ: не глаголи: нѣсмь пастырь, ни наставникъ, иныя учити и пользовати не долженствую: лжеши, учители бо не довлѣютъ къ наставленію всѣхъ ко единому; хощетъ же Богъ, да каждо наставляетъ и созидаетъ другого (1 Сол. Ѵ, 11, 14). Но и въ Ветхомъ Завѣтѣ Давидъ Святый, царь сущій, не имѣетъ ли попеченія о пользѣ ближнихъ? Научу, глаголетъ, беззаконныя путемъ Твоимъ и нечестивіи къ Тебѣ обратятся... Кольми паче мы новоблагодатніи то творити долженствуемъ».

Итакъ, не любовь къ правдѣ Божіей, но страхъ остается побужденіемъ этого вида современной религіозности. Насъ спросятъ: да какъ возможно допустить столь живое представленіе загробнаго суда у людей, по природѣ чуждыхъ этическаго духа? вѣдь, извѣстно, что въ эгоистахъ и въ людяхъ чувственныхъ не только мысль о воздаяніи, но даже и мысль о неизбѣжной смерти никакъ не можетъ напечатлѣться въ сознаніи [4]), что идея будущей жизни развивается въ сознаніи соразмѣрно съ развитіемъ идей нравственныхъ? Поэтому, вѣдь, лишь при ясномъ и возвышенномъ усвоеніи послѣднихъ чрезъ Евангеліе и первая получила значеніе дѣйствительнаго побужденія. Вотъ почему эта идея загробнаго воздаянія становится такимъ побужденіемъ только у христіанъ, хотя теоретически существовала не только у іудеевъ, но достигала художественнаго раскрытія даже въ мифологіи и философіи греческой. Однимъ словомъ, не столько мысль о воздаяніи вліяетъ на развитіе нравственной воли, сколько сама зависитъ,

4) Что такъ художественно изображено въ разсказѣ "Смерть Ивана Ильича", — эгоиста, лишь на смертномъ одрѣ понявшаго неизбѣжность прекращенія земной жизни.

по своей дѣйственности, отъ послѣдней. Какимъ же образомъ страхъ отвѣтственности такъ сильно развился у нашихъ отрицателей общественнаго блага? Отвѣчаемъ: у людей образованныхъ этотъ страхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все ихъ міровоззрѣніе, возникаетъ по причинамъ случайнымъ и чисто личнымъ. Одинъ, подобнаго направленія, литераторъ говорилъ мнѣ, что, будучи весьма большимъ любителемъ удовольствій въ молодые годы, онъ смертельно заболѣлъ и, потерявъ надежду на врачей, обратился съ молитвой къ Божіей Матери, давъ обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія, постричься въ одной изъ Афонскихъ обителей. Постричься онъ, конечно, не постригся и продолжалъ по выздоровленіи срывать цвѣты удовольствія, но страхъ смерти у него остался, а также и несчастное убѣжденіе, будто отнынѣ онъ призывается быть апологетомъ **своей,** насильственно усвоенной религіи, — и вотъ отсюда рядъ его статей о личномъ спасеніи и страхѣ Божіемъ.

Такъ бываетъ и съ нѣкоторыми другими; большинство же усваиваетъ свое міросозерцаніе отъ родителей, окружающей обстановки и чтенія извѣстныхъ книгъ, изгоняя изъ ума всякую мысль о возможности иного пониманія религіи; они чувствуютъ, что перемѣна внѣшнихъ условій жизни разрушитъ ихъ міровоззрѣніе, держащееся не на сознательныхъ убѣжденіяхъ, а просто **на привычкѣ,** и потому они всѣ боятся читать мірскія книги. Отсюда исключительность и нетерпимость такихъ религіозныхъ людей, отсюда же и безконечныя рѣчи о противоположности знанія и вѣры, о религіи безотчетнаго чувства, **о гибельности любознательнаго разума,** опасеніе религіозныхъ споровъ и даже несочувствіе къ принимающимъ православіе иновѣрцамъ. Люди современнаго дѣятельнаго аскетизма избѣгаютъ даже религіозныхъ книгъ, не подходящихъ подъ ихъ кругозоръ, многіе — даже Библію и Златоуста, да и изъ аскетовъ древнѣйшихъ читать не любятъ, а равно и Нила Сорскаго; читаютъ только учителей покаянія и дисциплины: пр. Ефрема, Исаака, Лѣствичника и Дорофея, но никакъ не Василія Великаго, хотя онъ и начальникъ нашего монашества, ни Макарія, ни Нила Синайскаго. Развѣ это не правда, что распространеніе св. Библіи въ народѣ на русскомъ языкѣ подобные люди считаютъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ штундизма, заявляя объ этомъ и на собраніяхъ, и въ оффиціальныхъ бумагахъ, и въ магистерскихъ диссертаціяхъ и подавая тѣмъ поводъ врагамъ православія глумиться надъ на-

шей вѣрой и представлять ее враждебною Откровенію (см. Лѣсковъ: «Полуношники», «Вѣстн. Евр.», ноябрь 1891 г.). Излагая вѣроученіе молоканъ, одинъ миссіонеръ всѣ пункты ихъ катихизиса передавалъ словами Библіи, желая на дѣлѣ показать, насколько гибельно ея распространеніе въ народѣ. Особенно онъ возмущался противъ русской Библіи съ параллельными мѣстами, въ которой противъ второй заповѣди приводится ссылка на слова Второзаконія: «дабы вы не развратились и не сдѣлали себѣ изваяній, изображеній какого-либо кумира, изображающаго мужчину или женщину» (IѴ, 16) и т. д. А чѣмъ виновата Библія, что воззрѣнія миссіонера не согласны ни съ нею, ни съ истиннымъ православіемъ 7-го Вселенскаго Собора, гдѣ преподано весьма духовное ученіе объ иконопочитаніи, вполнѣ согласное съ духомъ Библіи? Да, отъ св. Писанія ложные свѣтскіе аскеты ушли совсѣмъ далеко и по понятіямъ, но еще дальше по настроенію.

—o—

IѴ

Но какъ смотрятъ подобные богословы на исполненіе евангельскихъ заповѣдей? Естественно, что они и о Богѣ думаютъ примѣнительно къ своему личному настроенію; ихъ понятіе о богоугожденіи приближается къ магометанскому. Въ ихъ глазахъ Христосъ сознаетъ Себя прежде всего, какъ **Властителя** вселенной, и оцѣняетъ людей не по ихъ внутреннему расположенію, не на сердца ихъ смотритъ, вопреки Писанію (1 Царств. XѴI, 7), и ненавидитъ хулу не на Святаго Духа, а на Свою Личность (Мф. XII, 32). Ученіе о томъ, что пророчествовавшіе именемъ Его и творившіе вѣрою въ Него чудеса, но чуждые Его любви, будутъ изгнаны (Мф. ѴII, 21-24) и увидятъ иныхъ народовъ, приходящихъ отъ востока и запада и возлежащихъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ — (Мф. ѴIII, 11), для нихъ такъ же непонятно, какъ фарисеямъ слова Господни о томъ, что даже **«мытари и любодѣйцы предварятъ ихъ въ царствѣ небесномъ»** (Мф. XXI, 31). Ученіе о томъ, что мы спасаемся вѣрою (Еф. I I,8) и отрекаемся еретика человѣка (Тит. III, 10), наши свѣтскіе законники понимаютъ въ этомъ же личномъ смыслѣ. По ихъ мнѣнію, смыслъ

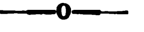
здѣсь не тотъ, что безъ вѣры мы не будемъ имѣть силы къ выполненію благихъ пожеланій (Рим. VII, 25), и потому окажемся неспособны возсоздать въ себѣ Христовъ образъ, умерщвленный грѣхомъ (Еф. II, 5), — нѣтъ, они представляютъ дѣло проще: имъ кажется, что какъ земной властитель, охотно извиняя личные пороки подчиненныхъ, требуетъ прежде всего полнаго признанія ими принадлежащихъ ему правъ, такъ и Господь, осуждая человѣка за непринятіе того или иного догмата, собственно негодуетъ и отмщаетъ ему за несогласіе человѣка признать всѣ Его богооткровенныя совершенства. Вотъ почему наши мірскіе богословы отличаются страшною нетерпимостью къ сектантамъ, но не къ злодѣямъ. Представляя себѣ, подобно новоіудеямъ, магометанамъ и отчасти протестантамъ, волю Божію, какъ волю деспотическую, они думаютъ, что она легко удовлетворяется слѣпою покорностью. Иногда можно отъ нихъ слышать или читать прямыя признанія, что по нынѣшнимъ грѣховнымъ временамъ тщетно и надѣяться на вмѣщеніе въ себя духа Христова, а надо искать спасенія путями окольными. И вотъ, является искаженное ученіе о предстательствѣ Пресв. Богородицы, въ томъ смыслѣ, что усердно и усиленно къ Ней прибѣгающихъ и прославляющихъ Ея св. имя Она принимаетъ подъ Свою небесную защиту почти независимо отъ ихъ внутренняго расположенія, такъ что умирающіе въ предѣлахъ Ея земного жребія, на Афонѣ, непремѣнно спасутся всѣ до одного (объ этомъ см. «Письма Святогорца»). Конечно, ни одинъ истинно православный христіанинъ не пожелаетъ умалять значенія предстательства за насъ Богородицы и св. угодниковъ, но онъ хорошо знаетъ, что такого предстательства заслуживаютъ лишь тѣ люди, которые имѣютъ намѣреніе подражать святымъ и измѣнить свое грѣховное настроеніе, которое, отверзая уста свои для прославленія Царицы матери, **исполняются духа** и просятъ Ее, чтобы Она **утвердила** Своихъ пѣснославцевъ въ Своей **Божественной** славѣ. Напротивъ, современные отрицатели внутренняго возрожденія думаютъ, и весьма послѣдовательно со своей точки зрѣнія, что главною, если не единственною, обязанностью человѣка оказывается заявленіе своей готовности исполнить волю небесъ, и, не заботясь уже затѣмъ о проведеніи ея въ свое сердце, они всецѣло уподобляются тому сыну хозяина, который на призваніе отца работать въ виноградникѣ отвѣчалъ: хорошо, отецъ, вотъ я иду,

и не пошелъ (Мф. XXI, 30), но вовсе они не могутъ понять почему Спаситель болѣе одобрилъ другого сына, исполнившаго приказаніе не на словахъ, а на дѣлѣ. Не понять имъ и изображенія Страшнаго Суда, на которомъ Господь будетъ спрашивать о дѣлахъ по отношенію къ ближнимъ. Правда, нашимъ искателямъ спасенія извѣстно, что Господь требуетъ такихъ дѣлъ, но, исполняя съ неохотой внѣшнія дѣла любви, эти люди смотрятъ на вторую заповѣдь закона Христова не только, какъ на чисто внѣшнюю, касающуюся дѣлъ, а не чувства, но и какъ на существующую «между прочимъ» и по существу такъ же слабо касающуюся богоугожденія, какъ мало можно угодить земному властителю чрезъ братолюбное отношеніе къ его подчиненнымъ.

Весьма понятно, что общественное благо представляется для такихъ людей не только дѣломъ второстепеннымъ, но и вообще дѣломъ свѣтскимъ, непривязаннымъ прямо къ культу, какъ къ первѣйшему средству для угожденія Богу. И замѣчательно, что подобное воззрѣніе на общественное благо, какъ на область не прямо религіозную, а государственную, какъ будто бы находится и въ послѣднихъ сочиненіяхъ Вл. С. Соловьева. Правда, его раздѣленіе общественной жизни на церковную, государственную и литературную, сообразно священству, царству и пророчеству, относительно, ибо онъ желаетъ подчинить религіозной идеѣ всѣ три области. Однако мы все-таки не можемъ согласиться съ тѣмъ, что авторъ, повидимому, удѣляетъ на долю пастырей только священнодѣйствованіе, на которое онъ, опять же, смотритъ не какъ на актъ моральный (возлюбимъ другъ друга, да единомысліе исповѣмы), но какъ на актъ только «мистическій», т. е. какъ на какое-то священное волшебство. Любимая его рѣчь — о таинствахъ, какъ матеріальныхъ посредствахъ благодати, о духовно-мистическомъ тѣлѣ церкви и т. п. Начало же общественнаго блага, и даже, повидимому, нравственнаго, нашъ мыслитель усваиваетъ **государству**, и потому неоднократно повторяетъ, что именно **государство** должно быть главнымъ предметомъ вниманія для поборниковъ царствія Божія на землѣ.

Но мы еще далѣе отъ соглашенія съ тѣми писателями, которые не только отдѣляютъ понятіе общественнаго блага отъ угожденія Богу или спасенія души, — но и самое спасеніе понимаютъ, какъ чисто условную, внѣшнюю дѣятельность,

побуждаемую и сопровождаемую себялюбивымъ страхомъ загробной участи; у этихъ — религіозность, какъ мы сказали, эгоистическая и утилитарная.



V

Полемисты «Московскихъ Вѣдомостей» соглашаются съ тѣмъ, что у современныхъ поборниковъ личнаго спасенія побужденія эгоистичны, но утверждаютъ, что такъ и быть должно въ христіанствѣ и приводятъ **несуществующее** изреченіе Апостола: «начало премудрости страхъ Божій, а плодъ его любовь». Это изреченіе повторялъ почти въ каждой своей статьѣ покойный Леонтьевъ, выдавая его, какъ и нѣкоторые другіе свои собственные афоризмы, за слово Божіе. Но истинное, православное христіанство осуждаетъ всякій эгоизмъ. Первое и необходимое условіе слѣдованія за Христомъ: **«отвергнись самого себя»** (Мф. XVI, 24); самого себя, т. е. всякой привязанности къ своему **«я»**. — Но развѣ Господь не учитъ насъ представлять себѣ мысль о загробномъ воздаяніи въ качествѣ побужденія къ добродѣтели? Или ужъ совсѣмъ не правъ утилитаризмъ, считающій въ числѣ своихъ поборниковъ Н. Завѣтъ? Отвѣчаемъ: да, совсѣмъ не правъ, ибо изъ многихъ словъ Евангелія мы знаемъ, что мысль о судѣ можетъ вліять лишь на добрую волю (X, 3), что отъ ея свободнаго рѣшенія зависитъ идти навстрѣчу проповѣди любви, или отречься, смотря по тому, чему эта воля симпатизируетъ. Мысль о загробномъ воздаяніи помогаетъ поборникамъ добродѣтели, но мысль эта, или представленіе о полномъ торжествѣ добра и осужденія зла, можетъ сдѣлать лишь то, что человѣкъ не будетъ отстранять своего вниманія отъ создавшейся у него свободной симпатіи къ добру и отвращенія отъ зла, а вызвать эти симпатіи или убить ихъ — зависитъ отъ его свободнаго произволенія (Іоан. V, 40): даже воскресшій мертвецъ не можетъ измѣнить сего произволенія (Лук. XVI, 31). Конечно, христіанская любовь есть источникъ наслажденія не только въ будущей жизни, но и здѣсь, на землѣ, однако называть эгоистомъ человѣка, созидающаго въ себѣ эту любовь, — чистѣйшее недоразумѣніе; **въ эгоизмѣ цѣлью является самое**

состоянiе наслажденiя; но наслажденiя чистой духовной любви лишь въ такой мѣрѣ могутъ быть намъ доступны, **въ какой мы отрѣшаемся отъ желанiя самаго наслажденiя, — въ какой желаемъ блага не себѣ, а тѣмъ, кого любимъ.** Этимъ-то духовная любовь различается отъ любви плотской; если человѣкъ пожелалъ бы любить для того собственно, чтобы испытать наслажденiя духовной христiанской любви, **то онъ никогда не полюбитъ** и этихъ наслажденiй не испытаетъ: они доступны только для того, кто наслажденiй, какъ наслажденiй, не ищетъ, кто, напротивъ, отъ нихъ отрекается, кто ищетъ блага только другимъ, а не себѣ. Объ этомъ духовномъ наслажденiи одинъ старецъ сказалъ св. Феогнiю, спрашивавшему его, какъ ему найти мiръ душевный. Старецъ отвѣтилъ: «ищи скорби и найдешь покой, а ища покоя, будешь объятъ скорбями» (см. Палестинскiй Сборникъ», 32). Вотъ почему всякое наслажденiе можно назвать эгоистическимъ, кромѣ радости христiанской любви, кромѣ наслажденiй райскихъ. **Христiанство есть чистый альтруизмъ [5]),** чуждый утилитаризма, и если современные религiозные себялюбцы по своимъ внѣшнимъ подвигамъ подобятся истиннымъ православнымъ христiанамъ, то сходство лишь кажущееся.

Теперь намъ легко понять, что добрый христiанинъ не

---

5) Эта фраза дала поводъ не образованнымъ философски читателямъ моей статьи, а также и нѣкоторымъ образованнымъ, но не читавшимъ этой статьи, писателямъ, преслѣдовать меня оскорбительными обвиненiями въ томъ, будто я смѣшиваю христiанскую мораль съ моралью Конта, придумавшему терминъ альтруизма. Между тѣмъ на слѣдующей же страницѣ я говорю о совершенной несовмѣстимости истиннаго альтруизма съ моралью позитивистовъ, а слѣдов. и Конта, о невозможности альтруизма внѣ христiанства. Мои обвинители не знали, что альтруизмомъ называется **не система** Контовой морали, а **принципъ** дѣйствованiя во имя **любви** къ ближнимъ, въ противовѣсъ принципу эгоизма или дѣйствованiя по **любви** къ самому себѣ. Вопросъ ставится такъ: эгоистична, или альтруистична христiанская нравственность? Отвѣтъ: безусловно противо-эгоистична, а это все равно, что сказать — альтруистична.

Чтобы убѣдить своихъ обвинителей въ правильномъ толкованiи термина, приводимъ выписку и изъ семинарскаго учебника Прот. Маркова: "Обозр. философскихъ ученiй", одобреннаго Св. Синодомъ. Сказавъ, что эгоизмъ есть наслажденiе самоутвержденiемъ, авторъ продолжаетъ: "противоположный образъ нашей дѣятельности имѣетъ другiя существа (т. е. **Бога и ближнихъ**) . . . своею настоящею цѣлью. Здѣсь наша воля стремится къ утвержденiю бытiя другихъ существъ и т. д. Такое стремленiе, въ противоположность эгоизму, можно назвать **альтруизмомъ** (alter — другой) и т. д. . . . Этотъ терминъ впервые введенъ въ употребленiе Огюстомъ Контомъ **и долженъ быть удержанъ,** какъ точно соотвѣтствующiй противоположному термину: "эгоизмъ". Осудивъ далѣе эгоистическiя наслажденiя, какъ цѣль дѣятельности, авторъ продолжаетъ: "итакъ, только наслажденiя альтруизма могутъ имѣть опредѣляющее значенiе для нормальной практической дѣятельности". — Съ своей стороны мы не находимъ нужнымъ ввязываться въ полемику, но теперь приводимъ эти справки для читателей, введенныхъ тогда въ заблужденiе по невѣдѣнiю ихъ.

бываетъ себялюбцемъ или утилитаристомъ даже въ томъ случаѣ, когда говоритъ, что подвизается ради спасенія души послѣ смерти, ибо самое спасеніе онъ понимаетъ, какъ начало, исключающее собою всякій эгоизмъ. Но чтобы эти термины никогда насъ не сбивали, остановимся на нихъ подробнѣе и покажемъ, какъ далеки эти понятія (альтруизмъ и эгоизмъ) другъ отъ друга, хотя современные утилитаристы — Милль и Спенсеръ — стараются ихъ слить воедино, — и какъ, слѣдовательно, далеки отъ истиннаго христіанства религіозные эгоисты. Прежде всего надо твердо усвоить ту самоочевидную истину, что эгоизмъ и альтруизмъ различаются между собою не по внѣшнимъ, дѣятельнымъ проявленіямъ воли, ибо послѣднія могутъ быть почти одинаковы у тѣхъ и другихъ — и даже не по представленію тѣхъ конечныхъ цѣлей, коими ихъ дѣятельность руководится, — ибо весьма часто эти представленія неправильно отображаютъ сущность внутреннихъ побужденій. Случается, напр., что человѣкъ, исполненный любви и помогающій ближнему единственно по влеченію сердца, говоритъ всѣмъ и про себя думаетъ, будто это онъ дѣлаетъ ради только исполненія воли Божіей, завѣщанія покойнаго родителя и т. п.... Онъ отчасти правъ, но указываемыя имъ побужденія суть только второстепенныя, обязанныя собою иному, незамѣчаемому имъ, побужденію — чувству искренней любви къ людямъ. Разность между эгоизмомъ и альтруизмомъ опредѣляется не по господствующему въ сознаніи человѣка **представленію,** но сообразно съ тою **настроенностью чувства,** которая господствуетъ въ человѣческой жизни и дѣятельности. Альтруистъ тотъ, который любитъ сердцемъ, который наполненъ мягкимъ чувствомъ, нѣжною симпатіей къ ближнему или восторженнымъ умиленіемъ предъ Богомъ и Спасителемъ и совершенно невоспріимчивъ къ собственному благополучію, въ любомъ смыслѣ сего слова. Альтруистъ-теоретикъ, исповѣдующій независимую мораль, но лишенный чувства любви, не есть еще альтруистъ на самомъ дѣлѣ, хотя бы онъ помогалъ ближнимъ до самоотверженія. Пусть онъ не сознаетъ въ себѣ ясно никакого другого мотива, кромѣ представленія истинности той теоріи, которая его побуждаетъ благотворить, — но это, какъ и вообще всякое представленіе, можетъ служить лишь **условіемъ побужденія,** а не настоящимъ побужденіемъ. Одно и то же представленіе истинности, достодолжности какого-либо поступка, повидимому, вызыва-

етъ къ дѣятельности совершенно различныхъ людей по совер шенно различнымъ **дѣйствительнымъ** мотивамъ. Дѣйствитель ныхъ побужденій къ движеніямъ воли только два рода: любовь, или себялюбіе съ ихъ развѣтвленіями. Обнаруживаются эти мотивы въ сознаніи человѣка по тѣмъ сопровождающимъ ихъ дѣятельность **чувствамъ,** въ зависимости отъ которыхъ и самая дѣятельность воли получаетъ совершенно различную **нравственную оцѣнку,** ибо одна цѣна чувству гордости, другая — тѣлесному состраданію, третья — духовному соболѣзнованію. Фарисей притчи, Закхей, Тавифа, Ап. Павелъ и Ап. Іоаннъ — всѣ помогали ближнимъ, представляя себѣ эту помощь исполненіемъ воли Божіей, и однако, при тожествѣ руководящаго представленія, оцѣнка ихъ дѣятельности совершенно различная. Фарисей понимаетъ, что праведенъ и достоинъ уваженія только исполнитель Божіей воли: вотъ онъ и отдаетъ десятину нищимъ, чтобы имѣть право считать себя праведнымъ и горделиво наслаждаться этимъ сознаніемъ; если бы Господь отъ него потребовалъ избіенія ближнихъ. онъ бы совершилъ и это, и, вѣроятно, съ большимъ удовольствіемъ. Мотивъ его повиновенія — стремленіе къ высшему и цѣнному бытію въ своихъ глазахъ, т. е. себялюбіе, но не любовь. Отдаетъ половину имѣнія Закхей по восторженному, благоговѣйному чувству ко Христу Спасителю; не знаю, остановился ли бы и онъ, если бъ отъ него потребовали совершенно иного рода дѣятельности для сего чувства. Его мотивъ — чувство благородной привязанности личной. Мы не знаемъ внутренней жизни Тавифы (Дѣян. IX, 36-42), но весьма возможно, что, исполняя волю Божію, она руководилась чувствомъ непосредственнаго состраданія, мало философствуя надъ послѣднимъ. Разница существуетъ не только между правильнымъ и ложнымъ пониманіемъ религіознаго человѣколюбія, но и между различными способами правильнаго пониманія. Возвышенно и свято понимаетъ смыслъ благотворенія св. Павелъ, но различную настроенность чувства испытываетъ онъ сравнительно съ Іоанномъ. Любовь, какъ сила, борющаяся съ міромъ и отражающая въ себѣ величіе небеснаго Владыки въ противовѣсъ земному себялюбію, какъ основаніе новаго порядка міровой жизни, какъ нѣчто величественно грандіозное, потрясающее основы жизни, — все это совмѣщается въ настроеніи Павла, торжественномъ и міровомъ. Настроеніе Іоанна уже пережило въ себѣ эти чувства міровой

борьбы: оно есть «гласъ хлада тонка» (3 Цар. XIX, 12), предвкушеніе невозмутимой, тихой радости небесъ и надзираніе за тѣмъ, какъ она усваивается его духовными дѣтьми. Предъ нимъ не цѣлое, не мятущійся вихрь борьбы, а жизнь сердца, рядъ дорогихъ личностей съ ихъ внутреннимъ возрастаніемъ. Онъ старается перелить въ нихъ ощущеніе небеснаго блаженства любви; его любовь есть по преимуществу внутренно переживаемое **настроеніе чувства**; онъ какъ бы покоится на лонѣ любви, уже не чувственно, какъ при земной жизни Спасителя, но духовно.

——o——

VI

Поставивъ на надлежащую почву оцѣнку нашихъ побужденій, мы легко поймемъ, когда мысль о загробномъ воздаяніи унижаетъ нашъ подвигъ и когда не унижаетъ: вопросъ этотъ рѣшается по тому **чувству**, коимъ сопровождаются религіозные подвиги. Если это чувство не любовь къ Богу и людямъ, а гордость или себялюбивый страхъ, то такіе подвиги не могутъ служить къ созиданію внутренняго человѣка, хотя бы по внѣшнему виду вполнѣ подобились подвигамъ любви.

Впрочемъ, надо оговориться, что это подобіе можетъ простираться лишь до извѣстной степени. Дѣйствительно, если кромѣ любви во всякой нравственной дѣятельности можетъ существовать лишь одно побужденіе самолюбія или себялюбія, если руководящія нашею дѣятельностью теоретическія представленія являются лишь кажущимися побужденіями, а истинными остаются лишь эти два класса себялюбія и любви въ различной степени ихъ смѣшенія или развитія, то неужели невозможно познать внутренній міръ человѣка по наблюденіямъ надъ его жизнью? неужели у тонкаго себялюбца и у служителя любви внѣшняя жизнь можетъ быть совершенно одинаковая? — Нѣтъ, это сходство все-тáки относительно, а кромѣ нихъ существуютъ другія проявленія, которыя возможны только для любви, для истиннаго христіанства. Таковы дѣла благотворительности духовной, исцѣленіе страданій чисто духовныхъ, происходящихъ отъ причинъ внутреннихъ; обо-

дреніе унывающихъ и отчаивающихся, вразумленіе согрѣшающихъ, одухотвореніе служащихъ плоти, убѣжденіе невѣрующихъ и т. п. (Лук. IV, 18, 19). Здѣсь-то и проявляется безсиліе современныхъ искателей истины: названныхъ благодѣяній оказать они безусловно неспособны, если послѣднія неисполнимы средствами внѣшними, если — иначе говоря — бѣды ближнихъ произошли не по внѣшнимъ причинамъ, какъ бѣдность, недоразумѣніе и т. п., а по причинамъ внутреннимъ, по оскудѣнію духовныхъ силъ въ людяхъ. И дѣйствительно мы видимъ совершенное оскудѣніе дѣлъ духовной милости, этого нелицемѣрнаго испытанія любви, въ большинствѣ современнаго типа церковныхъ христіанъ (и, конечно, во всѣхъ безусловно альтруистахъ свѣтскаго направленія). То, что составляетъ существенный признакъ любви, имъ чуждо: отсюда слѣдуетъ, что не только своими настроеніями, но и дѣлами они обличаютъ сами себя, показывая насколько основа ихъ жизни есть основа ложная, чуждая божественнаго ученія.

Но, можетъ быть, мы идемъ не только противъ современнаго искаженія, но и противъ церкви, одобрявшей подвигъ отшельничества, повидимому, чуждаго служенія міру? Никогда! Въ виду этого вопроса мы въ самомъ началѣ статьи раздѣлили ревнителей спасенія на монаховъ и на мірскихъ подвижниковъ. Конечно, обрисованный нами несимпатичный и неевангельскій типъ встрѣчается и между отшельниками, и отъ усвоенія его предостерегаютъ ихъ всѣ учители аскетизма, начиная съ преп. Макарія [6]), но это уклоненія, а не правило; настоящій аскетъ-отшельникъ исполненъ духа любви, даже женственной мягкости по отношенію къ людямъ, будучи неумолимо суровъ къ своей плоти. Въ этомъ легко убѣдиться, читая житія древнихъ святыхъ, да и современныхъ подвижниковъ (Серафима, Амвросія и цѣлыхъ подвижническихъ обителей — Валаама, Руссика). Иначе и быть не можетъ, ибо не говоря уже о братіяхъ монашескихъ общежитій, поставленныхъ въ болѣе тѣсныя отношенія къ своимъ ближнимъ, чѣмъ міряне, и обязанныхъ всегда наблюдать любовь къ братіи, — даже уединенные отшельники, не служа людямъ тѣлесно и сосредоточивая всѣ подвиги около созиданія своего внутренняго міра, непремѣнно включаютъ въ него и любовь ко всѣмъ. Эта любовь имѣется во всѣхъ отеческихъ описа-

---

6) См. по Добротолюбію преосв. Феофана изъ св. Макарія, прав. 162-174.

ніяхъ аскетическаго совершенства и выражается всѣми отшельниками въ молитвѣ за всѣхъ. Любовь занимаетъ высшее мѣсто въ восьми или семи духовныхъ добродѣтеляхъ по ученію аскетовъ. Чуждые любви не достигли еще аскетическаго совершенства. Вотъ слова преп. Макарія: «Не слышишь ли, что говоритъ Павелъ? Если имѣю всѣ дарованія, аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, аще языки ангельскими глаголю, любве же не имамъ, ничтоже есмь (1 Кор. XIII, 1-3). Ибо дарованія сіи руководствуютъ только къ совершенству; и достигшіе оныхъ, хотя и во свѣтѣ, однако же еще младенцы. Многіе изъ братій восходили на сію степень, и имѣли дарованія исцѣленій, откровеніе и пророчество; но поелику не пришли еще въ совершенную любовь, въ которой союзъ совершенства (Кол. III, 14), то возстала въ нихъ брань, и они, вознерадѣвъ, пали» 7). Если читателю болѣе извѣстны житія подвижниковъ, чѣмъ ихъ творенія, то ему должно быть извѣстно и то, что самые строгіе отшельники болѣли душой за грѣхи людей и съ любовію о нихъ молились. Вспомнимъ житіе преп. Марка, который послѣ многихъ лѣтъ полнаго одиночества, увидѣвъ человѣка, прежде всего спросилъ: сохраняли ли люди ту вѣру, которая колеблетъ горы? Или житіе Маріи Египетской, которую встрѣтилъ въ пустынѣ пр. Зосима и просилъ сотворить молитву о православныхъ церквахъ и царяхъ; ея молитва была такъ усердна, что святая поднялась на воздухъ.

Отшельники покидали міръ не на всю жизнь, а на время совершенствованія, по истеченіи котораго къ нимъ стекались и ученики-монахи и міряне, какъ къ Пахомію или Симеону Столпнику; притомъ великіе начальники пустынножительства, напр. Василій, совѣтовали предпочтительно избирать монастырскую жизнь предъ пустынничествомъ, и на вопросъ: подобаетъ ли инокамъ учить мірскихъ дѣтей? — Василій отвѣчалъ утвердительно.

Итакъ, не по скудости любви уходили люди въ пустыни, а во избѣжаніе вреда себѣ и ближнимъ. Они были слишкомъ далеки отъ современнаго заблужденія, будто каждый литераторъ и чиновникъ, хотя нисколько не пекущійся объ очищеніи своего сердца, непремѣнно явится благодѣтелемъ, а не злодѣтелемъ для своего ближняго. Кто взвѣситъ, приноситъ

---

7) Тамъ же, стр. 273.

ли обыкновенный дѣятель больше добра ближнимъ, или зла? Кому не извѣстно, въ какихъ враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу стоятъ такіе дѣятели? Сколько дѣлается ими въ интересахъ партіи, въ интересахъ личности? Благодѣтельна для жизни наука и литература? Но и эти не являются ли (на ряду съ геніальными идеями и высокимъ подъемомъ святыхъ чувствъ) вмѣстилищемъ злостной брани, подтасовки и клеветы? Не мечтали ли виновные во всемъ этомъ быть благодѣтелями ближнихъ? Правда, въ древніе вѣка наука была болѣе безкорыстна и потому болѣе искрення, но и совѣсть христіанъ была яснѣе и убѣждала отшельниковъ, что естественный человѣкъ, не упражнявшійся въ борьбѣ съ собою, приноситъ ближнимъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы, пока не проникнется благодатнымъ настроеніемъ духовной жизни чрезъ сосредоточеніе надъ своей душой. Для сей-то цѣли они удалялись и удаляются въ монастырь или пустыню. Напротивъ, ихъ неудачные подражатели изъ міранъ, не удаляясь отъ ближнихъ тѣломъ, а только духомъ, по необходимости доставляютъ послѣднимъ постоянныя огорченія своимъ безучастіемъ, и тѣмъ сами раздражаются еще болѣе и продолжаютъ не совершенствовать, но портить свой характеръ, превращаясь въ докучливую брюзгу, какимъ дѣлается человѣкъ. котораго заставили заниматься тѣмъ, чѣмъ онъ вовсе не желаетъ, что просто претитъ его душѣ, но чего онъ прекратить не можетъ ради страха предстоящей отвѣтственности; подобнымъ-то образомъ воспринимаются сознаніемъ этихъ людей христіанскіе добродѣтели и подвиги и страхъ за спасеніе своей души.

———o———

VII

Не такъ учитъ о спасеніи Слово Божіе и Св. Церковь.

Здѣсь подъ спасеніемъ вовсе не разумѣется одна только загробная жизнь. Господь есть источникъ жизни (Іоан. I, 4); эта жизнь, этотъ свѣтъ, есть любовь (1 Іоан. IѴ, 8); пребывающій въ ней пребываетъ въ Богѣ (1 Іоан. IѴ, 16), а кто не въ любви, тотъ внѣ Бога, внѣ жизни, тотъ не отъ Бога (1 Іоан. IѴ, 8); ненавидящій пребываетъ во тьмѣ (1 Іоан. II, 9).

человѣчество вышло изъ послушанія и любви и тѣмъ потеряло райское блаженство и вѣчную жизнь (Быт. III, 22). Возвратить ему это блаженство — значитъ возвратить стихію любви. Правда, оно и само къ ней стремилось велѣніемъ совѣсти, но, встрѣчая въ своей природѣ и условіяхъ общественной жизни другую, произвольно усвоенную стихію себялюбія, не имѣло силъ оживить любви и рая: терніе заглушало всякій ростокъ пшеницы. Но вотъ, жизнь сама пришла въ міръ, открылась намъ во Христѣ (1 Іоан. I, 2; Кол. III, 4); дана внутренняя возможность подражать живому образцу, имѣть тѣ же чувствованія, которыя во Іисусѣ Христѣ (Фил. II, 5) и снова жить съ Богомъ и въ Богѣ, быть Его обиталищемъ, Его храмомъ (1 Кор. VI, 19), и чрезъ то блаженствовать. Возвращеніе этой-то утерянной Божественной жизни, заключающейся въ любви, умерщвляющей себялюбіе, т.-е. ветхаго человѣка, называется на языкѣ Библіи **спасеніемъ.** Спасеніе получается человѣкомъ на землѣ постольку, поскольку созидается въ немъ Христова любовь, та новая жизнь, которой онъ не могъ въ себѣ водворить, пока не соединился со Христомъ, когда всѣ его понятія и взгляды на жизнь измѣнились и стало **все новое** (2 Кор. V, 17). Поэтому-то христіанинъ и называется спасаемымъ (1 Кор. I, 18), спасающимся (Дѣян. II, 47), а вѣра христіанская или содержаніе евангельской проповѣди — спасеніемъ (Лук. III, 6; Іоан. IV, 22; Дѣян. XIII, 26; 2 Петр. III, 15; Евр. I, 14; VI, 9); увѣровавшіе и проникнувшіеся плодами вѣры, считаютъ себя уже спасенными (Еф. II, 5; Рим. VIII, 24), если же рѣчь идетъ еще о борьбѣ двухъ взаимно исключающихъ себя жизненныхъ началъ, то говорится о спасеніи, дѣйствующемъ въ насъ (2 Кор. I, 6), о возрастаніи во спасеніе (1 Петр. II, 2), о содѣваніи спасенія (Фил. II, 12). Во всѣхъ этихъ случаяхъ слово спасеніе можно замѣнить словомъ добродѣтель, христіанская любовь, говоря иначе, — спасеніе является не воздаяніемъ за это хожденіе въ обновленной жизни (Рим. VI, 4), но оно и есть именно эта жизнь: **«се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе, единаго, истиннаго Бога и Его же послалъ еси, Іисуса Христа»** (Іоан. XVII, 3). Усвоеніе богопознанія и любовь — вотъ источникъ небесной радости еще здѣсь на землѣ. Правда, эта радость здѣсь возмущается паденіями, борьбой и страданіями, отъ чего тамъ, за гробомъ, она освободится, но заключаться и тамъ она будетъ въ томъ же, въ чемъ и здѣсь. Это объяснилъ

Господь въ тѣхъ словахъ, гдѣ обѣщаетъ всѣмъ отрѣшившимся отъ земныхъ привязанностей получить **«нынѣ во время сіе среди гоненій во сто кратъ больше домовъ и братьевъ, и сестеръ, и отцевъ, и матерей, а въ вѣкѣ грядущемъ жизнь вѣчную»** (Марк. X, 30). Очевидно, рѣчь о томъ внутреннемъ наслажденіи, которое дается чрезъ отрѣшеніе отъ мучительнаго себялюбія и чрезъ усвоеніе любви; это наслажденіе умножится за гробомъ количественно, по степени своей ясности и невозмутимости, но не по качеству. Это наслажденіе заключается въ заповѣдяхъ любви: **«аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди»** (Мф. XIX, 17). Будущая жизнь, правда, иногда противопоставляется настоящей, но лишь тогда, когда рѣчь идетъ о нравственной борьбѣ, о борьбѣ съ естественными потребностями, напр., въ притчѣ о Лазарѣ, но противопоставлять такимъ образомъ нашимъ искушеніямъ можно не только мысль о будущей жизни, но и о дальнѣйшей жизни настоящей или о томъ времени земной еще жизни, когда эта борьба совсѣмъ ослабѣетъ, человѣкъ станетъ властителемъ и своей плоти, и своихъ духовныхъ страстей, и начнетъ безпрепятственно наслаждаться Божественною любовью, которую теперь онъ испытываетъ лишь временами въ рѣдкія минуты нравственнаго просвѣтлѣнія. Не помню, въ какой бесѣдѣ, св. Іоаннъ Златоустъ пространно говоритъ о томъ, что адъ и рай начинаются въ душѣ человѣка здѣсь на землѣ: праведникъ наслаждается любовью и общеніемъ съ Богомъ, а грѣшникъ, мучась собственною злобой, уже возжегъ себѣ адскій пламень. Чтобы насъ не обвинили въ своеобразномъ пониманіи Св. Писанія, приведемъ подтверждающія такое пониманіе изреченія какого-либо Отца Церкви, напр., хотя бы преп. Макарія Великаго по Добротолюбію преосв. Феофана.

Вотъ мысли св. Отца о томъ, что вѣчная жизнь и вѣчный блаженный покой начинается здѣсь и заключается въ христіанскомъ добродѣтельномъ настроеніи. «Если внутренній твой человѣкъ опытно и несомнѣнно извѣдалъ все сіе, то вотъ, живешь ты подлинно вѣчною жизнью, а душа твоя даже нынѣ **упокоевается съ Господомъ,** вотъ, дѣйствительно, пріобрѣлъ и пріялъ ты сіе отъ Господа, чтобы жить тебѣ истинною жизнію. Если же не сознаешь въ себѣ ничего такого, то плачь, скорби и сѣтуй; потому что донынѣ не пріобрѣлъ еще ты вѣчнаго и духовнаго богатства, донынѣ не пріялъ еще истинной жизни» (Св. Макарія Великаго Настав-

ленія о христіанской жизни. Добротолюбіе, томъ 1, стр. 186 М. 1883). «Которые совлекли съ себя человѣка ветхаго и земного и съ которыхъ Іисусъ совлекъ одежды царства тьмы, тѣ облеклись въ новаго и небеснаго человѣка Іисуса Христа. И Господь облекъ ихъ въ одѣянія царства неизрѣченнаго свѣта, въ одѣянія вѣры, надежды, любви, радости, мира, милосердія, благости, а подобно и всѣ прочія божественныя, животворныя одѣянія свѣта, жизни, неизглаголаннаго упокоенія, чтобы, какъ Богъ есть любовь, радость, миръ, благость, милосердіе, такъ и новый человѣкъ содѣлался сынъ по благодати» (Тамъ же, стр. 271).

Такое же представленіе имѣетъ святый Отецъ и о вѣчной смерти. Смерть это грѣхъ. «Какъ мясо безъ соли загниваетъ, наполняется великимъ зловоніемъ, и по причинѣ несноснаго смрада всѣ отвращаются отъ него; и въ загнившемъ мясѣ пресмыкаются черви, находятъ тамъ себѣ пищу, поѣдаютъ его и гнѣздятся въ немъ; но коль скоро посыпана соль, — питавшіеся мясомъ черви истребляются и гибнутъ, зловонный запахъ прекращается, потому что соли свойственно истреблять червей и уничтожать зловоніе: такимъ же образомъ и всякая душа, неосоленная Св. Духомъ, непричастная небесной соли, т. е. Божіей силѣ, загниваетъ и наполняется великимъ зловоніемъ лукавыхъ помысловъ» (Тамъ же, стр. 187). «Истинная смерть — внутри, въ сердцѣ, и она сокровенна; ею умираетъ внутренній человѣкъ. Посему, если кто перешелъ отъ смерти къ жизни сокровенной, то онъ истинно, во вѣки живетъ и не умираетъ. Даже если тѣла таковыхъ и разрушаются на время, то снова будутъ воскрешены во славѣ, потому что освящены. Поэтому смерть христіанъ называемъ сномъ и успеніемъ» (тамъ же, стр. 276).

Неизвѣстность будущей участи, или, точнѣе, — неполная извѣстность — остается только на долю борющихся между различными цѣлями жизни: но если основное направленіе его жизни опредѣлилось, то опредѣлилась и его загробная участь, хотя бы онъ самъ еще не освободился отъ частыхъ паденій. «Если человѣкъ, находясь еще во брани, когда въ душѣ его дѣйственны и грѣхъ, и благодать, преставится изъ міра сего, — то куда поступаетъ сей одержимый тѣмъ и другимъ? — Поступаетъ туда, гдѣ умъ имѣетъ свою цѣль и любимое мѣсто. Тебѣ, если постигаютъ тебя скорбь или брань, должно только воспротивиться ей и возненавидѣть» (Тамъ же, стр. 277).

Весьма понятно, что будущая слава праведниковъ, по ученію пр. Макарія, есть не только награда за добродѣтельную жизнь, сколько просто ея продолженіе. «Посему, постараемся вѣрою и добродѣтельною жизнью здѣсь еще пріобрѣсти себѣ оное одѣяніе, чтобы намъ, облеченнымъ въ тѣло, не оказаться нагими; и тогда въ день оный ничто не прославитъ плоти нашей. Ибо въ какой мѣрѣ сподобился каждый за вѣру и рачительность стать причастникомъ Св. Духа, въ такой же мѣрѣ прославлено будетъ въ оный день и тѣло его. Что нынѣ собрала душа во внутреннюю свою сокровищницу, то и тогда откроется и явится внѣ тѣла» (Тамъ же, стр. 279). «Въ оный мѣсяцъ воскресенія (апрѣль) силою Солнца правды изведется извнутри слава Св. Духа, покрывающая собою тѣла святыхъ, та самая слава, какую имѣли они сокровенною въ душахъ» (Тамъ же, стр. 279). Что нынѣ пріобрѣли мы въ душахъ, то самое возсіяетъ и обнаружится тогда, и облечстъ славою тѣла» (Тамъ же, стр. 281).

Думается, всякому понятно теперь, что если истинное понятіе о христіанскомъ спасеніи совпадаетъ съ понятіемъ духовнаго совершенства, а союзомъ совершенства является любовь къ ближнимъ; если эта любовь составляетъ, такимъ образомъ, самое содержаніе спасенія, а не только средство къ его достиженію, то, конечно, опасаться оскудѣнія любви слѣдуетъ никакъ не отъ спасающихся. Поэтому и все, что является требованіемъ любви къ ближнимъ, т. е. всякая забота объ общественномъ благѣ, при истинномъ понятіи о спасеніи, является прямымъ требованіемъ послѣдняго. Дозволяя имѣть эту любовь только въ сердцахъ и въ молитвѣ для отшельниковъ на время ихъ уединенія, наша св. вѣра предостерегаетъ, однако, всѣхъ живущихъ среди общества отъ обольщенія сантиментальности и признаетъ лживымъ, самообманчивымъ такое представленіе о любви, которое не выражается во внѣшней дѣятельности. **«Кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое: какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія?»** (1 Іоан. III, 17). **Если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ потребнаго для тѣла: что пользы?»** (Іак. II, 15, 16).

Итакъ, при истинно христіанскомъ взглядѣ на спасеніе, его невозможно разрознять отъ одушевленной и притомъ дѣя-

тельной любви къ людямъ. Разрозненіе общественнаго блага и личнаго спасенія выросло изъ непониманія, или слишкомъ узкаго пониманія послѣдняго.

——o——

VIII

КАКЪ ОТНОСИТСЯ ПОЗИТИВНОЕ УЧЕНІЕ ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ БЛАГѢ КЪ МОРАЛИ И РЕЛИГІИ [8])

Отчужденіе современныхъ моралистовъ отъ христіанства, при кажущемся столь тѣсномъ сродствѣ ихъ принципа съ христіанскою любовію, для многихъ представляется загадкой. Одною изъ причинъ такого отчужденія является охлажденіе истинной любви у представителей религіи, но далеко неправы и тѣ, которые считаютъ эту причину единственною. Посему, исповѣдавъ вину нѣкоторыхъ представителей нашего знамени, нельзя не указать и на другую причину раздѣленія между позитивной культурой и христіанствомъ, причину, въ которой является виноватой самая культура. Представители послѣдней любятъ обвинять современное христіанство въ фарисейскомъ духѣ: но почему они не цѣнятъ самаго Евангелія? Ученіе Христово съ его широтой и искренностію въ сочувствіи къ общему благу все-таки — худо ли, хорошо ли — извѣстно всѣмъ; но не любятъ останавливаться на немъ и по другой причинѣ — по причинѣ заранѣе опредѣлившагося у нихъ безрелигіознаго и чисто юридически-экономическаго понятія о служеніи общественному благополучію. Правда, казалось бы, что любовь къ ближнимъ должна быть наиболѣе цѣнною идеей въ

8) Отсюда начинается вторая часть статьи, удивившая нашихъ читателей тѣмъ, что она появилась въ другомъ журналѣ (Богословскій Вѣстникъ. Іюль, 1892 годъ), и тѣмъ давшая поводъ къ разнымъ обиднымъ толкованіямъ. А между тѣмъ объясненіе заключается въ томъ, что редакція философскаго журнала, получивъ обѣ мои статьи и обѣщавъ обѣ ихъ напечатать, по напечатаніи первой, вторую мнѣ возвратила, да и конецъ первой исказила, безъ моего разрѣшенія, въ смыслѣ наиболѣе благопріятномъ для своихъ сотрудниковъ, о коихъ я упоминалъ въ статьѣ. Къ сожалѣнію не имѣю возможности возстановить текстъ своей рукописи.

глазахъ общественныхъ дѣятелей, ибо только изъ нея могутъ исходить побужденія къ истинно гражданскимъ подвигамъ; пренебреженія любовью всего менѣе можно бы ожидать отъ людей этого рода, но фактъ остается фактомъ: новозавѣтное ученіе ими оставляется безъ вниманія. Можно легко убѣдиться, что многимъ изъ нихъ и дѣла нѣтъ до любви, какъ настроенія, какъ чувства: стоитъ только обратить вниманіе на тѣ области знанія, куда направленъ ихъ интересъ. Это прежде всего такая область, гдѣ рѣчь идетъ никакъ не о субъективномъ складѣ человѣческаго духа, но исключительно о внѣшней дѣятельности, опредѣляемой при этомъ внѣшними же побужденіями наградъ и кары — это область государственныхъ законовъ и государственной экономіи. Отсюда не исключаются даже тѣ изъ мыслителей, которые желаютъ поставить во главу государственной жизни церковную іерархію, каковы паписты (ср. «Великій Инквизиторъ»), такъ что и ихъ отношеніе къ самой религіи и совѣсти вполнѣ утилитарно; оно напоминаетъ, по удачному выраженію покойнаго Ю. Ф. Самарина (говорившаго впрочемъ о другихъ), отношеніе къ старымъ скучнымъ родственникамъ, которыхъ все-таки нельзя окончательно лишать вниманія, потому что въ трудную минуту жизни у нихъ можно призанять денегъ: Евангеліе, іерархія, таинства цѣнятся, главнымъ образомъ, какъ наиболѣе сильныя средства къ водворенію общей сытости и порядка. Говоря проще, папистическія понятія о благѣ человѣчества по своему характеру ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ стремленія современныхъ позитивистовъ, поклонниковъ государственно-экономическаго прогресса, тоже претендующаго на доставленіе людямъ возможно большаго блага и съ этою цѣлью эксплоатирующихъ нравственныя идеи. Системъ высшаго блага весьма много; заграничныя предначертанія идеальнаго государства и курсы политической экономіи болѣе чѣмъ усердно переводятся или, по крайней мѣрѣ, рецензируются въ русскихъ журналахъ. Всѣ эти курсы и программы разнообразны по своимъ частностямъ, но стоятъ почти въ одинаковомъ отношеніи къ христіанскому разумѣнію общественнаго блага и притомъ почти въ такомъ же, какъ и западный государственный клерикализмъ. Христіанство говоритъ: заботься о цѣлостномъ достиженіи нравственнаго совершенства, т. е. люби, смиряйся и будь чистъ душою — тогда вокругъ тебя будетъ разростаться общее благо. Напротивъ, позитивная культура говоритъ: всѣ-

ми неправдами старайся создать такой порядокъ, чтобы оградить карающими законами жизнь и имущество каждаго: тогда всѣмъ будетъ хорошо, а что касается до внутренней цѣнности людей, то это предоставь каждому на свое усмотрѣніе: лишь бы другъ другу головъ не рѣзали.

Ограничиваясь такими внѣшними требованіями, современное ученіе объ общественномъ благѣ враждебно не аскетизму только, но и всякому, даже наигуманнѣйшему морализму. Противопоставленіе дѣйствительно весьма странное для человѣка, незнакомаго съ предметомъ ближе, даже невѣроятное, а между тѣмъ фактически наличное. Къ конечнымъ идеаламъ такъ называемой независимой культуры относятся враждебно не одни церковники. Его ненавидятъ и такіе нецерковные моралисты, какъ гр. Толстой; невысоко ставитъ ее и Кантъ, какъ извѣстно, отвергшій существованіе нравственнаго прогресса чрезъ разсмотрѣніе современныхъ нравовъ. За церковныя преданія онъ стоитъ всего менѣе, но высоко цѣнитъ идею нравственнаго блага — и вотъ логика вещей его вооружаетъ противъ современной культуры 9). Напротивъ, изобрѣтатель идеи абсолютнаго прогресса, Гегель, отрицалъ свободу воли и вообще сводилъ нравственное начало къ нулю. Такимъ же образомъ относятся къ этимъ началамъ и всѣ послѣдовательные поборники абсолютнаго прогресса и идеи общаго блага въ смыслѣ государственно-экономическомъ. Прежде всего для нихъ не существуетъ понятія о свободѣ воли, безъ которой вся мораль теряетъ всякій смыслъ, ибо разница между добромъ и зломъ исчезаетъ. Здѣсь гегельянцы сходятся съ позитивистами, которые въ своихъ конечныхъ идеалахъ являются наиболѣе точными выразителями идей всей вообще независимой культуры. Кромѣ всего, всѣмъ извѣстно, что большинство политико-экономовъ примкнули къ дарвиновскому эволюціонизму, уничтожающему всякую существенную разницу между міромъ нравственныхъ существъ и царствомъ животныхъ. При этомъ Контъ, Спенсеръ и другіе политико-экономисты и соціалисты не только отрицаютъ свободу воли, чѣмъ implicite отрицается и всякая нравственная цѣнность поступковъ и настроеній, но не стѣсняются договаривать этотъ

---

9) Конечно, рѣчь направлена не противъ цѣлесообразности культурныхъ улучшеній быта, но противъ отожествленія общечеловѣческаго блага съ этими послѣдними, какъ это бываетъ у большинства современныхъ мыслителей — позитивистовъ.

выводъ explicite такъ, что тотъ же Спенсеръ въ своихъ «Данныхъ науки о нравственности» съ полною беззастѣнчивостью утверждаетъ, что между такъ называемымъ добромъ и такъ называемымъ зломъ нѣтъ истинной, реальной разницы: эти понятія суть лишь видоизмѣненія понятій о выгодномъ и невыгодномъ.

Конечно, не всѣ до одного поборники экономическаго прогресса сознательно отрицаютъ религію и мораль. Но если у нихъ существуютъ религіозныя вѣрованія, то въ качествѣ совершенно отдѣльныхъ отъ ихъ гражданской и общественной жизни **поэтическихъ чувствъ,** въ качествѣ дорогихъ и оберегаемыхъ отъ всякой критики воспоминаній дѣтства, въ качествѣ поэтическихъ утѣшеній въ тяжелые дни семейныхъ утратъ. Какъ часто слышатся между подобными людьми, къ коимъ слѣдуетъ причислить добрую половину и русскихъ людей изъ получившихъ высшее образованіе, — какъ слышатся между ними такіе разговоры: «Что за прекрасная личность этотъ NN!» — «подружитесь съ нимъ, или: выйдите за него замужъ, или: возьмите его въ гувернеры къ своимъ дѣтямъ». — «Но онъ, кажется, отвергаетъ религію?» — «Ну это дѣло его совѣсти, въ которое никто не долженъ вмѣшиваться». Очевидно, предполагаютъ, что религіозныя христіанскія убѣжденія все равно не могутъ идти въ жизни человѣка далѣе міра его сокровенныхъ фантазій и не окажутъ никакого вліянія на его нравственную дѣятельность.

Но этого мало: подобная раздвоенность внутренней жизни. въ силу которой религія вполнѣ узаконяется, но лишь какъ **завѣдомое суевѣріе,** и только, — такое нелѣпое хроманіе на оба колѣна, возведено европейскою философіею въ норму и кѣмъ же? — Наиболѣе популярными представителями современной философіи — Спенсеромъ въ его «Основныхъ Началахъ» и Ланге въ «Исторіи матеріализма». Особенно характерно ученіе послѣдняго. Умъ человѣка имѣетъ потребность въ опредѣленномъ, метафизическомъ нравственномъ идеалѣ, — но совершенно лишенъ силъ обосновать или опредѣлить этотъ идеалъ сознательно и критически. Однако, пусть онъ удовлетворяетъ свою безгрѣшную, хотя и нелѣпую потребность. Въ жизни онъ долженъ руководиться положительными данными науки, — т. е. статистикой и т. п., — а про себя пусть и помечтаетъ о Спасителѣ и воскресеніи за гробомъ.

———0———

IX

ПРЕДСТАВИТЕЛИ КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ИДЕАЛОВЪ И ХРИСТІАНСКАЯ МОРАЛЬ.

Религія отвергается современными поборниками культуры вовсе не въ ея догматическихъ только опредѣленіяхъ, но гораздо упорнѣе — въ требованіяхъ нравственныхъ, и особенно въ требованіи той любви, о которой идетъ рѣчь. — Возьмите любого, даже наиболѣе самоотверженнаго поборника культурнаго альтруизма, возьмите Писарева, Бѣлинскаго, Гартмана: читали вы у нихъ слова любви, находили ли раскрытіе сердечной благонастроенности? Нѣтъ, они о состраданіи и самоотверженіи говорятъ съ такой злобой, что повидимому для нихъ гораздо пріятнѣе было бы проповѣдывать идеи противоположнаго характера. Если не желаете брать въ примѣръ дѣйствительныя личности, берите типы: вотъ вамъ герои Тургеневской «Нови» и «Дыма», его же Базаровъ; Маркъ Волоховъ въ «Обрывѣ» Гончарова. Все вы найдете въ этихъ людяхъ, но не любовь. Прочія требованія морали, какъ смиреніе, цѣломудріе, простота душевная и чистота сердца — являются предметомъ ихъ постоянныхъ насмѣшекъ. Культура не сближаетъ ихъ съ людьми, но разъединяетъ; только близкій родственникъ или товарищъ-однокашникъ можетъ добиться отъ современнаго человѣка искренняго, задушевнаго слова и, конечно, правъ гр. Толстой, указывая на то явленіе, что для русскаго мужичка желаннымъ собесѣдникомъ отъ Архангельска до Астрахани будетъ всякій встрѣчный, а для интеллигента одинъ изъ сотни, или и того меньше. Говорилъ ли о томъ, что пробный камень братолюбія — **духовное благотвореніе** совершенно неизвѣстно такимъ общественникамъ: утѣшить скорбящаго, ободрить унывающаго, растрогать и умилить грѣшника, вразумить гордеца — это не въ силахъ. Единственно признаваемое ими орудіе моральной проповѣди есть обличеніе и **насмѣшка,** т. е. духовное насиліе надъ внѣшнимъ про-

явленіемъ порока, но никакъ не средство обращенія къ добру Иногда говорятъ: соціалисты имѣютъ ту же мораль, что Евангеліе, а не принимаютъ только нѣкоторыхъ догматовъ. Но это утвержденіе есть стереотипная нелѣпость: евангельская мораль (особ. см. Мф. V) вся зиждется на двухъ началахъ — смиренія и любви. Ни того, ни другого никогда не проповѣдывали соціалисты; у нихъ есть рѣчь о дѣлахъ любви, но не о чувствѣ. Въ словахъ они иногда совпадаютъ, но слова эти обозначаютъ собою совершенно различное содержаніе. Если отъ личнаго характера людей перейдемъ къ физіономіи жизни общественной, то скоро увидимъ, что именно съ безрелигіозной культурой параллельно развивается продажный развратъ. корысть, ремесленное отношеніе къ наукѣ, разрушеніе сыновней любви къ родителямъ и пр. Такая культура, претендуя на тѣсное сродство съ идеей альтруизма, является на самомъ дѣлѣ почти антиподомъ морали. Весьма естественно, что христіанское **спасеніе** независимо отъ всяческихъ случайныхъ недоразумѣній, по самому существу своему, весьма несродно современному, культурному понятію о благѣ общественномъ. Прибавимъ къ этому, что не только **субъективное настроеніе** присяжныхъ служителей этого блага имморально, но и ихъ дѣйствія очень мало стѣсняются альтруистическими принципами. Всѣмъ извѣстно, что французскіе революціонеры были жесточайшими правителями, что не только всяческая ложь, коварная лесть и мстительная злоба стали синонимомъ политики, но и претендующій на преимущественную культурность соціалъ-демократическій порядокъ желаетъ водворить себя кровавыми убійствами и динамитомъ. Вопросъ объ искренности братолюбія у подобныхъ прогрессистовъ становится совершенно опредѣленнымъ. Пусть бы это братолюбіе было просто физическимъ состраданіемъ, но и такое чувство, какъ чувство безкорыстной симпатіи, есть моментъ этическій, а показанная разрозненность культуры и морали наводитъ на мысль, что основнымъ, движущимъ стимуломъ первой является вовсе не состраданіе, не любовь, — что эти понятія являются лишь искусственно или безсознательно подставляемыми ширмами для совершенно иныхъ факторовъ, такъ называемой, культуры, факторовъ не альтруистическихъ, но эгоистическихъ, не моральныхъ, а напротивъ антиморальныхъ. По поводу высказанной, кажется, гр. Толстымъ мысли о нравственности, какъ условіи общественнаго блага, какой-то профессоръ

написалъ въ прошломъ году большой фельетонъ въ «Новомъ Времени», гдѣ при помощи множества историческихъ фактовъ проводилъ ту мысль, что нравственное начало въ «лучшія» прогрессивныя эпохи всегда блѣднѣло, а водворялось въ эпохи застоя и упадка. — Конечно, не всѣ дѣятели независимой культуры или лжеальтруизма лишены симпатическаго чувства. Но исключеніе будутъ составлять по преимуществу безусые идеалисты — отщепенцы по недоразумѣнію, увлеченные средой или искусственными происками. Таковъ типъ Аркадія въ «Отцахъ и Дѣтяхъ». Вслѣдъ за товарищемъ своимъ Базаровымъ онъ, конечно, толкуетъ объ общемъ равенствѣ и состраданіи, но ему недостаетъ Базаровскаго ожесточенія на жизнь и людей, его черствости и грубости, — и вотъ волей неволей онъ долженъ согласиться съ приговоромъ умной дѣвушки о томъ, что онъ сѣлъ не въ свои сани. «Вѣдь мы съ вами ручные — куда же намъ гнаться за нимъ: онъ дикій». Самъ Базаровъ скоро замѣтилъ эту несродность характеровъ и заявилъ: пути наши расходятся. Аркадій сталъ ручнымъ, конечно, не для дѣла христіанскихъ обѣтованій, не для идеи христіанскаго спасенія, а для обломовщины, но все же не добрыхъ, а злыхъ качествъ не хватало ему для послѣдовательной Базаровщины. Типъ современнаго общественника имѣетъ свое прошлое въ Римскомъ трибунѣ, въ Афинскомъ демагогѣ, въ протестантскомъ сектаторѣ, въ гуманистахъ и во французской революціи. Главные предводители культурныхъ движеній были, конечно, выдающіеся люди, а иные даже геніи, слѣд., они — лучшіе типы направленія. Но смотрите, развѣ любовь выдвигается на первый планъ въ очертаніи ихъ характера? Не злобнымъ ли обличеніемъ и мщеніемъ дышатъ ихъ рѣчи? Конечно, они оправдываютъ эти чувства нравственною гнусностію своихъ враговъ и своимъ собственнымъ безкорыстіемъ. Они, въ лицѣ вѣчно ругающагося Лютера, ссылаются на изгнаніе Христомъ торгующихъ изъ храма. Уступимъ имъ это событіе евангельской исторіи, хотя они и его смыслъ искажаютъ, забудемъ, что всѣ вообще евангельскія обличенія проникнуты любовною скорбію къ обличаемымъ и имѣютъ въ виду пользу этихъ же послѣднихъ. Спросимъ: почему же въ жизни лучшихъ поборниковъ общественнаго блага, въ классически европейскомъ смыслѣ, мы никогда не найдемъ ничего подобнаго принятію Закхея, Матфея или блудницы, исцѣленія бѣсноватыхъ, благословенія дѣтей, при-

тчи о потерянной драхмѣ, о Блудномъ Сынѣ, о Милосердномъ Самарянинѣ? **«Гнѣвъ мужа правды Божіей не содѣлываетъ»,** говоритъ Апостолъ (Іак. I, 20), а это все люди гнѣва, люди озлобленные, и хотя бы способные на смерть для ближнихъ, но на такую только, которая безъ любви есть ничто, есть **кимвалъ и мѣдь звенящая,** по слову другого Апостола (1 Кор. XIII). На смерть храбро шли и римскіе солдаты, шли и шайки удалыхъ запорожцевъ, которые тоже не были лишены извѣстныхъ идеаловъ, и, право же, независимые поборники общественнаго блага въ своемъ внутреннемъ настроеніи едва ли исполнены болѣе высокимъ содержаніемъ духа, чѣмъ тѣ. Озлобленіе на богачей и деспотовъ, и мщеніе имъ, желаніе сбросить съ себя узы религіознаго насилія или лицемѣрнаго авторитета — вотъ пружина, движущая ихъ энергіей и слишкомъ явно дающая себя знать, какъ въ трескучей брани, сложенной изъ библейскихъ изреченій въ устахъ Лютера, — такъ и въ ласково-ядовитой насмѣшкѣ Эрнеста Ренана. Конечно, не скажу, чтобы положительное побужденіе ихъ энергіи, а именно благо ближнихъ, было лишь средствомъ для приданія себѣ и другимъ сильнѣйшаго мстительнаго жара, но даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда это благо является плодомъ изобрѣтательной фантазіи спокойнаго идеалиста, — оно не идетъ далѣе перенесенія на другихъ своего эгоизма. Не идетъ оно далѣе этого не только на практикѣ, но и въ теоріи. Мораль позитивизма находитъ въ этомъ положеніи свою формулу.

——o——

X

ВЫСШІЙ ИДЕАЛЪ СОВРЕМЕННОЙ НЕЗАВИСИМОЙ ЭТИКИ.

Два довольно несродныхъ между собою ученія, господствующія надъ современными умами: натуралистическій позитивизмъ и пессимистическій пантеизмъ близко сходятся въ опредѣленіи высшей задачи добродѣтели. Тотъ и другой предлагаютъ намъ философскую постановку въ объектѣ самосознанія. Пойми, говорятъ, они, — что твое **«я»** на самомъ дѣлѣ

есть весь міръ разумныхъ существъ. Когда ты твердо намѣтишь это въ своемъ мозгу, то тѣ же чувства, которыя побуждали тебя бороться съ другими, побудятъ тебя жертвовать собою для другихъ. Дарвинисты къ этому прибавляютъ: эгоистическій законъ борьбы за существованіе (т. е. стремленіе, исполненное злобою, ревностью и жадностью) останется при тебѣ, только измѣнится его цѣль; прежде это былъ индивидуумъ или семья, а теперь становится цѣлый родъ человѣческій. Эгоистическіе порывы льва, защищающаго свое логовище, сохраняются и у братьевъ Гракховъ, только логовищемъ ихъ становится цѣлый народъ. Не знаю, кому были бы симпатичны представители такой добродѣтели. Къ счастью, пантеистическое самосознаніе есть практически неосуществимая фикція, но само собой понятно, что будь она осуществима, то eo ipso состраданіе пантеистовъ лишалось бы всякаго моральнаго характера, ибо настроеніе эгоизма есть антиподъ морали, какъ бы ни былъ расширенъ предметъ эгоистическихъ чувствованій и дѣятельности. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ практика выше теоріи: конечно, въ безкорыстномъ антиэгоистическомъ состраданіи нельзя отказать нашимъ соціологамъ. Неудачную формулировку ихъ моральныхъ понятій имъ можно простить по неопытности, ибо за мораль они принялись весьма недавно. Для гуманистовъ и энциклопедистовъ, насадителей проституціи и легкихъ нравовъ, мораль чаще бывала предметомъ глумленія, а предметомъ положительнаго интереса она могла стать только, послѣ того, какъ люди освоились съ нравственною разнузданностью и наскучились ею. До тѣхъ же поръ, пока энергія мыслителей расходовалась на борьбу за расширеніе своего эгоизма, естественно, что не мораль цѣнилась ими, а та сила духа, которой назначеніе заключается въ наиудобнѣйшемъ достиженіи поставленныхъ цѣлей. Сила эта есть умъ, по которому и донынѣ цѣнятся люди въ тѣхъ обществахъ, гдѣ отъ нихъ ожидаютъ лишь внѣшней, формальной дѣятельности, при безразличіи внутренняго настроенія. Оно и понятно: въ тѣхъ случаяхъ, когда это внутреннее направленіе воли предполагается вполнѣ опредѣленнымъ, а именно въ смыслѣ эгоизма, то конечно вопросъ остается только о средствахъ къ его достиженію, т. е. опять таки въ умѣ. Понятно отсюда, что въ наше время, болѣе благопріятное для добродѣтели, чѣмъ прошлый вѣкъ, но все-таки не поднявшееся выше идеи расширеннаго эгоизма, что и въ наше время

позитивная и пантеистическая мораль считаетъ тотъ же умъ или познаніе единственнымъ и притомъ необходимо дѣйствующимъ средствомъ къ достиженію ея нравственнаго идеала; чѣмъ человѣкъ умнѣе, тѣмъ онъ и нравственнѣе, тѣмъ болѣе онъ способенъ служить общественному благу по скольку былъ способенъ осуществлять свои эгоистическія требованія, съ этимъ общественнымъ благомъ сопряженныя. Послѣднее обоснованіе совершенно справедливо и названная мораль была бы совершенно права въ своемъ положеніи о развитіи ума, какъ достаточномъ средствѣ общаго блага [10]), если бы кто-либо подъ солнцемъ былъ бы въ состояніи практически усвоить пантеистическое самосознаніе вмѣсто личнаго. Итакъ мы сказали, что практика все же лучше теоріи. И дѣйствительно, хотя культурное состраданіе, по теоріи, заключается въ перенесеніи на другихъ своего эгоизма, а не въ настоящей любви, тѣмъ не менѣе на практикѣ состраданіе и помощь ближнему всегда сознается, какъ усвоеніе чего-то другимъ людямъ, а не своему alter ego (какъ хотятъ того пантеисты) и потому на практикѣ оно не лишено моральнаго характера: состраданіе, какъ чувство, всегда сохраняетъ этическій, альтруистическій характеръ. Впрочемъ, моральный элементъ такого альтруизма довольно слабъ.

Совѣсть намъ, правда, свидѣтельствуетъ, что любовь есть почва морали, но любовь любви рознь: есть любовь половая, любовь кровная ,любовь привычки; если эти роды любви не отличаются отъ такихъ же родовъ любви у животныхъ, — то они очень мало моральны. И дѣйствительно, они часто бываютъ, какъ бы, перенесеніемъ на другихъ своего эгоизма. Перенесеніе это основывается вовсе не на теоретическомъ моментѣ пантеистическаго отожествленія себя съ другими, но на чувствѣ состраданія, только состраданія животнаго. Тутъ, правда, исполняется заповѣдь: не дѣлай того, чего себѣ не желаешь, но исполняется односторонне, ибо себѣ такой человѣкъ желалъ бы животнаго блага и удовлетворенія эгоизма. Поэтому и его любовь къ ближнему вполнѣ удовлетворяется, если любимое существо или народъ избавлены отъ физическихъ страданій, если они физически счастливы. Такова родительская любовь у отрицательныхъ типовъ «Крейцеровой Сонаты». Счастье, съ совершенно безразличнымъ нравственнымъ

10) Такова мораль Гартмана и всѣхъ детерминистовъ.

содержаніемъ, счастье, какъ свобода отъ внѣшнихъ бѣдствій, именно эта свобода отъ нихъ наибольшаго числа людей, какъ конечная цѣль дѣятельности — вотъ, что является **высшимъ благомъ** съ точки зрѣнія не только практическихъ дѣятелей, но и философовъ-позитивистовъ и пантеистовъ послѣдняго времени. — Картина благополучнаго объяденія Гомеровскихъ Феаковъ — вотъ высшее міровое благо нашихъ общественниковъ. Правда, они будутъ вамъ говорить о необходимости развитія наукъ и культуры, о томъ, что иначе, при застоѣ, начнутся преступленія и мученія, но вѣдь это частность, служебное условіе, а если бы имъ предложить возможность такого именно положенія вещей, чтобы люди помимо всякой добродѣтели избавились отъ сознательныхъ мученій, то ихъ нравственные принципы сострраданія и перенесенія эгоизма не имѣли бы никакого права требовать ничего большаго отъ жизни и всякое требованіе было бы противорѣчіемъ современному понятію объ общемъ благѣ. Да и не трудно убѣдиться въ бесѣдѣ съ любымъ поборникомъ позитивной культуры, — убѣдиться въ неискренности его обычныхъ возраженій моралистамъ: прежде накорми, а потомъ уже научай добродѣтели. Наученія чаще требуютъ сытые, чѣмъ голодные. Всѣхъ голоднѣе на свѣтѣ тѣ, кто всѣхъ сытѣе духовно — разумѣемъ добровольно голодающихъ отшельниковъ, давно опровергшихъ собою вмѣстѣ съ Нерономъ неправдивую поговорку: in corpore sano mens sana. И если вы всякаго говорящаго: накорми, а потомъ учи, заставите быть откровеннымъ, то онъ свой афоризмъ переиначитъ такъ: накорми, а потомъ убирайся. Нашъ выводъ не есть преувеличеніе; къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ практика весьма мало исправляетъ теорію. Кто не знаетъ, что не духовное служеніе ближнимъ, а прежде всего уравненіе внѣшнихъ правъ и особенно имуществъ — вотъ въ чемъ представляется высшая задача служителей общественнаго блага. Правда, современные общественники заботятся и о распространеніи первоначальнаго образованія. Но, кромѣ скрываемой цѣли освобожденія народа изъ подъ вліянія духовенства, и въ этомъ благомъ дѣлѣ ихъ энергіей двигаетъ собственно мысль объ уравненіи правъ и о борьбѣ съ бѣдностію, происходящей отъ невѣжества, ибо кому неизвѣстно, что соціально народное образованіе, отрѣшенное отъ религіи, совершенно чуждо моральнаго духа?

Гр. Толстой лишаетъ всякой цѣны родительскую любовь,

обращенную на одно только счастье дѣтей, на счастье, понимаемое только въ удаленіи страданія и ради сего въ доставленіи удовлетворенія всѣмъ потребностямъ природы безъ различія ихъ нравственнаго содержанія. Надъ этою любовью онъ горько смѣется въ «Крейцеровой Сонатѣ». Но скажите, что лучшаго имѣетъ народная любовь у позитивистовъ — поборниковъ его блага? И великій инквизиторъ Достоевскаго, и Лео Ауербахъ, и Контъ, и Гартманъ, чѣмъ отличаются отъ родителей «Крейцеровой Сонаты» въ своемъ понятіи объ общемъ благѣ? Умнѣйшіе между ними конечно понимаютъ, что мораль, или даже религія суть лучшія, а можетъ быть, необходимыя средства къ достиженію такого блага, но цѣна ихъ — цѣна средствъ, т. е. цѣна нулевая. Настоящую цѣну современные филантропы приписываютъ лишь экономическимъ улучшеніямъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что по словамъ Писарева и Ко. сапоги выше трагедій Шекспира, а хорошій трубочистъ полезнѣе Рафаэля, что монастыри надо превратить въ больницы или, по Петру I, въ инвалидные гарнизоны. А вотъ вамъ вполнѣ симпатическія описанія нашихъ лучшихъ монастырей у Немировича-Данченко: хотя изъ его же разсказовъ мы видимъ нравственно-обновляющее вліяніе Валаама или Соловковъ, но авторъ ни во что цѣнитъ это вліяніе, а восхищается организаціей монастырскаго хозяйства и горько сѣтуетъ, что русскій народъ можетъ объединяться въ такія рабочія артели только подъ эгидой какой-либо святыни. Такія воздыханія читателемъ не усваиваются; въ самомъ авторѣ они представляются совершенно негармонирующими съ описаніемъ нравственнаго величія монастырской жизни. Но что дѣлать? Страницы либеральнаго журнала не терпятъ на себѣ рѣчей о цѣлесообразности нравственнаго вліянія: хвалить что-либо возможно только съ экономической точки зрѣнія; и вотъ авторъ предлагаетъ оцѣнку обители со стороны ея водопроводовъ, скотнаго двора и т. п. Такъ бываетъ при описаніи жизни церковной, но когда современные авторы желаютъ примѣнить понятіе взаимопомощи къ своему кругу, то имъ даже въ голову не приходитъ иной видъ ея, кромѣ экономическаго. Понятно, что ученіе о христіанскомъ спасеніи, о нравственномъ совершенствѣ, какъ конечной цѣли жизни, по отношенію къ которой все остальное — средство, эта моральная автономія религіи — является для нихъ наиболѣе антипатичнымъ ученіемъ. Но если бъ ихъ разоблаченное ученіе о благѣ об-

щемъ, какъ удовлетвореніи экономическихъ потребностей, и не было бы утопіей, если бъ и не было очевиднымъ, что страданія людей тогда оставались бы столь же тяжки, какъ они бываютъ и теперь у людей экономически обезпеченныхъ, если бъ это ученіе и не было бы безсмыслицей по тому самому, что болѣзнь, смерть и разлука и тогда продолжали бы отравлять жизнь, если бъ мифологическій рай древнихъ германцевъ съ вѣчнымъ Кабаномъ и пивомъ оказался бы вполнѣ осуществимъ — то и въ подобномъ случаѣ человѣкъ, не лишенный истинной безкорыстной любви къ ближнимъ, не какъ къ двуногимъ животнымъ, но какъ къ существамъ разумнымъ, предпочелъ бы этому животному раю наученіе хотя двухъ трехъ малыхъ сихъ тому, чтобы отказаться отъ такого рая чувственности и созидать иной духовный рай вѣры и любви, той любви, которая отъ тѣла и желудка не зависитъ, но путемъ скорбей постепенно вводитъ человѣка въ истинный вѣчный рай Божій.

Подходя къ раскрытію христіанскаго понятія объ общественномъ благѣ, мы должны еще разъ оговориться, что ни откровеніе, ни лично пишущій эти строки не могутъ относиться отрицательно къ культурнымъ усовершенствованіямъ жизни. Не говоря уже о томъ, что Господь благословляетъ воздѣланіе земли и даетъ мудрость правителямъ народовъ (2 Пар. I, 11, 12), но и чисто внѣшнія культурныя пріобрѣтенія оказываютъ для Церкви прямыя услуги во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ, прежде всего, книгопечатаніе облегчаетъ распространеніе слова Божія, а школы — его пониманіе; не говоримъ объ усовершенствованіи искусствъ, объ утонченіи философской мысли, какъ лучшихъ средствахъ къ выраженію религіозныхъ идей, все, что говорено выше противъ культурныхъ идеаловъ, сказано о тѣхъ направленіяхъ культуры, которыя шли сознательно противъ религіи, почитая ея ученіе несовмѣстимымъ съ задачами прогрессивнаго государства. Цѣль наша была показать, что такія направленія, какъ въ исторіи и наличной жизни, такъ и въ своихъ философскихъ принципахъ, сознательно или же непроизвольно съуживаютъ и обѣдняютъ всякія нравственныя понятія. Не только аскетизмъ и индивидуализмъ въ религіи имъ антипатичны, но и вообще ихъ этика стоитъ на самой невысокой степени развитія. Полемика современныхъ культурныхъ идей съ религіей есть собственно ихъ полемика съ моралью вообще. У Фогта она ведется откровенно и нагло, а у современниковъ деликатно, но

не менѣе рѣшительно. Проблема всей антирелигіозной культуры есть благо, но благо, въ смыслѣ наслажденія при безразличіи его моральнаго содержанія: мораль берется лишь какъ условіе сего наслажденія, но не какъ цѣль. Этотъ нравственный этерономистическій эвдемонизмъ сближаетъ послѣдователей независимой культуры съ религіозно-сословными консерваторами псевдо - аскетическаго направленія, въ родѣ Елагина, Леонтьева и т. п., любившихъ говорить о страхѣ, но не о любви. И съ какимъ неудовольствіемъ послѣдніе помогаютъ ближнимъ ради страха загробнаго воздаянія, съ такимъ же огорченіемъ, даже съ пессимистическимъ отчаяніемъ, говоритъ Гартмановская этика о состраданіи, какъ единственномъ средствѣ избавиться отъ скорби жизни, и предостерегаетъ отъ половыхъ страстей въ виду избѣжанія дальнѣйшихъ мукъ бытія. Тутъ нѣтъ восторженной похвалы ангело-подобной чистотѣ истиннаго дѣвства, ни восхваленія братолюбію, какъ самому святому чувству, пріобщающему насъ Богу и вѣчности: нѣтъ, эти философы оплакиваютъ жизнь именно потому, что она караетъ похотливую страстность и эгоистическую самозамкнутость: свой высшій нравственный идеалъ они представляютъ лишь, какъ лучшій изъ худыхъ исходовъ оплакиваемой безсмыслицы бытія. Имъ бы хотѣлось Магометова рая и вѣчнаго Кабана, но они знаютъ, что смерть неизбѣжна, а потому научаютъ заранѣе убить въ себѣ жизнь, но не чрезъ кровопусканіе въ ваннѣ на подобіе древнихъ римлянъ, а чрезъ физическое состраданіе бѣднымъ.

XI

ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ.

Но если церковь гнушается такимъ идеаломъ общества, гдѣ цѣлью бываетъ одно наслажденіе экономическимъ довольствомъ и правовымъ равенствомъ, то что даетъ она взамѣнъ подобнаго представленія? I. Неужели она нисколько не заботится о человѣческомъ счастьи, предлагая только одну святость? II. Неужели, заботясь такъ мало о правовомъ по-

рядкѣ, она не указываетъ какихъ-либо другихъ средствъ для благодѣтельнаго вліянія личности на среду? III. Неужели, не примѣняя насилія закона, она не даетъ взамѣнъ тому никакой гарантіи для нравственныхъ устоевъ общежитія? Къ сожалѣнію, эти три вопроса довольно рѣдко ставились въ нашей богословской литературѣ, а свѣтскому обществу отвѣты на второй и третій вопросы такъ мало знакомы, что, приводя эти отвѣты, почерпаемые изъ Божественнаго ученія и подтверждаемые ежедневнымъ опытомъ наличной жизни, мы все-таки весьма опасаемся остаться непонятыми, встрѣтить сужденія о нашей рѣчи, какъ о сплошной мистикѣ.

I. Всякій согласится, что благо или счастье есть субъективная идея: несознаваемое счастье не есть счастье, — непримиренное страданіе остается страданіемъ, а страданіе тѣла, напр., трудъ, примиряемое какою-либо идеей до несознаваемости, не есть страданіе. Мы можемъ имѣть какія угодно теоретическія представленія о счастьѣ и о причинахъ страданій, сводя всѣ ихъ къ бѣдности и безправію, но если мы увидимъ всегда радостнаго бѣдняка-раба и всегда скорбнаго богача-повелителя, то все же счастливымъ назовемъ перваго, а состраданіе будемъ питать къ послѣднему. Самый счастливый человѣкъ, или общество суть тѣ, которые искренно говорятъ: лучшихъ условій, чѣмъ мы имѣемъ, намъ или мнѣ не надо, высшею радостью земли мы обладаемъ. Такого сознанія не имѣетъ ни одно земное общество и ни одинъ земной человѣкъ. Отдѣльное лицо можетъ его имѣть только въ непродолжительномъ упоеніи страсти; для цѣлаго общества невозможно не только такое упоеніе, но и просто свобода отъ тяжкихъ и ничѣмъ непримиримыхъ страданій: страха смерти, болѣзней, потерь, измѣнъ, оскорбленій, сумасшествій и т. п. Существуетъ только одно такое наслажденіе, которое можетъ дать постоянную удовлетворенность нашей душѣ — это наслажденіе духовной любви, если оно соединено съ увѣренностію, что въ этой любви заключается высшій, всемірный разумъ — что «пребывающій въ любви» не заблуждается, но «пребываетъ въ Богѣ (1 Іоан. IV, 16) и Богъ въ немъ пребываетъ», въ немъ поселяется (Іоан. XIV, 23), утѣшая его въ страданіяхъ, дабы нѣкогда всѣхъ способныхъ любить, собрать въ такое тѣсное единство любви, въ какомъ пребываетъ Отецъ и Сынъ, какъ Онъ сказалъ: **«да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче,**

во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ» (Іоан. XVII, 21). Соединенная съ мыслью о любящемъ Богѣ, любовь примиряетъ всякую скорбь и потерю, — говоря опредѣленнѣе: она ихъ не чувствуетъ. Потери нѣтъ для совершеннаго христіанина — онъ отпускаетъ друзей своихъ въ вѣчную блаженную жизнь съ благодареніемъ Богу. Для него нѣтъ ни страха смерти (1 Сол. IV, 13), ни огорченія отъ болѣзней (2 Кор. VI, 9, 10), ни страха казни, ни угнетенія рабства (2 Кор. IV, 8, 9). Такъ бываетъ въ жизни личной. По отношенію къ благу цѣлаго общества христіанскаго наблюдается, конечно, то же самое. Высшее наслажденіе христіанской любви — это радость другъ о другѣ, о взаимномъ духовномъ преуспѣяніи (Рим. I, 12; 3 Іоан. I, 4). Едва ли кто будетъ спорить противъ того ,что никогда не было болѣе блаженнаго общества, чѣмъ первые христіане, у которыхъ было одно сердце и одна душа (Дѣян. IV, 32), такъ что они всякій день съ веселіемъ вкушали свой хлѣбъ (Дѣян. II, 46), особенно радовались въ скорбяхъ (1 Сол. I, 6), радовались радостію неизреченною, какъ говоритъ св. Петръ (1 Петр. I, 6-8). И дѣйствительно, бытъ первыхъ христіанъ представляется идеаломъ общежитія даже для многихъ современныхъ экономистовъ и при томъ по той своей сторонѣ, которая была въ немъ самая второстепенная и, такъ сказать — случайная, — по сторонѣ экономической. Общеніе имуществъ не было требованіемъ христіанскихъ законовъ (Дѣян. V, 4), но плодомъ свободныхъ отреченій личностей, переходившихъ мало-по-малу въ обычай (Дѣян. IV, 34). Отрекшись отъ земного благополучія, христіане даже съ этой стороны оказались обезпеченнѣе всѣхъ, такъ что «между ними не было ни одного нуждающагося» (Дѣян. IV, 34). Здѣсь исполнилось слово Христово о подражаніи беззаботнымъ птицамъ и лиліямъ, слово псалмопѣвца, что онъ «не видѣлъ праведника оставленнымъ и дѣтей его просящими хлѣба» (Пс. XXXVI, 25). Напротивъ, въ обществахъ, отрекшихся отъ религіи, — отчаяніе, скорбь, проклятія и самоубійства. Такое состояніе невѣрующаго общества хорошо описано и Толстымъ, и иностранными писателями, да и вообще съ нашимъ противопоставленіемъ не очень спорятъ. Если современная позитивная культура, враждебная религіи, по общему признанію, не увеличила, а уменьшила счастье людей, то этимъ подтвердилось слово Писанія о томъ, что горести людей, какъ и ихъ счастье, коренятся болѣе во внутреннихъ условіяхъ, чѣмъ во

внѣшнихъ. Описывая бѣдствія предъ кончиной міра, Господь говоритъ: «люди будутъ издыхать отъ страха и ожиданія» (Лук. XXI, 26), а Второзаконіе, угрожая іудеямъ казнями Божіими, сначала говоритъ о бѣдахъ внѣшнихъ, а потомъ, въ качествѣ седьмиричной кары, изображаетъ то подавленное настроеніе духа, которое Всевышній пошлетъ непокорному народу (Втор. XXVIII-XXXII).

II. Соглашаясь отчасти съ субъективнымъ характеромъ условій къ истинному счастью, современные мыслители встрѣчаютъ затрудненіе въ разрѣшеніи второго и третьяго поставленнаго вопроса; они не идутъ по указанной церковью дорогѣ потому, что считаютъ жизнь первыхъ христіанъ никогда не повторяющимся явленіемъ. Признавая святость, да, пожалуй, теоретическую цѣлесообразность того пути жизни, который требуетъ отъ человѣка сперва внутренняго очищенія и субъективной любви, они не признаютъ этотъ путь практическимъ; подобно лже-аскетическимъ писателямъ, въ родѣ Елагина и Леонтьева, они не вѣрятъ въ возможность провести христіанскую жизнь въ общество, и не считаютъ разумнымъ посвятить этой цѣли свою энергію. Соглашаясь съ уроками исторіи о томъ, что забытая культурой идея загробной жизни даетъ доброй волѣ человѣка тысячекратную силу и научаетъ мученика ликовать на плахѣ, они такъ мало надѣются на возможность распространять живую вѣру среди людей и вообще пробуждать въ нихъ высшія идеальныя стремленія, что предпочитаютъ дѣйствовать путемъ разсудочныхъ сухихъ доводовъ о томъ, какъ возможно хоть нѣсколько упорядочить жизнь внѣшнюю, временную. Начавъ съ гордаго отрицанія паденія человѣка, независимые мыслители кончаютъ такимъ расширеніемъ понятія о человѣческомъ злѣ или эгоизмѣ (см. Кантъ «о радикализмѣ»), что, оставивъ идею о самоотверженіи, какъ этическій идеалъ для созерцанія, они довольствуются начертаніемъ такого рода государства, гдѣ бы злу было положено возможно прочное принудительное ограниченіе. Здѣсь Кантъ приходитъ къ соглашенію съ папистами (См. Чечеринъ въ «Вопросахъ», кн. XI), и іезуитское правило: цѣль оправдываетъ средства — воцаряется, какъ, можно сказать, центральное орудіе различныхъ сторонъ культурнаго прогресса.

——o——

XII

ВЛІЯНІЕ ДОБРОДѢТЕЛИ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ

Здѣсь-то, въ выборѣ средствъ къ водворенію и обезпеченію возможнаго блага, сосредоточивается споръ между христіанской религіей, съ одной стороны, и независимой культурой, — съ другой. Пусть твое нравственное совершенствованіе будетъ всестороннимъ, чуждымъ всякаго эгоизма, но далеко ли распространится твоя филантропическая дѣятельность? пойдетъ ли она дальше двухъ-трехъ знакомыхъ семействъ? создастъ ли она что-либо цѣлое, осязательное? Вотъ вопросы, какіе предлагаются разборчивому въ средствахъ христіанину, отвергающему правила іезуитизма. Всесторонность христіанскаго сознанія представляется все-таки чѣмъ-то чисто субъективнымъ, личнымъ; а слѣдовательно, общественная дѣятельность снова исторгается изъ ограды Церкви и опять переносится исключительно въ область принудительнаго порядка. Возвращаемые къ понятію о благѣ и счастьѣ, какъ собственно нравственномъ совершенствѣ общества, поборники независимой культуры иногда соглашаются съ тѣмъ, что созидать извнѣ нравственнаго прогресса невозможно, что толковать о вліяніи принудительнаго порядка на нравственную жизнь можно лишь до тѣхъ поръ, пока мы будемъ разумѣть подъ нею внѣшніе поступки, смотрѣть на нее не съ этической, но съ юридической, — совершенно несродной ей, точки зрѣнія. Сливать мораль съ юридическою законностью, конечно, невозможно. Народная рѣчь давно выработала представленіе обо всемъ законномъ или казенномъ, какъ о чемъ-то совершенно формальномъ и чуждомъ всякому моральному духу. Если законъ требуетъ причастія Св. Таинъ, или присяги, то никто изъ непризнающихъ этого не считаетъ себя обязаннымъ удалиться изъ того общества, гдѣ такія дѣйствія неизбѣжны, а совершаетъ ихъ внѣшнимъ образомъ, противъ убѣжденія. Воспрещеніе рабства или препятствіе людоѣдству, повидимому, только дисциплинируетъ нравственную волю, но подобные примѣры могутъ быть приводимы лишь изъ области уголовныхъ пре-

ступленій, да и то противъ нихъ можно возражать. Дѣло въ томъ, что, перенося оцѣнку нравственной жизни изъ сферы юридической во внутреннюю моральную, мы должны вспомнить, что ненавидящій брата есть то же, что убійца (1 Іоан. III. 15), соблазнитель — уголовный преступникъ (Мф. XVIII, 6), обольститель совѣсти народной карается, какъ гонитель и убійца пророковъ, разстраивающій семейную любовь — какъ врагъ откровенія (Мф. XXIII) и пр., и пр. Уголовная статистика въ наше время не насчитала бы столько преступленій, какъ въ эпоху крѣпостного права (хотя и теперь вездѣ масса преступленій); за то, если бъ вели статистику не поступковъ, а настроеній духовники, то кто поручится, что и ихъ показанія не вышли бы обратными? Люди, долго прожившіе на свѣтѣ и сочувствующіе человѣчеству не словомъ, но всѣмъ сердцемъ, въ виду сказаннаго, или отказываются вовсе отъ идеи общественнаго блага, или съуживаютъ свои когда-то широковѣщательныя системы до скромной формулы: общаго блага нѣтъ, а есть общая гадость, но дѣлай такъ, чтобы эта гадость была бы хоть менѣе примѣтна. Такая формула есть отрицаніе самой идеи. Но что же даетъ намъ христіанство въ качествѣ средства къ тому, чтобы личный подвигъ совершенствованія распространять на среду въ качествѣ общественной силы?

Вѣрное своему принципу — выводить внѣшнее изъ внутренняго — христіанство раскрываетъ намъ сообразные съ этимъ способы для общественной дѣятельности. Цѣль такой дѣятельности — приведеніе ближнихъ на путь совершенства и связаннаго съ нимъ блаженства, а средство заключается въ томъ, чтобы человѣкъ въ сердцѣ своемъ заключилъ то общество, которому онъ себя посвящаетъ, такимъ приблизительно образомъ, какъ отецъ или мать заключаетъ въ сердцѣ своемъ дѣтей и ихъ благо. Дѣйствіе это называется духовнымъ рожденіемъ; оно бываетъ двухъ родовъ: одно относится къ извѣстному опредѣленному лицу или обществу, имѣя въ виду его всестороннее религіозное развитіе. Такое рожденіе свойственно пастырямъ Церкви. Другое относится къ религіознымъ идеямъ съ цѣлью вложить ту или другую идею въ жизнь христіанскаго общества. Это подвигъ миссіонеровъ, учителей Церкви, богослововъ.

О свойствахъ самаго настроенія пастырскаго или общественно-христіанскаго я говорилъ въ другомъ случаѣ (Чтен.

въ Общ. Любит. Дух. Просвѣщенія, 1891, Сент.-Окт. «Письма къ Пастырямъ» etc. С. С. Б.). Скажу теперь только то, что несокрушимая сила этого настроенія заключается въ преданномъ чрезъ слово Божіе ученіи о томъ, какъ христіанская пастырская ревность о спасеніи ближнихъ устанавливаетъ таинственную связь между служителемъ Божіимъ и его паствой, такъ что внутренняя жизнь перваго чрезъ слово ученія, или чрезъ его писанія, или чрезъ примѣръ жизни, или чрезъ молитву незримо переливается въ жизнь паствы или читателей и преобразуетъ ее въ самомъ корнѣ (см. Пс. XXI, 39; Ис. LIII-LIV, LIX-LX; Іоан. XIѴ-XѴII и мн. др.). Подтверждаемое опытомъ всѣхъ пріобщившихся сей благодати, — ученіе это сильно тѣмъ, что успѣхъ его послѣдователей сознается въ томъ, въ чемъ всѣ другіе учители видятъ неудачу, — т. е. въ страданіяхъ, претерпѣваемыхъ проповѣдникомъ. По пастырскому ученію христіанства, ими-то и соразмѣряется количество духовной жизни, переданной пастыремъ народу, по слову Апостола: **«смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь въ васъ»** (2 Кор. IѴ, 12). — Человѣчество представляется съ нравственной точки зрѣнія организмомъ, омертвѣвшимъ чрезъ грѣхопаденіе, но возстановляемымъ къ жизни чрезъ благодать христіанскаго ученія. Въ ожившихъ его членахъ обмѣнъ жизненной силы происходитъ постоянно и одинъ членъ оживотворяется при помощи другого и снова придаетъ жизнь послѣднему (1 Кор. XII). Обращаясь къ неожившей еще части тѣла, къ языческой неплодящей церкви, Церковь Христова, Церковь живая, путемъ страданій проповѣдниковъ и крови мучениковъ, передаетъ и той жизнь, привлекая ихъ ко Христу (1 Кор. IѴ, 10; Іоан. XII, 32). Церковь, въ потенціи, есть все человѣчество и въ этомъ потенціальномъ смыслѣ Господь Іисусъ Христосъ именуется **«Спаситель всѣмъ человѣкомъ, паче же вѣрнымъ»** (1 Тим. IѴ, 10).

Мы сказали, что ежедневный опытъ подтверждаетъ ученіе о личномъ подвигѣ, какъ источникѣ общаго блага. Такихъ подтвержденій — безчисленное множество. Возьмемъ, напримѣръ, самое миссіонерство: чѣмъ обращались народы къ вѣрѣ — путемъ ли внѣшнихъ учрежденій, или жизни? Не будемъ уже говорить объ Апостолахъ и мученикахъ: обратимся къ нашей отечественной исторіи. Мы видимъ здѣсь явленіе совершенно обратное Западу. Тамъ общественные дѣятели, претендовавшіе на нравственное руководство обществами, все хлопочутъ

о правахъ, а наши лучшіе люди начинаютъ съ того, что, отказавшись отъ привиллегированнаго положенія и имущества, въ качествѣ калѣкъ перехожихъ, юродивыхъ, или отшельниковъ спускаются на самое дно общественной жизни и оттуда поднимаютъ ее на нравственную высоту. Остаются ли ихъ труды безплодными? Нѣтъ, мы видимъ, что обращеніе въ христіанство всѣхъ сѣверныхъ и восточныхъ окраинъ, населенныхъ не только славянскими, но и финскими племенами, совершено отшельниками — Стефаномъ, Трифономъ, Кукшей и др. Теперешнія миссіонерскія общества протестантовъ и папистовъ, вооруженныя и знаніемъ нарѣчій, и популярными брошюрами, и картинками, и медицинскою помощью, и правами, и даже деньгами не могутъ сдѣлать ничего сравнительно съ однимъ жителемъ лѣсной пещеры. Въ окружающей насъ наличной жизни, а именно въ наименѣе процвѣтающей нынѣ области **воспитанія,** опять же является примѣромъ дѣйствительнаго вліянія на нравственный складъ дѣтей та личность, которая совершаетъ это дѣло, какъ дѣло внутренней своей жизни, т. е. С. А. Рачинскій. Напротивъ. въ сколь многихъ школахъ, организованныхъ по правиламъ, такъ называемой, педагогики, съ вентиляціями и гимнастикой. наука все-таки остается мукой не менѣе, чѣмъ въ эпоху школьныхъ истязаній и дранья. Примѣръ того, что общественная дѣятельность прочна именно тогда, когда энергія ея инициатора обращается главнымъ образомъ на возвышеніе и очищеніе собственнаго своего отношенія къ ней, т. е. когда она имѣетъ характеръ аскетическій ,а не искусственный, примѣръ тому можно указать даже и во внѣ-церковной жизни въ лицѣ филантропической дѣятельности гр. Толстого. Когда онъ выступилъ съ своею статьей о томъ, что забота общества должна быть прежде всего направлена на то, чтобы создать въ себѣ любовь къ голодающимъ, а не думать, что искусственно изобрѣтаемыя мѣры могутъ порѣшить все дѣло, то на нашего писателя полились цѣлые ушаты брани и издѣвательства, особенно со стороны либераловъ, кричавшихъ объ его безсердечіи и сентиментальности его морали, о барскомъ лицемѣріи и т. п. Но что же мы видимъ? Поруганная сентиментальность оказалась не только наиболѣе дѣятельной въ помощи голодающимъ, но созданные ею способы вспоможенія были переняты самыми либералами, какъ наиболѣе цѣлесообразные. — Другой русскій писатель — моралистъ церковна-

го направленія, Ф. М. Достоевскій, въ своемъ безсмертномъ романѣ «Братья Карамазовы», нарисовалъ цѣлую картину общественной жизни, гдѣ показалъ общественное вліяніе субъективной жизни и невозможность человѣку удовлетвориться ничѣмъ, кромѣ служенія любви. Въ своихъ извѣстныхъ возраженіяхъ Градовскому, нашъ, еще неоцѣненный, геній отстаивалъ ту мысль, что всѣ прочные историческіе устои народной и общечеловѣческой жизни обязаны своимъ происхожденіемъ религіозной личности. Библейскіе праведники, а также Будда, Магометъ, Лютеръ — вотъ дѣйствительные двигатели общечеловѣческой и народной исторіи, какъ въ добромъ, такъ и въ недобромъ направленіи.

III. Но вѣдь нравственное возрожденіе общества недолговременно? Оно оканчивается со смертью самого вдохновителя или его учениковъ? Оно безсильно въ борьбѣ съ врагами, если не встрѣтитъ поддержку въ государствѣ? а если послѣднее и само отнесется къ нему враждебно, то на чемъ будетъ опираться религія? Гдѣ вы укажете ту общественную силу, чрезъ которую жизнь Церкви и вліяніе личности отражались бы болѣе или менѣе осязательно? Отвѣчаемъ: такая сила предъ нашими глазами, съ нею считается всякій человѣкъ, всякое учрежденіе, но, къ сожалѣнію, она очень рѣдко подвергается ученому анализу современниковъ. — Сила эта называется **бытомъ.** Бытъ созидается на основахъ нравственныхъ, субъективныхъ, личныхъ. Оставаясь совершенно свободною силою, онъ имѣетъ многовѣковую устойчивость и непреодолимую ничѣмъ, но все побѣждающую мощь. Не будемъ указывать на то, что народные обычаи и воззрѣнія, какъ въ религіозной жизни, такъ и въ семейной, общественной и хозяйственной созданы по большей части до начала народной исторіи и держатся прочно безъ всякихъ побужденій власти. Не принуждая личности чрезъ насиліе, эти основы быта имѣютъ однако столь сильное вліяніе на личность чрезъ положительный мотивъ **симпатіи [11])** и отрицательный — **стыда,** что ему не подчиняются только злодѣи, которыхъ и карающій законъ не можетъ удержать отъ преступленій. Если мы всмотримся

11) См. Изреченія старца Амвросія въ "Душеполезномъ Чтеніи", мартъ 1892. Покойный (ум. 10-го окт. 1891) старецъ говаривалъ: трудно тянуть дикую лошадь на арканѣ, а вмѣстѣ съ ручными лошадями и она побѣжитъ, куда погонишь, безъ всякаго принужденія.

въ любую общественную организацію: государственную ли, или школьную, или даже фабричную, то и здѣсь легко увидимъ, что наблюдательная и отвѣтственная власть направляетъ свое вниманіе преимущественно на тѣ возможныя нарушенія, которыя не имѣютъ себѣ основъ въ бытовомъ сознаніи общества. Никто не заботится, чтобы въ Пасху храмъ Божій не остался безъ богомольцевъ, чтобы гуляющія по улицамъ дѣти не были украдены или изувѣчены, чтобы оставленная на дорогѣ одинокая часовня не была осквернена и т. п. — Св. Іоаннъ Златоустъ указываетъ на то, что всякое общество, даже разбойническая шайка, объединяется не столько силою карающаго закона, сколько тѣмъ остаткомъ или minimum-омъ совѣсти, которою оно располагаетъ.

Бытъ не создается искусственно, посредствомъ законопроектовъ, но силою субъективною и чаще всего религіознымъ геніемъ. Законъ не можетъ творить, созидать новыхъ началъ жизни народной, не можетъ вносить въ нее нравственнаго возрожденія: мудрость и заслуга правителей всѣхъ отраслей заключается въ томъ, чтобы вырабатываемыя религіознымъ или вообще народнымъ бытомъ начала опредѣлять въ точную формулу и ограждать закономъ. Тѣ законы, которые имѣютъ такой бытовой характеръ, благодѣтельны, напр. освобожденіе крестьянъ, какъ идея, выношенная бытомъ (чрезъ литературу и воспитаніе); напротивъ тѣ законы, которые или пересажены изъ чужого быта, или пытаются прямо внести собою новую идею въ жизнь, не породившую ея бытовымъ образомъ, — такіе законы и мѣропріятія къ жизни не прививаются, напр., военныя поселенія Аракчеева или фантазіи соціалистовъ. Если они вносятся въ жизнь насильственно или вообще искусственно, то приносятъ не добро, а зло, какъ напр., конституція въ освобожденныхъ странахъ Балканскаго полуострова внесла въ народъ деморализацію, нигилизмъ, господство партій и шарлатановъ, такъ что истинные религіозные друзья народа жалѣютъ объ освобожденіи отъ ига турецкаго, когда народный геній грековъ и славянъ развивался нормальнѣе и свободнѣе.

У насъ мало полагаются на бытовую работу, утверждая, будто власть можетъ легко ее уничтожить, если она не обезпечена законами. Это неправда. Правительства всегда стараются согласоваться съ бытомъ. Встрѣчая бытовую твердую силу въ элементахъ, даже прямо враждебныхъ своимъ пла-

намъ, всякое мудрое правительство старается смягчить свое отношеніе къ ней, такъ или иначе къ ней примѣниться. Развѣ не правы антисемиты, утверждая, что самыя великія силы въ западной Европѣ — не Англія, не Германія съ Бисмаркомъ, а папа съ іезуитами и евреи съ своимъ Талмудомъ? Многія могучія правительства Запада ставятъ своею нарочитой цѣлью бороться противъ этихъ элементовъ, но наталкиваются на такую бытовую твердыню, что видятъ себя принужденными заискивать у враговъ. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно бороться съ бытовою силой даже тогда, когда она есть сила слѣпая, напр. съ нашимъ старообрядческимъ расколомъ, несмотря на рѣшительность предпринимаемыхъ мѣръ. Если сила субъективнаго генія такъ велика въ явленіяхъ темныхъ, то **«множае паче избытокъ благодати и даръ правды пріемлюще въ жизни воцарятся Іисусъ Христомъ»** (Рим. V, 17) тѣ, кто произращаетъ бытъ правды и добродѣтели. Долго боролся Римъ съ безоружнымъ христіанствомъ, наконецъ покорился ему ради собственнаго своего сохраненія.

Итакъ, высшая общественная сила есть сила внутренняго **возрожденія. Эту** истину раскрываютъ два русскихъ писателя въ своихъ трактатахъ и повѣстяхъ. Но у одного истина затемнѣна пантеистическою мглой и даетъ примѣры лишь отдѣльныхъ порывовъ, но не постоянныхъ жизненныхъ устоевъ. За другого, напротивъ, стоитъ вся исторія христіанства. Идеи этихъ писателей потрясаютъ сердца и умы цѣлой Европы. Въ глазахъ моралиста, для культурныхъ народовъ начинается какъ бы воскресеніе изъ мертвыхъ — нравственное воскресеніе, какъ бы нѣкоторое отображеніе того, которое всему міру было открыто 18 вѣковъ тому назадъ отъ Господа и св. Апостоловъ. Провозвѣстниками того воскресенія были сыны пророковъ (Дѣян. III, 25) — народъ іудейскій, но онъ вознерадѣлъ о спасеніи и отпалъ (Евр. II, 1), ибо возлюбилъ больше славу человѣческую, нежели славу Божію (Іоан. XII, 43). Служеніе общественному благу въ христіанскомъ пониманіи требуетъ самоотреченія и любви — это путь креста: служеніе благу въ смыслѣ независимой культуры щекочетъ гордыню и удовлетворяетъ природную злобу. Ради нея-то іудеи возненавидѣли свѣтъ, чтобы не обличились дѣла ихъ, потому что они злы (Іоан. III, 20). За это они и услышали Апостольское слово: «вамъ первымъ надлежало быть проповѣдану слову Божію, но какъ вы отвергаете его и сами себя дѣлаете недостойными

вѣчной жизни, то вотъ мы обращаемся къ язычникамъ» (Дѣян. XIII, 46). Кому должно опасаться примѣненія этихъ словъ въ наше время, когда не новое ученіе проповѣдуется, но самая жизнь обновилась настолько, чтобы опять возвратиться къ принятію евангельскихъ идей въ свое основаніе? Остерегаться должна православная Россія, чтобы въ этомъ нравственномъ обновленіи жизни не остаться позади, на блевотинѣ, отвергаемой лучшими людьми внѣшне-культурной безрелигіозности, дабы уподобиться іудеямъ не отверженникамъ, но тѣмъ двѣнадцати іудеямъ, которые покорили любовію міръ Христу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

* * *

Архіепископъ Никонъ (Рклицкій)

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ БЛАЖЕННѢЙШАГО АНТОНІЯ,
Митрополита Кіевскаго и Галицкаго

Томы I - X, 3263 стр. Въ этихъ книгахъ описываются многія стороны русской церковно-общественной жизни передъ революціей, въ періодъ революціи и въ эмиграціи. Книги вышли въ свѣтъ съ 1956 по 1962 г.г. Цѣна всѣхъ десяти томовъ — 35 долларовъ.

Въ дополненіе къ «Жизнеописанію» изданы:

Митрополитъ АНТОНІЙ: «Нравственныя идеи важнѣйшихъ христіанскихъ православныхъ догматовъ». . . . . . **3 дол.**

Митрополитъ АНТОНІЙ: «Ф. М. Достоевскій, какъ проповѣдникъ возрожденія» . . **3 дол.**

Всѣ 12 томовъ — 40 долларовъ.

Выписывать изъ склада изданія:

Diocesan Publishing House
1841 *Bathgate Ave.*
New York 57, *N. Y.*
U. S. A.

* * *

Цѣна $ 3.00

⁂

Printed in Canada
by
«MONASTERY PRESS»
Печатано в типографии
«МОНАСТ. ПЕЧАТЬ»

8601 Bloomfield Ave.
Montreal, Que.

Адресъ Издательства:

Diocesan Publishing House
1841 Bathgate Ave., New York 57, N. Y. U.S.A.